Э С Х И Л

ЭСХИЛ

(525—456 гг. до н. э.)

ACADEMIA
Москва — Ленинград

ЭСХИЛ

ТРАГЕДИИ

Перевод,
статьи и комментарии
А. И. Пиотровского

ACADEMIA
1937

ΑΙΣΧΥΛΟΥ

ΤΡΑΓΩΙΔΙΑΙ

Гравюры на дереве и переплет
Г. А. Ечеистова

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Не приходится обосновывать оправданность издания перевода полного Эсхила в условиях необычайного культурного роста трудящихся нашей страны. В дореволюционной литературе время от времени появлялись переводы отдельных эсхиловских трагедий и их собраний, но полного Эсхила наша литература никогда не имела. Нужно подчеркнуть, что почти все существующие переводы Эсхила малоудовлетворительны, да давно уже исчезли с рынка, стали библиографической редкостью.

Перевода «Орестеи» не появлялось с 1883 года, «Семи против фив» — с 1887 года, «Молящих» — с 1894 года.

Советский читатель, так жадно впитывающий великое культурное наследие прошлого, лишен, таким образом, до сих пор возможности знакомиться с великими твореньями одного из крупнейших гениев мировой драматургии, ее подлинного основоположника, который был в числе любимейших поэтов творца теории научного коммунизма — К. Маркса.

Изданием настоящей работы Academia делает первую попытку дать перевод всех произведений «отца трагедии», и тем самым восполнить зияющий пробел в нашей литературе.

Выпуская труд А. И. Пиотровского, редакция отдает себе полный отчет в его значительных дефектах.

Здесь местами и «вольное» обращение с греческим текстом, допущение ряда вульгаризмов, особенно там, где Эсхил заставляет героев говорить простым языком, иногда даже с грубовато-юмористическим оттенком; здесь и заметная тенденция к стилизации Эсхила под «народность» в противовес традиционному трагически-напыщенному высокопарному Эсхилу, каким он вошел в буржуазную литературу. Все это, разумеется, получит надлежащую критическую оценку, которая поможет преодолеть исключительные трудности, связанные с переводом творений гениального драматурга, и дать в будущем подлинного

Эсхила, величественно-цельного и свободного от какой бы то ни было ложной стилизации.

Нумерация стихов перевода слева относится к греческому изданию Виламовица и введена для приблизительной ориентировки в греческом подлиннике, насколько это можно было сделать в столь свободном переводе.

Нумерация же справа имеет в виду счет фактических стихов перевода.

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕАТР ЭСХИЛА

1

Когда Маркса спросили о поэтах, наиболее им любимых, он назвал Шекспира, Гете и Эсхила. А П. Лафарг свидетельствует: «Маркс читал Эсхила в греческом подлиннике и считал его и Шекспира величайшими драматическими гениями, каких только рождало человечество».

Для нашего читателя, в большинстве своем мало знакомого с поэтом, которого Энгельс именовал «отцом трагедии», такое пристрастие создателей философии пролетариата может показаться неожиданным. Но вероятно еще менее понятным станет оно для того, кто прочтет характеристику гения Эсхила в чрезвычайно обширной, посвященной ему буржуазной филологической литературе.

«Поэт-жрец», «иерофант Элевзинских мистерий», «темноречивый апостол рока», «суровый боец за старинную мораль афинской аристократии», «непримиримый ненавистник новизны» — с такими наименованиями вошел Эсхил в буржуазную историю литературы.

Предлагаемая книга, содержащая первый на русском языке полный стихотворный перевод творений Эсхила, должна, в меру сил переводчика, способствовать тому, чтобы поэтический облик отца трагедии предстал перед советским читателем возможно более правдиво и четко.

2

По довольно надежному античному свидетельству, Эсхил родился в 525 г. до н. э., т. е. за 15 лет до изгнания из Афин тиранов Писистратидов. Шестнадцати лет от роду он пережил демократическую революцию Клисфена. В возрасте 35 и 45 лет он участвовал в Марафонском,

Саламинском и Платейском боях против персов. На эти же, примерно, годы падают первые его поэтические победы. Около 456 г., в дни междоусобной битвы у Танагры, он умер.

Он жил, следовательно, в эпоху великих войн и великих переворотов. Век этот наполнен (в частности, в Афинах) кровавой и яростной борьбой против старинной власти наследственных родоначальников-«евпатридов». Внутри родовой, общинной собственности на землю вырастает частная собственность, неся с собой разделение труда, власть денег и угрозу кабалы для слабеющих членов рода. «Поскольку родовой строй не мог принести эксплоатируемому народу никакой помощи» (пишет Фр. Энгельс, «Происхождение семьи», V), это могло сделать лишь вновь возникающее государство. И оно действительно сделало это...» А опорой нового государства, его «народом» (понятие «народ» — «демос» впервые рождается в это время) был слой мелких свободных производителей, земледельцев, виноградарей, гончаров, кузнецов, мореходов, образовавший «экономическую основу классического общества» в послеродовую пору. Эти мелкие производители, составившие костяк греческого «полиса», были той силой, которая в социальных битвах VI века потрясла устои родового общества. Но возглавили эту борьбу представители землевладенья, ставшие на путь развертывания новых хозяйственных отношений, выросшие в вожаков колониальных походов, в организаторов и владельцев поместий, торговых факторий и рудников во Фракии, в Скифии, на Геллеспонте. Такими людьми был полулегендарный законодатель Солон и позднее Писистрат, в 551 г., опираясь на ополчения земледельцев-гоплитов, основавший в Афинах тираническую власть. Тирания Писистрата и Писистратидов не была государством родовой аристократии; это было одно из первых проявлений вновь складывающегося рабовладельческого общественного строя. Это вновь созданное афинское государство пережило жестокие социальные распри, приведшие в 510 г. к свержению тирании Писистратидов.

«Борьба партий продолжалась. «Благородные» пытались вернуть себе прежние привилегии, и на короткое время достигли преобладания, пока произведенная Клисфеном революция не низвергла их окончательно, а с ними и последние остатки родового строя» (Энгельс). Так основалось «народоправство» — «демократия» Афин. «Демократия» прошла через великие испытания первой трети V столетия, когда в опасных персидских войнах тяжело вооруженная пехота аттических земледельцев и вербуемые из ремесленников и рыбаков команды гребцов и матросов одержали всемирного значения победу, преодолев не только сопротивление неприятеля, но и предательство своих соотечественников из кругов родовой знати.

В Персидскую войну Афины вступили, еще едва выйдя из косной ограниченности родового строя. Но победоносно окончило эту войну афинское рабовладельческое государство, возглавившее союз рабовладельческих городов восточной части Средиземного моря.

Это историческое восхождение было в условиях рабовладельческого строя чревато жесточайшими противоречиями. Процесс распада родовой собственности, вызвавший к жизни слой свободных мелких собственников, образовавших, как сказано, животворящую силу новых «демократических» государств, с еще гораздо большей стремительностью выращивал крупную собственность, крупное рабовладение. В бесплодной конкуренции с трудом рабов на таких крупных предприятиях мелкие собственники разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам, исчезали как ведущая общественная сила, превращались в социальных паразитов и нищих. В борьбе с новыми хозяевами жизни, с негоциантами, ростовщиками, владельцами рабовладельческих мануфактур, оказывались отброшенными на задний план и те вожаки крестьянства, представители передовой некогда знати, которые в свое время возглавили борьбу против родового строя. Так развернулись ожесточеннейшие социальные распри, наполнившие собою всю историю развернутого рабовладельческого общества и приведшие Афины уже через 50 лет после побед у Марафона и Саламина к опустошительной Пелопоннесской войне, к разорению свободного крестьянства, к паразитическому загниванию общественного строя.

Но на рубеже VI и V веков, в пору персидских войн, обстановка была еще совсем иной. Яд рабского труда еще не успел подточить в это время рождающееся из косности родового строя «демократическое» государство. Пережитки простоты и прозрачности доклассовых общественных отношений, сохраняющаяся непосредственная связь с землей, с трудом, ощущение государства еще как целостного общественного единства — все это вносило в мировоззрение свободной части населения (речь идет все время только о свободных; отсюда ограниченность и противоречивость этого кратковременного расцвета) ясность, силу, чувство коллективизма, мужественный оптимизм. И вместе с тем формирование семьи, собственности, бывшей еще в значительной мере собственностью трудовой, высвобождение личности из стихийной связанности рода создавали плодоносные предпосылки для творческого расцвета человека, для взлета гуманистической культуры.

Эта эпоха была, — вспомним знаменитые слова К. Маркса об античном искусстве, — «детством человеческого общества, там, где оно развилось всего прекраснее» и которое «обладает для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень».

Через двадцать лет после смерти Эсхила руководитель афинской демократии Перикл в своей знаменитой на всю древность надгробной речи над афинскими воинами так передал существенные черты своей эпохи:

«Наш государственный строй называется демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве народа... Мы живем свободной политической жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью в повседневной жизни... Повторяющимися из года в год состязаниями и праздниками мы доставляем душе мно-

гообразный отдых от труда... Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности. Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах и заниматься делами государственными. Только мы одни считаем «бесполезным», а не свободным от занятий того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности» (Фукидид, II, 90).

Это было коротким и ясным утром рабовладельческой цивилизации. И это короткое лучезарное утро стало порой неслыханного ранее прогресса. В это время, — по словам Энгельса, — «занимается всемирная историческая заря. Из сумерек Востока выявилось светлое свободное эллинское сознание».

Замкнутый мир родовых общин рушится. Материальные и духовные силы общества стремительно и скачкообразно возрастают. Горизонты земли широко раздвигаются. В Черное море, в Индийский океан, к верховьям Нила проникают корабли греческих купцов и колонистов. За социальным переворотом следует великая и бурная идейная революция. Магическая культура родового общества пронизывается лучом пытливой и реалистической мысли. VI век и начало V века становятся в Греции порой расцвета философии, и притом философии стихийно материалистической и диалектической. В Афинах тех лет сходятся гениальный основатель математики Пифагор, великие физики Ксенофан, Парменид и Эмпедокл. Точные науки и техника делают скачок, небывалый и невозможный для прежних родовых эпох. Становится известным принцип сложных рычагов, сделавший, между прочим, возможной быструю постройку афинского флота; создаются первые географические карты; совершенствуются способы добычи и обработки металлов. Современник Эсхила Гекатей Милетский создает первое «описание земли». Главк из Хиоса изобретает чугун, а Рег из Фокиды — новый способ плавки бронзы. В эти же годы для облегчения мореплавания прорывается канал через Левкадский мыс. Афинские строители созидают невиданной ранее длины крепостные «долгие» стены, соединяющие Афины с морем. Пройдет всего несколько десятилетий, и в обстановке обострившихся противоречий рабовладельческого общества ищущая спасенья от надвигающейся социальной катастрофы мысль правящих афинских кругов создаст идеалистические и романтические философские системы Платона и Академии, выдвинет лозунги культурного опрощенья и возврата к примитиву старины в поздних комедиях Аристофана. Но сейчас, на рубеже V века, на заре рабовладельческой демократии, повторяем, еще все обстоит иначе. Освобождающийся из плена родового варварства человеческий разум гордится своей мощью. Ветер открытий и изобретений веет над эпохой. «Мы заставили все моря и все земли стать для нас доступными», сказал о своей эпохе Перикл (Фукидид, II, 40).

Не менее резкий скачок происходит в искусствах. Вновь слагающееся государство создает искусство, принципиально отличное от того, что создавалось в прежнем родовом обществе. Это искусство продолжает быть связанным с культовыми и родовыми тради-

циями, оно продолжает оставаться религиозным. Но оно становится народным и воспитательным. Хорошо передает политический смысл происшедшего переворота автор позднейшего аристократического памфлета, трактата о «Государстве афинян»: «Народ прогнал мастеров в искусствах и гимнастике, желая сам упражняться в гимнастике и искусствах».

Перелом этот ярко проявляется в изобразительных искусствах, которые стремительно расцветают в Афинах, отстраивающихся и украшающихся после персидского разоренья. Впервые в истории пластические искусства служат задачам украшения человеческого общежития, украшения создающегося «города-государства». В противовес магически-условной абстрактности позднеродовой архаики слагаются элементы реалистической архитектуры, скульптуры и живописи. В начале V века, в годы постановки первых трагедий Эсхила, создаются такие шедевры монументально-реалистического стиля, как статуи «тираноубийц Гармодия и Аристогитона» и фронтоны Олимпийского храма. Полные правды, жизни и силы образы мужчин-борцов и девушек-танцорок и бегуний, образы счастливой молодежи демократического «города-государства» возникают теперь в мраморе и бронзе. Но пройдет всего несколько десятилетий, и эти образы приобретут черты идеалистической отвлеченности и академической холодной красоты, черты того канонически-«классического» стиля, который прославлен буржуазным искусствоведением как вершина античной пластики и который является на деле современником и выразителем начавшегося загниванья рабовладельческой цивилизации. Но Афины, победоносно окончившие персидские войны, еще далеки от этого классического канона. Из ритуальной скованности архаики в это время вырастают черты часто еще примитивного, тяжеловесного, связанного, но наблюдательно и смело схваченного человеческого движения и человеческого характера.

Но, пожалуй, наиболее мощным выразителем художественной культуры века становится искусство, вырастающее из празднеств нового государства. Это и есть искусство театра, повторяем, впервые рождающееся в эту эпоху. Как гласит античное свидетельство, Писистрат ввел в Афинах празднества Великих и Сельских Дионисий. Строитель нового афинского государства стремился, очевидно, противопоставить замкнутым и кастово обособленным торжествам родовой аристократии (как Олимпийские игры, например) новые «демократические», народные празднества. И основой этих празднеств делается старинная земледельческая обрядность Диониса, становящаяся теперь, с огромным возрастанием в новом государстве политического значения земледельцев-гоплитов, государственной обрядностью. Торжественные жертвоприношения, дневные и ночные процессии с перенесением поставленного на украшенную повозку кумира бога, соревнование граждан в военных упражнениях, в факельном беге, в пляске и в хорических искусствах были обязательной частью этих празднеств Диониса. А сердцем их скоро стало исполнение дионисических представлений выставляемыми от-

дельными филами (родами) города Афин хорами празднующих граждан. Так складывалась «комедия» — дословно «сельская песня» или «песня гуляк» — и «трагедия» — «песня козлов».

Не останавливаясь на очень темном вопросе о «происхождении трагедии», напомним только, что, как говорит Аристотель, «трагедия возникла из хоров сатиров» и, по другому свидетельству того же Аристотеля, «пошла от запевал дифирамба». Оба свидетельства говорят в сущности об одном, т. е. как раз о рождении трагедии из земледельческих культовых игр, из земледельческой обрядности. Но не забудем, что внутри родовой общины земледельческая обрядность существовала веками, а театра не создала. Понадобился взрыв этого родового строя, понадобилось возникновение демократического города-государства, чтобы из земледельческих игр родовой общины выросло связанное с традициями этой родовой культуры, в значительной степени еще существующее в формах родовых культов, но тем не менее качественно уже совсем новое искусство — искусство драмы и театра.

Как утверждают античные документы, в 534 г. некий Феспид впервые поставил на афинских празднествах Великих Дионисий трагедию. А в 508 г., сейчас же после изгнания тиранов Писистратидов, иждивение трагических представлений уже взял на себя город. Трагедия быстро делается ведущим искусством эпохи и становится в центр той страстной политической и идейной борьбы, которая потрясает Афины на рубеже VI и V веков. О некоторых этапах этой борьбы, связанных с именем одного из родоначальников трагического театра, поэта Фриниха, мы расскажем ниже (см. предисловие к «Персам»). А в 500 г. на орхестру трагических состязаний выходит тот, кому суждено было поднять простоватую «песнь козлов» до высоты мирового искусства: выходит Эсхил.

3

Биографические сведения об Эсхиле, как и о большинстве античных поэтов, скудны и овеяны легендой. Но мы знаем, что он происходил из знатной землевладельческой семьи и был родом из соседнего с Афинами Элевсина. Приморский городок этот, лежащий на большой торговой дороге из Афин в Мегару и Коринф, был одним из наиболее оживленных поселений Аттики и шел впереди того социального переворота, который превратил отсталую Аттику в гегемона античной цивилизации. Самое происхождение, следовательно, выдвигало Эсхила в ряды той передовой знати, которая возглавила историческое восхождение Афин на рубеже VI и V веков. Самое происхождение подготовляло в Эсхиле бойца за новое афинское государство в войне против персов. И, действительно, не только сам Эсхил, но и его родные со славой вписали свои имена в историю персидских войн. Один из братьев поэта, Кинегир, отмечен Геродотом: в сражении у Марафона он пытался силой удержать персидский корабль и был убит. Другой брат, Аминий, стал легендарным ге-

роем Саламинского боя. Надгробная надпись над могилой самого Эсхила, величайшего из трагических поэтов, ни словом не упоминая о его поэтическом гении, со скромной гордостью говорит лишь об одном:

Здесь похоронен Эсхил, афинянин, Эвфориона
Сын. В сицилийских полях, в Геле нашел он конец.
Славит отвагу его Марафонская шумная роща,
Перс длиннокосмый узнал бранную силу его.

После разгрома персов у Саламина и Платеи Эсхил несомненно участвовал в фракийских походах, следуя за отступавшим неприятелем. Знакомство поэта с современной ему вселенной расширили двукратные путешествия в Сицилию, в западную столицу тогдашнего греческого мира — Сиракузы. В этом быстро расцветавшем морском и торговом городе, при дворе тирана Иерона, слагался второй (наряду с Афинами) политический и культурный центр античной рабовладельческой цивилизации, там рос и театр, для которого Эсхил поставил (около 470 г.) специально написанную трагедию «Этниянки».

Становится понятным, что боец и политик с такой биографией мог подняться многими головами выше своего социального круга, мог говорить именем народа афинян. Почему он мог стать великим преобразователем искусства, мог стать создателем трагедии. Но мы уже отмечали, что слои передовой знати, к которым принадлежал Эсхил, в развитии афинской истории довольно быстро оказались отодвинутыми от командных высот более радикально настроенными, более независимыми от земли и родовых традиций людьми заморской торговли, ростовщического капитала и рабовладельческих мануфактур. Политические друзья Эсхила очень скоро после победоносного окончания персидских войн попадают поэтому в положение оппозиции к развитию исторического процесса. Это положение постепенно отражается и на Эсхиле. Мы знаем (правда, из очень сбивчивых источников) о целой цепи падающих на 70-е и 60-е годы столкновений поэта с правящими кругами родного города. Рассказывают о судебном процессе, возбужденном против Эсхила, якобы за разоблачение мистериальных таинств, о том, что поэт должен был искать спасенья у алтаря бога Диониса. Рассказывают о ряде поражений, понесенных стареющим поэтом в соревновании с более молодым противником, Софоклом. Все это — легенды или полулегенды, из которых проступает, однако, одна несомненная истина: последние десятилетия своей жизни Эсхил прожил во все возрастающем разладе с историческими тенденциями современной ему действительности. Не случайно и умер он, боец у Марафона и Саламина, на далекой чужбине, почти в изгнании, в сицилийской Геле, одиноким, пережившим свое время семидесятилетним стариком. Легенда рассказывала, что пролетавший в небе орел выронил из когтей черепаху, которая, падая, проломила темя гревшемуся на солнце дряхлому поэту.

В десятилетия, последовавшие за смертью Эсхила, политическая

оппозиционность друзей и единомышленников поэта продолжала быстро и резко возрастать. Борьба их против торжествующей демократии становилась все более яростной. При этом имя ставшего классическим поэта все более делалось идейным знаменем в этой борьбе. В комедии Аристофана «Лягушки» нам сохранился любопытнейший образчик этого полемического использования славы старинного поэта. В комедии этой, поставленной в 405 г., Аристофан, пытаясь бороться с идеями радикально-демократического просвещения, противопоставляет идеологу «демократии», трагическому поэту Еврипиду, образ Эсхила как носителя старинной мудрости золотого века аристократических Афин. Исключительно яркая и красочная, насквозь полемическая характеристика Эсхила у Аристофана в огромной степени содействовала закреплению за отцом трагедии славы прославителя старины.

Но не забудем прежде всего, что то, как воспринимался Эсхил в изменившейся социальной обстановке, через полстолетия после его смерти, идеологами реакционных общественных групп, и то, чем объективно был Эсхил для своего времени, — далеко не одно и то же.

Помня об этом, вглядимся в существо и основу творческого дела поэта, бывшего другом Пифагора и Ксенофана, современником создателей афинского флота, Левкадского канала и скульптур Олимпийского храма.

Сюжетами трагедий Эсхила, как и всего греческого трагического театра, в огромном большинстве служили, как известно, религиозные сказания и героические легенды мифологии. Это объяснялось культовым происхождением трагедии, как и всего античного искусства, по отношению к которому, по словам К. Маркса, «мифология составляла не только арсенал, но и почву».

Но, восприняв мифологические сюжеты из поэзии родовых эпох, по преимуществу из поэзии эпической (Эсхил справедливо именовал свои трагедии «крохами с пиршественного стола Гомера»), заново складывающееся искусство трагического театра, — искусство городов-государств, — по-новому переосмысливало сюжеты старинных сказок, влагая в них боевое и глубоко актуальное политическое, философское и моральное содержание. Не случайно делались, по преимуществу на заре становления трагического театра, попытки создания трагедии, и по сюжету своему не мифологической, а злободневно политической («Взятие Милета» и «Финикиянки» Фриниха, «Персы» Эсхила). Как мы постараемся показать в дальнейшем (предисловие к «Персам»), принципиального различия между трагедиями «злободневными» и мифологическими не было. «Историческая» тематика трагического театра не получила развития. Сам Эсхил после «Персов» не писал уже более «исторических» трагедий. Все последующие его творенья — по сюжету своему «мифологические». Но мифологические сюжеты содействовали тому, что актуальные идеи и образы выступали в них освобожденными от случайностей и мелочей быта, обобщенно-подчеркнутыми, пафосно-приподнятыми. Мифологические сюжеты придавали идейному пафосу трагедии монумен-

тальность и народновоспитательную мощь. Но они, по крайней мере в творчестве Эсхила, ничего не отнимали от боевой направленности трагического театра. Энгельс имел поэтому все основания назвать Эсхила «явно выраженным тенденциозным поэтом» (письмо к Минне Каутской).

Но каковы же были эти тенденции?

Когда стремишься раскрыть живой смысл, облеченный старинным поэтом в одежды культовой, мифологической сказки, становится неопровержимо ясным: основные и существеннейшие идеи нового века, века становления нарождающейся цивилизации рабовладельческого государства — вот что двигало и вдохновляло творчество Эсхила. Возьмем первую из сохраненных трагедий его, «Персы» (пост. в 472 г.). Прославление нового афинского государства, прославление государственного идеала новых Афин, победоносно сокрушивших натиск азиатского варварства, — вот тема этого эсхиловского творения. Та же тема нового национального государства, тема родины, государственного патриотизма и патриотической доблести, лежит (как мы постараемся подробнее доказать ниже, стр. 119) в основе эсхиловской трагедии «Семь против Фив» (пост. в 467 г.). И не забудем, что в эпоху Эсхила это была новая тема, как новым было и само понятие государства, вырастающего на рубеже VI и V веков из обломков родового строя. Против пережитков родовой разобщенности, родового сепаратизма в сознании людей его поколения стремится бороться Эсхил в своей фиванской трагедии, проникнутой, как сказано у Аристофана, «духом Ареса». Вместе с новым, основанным на частной собственности государством, рождалась и крепла новая, основанная на новом для эпохи патриархальном праве, парная семья. И вот прославлению и утверждению новой морали этой семьи посвящает Эсхил свою трагедию «Молящие», всем пафосом своим направленную против традиций родовой семейной морали, против традиций кровнородственной семьи. Эти устои нового семейного права стремится поэт утвердить на всем протяжении своего творческого пути, посвящая им в последней из трагедий своих, в «Евменидах», торжественные слова:

Судьба хранит мужчины брак и женщины
Священней, чем присягу. Правит Правда им.

Да и вся завершающая жизненное дело поэта трилогия его «Орестея» (пост. в 458 г.) есть в какой-то мере, как формулирует (вслед за Бахофеном) Ф. Энгельс, — «драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и вырастающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом». Мощнее и красноречивее, чем когда-либо ранее, прославил Эсхил в этом предсмертном своем творении силу и славу афинского государства, его законов, его судов. Человеческий суд, суд, созданный молодым государством, оказывается единственно правомочным и властным разрешить тяжбу богов. И приговор человеческого суда наносит удар старинной родовой морали, объявляя недействительным один из важнейших правовых институтов этой морали — право и

долг кровавой мести. Кровную месть родичей заменяет государственный суд, берущий на себя защиту своих сочленов и возмездие за пролитую кровь.

Так утверждается и прославляется новая мораль. А в трагедии «Прометей« Эсхил утверждает и славит новую науку, выведшую человечество из «плесени пещер» к «познанию чисел», к «сложению букв», к искусству обработки руд и строительства кораблей. В предисловии к этой трагедии мы постараемся показать, в какой мере пафос изобретений и открытий, окрыливший эпоху молодости Эсхила, совершенно конкретно вдохновил поэта на этот единственный по силе в мировой литературе гимн во славу человеческого разума и дерзания.

Разумеется, перечисленные тенденции и темы предстают перед нами в творчестве Эсхила отнюдь не в форме связной, последовательной, а тем более рассудочно изложенной доктрины. Поэт связан мифологическими и культовыми формами своих творений. Он еще более связан противоречивостью своего мировоззрения. Страстный боец против пережитков родовой старины, Эсхил сам еще в значительной мере стоит в кругу традиций, представлений и верований родового строя. Политические судьбы Афин, ставившие поэта в оппозицию к упомянутым выше тенденциям развития афинской истории, вносили еще более противоречивости и сложности в идейные установки эсхиловского театра. Но эта обусловленная эпохой промежуточность исторических позиций Эсхила не может и не должна затемнять основного и главного. Великая мощь, пафос, титаническая сила гения Эсхила основываются в первую очередь на том, что в творчестве своем отец трагедии был провозвестником новых, освобождающих идей, новой цивилизации, был бойцом против пережитков родового варварства. Он был им в такой же мере, как другой великий драматический гений, Шекспир, был в основном и главном поэтом восходящей гуманистической, ренессанской культуры и бойцом против ночи средневековья.

Эта направленность творчества Эсхила станет еще яснее, если мы хоть коротко вглядимся в идейную окрашенность отдельных хоров, монологов, образов, сцен эсхиловского театра. Нас сейчас же поразит, с какой огромной жадностью пользуется Эсхил каждой возможностью, чтобы вложить в свои трагедии знание о мире, о человеческом обществе. Трагедии Эсхила полны подробных географических описаний, полны рассказов исторических, или кажущихся Эсхилу историческими. Подробную географию Греции считает Эсхил необходимым сообщить в «Агамемноне». Географию (поневоле немного сбивчивую) всей известной древнему миру вселенной передает он в «Прометее». История персидского государства излагается в «Персах». Да и не перечислить всех тех случаев, когда Эсхил стремится насытить свои трагедии энциклопедическими знаниями эпохи. Трагедии эти также полны точнейших изображений человеческих профессий и ремесл, в первую очередь ремесла морехода и воина. Исключительно важна полемика против власти денег, которую последовательно ведет Эсхил. Он не устает про-

клинать тех, кто «через верх добром наполнил высокий дом» («Агамемнон»). Мотивы вражды к власти золота и денег глубоко характерны для многих величайших поэтов античности, и мы вправе видеть в них, и в поэзии Эсхила, более всего, может быть, отзвуки той народной ненависти к ростовщичеству, о которой говорил, применительно к античному миру, Маркс. Эсхил выступает как зоркий и верный сын того «античного общества», которое «поносит деньги, как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни» (Маркс, «Капитал», I, 80).

Эсхил, конечно, мыслил глубоко религиозно. Аристофан имел право в своих «Лягушках» сказать про старого поэта, что «матерь Деметра вскормила его разум». Но не в меньшей степени, чем родовая религия, гигантский разум Эсхила воспитала также и современная ему философия великих ионийских физиков и диалектиков. Современник грандиозных исторических переворотов, Эсхил не устает говорить о преходящем, текучем характере мировых явлений. «Погибло царство Урана, погибло царство Крона», — повторяет он не раз. Эсхил не устает славить величие человеческого «смысла», противопоставляемого им «темной страсти». Вот почему и верховный бог Зевс приобретает в творениях поэта черты новые и высокие. «Зевс не сходит в битву», — говорит Эсхил, утверждая образ, противоположный гомеровским богам, вступающим в поединок со смертными.

Зевс — верховный разум мира, независимо от его культового имени:

И, кто б ты ни был, властный бог,
Если хочешь зваться: Зевс,
Величаю: Зевс — тебя.

(«Агамемнон»)

Зевс велик тем, что «через страдания ведет человечество к смыслу».

Эта защита гегемонии познания и смысла близка к современным поэту великим натурфилософским системам; но она очень далека от того пафоса мистического исступления и эмоционального экстаза, которым отмечены поздние творения последнего из греческих трагиков, Еврипида, — его «Ифигения» и «Вакханки» (пост. в 405 г.). В том-то и дело, что прогресс афинской культуры в V веке далеко не во всех отношениях был действительно «прогрессом».

И тут мы переходим к одному из существеннейших моментов в идеологии эсхиловских трагедий. Широко распространено убеждение в том, что античная трагедия движется идеей рока. И вот, как это ни поразительно, мы напрасно стали бы искать у отца трагедии, у Эсхила, понятия «рока» как силы, без вины и катастрофически уничтожающей человека. Напротив, Эсхил неустанно подчеркивает значение вины в человеческой судьбе. Вина неизбежно вызывает возмездие. «Совершивший терпит», — постоянно повторяет Эсхил. Повинен в неразумном высокомерии и

жестоко наказан персидский царь Ксеркс. Повинна в пролитой крови и терпит возмездие Клитемнестра. Повинен и наказан Лаий. Правда, представление Эсхила о вине и возмездии — отнюдь не представление уголовного суда. Традиция мышления родовой эпохи заставляет Эсхила мыслить род и народ как целостное существо, в целостности своей отвечающее за вину своего сочлена. Дети виновны в преступлениях отцов. Эдип отвечает за грех отца своего Лаия. Агамемнон отвечает за грех Атрея. Персидский народ повинен в преступлениях царя Ксеркса. Ища в цепи вины и возмездия объяснения великих исторических катастроф, современником которых он был, Эсхил вполне религиозно и иератически толкует понятие «вины». Так возникает в его творчестве образ «Аластора», демона возмездия, гнездящегося в доме, запятнанном пролитой кровью, и карающего потомков убийц и народ преступного царя.

И все же бесспорно одно: стремление связать виной и возмездием судьбу отдельного человека, целого рода и целого государства явилось у Эсхила проявлением некой требовательной и суровой «пуританской» морали восходящего общества, явилось реализацией часто темных, косноязычных, но титанических попыток понять и объяснить законы движения и изменения всего сущего. И это менее всего было проявлением ужаса перед неотвратимым и слепым роком, без вины губящим человека, род и государство. «Аластор» — не без вины губящий рок, а неотвратимое и суровое возмездие.

Только много позднее, в пору начавшегося катастрофического распада города-государства, в творчестве Софокла, например, рок стал подлинно суверенной и движущей силой трагедии. И в своем поставленном через полстолетия после Саламинского боя «Царе Эдипе» Софокл воздвиг несравненный по сумрачной силе памятник этому слепому, без вины губящему року.

Но в эпоху Эсхила и в творчестве Эсхила положение было еще совсем иным.

Замечательные слова Маркса о том, что «великие греческие поэты изобразили неведение в виде трагического рока», из всех античных трагиков менее всего относятся к Эсхилу. Эсхил поневоле мало знал о законах, движущих миром и людьми, но он стремился знать много и был свободен от страха.

А это значит, что мы отнюдь не можем прямо переносить на творчество Эсхила то понятие о «трагическом», как оно сложилось в мировой эстетике на основании главным образом софокловского трагического театра.

Понятие о трагедии как о театральном жанре, раскрывающем катастрофическую и безвинную гибель героя в столкновении с абсолютными началами мира, неприложимо к театру Эсхила. Театр этот не знает даже того, что называется «трагической развязкой». Как известно, Эсхил создавал не отдельные трагедии, а связанные единством сюжета и концепции трилогии (или, считая четвертую «сатировскую» часть, — тетралогии). Лишь в творчестве Софокла отдельная трагедия стала самостоятельным

и самоценным эстетическим объектом. Это было связано с ростом драматических элементов в трагедии, о котором мы скажем ниже. Но в том-то и дело, что различие между трагической трилогией Эсхила и замкнутыми трагедиями Софокла (и вслед за ним — Еврипида) — вовсе не только конструктивное. Здесь — различие в мировоззренческой направленности. Сравним, например, посвященные теме «Мести Ореста» творения Софокла и Эсхила. Сохраненная нам «Электра» Софокла завершается кровавым убийством Клитемнестры и Эгисфа. А эсхиловская «трилогия об Оресте» проводит нас через поединки, через месть, через гибель, чтобы в третьей, завершающей части, в «Евменидах», лишенных каких-либо «трагических» перипетий, в тонах светлых и праздничных прославить благость и счастье нового миропорядка. Подобным же образом завершались (поскольку мы можем судить) и другие, полностью нам не сохраненные эсхиловские трилогии: и трилогия о Данаидах, заканчивавшаяся утверждением новой семьи Гипермнестры и Линкея, и трилогия о титане Прометее, третья часть которой была посвящена установлению культа демона, подарившего человечеству огонь. А то, что шесть из семи сохраненных нам эсхиловских трагедий завершаются сценами скорби и надгробным плачем, объясняется тем, что трагедии эти занимали некогда в трилогиях места первой или второй части. Трилогия Эсхила есть, таким образом, по самому существу своему утверждающий, в высоком смысле слова оптимистический вид искусства. Этот оптимизм — не плоского и поверхностного свойства. Мыслитель, как Эсхил, понявший неизбежность вечного гераклитовского движенья мира, не мог быть плоским оптимистом. Зоркий взор гениального поэта рано стал различать тени сумрачных противоречий, очерняющих лучезарное утро эллинской государственности. Тени тягостных раздумий здесь и там лежат поэтому на его трагедиях. И все же создатель «Орестеи» продолжал верить в осмысленность и правду государственного порядка. Его оптимизм был оптимизмом тех людей, о которых замечательно сказал в приведенной уже нами надгробной речи Перикл: «Самые сильные люди, это те, кто вполне отчетливо знает и ужасы и сладости жизни и при этом не отступает перед опасностями». И драма, которую Эсхил создал, это не драма рока и гибели, а драма, раскрывающая в напряженном столкновении огромных народных, государственных, космических идей и сил конечное торжество жизнеутверждающих мирообразующих начал.

Жизнеутверждающий исход трагической трилогии был в какой-то мере задан Эсхилу ритуалом того земледельческого обрядового действа, которое было дотеатральным предшественником трагедии. Это действо, прославлявшее воскресение, возрождение плодоносящего божества, после обязательного плача над погибшим «старым богом» завершалось величаньем, торжеством в угоду богу новому. Отчаяние и перелом к ликованию были заданы этой исконно-древней мистерией. Но Эсхил не просто сохранил ритуальную структуру мистериального действа родовой орды, — он насытил ее жизнеутверждающим, социально-оптимистиче-

ским смыслом своего нового театра, театра восходящего общества. А трагедия о завершающей катастрофической и неотвратимой гибели, повторяем, родилась на почве греческого театра только тогда, когда леденящее дыхание социальной гибели стало явственно ощущаться самими творцами этого театра, современниками начала загнивания античной цивилизации. Такую трагедию создал Софокл.

4

Подняв вопрос о трилогии, мы уже вплотную подошли к стилистике эсхиловского театра. От театра этого сохранено нам, как известно, семь трагедий и несколько сот отрывочных цитат. Это всего лишь ничтожная часть поэтического наследия Эсхила, создавшего за свою долгую жизнь двадцать тетралогий, т. е. восемьдесят трагедий и сатировских драм. Но и дошедшие до нас семь трагедий, падающие на различные годы жизни поэта, позволяют судить не только о трагическом стиле Эсхила, но и о развитии этого стиля.

Стилистическое различие между стариннейшей из сохраненных эсхиловских трагедий, поставленными в 472 г. «Персами», и предсмертной «Орестеей (458 г.) очень велико. И то, что «Персы» созданы уже более чем пятидесятилетним поэтом, доказывает, как напряженно, уже в годы старости, перестраивал Эсхил свое искусство и какой, очевидно, долгий путь прошло его творчество еще до «Персов». Этот путь шел от дотеатрального лиро-эпического действа к развернутому искусству драмы. Поэтический труд Эсхила предстает перед нами в этом смысле как титанический, первый в человеческой истории опыт создания технологии и стилистики драмы — как нового вида искусства. В сжатых, но веских словах об этой созидательной роли Эсхила говорит в своей «Поэтике» Аристотель: «Эсхил увеличил число актеров с одного до двух, уменьшил значение хора и дал преобладание диалогу». Это означает, что он создал драму из того, что драмой еще не было. Предшественницей эсхиловской трагедии была, как сказано, земледельческая ритуальная драма, в обрядовых процессиях и магических действиях, в песнях и плясках родовой орды маскированного хора — представлявшая гибель «лета», «дня» «урожая», «бога плодородия» и рождение нового «урожая», «дня», «бога». Непременными ритуальными звеньями этой древней культовой драмы были, насколько мы можем судить, «процессия с идолом бога», «жертвоприношение» («кормление богов»), «спор» между богом старым и новым, «френос» — заупокойный плач над погибшим божеством, «перипетия» — поворот от плача к торжеству и, наконец, прославление нового божества, сопровождавшееся величаньем в блеске праздничных факелов и смоляных костров. Пляска, обрядовое движение, лиризм хоровых песен, эпос повествований — вот стилистические элементы этой культовой драмы. Культовые элементы эти легли, театрально преображенные, в основу древнегреческой хороводной комедии, вплоть до

творчества Аристофана, сохранившего все следы своего ритуального происхождения.

И в трагедии, как ее создал Эсхил, все эти ритуальные элементы явственно видны. И поразительно искусство, с которым поэт шаг за шагом выковывал из них технику драмы.

В каждой эсхиловской трагедии мы найдем обрядовые «жертвоприношения», «процессии», «погребальный плач». «Шествие с факелами» обязательно в заключительной, третьей части каждой трагической трилогии. Мы имеем его в «Евменидах». Мы о нем догадываемся в финале трилогий о Данаидах и Прометее. Появление героя на колеснице (пережиток процессии с кумиром бога) находим в «Персах», в «Молящих», в «Агамемноне». Но стоит, например, сравнить внешне-процессийный въезд колесницы царя Даная в ранней трагедии «Молящие» с исполненным огромной драматической силы возвращением царя Агамемнона, по пурпурным коврам шествующего навстречу гибели, в «Орестее», чтобы убедиться, как учился поэт использовать в целях трагического напряжения ритуальный элемент — «въезд героя на колеснице». Величественный однообразный поминальный плач в финале «Персов» и напряженно-драматическая сцена надгробного рыдания хора в «Жертве у гроба» — другой пример такого же драматического осмысленья ритуальных элементов.

В центре всех ранних трагедий Эсхила — хор. Составленный из представителей одинаковой половой или возрастной группы, — из «девушек», из «стариков», из «вдов», — хор явно обнаруживает свое возникновение из быта родовой общины. Хор и ответчик (актер, «ипокрит»)— вот чем (как об этом свидетельствуют приведенные нами слова Аристотеля) располагала трагедия до Эсхила. В ранних трагедиях Эсхила мы имеем уже двух актеров. Преобладающая роль хора неоспорима, однако, и в «Персах», и в «Молящих», более чем наполовину заполненных лирическими песнями. С выхода хора, с «парода», начинается каждая из этих трагедий. Хору принадлежат здесь не только «стасимы», т. е. антрактовые песни в промежутки между «эписодиями» — действиями актеров,—но и сами сцены действия, построенные на сложном чередовании реплик актеров и ответных песен и плясок хора (коммос). Начиная с трагедии «Семь против Фив», Эсхил уже предпосылает «пароду» хора актерский «пролог», дающий драматическую экспозицию. Это свидетельствует о росте значения актеров, число которых оставалось, однако, в «Семи против Фив» и в «Прометее» ограниченным двумя. Только в «Орестее» Эсхил пользуется (как гласит античное свидетельство — по примеру младшего поэта Софокла) тремя актерами.

Это значит, что на орхестре теперь могли одновременно находиться три действующих лица. Но общее число персонажей могло быть и больше, так как каждый актер, играя в маске, мог исполнять несколько ролей. Все же больше шести персонажей мы в эсхиловских трагедиях не встречаем, так же, как не находим нигде одновременно трех действующих лиц (считая даже в этом числе корифея хора). Диалог ведут только

двое. Единственное исключение во всем трагическом театре Эсхила — это реплика Пилада, в качестве третьего участника диалога, напоминающего Оресту об его долге убить мать. Но эта исключительность только подчеркивает важность и драматическую весомость этой короткой реплики.

Очевидно, раскрывать сюжет в драматическом действии, «показывать», а не «рассказывать», — было в таких условиях делом исключительно трудным. В ранних трагедиях Эсхила драматическое развитие сюжета в основном опирается поэтому на условность, которую представляла собой трилогическая форма. Каждая из трагедий в ранней трилогии «о дочерях Даная» является как бы «точкой» в развитии драматического сюжета. Действие предполагается происходящим в промежутке между отдельными трагедиями (см. предисловие к «Молящим».) Только сочетанье трех трагедий, трех «точек», дает в совокупности своей линию драматического сюжета. И уже совсем иначе строит Эсхил свои поздние трилогии. В «Орестее» все драматическое действие заключено в самих трагедиях. На промежутки между ними падают только события мало значительные (см. предисловие к «Орестее»). Так крепла и вызревала отдельная трагедия как самостоятельная драматическая форма. Замена трилогии замкнутой трагедией была, однако, как мы уже говорили, вопросом не только техники, но и мировоззрения, и Эсхил оставался верен трилогическому принципу до конца своей жизни. Но не только трилогия в целом составлена из трех трагедий. Каждая трагедия в отдельности явственно распадается на три звена. Эта троичность особенно наглядна в ранних эсхиловских трагедиях. В «Орестее» — композиция уже значительно гибче, разнообразнее и сложнее.

Не следует, однако, думать, что уже в ранних трагедиях Эсхила элементы драматического раскрытия сюжета полностью отсутствовали. Поэт стремился достигнуть драматической силы на путях порой примитивных, но монументальных контрастов. Противопоставление трепещущих девушек Данаид и зверски грубого глашатая Египтиадов (в «Молящих»), противопоставление непреклонного титана Прометея и робких Океанид или сумрачного Этеокла и перепуганных фиванских женщин — вот примеры таких монументальных контрастов, которыми изобилуют трагедии Эсхила. Контрастными по отношению друг к другу были и отдельные трагедии внутри трилогии. Мы наглядно видим это на примере «Орестеи», все три части которой различны по эмоциональной окраске (см. предисловие к «Орестее»). Элементы контраста заключались и в введении в мир величавых трагических героев и богов также и персонажей сниженных, комических. Таковы глашатай в «Молящих», дозорный и няня в «Орестее». Но эти комические персонажи, ведущие свое происхождение еще от дотеатральной «смешанности жанров» в древнем ритуальном действе, не получили развития в дальнейшем развитии трилогии. Пределы действия комических элементов были ограничены четвертой частью тетралогии — «сатировской драмой».

Другим могучим орудием драматического действия было драматиче-

ское нарастание. Пример его есть уже в наиболее ранней из сохраненных эсхиловских трагедий, в «Персах», где постепенно от рассказа вестника через пророчество призрака Дария до появления самого царя Ксеркса с разбитым войском нарастает трагическая тревога и скорбь. Но сильнейшее орудие драматического стиля —перипетия, драматический перелом действия, переход от радости к печали и от печали к радости, как определял перипетию Аристотель. Зерно драматической перипетии, как сказано, таилось уже в культовом действе, предшествовавшем трагедии. Уже там перелом от плача над погибшим божеством к величанью божества воскресшего, нового — создавал драматический узел. Эсхил мощно развил и усилил перипетию, сделав ее основным средством драматизма.

Еще почти вовсе нет перипетии в «Персах». В остальных ранних трагедиях перипетия еще очень угловата и примитивна. Резко, угловато меняется линия действия в «Молящих», в «Семи против Фив». Вдруг происходит перелом от печали к радости, и наоборот. Неожиданно, «вдруг», переубеждают Данаиды аргосского царя. «Вдруг» принимает Антигона решение похоронить Полиника. Но уже совсем не то в «Орестее». В итоге напряженного словесного поединка подчиняет Клитемнестра царя своей воле. Многообразно колеблется победа в столкновении Клитемнестры с хором. Сложно подготовляется решение Ореста убить мать, и сложно нарастает его безумие. В «Орестее» поэт учится строить искусные перипетии, дорожит этим новозавоеванным умением и широко пользуется им.

Лиризм и эпическое повествование тем не менее долго оставались важнейшими художественными средствами поэта. Техника того и другого искусства была и ранее превосходно разработана в гомеровской поэзии и в хоровой лирике. Почти гомеровской точностью и конкретностью описания обладают такие, например, эпические куски эсхиловских трагедий, как описание Саламинского сражения в «Персах». Но важнее другое. Исключительно любопытно наблюдать, как Эсхил стремится превратить старинный лиризм и традиционное мастерство повествования в орудие драматического стиля, пытается заставить их служить новому слагающемуся искусству театра.

«Описание через перечисление» — вот один из древнейших приемов фольклорной эпической поэзии. Блистательного развития достигает прием этот в Гомеровой «Илиаде» с ее знаменитым «каталогом кораблей», с ее звучными перечнями ахейских и троянских героев, участников сражений и поединков. Но Эсхил в «Персах» не просто перенял этот прием. В начале трагедии мощь персидского войска дана чрез перечисление звучных, экзотических имен персидских военачальников. Целый каталог диковинных и торжественных названий проходит перед зрителями: Артембар, Артафрен, Ариомард, Масистр. В описании поражения персов у Саламина перед слушателями во второй раз проходит тот же длинный каталог экзотических имен. Но сейчас это имена мертвецов. И в третий раз, в погребальном рыданьи, заканчивающем трагедию, перечисляются

все те же — Артембар, Артафрен, Ариомард, Масистр... Контрастно изменяя эмоциональную краску перечисления, Эсхил превращает эпический рассказ в средство драматической техники, строя на этом троекратном контрастном повторении драматическую композицию своей трагедии.

Замечательный пример драматизованного эпоса находим и в «Семи против Фив». Всю середину этой трагедии образуют семь пар повествовательных речей фиванского лазутчика и Этеокла. Перечислены шесть из семи фиванских ворот. Названы шесть пар имен героев. И тут наступает та трагическая вершина, к которой весь предшествующий обмен речами был только развернутым подступом. Называется неприятельский полководец, идущий на приступ к седьмым, последним воротам города. Это сам Полиник, брат царя Этеокла. Мечи трагического поединка скрещиваются. Семь пар симметричных по смыслу и построению речей, общей длиной почти в четыреста строк, — казалось бы, что может быть менее драматичным? Но ведь каждая новая пара речей, каждое новое имя полководца, название каждых ворот приближает нас к роковым седьмым воротам, к кровавому поединку братьев. Эпос становится трагедией, но трагедией своеобразной, еще отягощенной медлительностью архаических ритмов, еще скованной тяжеловесной симметрией архаики.

Или сцена убийства Агамемнона. Эсхил не показывает убийства. Об убийстве повествует Кассандра. Но это не спокойный рассказ очевидца о происшедшем. Это экстатическая галлюцинация, лирический бред пророчицы о происходящем. Здесь как драматическое средство использован лирический монолог.

В некоторых случаях лирическая сцена не только подымается до драматического напряжения, но и стоит в центре трагедии, как орудие перелома. В «Жертве у гроба», например, Орест колеблется, страшась убить мать. На протяжении 150 стихов, в многообразнейшем чередовании обмениваются песнями Электра, Орест и хор. Орест отчаивается. И вот сестра и хор слово за словом, образ за образом, упрямо и настойчиво внушают ему жажду мести, распаляют в нем ненависть и гнев. И решение принято. Перелом совершился. Драматическая перипетия создана средствами лирическими. То же и в «Евменидах», где внутри большого лирического коммоса происходит перелом Эриний от гнева к милости.

Так выковывает поэт технику своего трагического стиля. А где же «диалог» и «драматический образ», эти основные художественные средства новой драмы? — могут спросить нас. Диалог у Эсхила, действительно, не стал еще главнейшим орудием драматизма. В ранних его трагедиях диалог еще косноязычен и архаически связан. Это почти всегда «стихомифия» — обмен однострочными стихами или параллельными двустишиями. Реплики падают симметрично и строго, как складка одежд на архаических изображениях. Зачастую самый обмен репликами становится возможным оттого, что ткань эпического повествования искусственно рассекается условными «вопросами» собеседника. («Ты о каком рассказываешь стороже?», «Корову Гера как потом увечила?», «Молящие», ст. 317, 319).

А рядом с таким искусственным диалогом — стихомифией — пространные монологи, речи, рассказы по пятьдесят и более стихов. Только в более поздних творениях своих, в финале «Прометея» и в «Орестее», вырабатывает поэт величавую технику сжатого, но мощного и напряженного драматического диалога. Не сразу появляются у Эсхила и развернутые сцены «спора» — «агона». Раньше «Орестеи» мы их в сущности не имеем. А между тем у позднейших трагиков «спор» «агон» — стал основным средством драматического действия.

То же с образами действующих лиц. В ранних трагедиях Эсхила еще почти нет целостных объективированных образов героев. Очертания характеров их все время как бы ломаются; герои все время как бы «выходят из роли», служа общим эмоциональным целям драматической ситуации. Только в трагедиях среднего периода творчества Эсхила, — в «Семи против Фив», в «Прометее», — проявляются образы центральных героев, титанические, грандиозные образы людей эсхиловского мира, «бойцов с душой, как у льва», как о них сказано у Аристофана. Это — Этеокл и Прометей. А в «Орестее» перед нами уже целая галлерея конкретных реалистических образов, очерченных хотя и однокрасочно, с монументальной лаконичностью, но характерно, отчетливо, броско (Агамемнон, Клитемнестра, Орест, Электра, Афина).

Прибавим еще, что именно Эсхил ввел в практику драматургии «трагическое умолчание», знаменитое на всю древность молчанье эсхиловской Атоссы, Прометея и Кассандры, в которых трагической эмоцией отчаяния или презрения мотивируется архаическая угловатость диалогической техники. «Трагические чучела, они молчат, не пикнут. А хор четыре песни кряду, грохоча о земь, пропоет». Так с добродушной и доброжелательной иронией писал об этом эсхиловском приеме Аристофан («Лягушки»).

Эсхил (в поздних своих творениях) разработал технику «диссологии», т. е. борьбы с повторением на сцене знакомых зрителю, но незнакомых персонажам повествований. Когда Клитемнестра, выходя из дворца, говорит глашатаю: «Разве ты сможешь что-нибудь еще мне рассказать?» — то ее высокомерие должно избавить поэта от необходимости повторить еще раз слышанный уже зрителями рассказ о взятии Трои. И это первый в мировой литературе пример скромного, но технически очень важного драматургического изобретенья. Эсхил разработал и технику драматургической экспозиции, т. е. изложение событий, предшествующих началу драмы. Тяжеловесная и косноязычная, лирическая по форме своей в ранних трагедиях экспозиция, начиная с «Семи против Фив» приобретает форму актерского пролога, т. е. ту форму, которая в течение веков оставалась обязательной для драматургической экспозиции. У Эсхила впервые появляются «призраки» как средство для рассказа о событиях будущих, предстоящих. Этим раздвигаются временные рамки драмы. У Эсхила впервые видим мы «тейхоскопию», т. е. «дозор со стены» — прием, позволяющий рассказывать о событиях, невидимых зрителю, но якобы

видимых действующим лицом. Пространственные рамки действия этим расширяются и притом не на путях эпического повествования, а через сопереживание действующих лиц. В «Молящих» впервые наблюдаем мы этот прием, вошедший затем накрепко в опыт мировой драматургии. Драматическое «признание», которое позднее Аристотеля будет названо важнейшим элементом драматического действия, находим впервые также у Эсхила, создавшего классическую сцену признания «Электрою брата ее, Ореста» («Жертва у гроба»).

И что еще несравненно важнее, — Эсхил выдвигает принципиальную проблему «пространства» и «времени» в драме. Решение ее дается ему с трудом. «Время» остается условным почти во всех эсхиловских трагедиях. Только что персидский посланец рассказывает о гибели флота у Саламина, а вот уж и сам царь Ксеркс возвращается на родину, вступает на орхестру. Только что огненный телеграф принес молниеносную весть о взятии Трои, а вот уже на орхестру входят сперва глашатай, а потом и сам победитель Трои, царь Агамемнон. Хоровые песни как бы перекрывают здесь любые хронологические промежутки. «Время» трактуется здесь условно, «лирически». Только позднее, у Софокла и Еврипида «время» будет стянуто уздой хронологического правдоподобия, и неизменное присутствие на орхестре хора, у Эсхила чрезвычайно расширявшее хронологические рамки действия, наоборот, поведет к их сокращению до пределов условных «суток или немногим более», как сформулирует позднее закон «единства времени» Аристотель («Поэтика», V, 4).

Так же условно и «пространство» в разных трагедиях Эсхила. Почти невозможно точно конкретизовать место действия в «Персах» или «Молящих». Эсхил меняет место действия и в наиболее зрелом своем создании — в «Орестее» (из Дельф в Афины, например). Это отличает технику Эсхила от практики позднейшей греческой драмы, но самая мотивированность пространств показывает, что перед Эсхилом здесь впервые встала задача конкретного, а не условного, драматического, а не лирического понимания «места» действия.

Этот перечень можно продолжить, и нам придется перечислить великое множество иных, ставших для нас уже вполне привычными средств драматической выразительности. И тогда станет ясным, какой гигантский, неповторимый творческий подвиг совершен Эсхилом, почти на пустом месте создавшем великое и мощное искусство драмы. Поистине, он был «отцом трагедии» (Энгельс).

5

Но Эсхил явился не только драматургом, а также и создателем театра как искусства. Мы можем только очень коротко остановиться на сценической стороне эсхиловской трагедии. Важно помнить, что местом, где разыгрывались все трагедии Эсхила, была круглая утоптанная пло-

щадка, «орхестра», на которой плясал и пел хор и действовали актеры. Посредине орхестры располагался помост, осмысляемый Эсхилом то как «гробница Дария» (в «Персах»), то как «фиванский кремль» («Семь против Фив»), или «жертвенник аргосских богов» («Молящие»), или скала («Прометей»). Только в «Орестее», наряду с помостом посредине («гробница Агамемнона»), мы имеем дворцовую декорацию с пологой лестницей в глубине орхестры. Декорация эта, сделавшаяся в дальнейшем постоянной в греческих трагедиях, была, повидимому, изобретена Эсхилом. Предание приписывало Эсхилу также создание трагического костюма, эффектов грома и провалов, театральных машин (выдвижная платформа — эккиклема и т. п.), усовершенствование масок, изобретенье танцевальных фигур и т. д. Представим себе спектакль эсхиловской трагедии, с ее хорами и актерами, облеченными в тяжелые, до пят спадающие плащи из негнущейся золотой и пурпурной парчи и в маски с высоким лбом и чудовищно разверстым ртом. Фантастические маски рогатой Ио или Эриний с извивающимися змеями увеличивали причудливую фееричность зрелища, героями которого были сказочные цари, боги, демоны, великаны. Зрелища эти меньше всего были декламационной драмой. Плясал и пел хор. Пели, плясали актеры. Пляски эти были то размеренно-величавыми, то исступленно-драматическими, с ударами в грудь, с выкриками отчаяния в сценах надгробного рыдания, то бешено-неистовыми, как прославленная пляска Эриний, например. Феерические массовые сцены въездов царей в окружении воинов и свиты, динамические сцены поединков и сражений в финале трагедий, монументальные зрелищные контрасты, которые особенно любил Эсхил, музыка пронзительных флейт и глухо гудящих тимпанов и других ударных — все это позволяет нам сказать, что театральное зрелище, как его создал Эсхил, было простым, угловатым, но подлинно народным, эмоциональным, безмерно волновавшим свободное население Афин, собиравшееся в праздничные дни Дионисий на скамейках деревянного еще театра на склонах Акрополя. Эта глубокая народность трагических зрелищ подчеркивалась, как известно, порядком их организации. Трагедии Эсхила ставились на общегосударственных празднествах Дионисий. Молодежь города, его избранные граждане составляли хоры эсхиловских трагедий. Выбранные судьи присуждали награду на соревнованиях, в которых участвовало каждый раз по три трагических поэта. В 489 году Эсхил впервые победил на трагических состязаниях. В 468 году он был в первый раз побежден молодым Софоклом. Так колебались весы успехов Эсхила у его зрителя.

Основной стих диалогов Эсхила — ямбический триметр, т. е. стих, составленный из трех пар ямбических стоп. Это был стих декламационный, стих речей, не сопровождаемых музыкой. Аристотель называет ямбический триметр стихом, наиболее отвечающим живой человеческой речи. Но, в отличие от позднейшей трагедии, Эсхил часто заставляет своих актеров говорить также и «долгими» восьмистопными стихами. И это потому, что трагедия Эсхила еще не отлилась в канонические формы, еще находится в становлении.

Различные стихотворные метры означали в греческой трагедии также и различие в произнесении. «Долгие» стихи, вероятно, сопровождались музыкой, произносились речитативно. Борьба между ними и триметром была борьбой между речитативным и чисто декламационным стихом, и относительное богатство «долгих» стихов у Эсхила по сравнению с позднейшей трагедией означало преобладание элементов музыки в эсхиловском театре, еще только начинающем вырастать из стихии лиризма.

Торжествует эта лирическая стихия в многообразнейших песенных размерах Эсхила. Лиризм эсхиловской трагедии как бы завершает и венчает весь предшествующий опыт греческой лирики. Мы можем услышать в его хорах отзвуки простодушной «народной» земледельческой песенки. Эта связь хоров Эсхила с современной им народной поэзией особенно подчеркивается античными комментаторами. Лирические размышления о богатой и скромной доле (в «Агамемноне»), песни о женской судьбе (в «Молящих»)—вот примеры наиболее явного воздействия народной поэзии на Эсхила. И в то же время нетрудно найти в лирике Эсхила близость с той торжественной, звенящей медью сложных составных строф поэзией знати, прекрасными памятниками которой остаются для нас «победные оды» Пиндара. Сравним с одами Пиндара хотя бы победные песни в начале «Персов» и в «Агамемноне».

Но еще настойчивее ощущается в эсхиловской лирике ее ритуальная струя. Мотивы свадебных песен звучат в «Молящих». Погребальные причеты с характерной для них неистовой образностью, азиатской «варварской» стилистикой, исступленными ритмами найдем в «Жертве у гроба», в «Семи против Фив» и в «Персах». И это, не говоря о бесчисленных молитвах, процессионных гимнах, обрядовых возгласах.

Наконец, далеко не на последнем месте стоит у Эсхила боевая гражданская лирика, — походные песни в «Семи против Фив», гимны, прославляющие величие и силу родного города в «Молящих» и, в особенности, в «Эвменидах». Облик Эсхила как певца победоносного «города гоплитов», прославителя молодой эллинской государственности, пожалуй, отчетливее всего виден именно в этих мотивах его лирики.

Закон ритмической симметрии и параллелизма властвует над этими лирическими композициями, свидетельствуя о том, что некогда всеми этими песенными сценами управляла также симметрия в музыке и в орхестике. Строфа и антистрофа — вот простейшая форма этого параллелизма. Но параллелизм этот проникает и глубже, в самую ткань эсхиловских хоровых песен. Поэт любит повторять в качестве упорно и мощно звучащего рефрена целую строфу или группу стихов. Очень вероятно, что происхождение этих повторений — ритуальное: они — пережиток «магической поэзии». Поэт повторяет отдельные слова и обороты речи, нагнетая до предела эмоциональную силу этих тяжеловесно падающих повторений: «Нас Ксеркс, ой-ой, в поход повел, Нас Ксеркс, ой, боль, под нож повел. Нас Ксеркс сгубил, славолюбивый, гордый царь» («Персы»). Поэт мощно пользуется звуковой аллитерацией — «взводень волн, войско гривастое» («Семь против Фив»); играет трагическими ка-

ламбурами — «Имя Елена — тлен и плен»; создает образы неожиданные, порою парадоксально смелые — «быстроногий глаз»; нагромождает в языке своем тяжеловесные эпитеты и гиперболы, то как бы косноязычно спотыкаясь, то захлебываясь в мощном потоке титанического красноречия. Непревзойденную характеристику стиля Эсхила создает Аристофан в не раз уже упомянутых «Лягушках». Эсхил именуется здесь «поэтом с безудержным, неистовым, безумным ртом»; здесь говорится о «конновздыбленных речах» Эсхила, об «оперенных султанами, шлемоблещущих, окованных медью реченьях», о «бычьих словах с бровищами и хвостищами». «Я трагедию вырядил в блеск золотой», — говорит про себя в «Лягушках» сам Эсхил.

В характеристику, данную Аристофаном, следует внести только одну поправку. Аристофан подчеркивает велеречивые темноты языка Эсхила. «Понять их — величайший труд», говорит он. Основываясь на этих словах, часто характеризуют язык Эсхила как подчеркнуто архаический, сакральный, как бы «церковно-славянский» язык. При этом забывается, однако, историческая перспектива. Эсхил, по сути дела, впервые создавал аттический литературный язык. До него Афины не имели литературы. В годы, последовавшие за этим созидательным подвигом Эсхила, литературный язык в Афинах чрезвычайно быстро менялся, в направлении к ясной и подчеркнуто-прозрачной «аттической речи». И для Аристофана, жившего на полстолетие позднее Эсхила, язык старинного, ставшего классическим поэта действительно был языком устарелым, «музейным». Но не таким был язык Эсхила для современных Эсхилу зрителей. Не забудем, что искусство Эсхила было искусством в высокой степени актуальным, народным. Великий поэт был понятен своему героическому зрителю. Да и действительно, язык Эсхила далеко не только высокопарен. Наряду с торжественными реченьями в нем немало варваризмов, диалектизмов, «простонародных» словечек, точных политических, научных, профессиональных терминов, выражений комедийных, крестьянски-грубоватых, шуточных. Язык Эсхила — в основе своей живой, реалистический язык страстного и бурного времени афинской истории.

Переводчик стремился по возможности полно и правдиво передать сущность эсхиловского стиля. Вот почему передача текста размерами подлинника, стих в стих, стопа в стопу явилась прямой обязанностью перевода. Это относится прежде всего к диалогическому стиху Эсхила, к «ямбическому триметру», который переводчик, как и в своем переводе Аристофана, передает шестистопным ямбическим стихом, обычно с цезурой после пятого или седьмого слога. С той же точностью стремился переводчик передать и сложные метры эсхиловской лирики, начиная с двустопных, ямбических и хореических систем: и метры трехстопные, дактилические («Радуйтесь, радуйтесь, все в изобилии жирном»), и анапестические («Как оплачу тебя, государь, государь»), и кретики («В даль ушел, весь ушел, конный люд, пеший люд»), и вакхеи («Велик Зевс, царей царь»); скоплением долгих (ударных) оба последних размера передают напряжение эмоции гнева, печали, страха. С такой же тщательностью

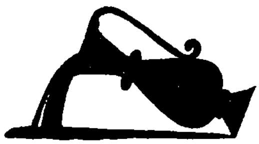
переводчик старался передать и метры четырехстопные, ионики, с их чередованием двух кратких-неударных и двух долгих-ударных («Прогремел клич, и погнал царь кораблей клин за рубеж волн»), и пеоны («Царь царствующих, господин господствующих»), и хориямбы («Там на лугу, в травах, в цветах»), и, наконец, пятистопный метр, считавшийся древними критиками наивысшим выражением пафоса отчаянья, «дохмий» («Убил брата — брат. Вогнал в грудь копье»).

И все же точность в передаче метрической схемы Эсхила — только внешняя часть задачи, встающей перед переводчиком. Сложнее передать особенности словаря поэта. Мы уже говорили о том, насколько односторонне обычное представление о словаре Эсхила как о словаре исключительно «высокопарном», «парящем». Перевод стремится поэтому выразить многослойность, противоречивость языка Эсхила, шероховатость, порою даже как бы своеобразное косноязычие его синтактических форм. Перевод стремится раскрыть «реалистического» Эсхила полнее и точнее, чем это сделано в переводах Д. Мережковского, В. Нилендера и С. М. Соловьева. Но, разумеется, было бы величайшей ошибкой забывать при этом о пафосе страсти и силы, который образует существо, блеск и величие трагического стиля Эсхила. Переводчик стремился в меру своих сил не упускать из виду и этой стороны творчества великого древнегреческого трагика. Переводам отдельных трагедий предпосланы предисловия. Ограниченность места заставила сделать их краткими, в частности в разделах, касающихся стилистики отдельных трагедий. В конце книги читатель найдет краткий комментарий.

Пусть же послужит книга тому, чтобы творчество «отца трагедии» вошло в строящееся здание нашей культуры не как музейная диковина, а как мощный, не тронутый временем и забвением опорный столб.

ТРАГЕДИИ

ПЕРСЫ

ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΠΕΡΣΑΙ

Персидская трилогия

1

На самом пороге эсхиловской драматургии, а следовательно и драматургии мировой, нас встречает трагедия, исключительная по своеобразию, — эсхиловские «Персы». Как гласит античная дидаскалия, трагедия эта была поставлена в 472 г. до н. э. Созданная восемь лет спустя после победы афинского флота у Саламина, трагедия «Персы» изображает и прославляет эту победу.

Тут мы невольно останавливаемся в изумлении. Как? Разве недостаточно известно, что древнегреческий трагический театр был театром мифологическим, что он основывался на сюжетах старинных религиозных сказаний и героических легенд? И вот оказывается, что первая же из дошедших до нас трагедий этого театра написана на сюжет исторический, мало того — почти злободневный. Здесь — противоречие. Но это противоречие — кажущееся; оно свидетельствует именно о своеобразии того, как понимала греческая трагедия и «мифологию» и «историю» в театре.

Напомним исторический ход событий. К концу шестого столетия до н. э. отношения между огромной персидской державой и ее западными соседями — быстро расцветавшими городами Греции — привели к войне.

Для молодых купеческих и промышленных слоев греческих городов и прежде всего самих Афин обладание морем, господство на проливах, обеспечивающее свободный подвоз дешевого морского хлеба, были вопросом жизни и смерти. Но антиперсидские настроения землевладельческих и земледельческих слоев были гораздо менее агрессивными. Защита родных полей и наделов от иноземного владычества — вот в чем они видели цель войны. И, наконец, в самой Греции находились группы, почти открыто призывавшие власть персидской деспотии.

В таких сложных условиях разразился авангардный бой между греческим Западом и персидским Востоком. На самом рубеже VI и V столетий до н. э. вспыхнуло направленное против Персии восстание греческих малоазиатских, так называемых ионийских городов. Восставшие просили поддержки у городов материковой Греции. Аристократическая Спарта ответила открытым отказом. В Афинах возникли споры. И чем настойчивее пропагандировали войну «в защиту ионийских братьев» купеческие слои, тем упорнее старались землевладельческие и крестьянские группы избежать поводов к вооруженному столкновению с Персией. Пожар и разорение ионийских городов и главного среди них — Милета — вот чем завершилась первая военная схватка Греции и Персии. Было ясно, что это только начало. И действительно, в 495 г. до н. э. царь Дарий отправил к берегам Греции персидский флот. Буря разбила корабли у Афонского мыса. Но через пять лет неприятельский флот снова показался у греческого побережья. Персидские лучники высадились к северо-востоку от Афин, у Марафонской равнины. Афинам первым пришлось выдержать удар вражеского нашествия. Ополчение молодого государства блистательно выполнило свою историческую задачу. Девять тысяч афинской тяжелой вооруженной пехоты встретили персов у Марафона и опрокинули неприятельский десант в море.

Но каждый год можно было ожидать нового нашествия персов. Купеческие круги Афин развили энергичнейшую подготовку к новой войне. В лице Фемистокла, выходца из низкородной семьи (повидимому, он был сыном фракиянки, т. е. неполноправным гражданином), эти круги нашли вожака дальновидного и отважного. Фемистокл в качестве архонта Афин провел закон о постройке большого флота. Это вызвало ожесточенную оппозицию землевладельческих групп. Ведь экипаж флота вербовался по преимуществу из малоимущих и безродных ремесленников, рыбаков и поселенцев. Рост морской мощи Афин отодвигал в тень исконную афинскую тяжело вооруженную пехоту — ополчение крестьянских родов под командой землевладельческой знати. Крупный землевладелец Аристид возглавил сопротивление реформам Фемистокла. Ожесточенная социальная борьба угрожала изгнанием то одному, то другому из противников. Но близость персидского похода явно укрепляла позиции Фемистокла, и ему удалось настолько мобилизовать военную подготовку Афин, что, когда десять лет спустя после Марафонского сражения персидские войска, под личным предводительством молодого царя Ксеркса, двинулись на Грецию, Афины могли выставить флот в двести кораблей, оставляя далеко позади морские силы остальных эллинских государств.

Не доверяя на этот раз всех войск своих морю, Ксеркс повел сухопутную армию по материку, переправив ее у Геллеспонта по двум пловучим мостам. Это была одна из величайших армий древнего мира. Исчисления Эсхила и — по его следам — Геродота, который определяет персидское войско в два миллиона, а вместе с обозом — в четыре миллиона человек, конечно чудовищно преувеличены. Новейшие военные историки, как, например, Дельбрюк и Меринг, на основе расчета скорости передви-

жения персидских войск, длины их обоза и т. д. исчисляют силы персов в 50—70 тысяч человек. Но несомненно, что силы огромной персидской державы были всерьез мобилизованы для этого, предводимого самим царем похода. Эти силы, во всяком случае, во много раз превышали то, что могли выставить, к тому же недружные между собою, города Греции.

Последовавшие события вошли в историю человечества. Блеском славы озарен подвиг передового отряда греков, целиком погибшего в Фермопильском ущелье, защищая подступы к Срединной Греции. Прорвавшись через Фермопилы, персы неудержимо наступали на юг. Оборонять Афины было бы безнадежно. Население города село на корабли и бежало на противоположный берег морского залива. Афины и афинская крепость —Акрополь — были сожжены персами. У маленького острова Саламина, к югу от Афин, сосредоточился весь греческий флот. Здесь же сконцентрировалась и персидская эскадра, составленная из тяжелых многовесельных боевых кораблей. В узких проливах у Саламина разыгрался морской бой. Флот персов был разбит соединенными силами греков, главенство среди которых по праву принадлежало недавно созданной афинской эскадре. Греческие историки справедливо объясняли победу наступательной тактикой греческого флота, искусно маневрировавшего и теснившего громоздкие корабли противника в извилистых саламинских проливах. Но несомненно, что эта тактика стала возможной благодаря моральному перевесу патриотически воспламененных, готовых к самопожертвованию афинских ополчений над подъяремной массой персидских гребцов и лучников. У Саламина победила не только более передовая военная техника греческого флота, но и более прогрессивный социальный строй, передовая идеология молодых греческих государств.

Итоги победы были огромны. Царь Ксеркс с большей частью войск поспешил возвратиться в Азию. В Северной Греции остался на зимовку избранный отряд персидского войска под предводительством зятя царя— полководца Мардония. Этих осколков персидских сил оказалось достаточно, чтобы в следующем году вновь поставить Грецию под угрозу нашествия и во второй раз захватить и сжечь Афины. Но в сухопутном сражении у Платей (здесь отличилась тяжеловооруженная афинская пехота под командой Аристида) персидские войска были окончательно разбиты, и Мардоний начал стремительное отступление.

Легко представить себе национальное ликование в Греции, и в особенности в Афинах. Но не успели последние персидские отряды покинуть почву Греции, как во всей стране, и в первую очередь опять-таки в Афинах, вспыхнула резкая социальная борьба. Теперь, когда земли Аттики, ее поля и виноградники, были освобождены от неприятеля, для землевладельцев и руководимого ими крестьянства война была закончена. Дальнейшие наступательные походы для завоевания проливов и малоазиатских колоний могли только усилить положение опирающихся на море и на флот «демократических» слоев Афин. Напротив того, для «демократии» большая наступательная война с перспективами создания великой афинской морской державы была и соблазнительной и необходи-

мой. В течение ряда лет, последовавших за боями у Саламина и Платей, партия Фемистокла находится у власти. Растет флот, и афинские корабли откалывают кусок за куском от державы персов. Это поступательное движение сопровождалось, однако, непрекращающимся сопротивлением оппозиционных групп. И вот, наконец, в 472 г. Фемистокл был изгнан из Афин, всего через четыре года после того, как на Олимпийских играх 476 г. он, победитель у Саламина, был прославлен как величайший из греков.

2

Этот исторический рассказ был необходим потому, что рост греческого трагического театра неразрывно связан с ожесточенной социальной борьбой, бушевавшей в Афинах эпохи персидских войн. Персидская трилогия Эсхила занимает в этой борьбе существеннейшее место.

В 492 г. старший современник Эсхила, поэт Фриних, ставит трагедию «Падение Милета». Не «мифология», а история была содержанием этой трагедии, — притом история совсем недавних лет. Поражение ионийского восстания, ужасы осады и гибели Милета, ярость персидских варваров и отчаяние пленных — вот что, как кажется, изобразил Фриних в своей (недошедшей до нас) трагедии. Устроителем этого трагического представления — его хорегом — был не кто иной, как сам Фемистокл. Как рассказывает нам античный комментатор, представление вызвало такое страстное волнение, такие слезы и крики горечи среди афинских зрителей, вспомнивших о позоре милетского поражения, что власти города наложили штраф на Фриниха за то, что он «нарушил границы театрального благоприличия».

Выразительнейшая картина идейной борьбы вокруг театра, в пору первоначального его становления, встает в этих отрывочных свидетельствах. Несомненно, что Фриних явился провозвестником воинственных устремлений Фемистокла, желавшего напоминанием об ионийском восстании мобилизовать против Персии ярость афинского амфитеатра. И столь же несомненно, что штраф, наложенный на Фриниха, был делом рук тех влиятельных в государстве землевладельческих групп, которые еще недавно противились посылке помощи восставшей Ионии и стремились избежать всякого обострения в отношениях с персами.

И вот, четыре года спустя после саламинской победы Фриних ставит историческую трагедию, посвященную этой победе. Снова хорегом представления является Фемистокл. Поставленная одновременно с апофеозом Фемистокла на Олимпийских играх 476 г., эта трагедия Фриниха была, бесспорно, задумана как прославление Фемистокловой политики. Не случайно трагедия называлась «Финикиянки»: ее хор составляли жены финикийских моряков, ушедших в поход на персидских кораблях. Рассказ о гибели этих кораблей у Саламина и плач финикийских женщин о погибших мужьях составляли главное содержание трагедии, в центре которой полностью стоял, таким образом, морской бой у Саламина. А слава са-

ламинской победы была славой афинского флота и создателя этого флота— Фемистокла.

И опять-таки далеко не случайно, что через четыре года после постановки этой фриниховской трагедии, в пору крайнего обострения направленной против Фемистокла пропаганды (не забудем, что именно в это время, в 472 г., Фемистокл был присужден к изгнанию), Эсхил выступает с трагедией «Персы». По теме трагедия эта почти полностью повторяет «Финикиянок» Фриниха, но по установке, по направленности своей она полемизирует с творением старшего поэта.

Но, разумеется, полемикой с установками Фриниха содержание эсхиловской трилогии вовсе не исчерпывается. В персидской трилогии Эсхил развертывает грандиозную концепцию происхождения, смысла и итогов греко-персидских войн. Поколением позднее историю греко-персидских войн написал Геродот. Приступая к описанию этих войн, Геродот искал корней вражды Запада и Востока. И он находил эти корни в глубокой древности, в мифологической старине, в походе финикийского Кадма на запад по следам похищенной Европы, в походе на восток аргонавтов, поплывших за золотым руном, в походе ахейцев, разрушивших Трою из мести за похищение Елены. Мифология непосредственно переходит здесь в историю, сказка смешивается с злободневной действительностью. Геродот в своей истории во многом идет по стопам Эсхила. И очень вероятно, что излагаемая им концепция возникновения греко-персидских войн родилась в бурные годы этих войн. А гениальнейшим идеологом Афин эпохи Марафона и Саламина был именно поэт Эсхил. Именно персидская трилогия Эсхила развертывала гигантскую идею связи мифологических и исторических столкновений Востока и Запада, идею изначальной близости и последующей вражды Азии и Европы.

Старинная дидаскалия сохранила нам название первой (недошедшей до нас) трагедии этой трилогии. Это — «Финей». Финей — образ мифологический. Так звался брат похищенной некогда богом Зевсом прекрасной финикийской царевны Европы. Посланный отцом на поиски своей сестры, Финей, обладая пророческим даром, понял тщетность погони и основал царство на берегах Черного моря. Он стал зятем афинской царевны Орифии, жены северного ветра Борея. Но Финей провинился перед богами, и они ослепили его и велели чудовищным Гарпиям ежедневно рвать из рук несчастного царя приготовленную для него еду. Страдальца спасли аргонавты, высадившиеся в его царстве по пути в Колхиду. Афинские царевичи Калаид и Зет, дети северного ветра, уничтожили Гарпий, и в благодарность за это Финей открыл аргонавтам будущие судьбы их плавания.

Нетрудно понять, как осмыслял Эсхил сказание о Финее в первой (несохраненной) части своей персидской трилогии: Финей отказывается от погони за сестрой, потому что понимает верховную волю Зевса, желавшего сочетать Восток в лице финикиянки Европы с тем Западом, который будет отныне носить имя прекрасной возлюбленной отца богов. Аргонавты, первые из греков поплывшие на Восток, притом именно афиняне

Калаид и Зет, спасают страдающего Финея. А внуком Финея мифология считала Персеса, сказочного родоначальника персидских царей. Значит, афиняне некогда принесли спасение прапращуру персидского царского дома. Ясно, что вдвойне грешно правнукам сказочного Финея идти войной на город потомков его спасителей. Очень вероятно, что подобные мысли, вплоть до прямого запрещения персам когда-либо в грядущих веках воевать с Афинами, были вложены Эсхилом в уста Финея, который ведь недаром был прорицателем. И совершенно в духе эсхиловской драматургии во второй части персидской трилогии, в сохраненных нам «Персах», поэт вспоминает о данных некогда (т. е. именно в первой части трилогии) пророчествах.

Таким образом, мифологическая трагедия о Финее в рамках единой трилогии действительно органически могла перейти в историческую трагедию о Саламинском сражении. И это было возможно именно потому, что и сами исторические «Персы» были, как мы увидим, по существу своему не менее «мифологичны», чем «Финей».

3

Действие «Персов» перенесено поэтом в далекие Сузы, в стан побежденных персов. Это не было нововведением Эсхила. Уже трагедия Фриниха развертывалась в Азии, перед хором финикийских женщин. Понятно, почему Эсхил не мог не последовать в этом отношении за своим предшественником: только развертывая действие в лагере побежденных, мог поэт ввести сюжет победоносного Саламинского сражения в формы того трагического плача-френоса, который был ритуальной основой трагедии. Напряженное ожидание хором нависшей над страной катастрофы сразу вводило зрелище в атмосферу ритуальной трагической тревоги. Наряду с этими, так сказать, сакральными соображениями, были причины порядка эстетического. Перенося свою драму в город, ожидающий исхода войны, Эсхил мог описать эту войну отраженно, как это позволяла ему его столь еще примитивная драматургическая техника. Вместе с тем, развертывая действие на далеком, полусказочном Востоке, поэт освобождал свою драму от уз бытового правдоподобия, от требований эмпиризма. В атмосфере фантастических Суз, оглашаемых экзотическими восклицаниями персидских старейшин, в блеске торжественных восточных одежд, трагедия приобретала черты несколько условного, обобщающего монументального стиля. «История» превращалась в «мифологию».

Наконец, соображения политические и моральные. Политический эффект прославления величавой победы греков в Саламинском бою, конечно, неизмеримо возрастал от того, что прославление это шло из уст врагов. Верный пропагандистский расчет владел поэтом, когда он именно так поворачивал содержание своей трагедии. И все же, раскрывая перед зрителем боль и страдания побежденного врага, Эсхил не мог не вызвать у своих зрителей не только некоего уважения, но и сочувствия к побежден-

ному неприятелю. Перед этой загадкой не раз останавливалась в изумлении новейшая филология. Как? Эсхил осмелился всего восемь лет спустя после сожжения персами афинского Акрополя, в театре, у самого подножия этого сожженного Акрополя возбуждать у зрителя сочувствие к противнику? Этого вопроса нельзя обойти. Ответ на него, как нам кажется, следует искать именно в полемической направленности «Персидской трилогии» Эсхила.

Оговоримся еще раз: этой полемической направленностью идеология «Персов» отнюдь не исчерпывается. «Персидская трилогия», несомненно, является возвышеннейшим актом государственного патриотизма, национальной гордости. Аристофан имел все основания влагать в уста своего Эсхила (в комедии «Лягушки») гордые слова: «Я трагедию «Персы» поставил для вас, чтоб вложить в вас стремленье к победе, к превосходству высокую волю вдохнуть. Я одел ее в блеск и величье».

И все-таки почему Эсхил и в «Финее» и в «Персах» подчеркивает, что Европа и Азия были некогда «кровными сестрами»? Почему он так старательно противопоставляет безрассудного царя Ксеркса всему персидскому народу, хору мудрых старейшин-персов, в особенности самому старому царю Дарию, который прославляется как идеальный государь? Очень точно воспроизводя в остальном историческую действительность, Эсхил в образе царя Дария резко отходит от истории. Он старается забыть о том, что Дарий был убийцей своего предшественника, что он вдохновил первый поход Персии против греков и кроваво подавил восстание ионийцев. Поэт рисует его как мудрого из мудрых. Делается это для того, чтобы всячески подчеркнуть, что не Дарий и не персы, а только Ксеркс повинен в войне, только Ксеркс — враг греков. Так не поступил бы поэт, который стремился бы мобилизовать своих соотечественников на наступательную, непримиримую войну с неприятелем; но так должен был говорить тот, кто хотел примирить свою победоносную родину с побежденным противником.

Все эти соображения получают подтверждение также и в той своеобразной перестановке акцентов, которую производит поэт, излагая историю Персидской войны. Роль морских сил Афин, роль флота, разумеется, отмечается Эсхилом. Но все же флоту посвящаются слова сдержанные и двусмысленные. Наоборот, прославляется афинское войско, — в первую очередь как ополчение копьеносцев, т. е. как тяжеловооруженная крестьянская пехота. Чтобы выдвинуть роль этой пехоты, и, в частности, роль ее военного вождя — Аристида, Эсхил в самом рассказе о морском Саламинском сражении всячески подчеркивает, явно расходясь здесь с историей, значение небольшого в сущности эпизода: высадки афинской пехоты под командой Аристида на островок Пситталею.

Всячески подчеркивая решающую роль пехоты в отражении персидского нашествия, Эсхил насильственно раздвигает хронологические рамки своего изложения и вводит в него рассказ о сухопутном платейском поражении персов. Сам призрак царя Дария подымается поэтом из гроба, чтобы, одаренный даром пророчества, почивший царь мог предсказать

это сражение, ведущая роль в котором принадлежала не Фемистоклу, а Аристиду.

Так трагедия «Персы» предстает перед нами мифологической по стилю, политической, а отчасти и партийно-политической по содержанию. Не забудем, однако, что она является также и важнейшим историческим свидетельством о персидских войнах. При всей его партийной пристрастности, рассказ Эсхила, рассказ современника и очевидца событий, лег в основу всей последующей историографии персидских войн.

4

Сценическая обстановка «Персов», примерно, такая же, как и во всех ранних творениях Эсхила. На орхестре ступенчатое сооружение, оно изображает гробницу царя Дария. В действии одновременно участвует не более двух актеров и хор, роль которого очень значительна. Пролога, произносимого актером, еще нет. Трагедия начинается непосредственно с «парода», с появления хора, составленного из «персидских старейшин». Песня хора создает напряжение трагической тревоги, которое обязательно для экспозиции эсхиловских трилогий. Рассказ появляющейся на торжественной колеснице царицы Атоссы о злом сне, приснившемся ей, сгущает эту тревогу. Заметим кстати, что дурной вещий сон — один из излюбленнейших мотивов Эсхила. Резкий и угловатый перелом вносит в действие появление посланца. «Все войско варваров погибло», — сообщает он с той же архаической угловатостью. Сразу же следует взрыв плача хора, сочетающегося с причитаниями самого посланца. Это — «коммос», совместный плач актера и хора, наследие старинных заплачек, обязательная ритуальная часть эсхиловских трагедий. Следует рассказ посланца о разгроме персидского флота у Саламина. Это — первая из сохраненных нам «вестнических» речей греческого трагического театра и в то же время свидетельство того, насколько сильны были эпические элементы в искусстве Эсхила. Не забудем и о том, что необычайно точный и конкретный рассказ Эсхила лег в основу всех последующих описаний Саламинского сражения.

Новый плач хора заканчивает первую треть трагедии. Вторая треть, как и первая, начинается с выхода царицы Атоссы, не торжественного на этот раз, а траурного. Это излюбленное Эсхилом «повторение по контрасту». Атосса пришла, чтобы совершить (ритуальное в трагическом театре) жертвоприношение. Но жертвоприношение это особое. Происходит колдовской обряд заклинания тени царя Дария. Призрак царя Дария, по времени первый из многих призраков трагического театра, предсказывает будущее поражение персов на суше, давая политическую установку всей трагедии: пусть никогда не идет Персия в поход против Эллады.

Так заканчивается второй раздел трагедии. Нельзя не отметить

симметричности его построения с первым разделом. И там и здесь за появлением первого актера — Атоссы следовал приход второго актера («посланец» в первом, «тень Дария» — во втором разделе). А далее сцена ритуального плача и расчлененный на три монолога рассказ второго актера. Эмоциональная окрашенность рассказов в обоих разделах сходна: их содержание — печаль и страх. В трагедии нет поэтому перелома. Искусство перипетии, разработанное Эсхилом в его позднейших трагедиях, находится здесь еще в зародыше. Эсхил сумел достигнуть в своих «Персах» лишь последовательности нарастания эмоции печали при прямолинейном, а не перипетийном развитии трагедии. Но это — шаг вперед по сравнению с драматургией Фриниха, который (поскольку мы можем судить) начал своих «Финикиянок» сразу же с высшей эмоциональной ноты, с известия о саламинском поражении.

Появление самого царя Ксеркса знаменует начало третьего и последнего раздела трагедии. Не следует удивляться, что Ксеркс, о скитаниях которого в далекой Фракии только что повествовал посланец, так скоро непосредственно появляется на орхестре. Появлению его предшествовала песня хора, а хоровая песня, в силу условности и понимания времени в греческой трагедии, перекрывала любые временные промежутки.

Выход Ксеркса, живого виновника и участника пережитой катастрофы, дает—после пространных повествований об этой катастрофе — дальнейшее трагическое нарастание. Напрягается и конфликт между Ксерксом — отщепенцем, единственным виновником войны, и персидским народом, олицетворяемым в хоре его вельмож-старейшин. Ксерксу «страшно взглянуть в очи отцам его воинов». Хор обрушивается на бежавшего с поля сражения царя с гневными и горькими вопросами-упреками. И здесь, в третий и последний раз, проходит перед нами каталог экзотических и торжественно звучащих персидских имен: «Где Артафрен, Артембар, Ариомард, Масистр?» «Государь, отвечай нам!» Перечисление имен неприятельских князей и военачальников, так величаво провозглашенное в начале трагедии, повторенное затем в печальном рассказе посланца, выразительно и с подлинно трагической силой заключает все это своеобразное действие, посвященное прославлению саламинской победы, весь этот грандиозный драматизованный плач, с таким великолепным политическим и художественным расчетом вложенный Эсхилом в уста побежденных врагов.

«Хор персидских старейшин. Место действия — у гробницы Дария, а содержание: Ксеркс, пошедший войной на Элладу, разбит на суше у Платей, на море у Саламина и, отступая через Фессалию, возвращается в Азию. Поставлено при архонте Меноне (в 472 г. до н. э.). Победил Эсхил трагедиями «Финей», «Персы», «Главк», «Прометей» (сатировская драма)».

ДЕЙСТВУЮТ:

Атосса, царица.
Ксеркс, царь.
Тень царя Дария.
Посланец.
Хор персидских старейшин.

Действие в Сузах — персидской столице.

ПАРОД

На орхестре — тяжелая старинная постройка — надгробье Дария.
В длинных одеждах, с посохами выходят старейшины персов. Музыка.

Старший в хоре

Мы, старейшины персов, пошедших в поход
На столицы Эллады. Мы здесь сторожим
Кладовые с добром, золотые дворцы:
Среди знатных и верных избрал нас сам царь;
Самодержец и бог, бога Дария сын,
Повелительный Ксеркс,
И назначил беречь государство.
Но вернется ль в родную страну государь,
Возвратится ль великое войско домой? —
Сердце чует недоброе. Сердце грызут
Беспокойные сны.
Стоплеменная Азия шла на войну.
Молодая, прощаясь, вопила жена.
Но ни пеший посол и ни конный гонец
Не примчался на родину персов.
Из-под каменных Суз, из-под стен Акбатан,
Из-под крепости древней Киссийской

Потянулись войска.
Войско пешее в ряд, войско конное в ряд,
Великаны войны,
Корабли смоляные поплыли.
И пошел Артафрен, и пошел Мегабат,
А за ними Астасп, и за ними Амистр,
Предводители войск,
Конных персов цари, слуги бога-царя,
Главари, многочисленных полчищ вожди,
Быстроногая конница, удаль-стрелки;
Страшен взор их в сраженьях, рука тяжела,
Беспощадно упрямое сердце.
Коногон знаменитый, пошел Артембар,
И ужасный Масистр, и стрелок Фарандак,
И наездник, не знающий страха Имей,
И Сосфан, жеребцов укротитель.
А иных многоводный огромный послал
Нил, отец крокодилов. Пошел Сусискан,
И, в Египте рожденный, пошел Пегастаг,
И святого великого Мемфиса царь,
Исполинский Арсам, с ними Ариомард —
Фив, ровесниц земли, полководец.
И с надбрежий морских корабельный народ,
Как песок, без числа и без счета.
А за ними — цветущих лидийских садов
Поселенцы и горцы хребтов ледяных,
Муравьиные полчища. Их повели
Митрогат и Арктей, два царя, два бойца;
Снарядили вельможи сверкающих Сард
Боевых колесниц ослепительный полк.
Сердце ужасом рушат и в очи пылят
Их двойные, тройные упряжки.
Поклялись смолянистого Тмола сыны
На Элладу набросить неволи ярмо, —
Фарибид и Мардон, властелины копья,
И мисийские пращники. Ты, Вавилон,
Золотая столица, чудовищных толп
Ополченье послал, корабельных гребцов

И стрелков остроглазых с тугой тетивой.
Встали все, кто владеет мечом и щитом,
В азиатской стране
Под высокое царское знамя.
Величавое воинство шло на войну,
Цвет персидской земли.
Потому-то печалится Азия-мать,
Об ушедших тоскуя, о милых, о них.
И считают невесты и матери дни,
А несносное тянется время.

Хор

(поет и кружится в величавой пляске)

СТРОФА 1

Прогремел клич, и погнал царь грозовой клин боевых войск
За рубеж вод, где чужой край. И попрал мир.
И срубил плот, и связал мост чрез пролив тот,
Где нашла смерть в старину дочь Афаманта.
И настлал гать, и навел путь, и в ярмо впряг буревой Понт.

АНТИСТРОФА 1

Царь Азийский, городов ста и племен ста коногон Ксеркс,
Ты людских стад над землей смерч опрокинул.
По морям шлют, по мостам шлют
За полком полк, главари войск
И царей царь с ними ты, Ксеркс,
В чьей крови жив золотой дождь, человек-бог.

СТРОФА 2

Ты одел в ночь грозовой взор,
Ты вперил глаз — огневой змей,
Многорукий, многоконный,
Многокрылый кораблей бог,
Ты летишь, Ксеркс, с тетивы шля
В копьеносцев смерти жало.

АНТИСТРОФА 2

В мире нет мышц, в свете нет сил,
Боевых толп задержать топ.
Запрудить хлябь буревых вод
И разбег волн обратить вспять.
Нерушимо, несразимо,
Всепобедно войско персов.

СТРОФА 3

От богов, перс, от судьбы дан тебе жребий,
И на то, перс, ты рожден в мир,
Чтоб коней гнать,
Там где пыль битв, там где лязг сеч,
Чтоб венцы стен и ворот крепь
Повергать в пыль,
Чтобы рушить города.

АНТИСТРОФА 3

От богов, перс, научен ты побеждать хлябь,
Бороздить зыбь, что одел вихрь в седину бурь,
Пролагать путь через лес волн,
За оплот чтить кораблей щепь, парусов холст,
И доскам вверять войска.

ЭПОД

Если сеть лжи заплетет бог, не спастись тут человеку,
И ни ног прыть и ни рук мощь не спасут тут человека.
Рок улыбчат, рок заманчив, завлечет в плен, будто слеп ты,
Не скакнуть прочь, не бежать в даль, попадешь в сеть, не уйдешь цел.

СТРОФА 4

В сердце входит черный страх,
Сердцем водит злая ночь.
Оа! Персов гордые войска!
Будут слезы, будет стон,
Будет плач
В стенах опустелых Суз.

АНТИСТРОФА 4

И в Киссийском городу
Отзовется горький крик
Оа! Так стократно завопит
Женщин бледная толпа.
В лоскуты
Будут руки ткани рвать.

СТРОФА 5

В даль ушел, весь ушел
Пеший люд и конный люд,
Вслед царю, словно рой вешних пчел
Вылетел из улья прочь.
В заморский край. Земля с землею
Скованы там в одно
Цепью над проливом.

АНТИСТРОФА 5

А в домах слезы льют
Вдовы по живым мужьям.
Жжет тоска, горя гнет персов жен:
Сильный друг, любимый друг
Ушел в поход, отважный воин.
Горько в поход провожать,
Горше жить без мужа.

(Музыка прекращается.)

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

С т а р ш и й в х о р е

Соберем же совет,
О сограждане персы, в старинном дворце,
Заставляет нужда, чтоб мы ум напрягли
И глубокую думали думу.
Как же быть? Что с царем? Где божественный Ксеркс,
Бога Дария сын,
Чья Персеева кровь имя персам дала?
Напряженный ли лук одолеет в бою

Или жало копья,
Устремленного мощной рукою?

(На орхестре, в золотой колеснице, окруженная прислужницами, появляется царица Атосса.)

Вот очам засветился божественный свет.
То подходит царя венценосная мать,
Государыня наша. К ногам припадем
И все вместе приветы почтительных слов
    К величавой царице направим.
Ксеркса матерь, длиннополых персианок госпожа,
Здравствуй, старая царица, здравствуй, Дария жена,
С богом ложе ты делила, персам бога родила,
Если ныне древний демон рук от войска не отвел.

Атосса

(сходит с колесницы)

Прихожу сюда, покинув дом на золотых столбах,
Мой и Дария покинув спальный пурпурный покой.
Грудь мою грызет забота. Слово вам скажу сейчас.
Мне не надо утешений, сердце в страхе не дрожит.
Только как бы сильный демон, в пыльном облаке клубясь,
Счастье не поверг, что Дарий с помощью богов воздвиг.
Сердце в размышленьи горьком родило двойную мысль:
Без сокровищ человеку полной славой не сиять,
Но сокровищ без владельца слава тоже не светла.
Царский дом наш изобилен, но боюсь, померкнет глаз.
А богатств и дома глазом я хозяина зову.
Если так бывает в жизни, добрый дайте мне совет,
Персы, старики седые, слуги верные царя.
Только в вас моя опора, слов надежных жду от вас.

Старший в хоре

Знай, земли родной царица, слов не нужно повторять,
Мы твои в речах и в деле, только бы хватило сил.
Самых преданных и верных в нас советников найдешь,

Атосса

(садится на ступени надгробья Дария. Хор почтительно склоняется перед ней)

Постель мою ночами обступают сны
С тех пор, как войско за море повел мой сын,
Державу ионийцев расточить стремясь.
Но миновавшей ночью сновидение
Как явь предстало. Вам его поведаю.
Мне снилось, две в нарядах пышных женщины
Стоят. Одна в убор персидский убрана,
Другая в одеяньи на дорийский лад,
Всех смертных женщин станом величавее
И красотой славнее, сестры кровные.
По жребию избрала эта родиной
Элладу, той земля досталась варваров.
И тут возник меж ними, так мне виделось,
Раздор великий. Сын мой укротил вражду,
Сестер обеих в колесницу впряг свою
И усмирил, и шею под ярмо пригнул.
Одна в наряде рабьем гордо шествует,
Покорно рот поводьям повинуется.
Зато другая вздыбилась. Руками в щепь
Сломала колесницу, сорвала ярмо,
И без узды помчалась, неподвластная.
В прах свергся сын мой. Тут пред ним отец предстал —
Печальный Дарий. Ксеркс, отца увидевши,
Одежды в клочья от стыда и горя рвет.
Сказала вам, что ночью в снах увидела.
С рассветом встала, руки ключевой водой
Обрызгала и к жертвеннику, щедрая,
Приблизилась, хотела хлебный колоб сжечь
Пред демоном, напасти отвращающим.
И вижу, к алтарю стремится Фебову
Орел. Друзья, немая в страхе встала я,
Гляжу, ширяет кречет вслед орлу. Настиг.
Впился, мозжит ужасным клювом голову,
Глаза прикрыл крылами. Тот без сил поник;

Застыло сердце. Страшно было видеть, вам —
Услышать. Сами знаете, сулит судьба
Удачу, будет сын мой средь людей велик.
Пошлет невзгоду, — ...никому неподданный,
Самодержавно также будет властвовать.

Старший в хоре

Черезмерно не заботят пусть тебя мои слова,
Не оставят беззаботной, мать почтенная. К богам
Припади, моли, да минет навожденья черный сон.
Пусть благое поспешенье сыну и тебе пошлют
И стране и милым близким. Возлияния потом
Соверши земле и мертвым. Заклинай, чтоб милосерд
Дарий, мертвый муж твой, ночью въявь представший пред тобой,
Сыну и тебе обилье из могильных недр послал;
Пусть во мраке расточится зло, как дым, как тень, как прах.
Так по совести гадаю, так советую тебе.
Завершится все на счастье. Вот мой суд, вот речь моя.

Атосса

Ты истолковал на благо сновидение мое,
Сыну нашему и дому друг, советник и судья.
Пусть добро владеет нами. Все, что мне ты указал,
Будет воздано бессмертным и любимым во гробах.

(Подымается со ступеней. Входит на колесницу.)

В царский дом свой возвращаюсь. Но узнать хочу сперва,
Други, где лежит тот город, что Афинами зовут.

Старший в хоре

Далеко, где в море солнца тонет заходящий луч.

Атосса

Почему же хочет сын мой этот город расточить?

Старший в хоре

Вся тогда земля Эллады станет данницей царя.

Атосса

Велика ль там сила войска, много ль воинов в стране?

Старший в хоре

Много горьких это войско нанесло мидийцам ран.

Атосса

Метко ль руки ополченцев мечут стрелы с тетивы?

Старший в хоре

Нет, с копьем, щитом, доспехом в рукопашный бой идут.

Атосса

Чем еще силен тот город? Славится ль богатством край?

Старший в хоре

Там руды таятся жилы, клад серебряный земли.

Атосса

Кто ж погонщик властный войска, самодержец кто у них?

Старший в хоре

Не рабы они у смертных, не подвластны никому.

Атосса

Как же ярость отражают неприятеля в бою?

Старший в хоре

Дария поход великий рухнул, ими поражен.

Атосса

Горько вспомнить о погибших безутешным матерям.

Старший в хоре

Думаю, узнаешь скоро достоверно все сама.
Быстрым шагом поспешает к нам персидский посланец.
Верно, он с собой приносит добрую ль, дурную ль весть.

(Быстро входит Посланец.)

Посланец

Вам горе, города обширной Азии,
Сокровищ стан, персидская страна, увы!
Один удар в ничто низверг великое
Преизобилье. Цвет земли персидской пал.
Ужасно быть несчастья первым вестником,
Но неизбежно горечь всю до дна испить.
О персы, все погибло войско варваров.

Хор

А-ай горе, ай-ай горе!
Злая, злая, злая боль!
Насмерть боль!
Персы, вам слезы лить!
Сердце пробито болью.

Посланец

Там все разбито, уничтожено совсем!
Я сам не чаял увидать возврата свет.

Хор

Ай-ай долго, увы, долго,
Слишком долго жили мы.
На что ты нам,
Дряхлый век? Чтоб седым
Ужас узнать нежданный.

Посланец

Сам очевидец, не с чужих речей рассказ.
Услышьте, персы, участь войск погубленных.

Хор

Ото-той, напрасно
Неисчислимые, необозримые
Слала Азия полчищ тучи
Против страшной Эллады.

Посланец

Телами злополучных мертвых устланы
Излучья Саламина, берега кругом.

Хор

Ото-то-той, любимых
Трупы печальные, трупы набухшие
Бьются в пене морских прибоев
Меж досок корабельных.

Посланец

Не помогли нам стрелы. Войско все ко дну
Пошло, триер таранами сраженное.

Хор

Так плачь же, плачь, Персия!
Вопи, несчастная!
Рыдай над войском сгубленным!
Вдребезги все! Все вконец пропало!

Посланец

Ай Саламин! Нет ненавистней имени!
Ай-ай Афины! Вспомню, и навзрыд кричу.

Хор

Афины! Злой город, злой!
Забыть нельзя вовек!
О, сколько женщин в Персии
Плач по мужам, по сынам подымут.

Атосса

Молчу. Стою столбом окаменелая,
Прибитая печалью. Всяких слов страшней
Беда. О чем сказать, о чем вопрос задать?
И все же: раны, богом нанесенные,
Терпеть для смертных неизбежно. Все скажи.
Пусть рвется сердце, — говори! Взнуздай печаль!

Кто, кто не умер? И кого оплакивать
Из скиптроносных полководцев? Кто, увы,
Теряя жизнь, оставил без вождя войска?

Посланец

Сам Ксеркс живет и видит солнца ясный свет.

Атосса

Свет ясный возвестил ты дому нашему
И после черной ночи утро белое.

Посланец

Полков военачальник конных Артембар
Плывет, мертвец, у грустных Силенийских скал.
Дадак, начальник лучников, копьем пробит,
Противу воли в волны с корабля прыгнул.
Вожак бактрийцев, быстрый Тенагон, гниет
На острове Аянта. Бьет прибой над ним.
Лелей, Арсам и с ними третий, Аргестей,
Над голубиным берегом о кремни гор
Разбили череп в пене, побежденные.
От нильских устьев далеко египтяне —
Арктей, Адей и третий со щитом большим,
Фарнух, — им стал корабль могилой братскою.
Погонщик полста тысяч черной конницы,
Маталл из Хрисы смерти грозный час узнал.
В летучих космах золотую бороду
Окрасил густо в пурпур, — крови черный цвет.
Араб-магиец и бактрийский князь Артаб
На каменистом мысе истлевают в прах.
Амистр и Амфистрей, копейщик бешеный,
И великан Ариамард, в печаль одев
Родные Сарды. И Сисам, мисийский князь,
Пять раз пятидесяти парусов главарь.
Фариб, лирнеец родом, красотою бог,
На жестком ложе мертвым почивает сном.
И Сиеннес, храбрейший из храбрейших, князь
Косматых киликийцев. Много ран один

Врагам нанес он и погиб прославленный.
Из тысяч мертвых этих я назвал тебе,
Безмерных зол припомнил долю малую.

Атосса

Кромешных бедствий слышу вести черные,
Стыд Персии, печали вопль пронзительный.
Еще одно поведай, вспять вернув рассказ:
Как много было кораблей у эллинов,
Что с воинством персидским средь зыбей сойтись
В смертельной сшибке кораблей осмелились?

Посланец

Считать числом, так победили б варвары
Наверняка. Не насчитать у эллинов
И тридцати десятков кораблей никак.
А Ксеркс повел громаду (знаю в точности)
Из тысячи тяжелых кораблей, и к ним
Как ветер быстрых двести семь. Сочти число!
Но не суди, что сила победила нас.
Нет, некий демон войско расточил в бою,
С неравным счастьем нашу чашу вниз нагнув.
Паллады город сами боги берегут.

Атосса

Так стены не разрушены афинские?

Посланец

Ее оплот и стены — граждан мужество.

Атосса

Но как сраженье разгорелось на море?
Кто ринулся на приступ? То ли эллины,
То ль сын мой, доверяясь кораблей числу?

Посланец

Аластор-мститель иль другой враждебный дух
Был, госпожа, всей пагубы зачинщиком.

Из войск афинских некий эллин в стан пришел
И Ксерксу, сыну твоему, солгав, сказал,
Что будто, только ночи черный мрак падет,
Не станут медлить эллины, но, кинувшись
К смолистым веслам, кто куда рассыплются,
Чтоб в тайном бегстве жизнь сберечь сладчайшую.
Услышал Ксеркс. Ни чужака не чаял он
Лукавой лести, ни бессмертных зависти.
И так велел он корабленачальникам:
«Едва лишь солнца раскаленный луч падет
Под землю и охватит воздух ночи тень,
Пусть в три отряда корабли построятся
И все проливы стерегут и стрежни все.
У острова Аянта пусть стоит заслон,
И если зла избегнет кто из эллинов,
На корабле сквозь стражу проскользнув в ночи, —
За то заставе головою отвечать».
Так царь, высокомерный чересчур, велел.
Не знал, что̀ божествами предумышлено.
И все приказу чинно повинуются.
Сварили ужин. Каждый мореход весло
Ремнями туго подтянул к уключинам.
Когда же в море свет последний канул дня
И ночь возникла, поднялись на корабли
Гребцы и воины вооруженные;
Звено к звену, ряды перекликаются,
И корабли поплыли, как велел приказ.
Всю ночь в заливе тесном расставляли в строй
Громаду флота кораблевожатые,
И ночь прошла. Стояло войско эллинов
Не сдвинувшись, о бегстве не помысливши.
Когда ж промчался в небе белоконный день
И даль зажег сияньем ослепительным,
Над морем загремела песня эллинов,
Запев отважный, и стократным отгулом
Отозвались уступы побережных скал.
Тревога заронилась в сердце варваров.
Надежда сгасла. Не к побегу песнь звала,

Торжественное величанье эллинов,
А к мужеству, к отпору, к непреклонности.
Пронзительные трубы звоном вспыхнули,
По мановенью кормчих весла врезались
В простор соленый, вспенившись вскипела хлябь,
И ясно видим, вмиг пред нами флот предстал.
Шло головным крыло в походе правое
В сплоченьи стройном. Поезд кораблей за ним
Поплыл, и слышны были крики звонкие:
«Вперед, сыны Эллады, устремитесь в бой!
Освободите алтари родных богов
И прадедов могилы! Бой идет за все!»
И по-персидски с наших кораблей взлетел
Ответный гомон. Медлить было нечего.
Тараном медным врезался корабль в корабль.
На приступ первой эллинская ринулась
Галера, с парусника финикийского
Опалубку сорвав. Корабль когтит корабль.
Сперва в бою держалось войско варваров.
Когда ж в теснине корабли персидские
Столкнулись, весла сокрушая тяжестью,
Друг друга клювами бодая медными,
Тут ни защиты не было, ни помощи.
Искусно наших окружая, эллинов
Стремились корабли. И опрокинутых
Судов кили носились. Под обломками
Снастей разбитых в толпах тел утопленных
Не видно моря. Густо мертвецы лежат
На отмелях и скалах. Побежали все,
Кто уцелел из ополченья варваров.
Как острогою рыбаки косяк тунцов
На стрежне бьют, топтали и топили нас
И погребали мертвых под обломками.
Победный гул мешался с воплем ужаса
Над солью моря. Тут сошла ночная чернь.
Всей бездны горя мне до дна не вычерпать,
Хотя бы десять суток слезный длил рассказ.
Знай твердо, никогда еще за день один
Не умирало столько сыновей земли.

А т о с с а

Ай-ай, прорвалось горя море горькое
На персов и на всю отчизну варваров.

П о с л а н е ц

Но знай, до середины зло не выпито.
Такая тяжесть бед на нас обрушилась,
Что вдвое перевесит все, что сказано.

А т о с с а

Какая же печаль еще печальнее?
Напасть какую войска назовешь еще,
Чтоб до краев наполнить чашу горечи?

П о с л а н е ц

Цвет Персии, сыны ее юнейшие,
Отважнейшие, родом знаменитей всех,
Царя телохранители вернейшие,
Все умерли. Убила всех старуха-смерть.

А т о с с а

Ой жалость, ой досада, ой беда, друзья!
Но как настигла этих гибель? Все скажи.

П о с л а н е ц

Есть в море остров возле Саламинских скал,
Безлюдный, недоступный кораблям. Там Пан,
Друг хороводов, бродит у разбега волн.
Туда послал несчастных царь и дал приказ,
Когда враги с обломков корабельных вплавь
На берег устремятся, не щадя убить.
Своим же быть подмогой, в волнах тонущим.
Не чаял царь грядущего. И в день, когда
Бог дал победу эллинам в морском бою,
Враги пришли закованные в медь, спрыгнув
На берег с кораблей, кольцом чудовищным
Весь окружили остров, тропы, щели все.

И шли, и гибли, камнями пробитые
С пращей ременных, стрелами, летящими
Со свистом с тетивы тугой, пронзенные.
Но наконец одним отважным приступом
Ворвались. Рубят наших, истребляют, бьют,
Пока у всех дыханья не похитили.
И застонал, увидя дно страданий, Ксеркс:
На крутояре, над заливом, трон царя
Стоял. Оттуда он глядел на войско все.
Порвав одежды, Ксеркс вопил пронзительно.
Отдал приказ поспешный войску пешему,
И в гиблом бегстве потерялся. Вот и все.
Теперь поплачь, еще ты мало плакала.

Атосса

Ужасный демон, как жестоко предал ты
Надежду персов! Горько отомстил мой сын
Афинам знаменитым. Мало ль было их,
Погубленных у Марафона варваров!
За них искал отплаты мой несчастный сын,
А на себя обрушил тяжесть стольких зол.
Но ты скажи, где корабли бежавшие?
Ты где их кинул? Знаешь? Ясный дай ответ.

Посланец

От гибели ушедших кораблей вожди
Бежали врозь, отдавшись ветра прихоти.
Другие в неприветливой Беотии
Погибли, жаждой мучась у прозрачного
Источника. Другие, тяжело дыша,
Изнемогли в Фокейской ледяной земле.
В Дориду побежали мы, к Мелийскому
Заливу, где Сперхей через поля течет
Медлительно. Оттуда в глушь ахейскую.
Нас приютили города Фессалии,
Понурых, нищих. Там погибли многие
От голода и жажды. Зло плелось за злом.
Оттуда шли в Магнесию, потом пошли

Землею Македонской, к броду Аксия,
Через камыш и топи Болба, в горный край
Пангея, к Эдонийцам. В ночь одну тогда
Бог стужу раннюю наслал и Стримона
Русло святое льдом сковал. Кто божества
Не чтил дотоле, тут взмолился набожно,
Земле и небу кланяясь, упавши ниц.
Молилось долго войско и с отчаяньем
Потом по льду через замерзший брод пошло.
Кто перебрался, прежде чем полдневный луч
Бог накалил, спасенья жребий вытянул.
Вспылавши, солнце оком ослепительным
Прожгло и зноем растопило льдистый мост.
Все друг на друга ринулись. И счастлив тот,
Чей прежде дух изнеможенный отлетел.
А те, кто уцелели, через Фракию
Прошли походом, в несказанных бедствиях.
Уж беглецы подходят, горстка малая,
К земле родной. Столица персов, слезы лей,
По молодежи милой тосковавшая!
Вот правда; обо многом умолчал еще
Из бед, на персов божеством обрушенных.

(Уходит Посланец.)

Старший в хоре

О беспощадный демон! Слишком яростно
Ты растоптал ногами весь персидский род.

Атосса

Ой, горькой мне! Ой, войску перебитому!
Ой сновиденье, мне в ночи представшее!
Как явственно всю пагубу открыло ты.

(К хору)

А вы чрез меру дурно нагадали мне.
И все же — в этом ваше слово правое —
Богов я буду умолять о милости.
Потом земле и мертвым принесу дары,

Для жертвы колоб. взяв из дома нашего.
Молю не о свершившемся, — все знаю, все, —
О будущем. Пусть сжалится идущий день!
А вас прошу, все, что случилось, взвесивши,
Совет промыслить добрый, помощь верную.
А если сын мой ранее меня придет,
Приветствуйте его и проводите в дом,
Чтоб не копилось к горю горе новое.

(Уходит Атосса. Молчание. Затем начинается музыка.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Старший в хоре

Вседержавнейший Зевс, ты в ничто растоптал
Ныне персов старинную гордую мощь,
    В прах развеял войска.
Ты высокие Сузы и кремль Акбатан
Покрывалом подернул печали.
Будут многие матери хилой рукой
Рвать холсты в лоскуты,
Будут падать тяжелые слезы на грудь
Матерей: горе ранило многих.
Жены юные персов, по милым мужьям
Тосковавшие, ласки на мягких коврах
Ожидавшие в долгие ночи без сна,
Обманули вас молодость, сладость и страсть, —
Ненасытно, протяжно рыдайте!
Злополучную участь ушедших и мы
С сердцем, болью пробитым, оплачем.

Хор

СТРОФА 1

Стенает вся, полным-полна,
Азийская сирота-земля.
Нас Ксеркс, ой-ой, в поход повел.
Нас Ксеркс, ой, боль, под нож подвел.
Нас Ксеркс сгубил, славолюбивый, гордый царь,

Вверив морю корабли.
Почему же зол не знал
Старый Дарий никогда,
Лучник, войска водитель,
Суз любимый владыка?

АНТИСТРОФА 1

И пеший люд, и люд морской —
Синя корма, паруса белы —
Их корабли в поход везли,
Их корабли на смерть свезли,
Их корабли — туда, где губит мстительный
Грозный ионийцев меч.
Беглый бродит, говорят,
Сам великий государь
По равнинам фракийским,
По студеным дорогам.

СТРОФА 2

Вы, пораженные роком — ой!
Бледной первенцы смерти — увы!
У надбрежий Кихрейских — оа!
Тлеют трупы. Рыдай! Вопи! Громко кричи от горя!
К небу кричи! Ой-оа-ой!
Пусть далеко несется
Печаль, вопль смертельной боли!

АНТИСТРОФА 2

Мертвых кидают приливы — ой!
Твари безмолвные моря — увы!
В тело вспухшее вгрызлись — оа!
Плачет дом без хозяина, мать и отец о сыне
Громко кричат. Ой-оа-ой!
Дряхлые плачут старцы,
Пригнул жребий город долу.

СТРОФА 3

Азии страны не будут
Чтить всемогущество персов.
Кланяться власти персидской,

Иго нести господина.
В прахе ползать не станут,
В рабьем трепете. Ныне
Власть государя пала.

АНТИСТРОФА 3

Люди язык свой развяжут.
Вольно болтают народы,
Только лишь волю почуют,
Только ярмо ослабеет.
Горе! Берег кровавый,
Страшный остров Аянта
Мощь схоронили персов.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Выходит Атосса в скромной одежде.
За ней служанки несут приношенья.

Атосса

О други, тот из смертных, кто изведал жизнь,
Он знает: если ливень бед нахлынет в дом,
Всего боится человек, пред всем дрожит,
А улыбнется демон, всякий верить рад,
Что с ровным ветром будет плыть до пристани.
И для меня все ужасом полно теперь.
Во всем богов слепой мятеж мерещится,
В ушах звенят напевы погребальные, —
Так сердце истерзали боль и боли страх.
Дорогой той же я вернулась из дому,
Не в колеснице золотой, не в роскоши, —
Пришла пешком, чтоб сына моего отцу
Возлить над гробом — мертвым поминальный дар:
Коровы чистой молоко приятное,
Прозрачный ярый мед пчелы-цветочницы,
Из девственного родника воды струя,
Вино от дикой матери возросшее,
Не смешанное, терпкий ток старинных лоз,

И ласковой, всегда зеленолиственной
Маслины сладко пахнущая ягода,
И прядь цветов, землею щедрой вскормленных.
Друзья мои, над жертвой, в честь умерших душ,
Запойте песню! Призовите Дария
Почивший дух. Досыта землю черную
Я напою, поддонным божествам молясь.

(С жертвоприношением приближается к гробнице Дария.)

Старший в хоре

Госпожа престарелая, Персии мать!
В дом ушедших под землю ты жертву пролей,
В песне будем просить, чтоб вожатые душ
К дню взвели милосердных усопших.
Величавые демоны недр гробовых,
О Земля, о Гермес, повелитель теней,
Возвратите на землю почившего дух, —
Если есть избавленье от черных судьбин,
Он один нам укажет спасенье.

(Склоняется у гробницы Дария. Тревожная музыка заклинанья душ.)

Хор

СТРОФА 1

Слышишь меня, благостный дух, равный богам умерший царь.
Варварским стоном
К тебе горе мое кричит,
Тоски дико звенящий вопль,
Рыданье смертной страшной боли.
В гробе слышишь меня, царь?

АНТИСТРОФА 1

Слышишь, земля, слышите вы, боги могил, душ пастухи?
Шлите из гроба
Его — демона Персии.
Он свят, в Сузах рожденный бог.

О, шлите! В мгле домов могильных
Персов умерших царь он.

СТРОФА 2

Вождь дорогой! Гроб дорогой! Клад дорогой в земле почиет.
Вожаком будь, Айдоней!
К нам из недр шли, Айдоней,
Душу властителя бога Дариэя!

АНТИСТРОФА 2

Он никогда не предавал слуг и друзей в кровавых сечах.
Боголюбцем Дарий слыл,
Боголюбцем Дарий жил,
Войско водил он к победам, царь счастливый.

СТРОФА 3

Баал, старый бог Баал, выйди, приди!
Встань на забрале, встань над гробом!
Пусть сафьян ал расцветит в блеск
Твой сапог, царь,
А на лбу пусть горит сноп золотой тиары.
Выйди, отец, блаженный Дариэй бог!

АНТИСТРОФА 3

Услышь вести новых бед, горе-напасть.
Смилуйся, царь царей, и выйди!
Нас одел в ночь маеты злой
Гробовой мрак,
Растоптал враг, сгубил юности нашей поросль.
Выйди отец, блаженный Дариэй бог!

ЭПОД

Ай-ай! Ай-ай!
Близким на слезы ушел ты подземь.
Господин, господин, узнай,
Что простерто в отчаянии, в смерти, в беде
Царство твое, царь.
Корабли остроносые в щепы,
В щепы разбиты, разбиты.

(Над могилой появляется в торжественных царских одеждах тень Дария.)

Тень Дария

О верные, весны моей ровесники!
Вожди седые персов. Чем больна страна?
Она вопит, колотится и бьется в кровь.
Моя вдова приносит жертву мне на гроб.
Страшусь, но жертву принимаю ласково.
А вы, могилу обступивши, плачете
И, душу воплем властным заклиная, тень
Мою зовете. Из гробов печален путь,
Ужасен. Быстро боги преисподние
Пленяют душу, возвращают нехотя.
Но узы смерти я попрал и прихожу.
Поторопитесь. Времени ловите бег.
Грызет какое персов горе новое?

Хор

Страх сковал: взглянуть не смеем,
Страх связал, сказать робеем.
Вяжет старый страх колени.

Тень Дария

Вышел я из недр могильных, воплем вызванный твоим.
Не растягивай рассказа! Прямо, смело все скажи!
Страх забудь благоговейный, пусть короткой будет речь.

Хор

Дрожь берет — таить несносно.
Дрожь гнетет — открыть ужасно.
Как сказать, что несказанно?

Тень Дария

Что ж, когда старинный трепет ваше сердце леденит,
Ты, ночей моих подруга, ты, седая госпожа,
Мне ответь. Сдержи рыданья, слезы едкие уйми!
Человеческая участь — сердце ядом слез питать,
Много на море печалей, много горя на земле
Настигает человека, если долго длится жизнь.

Атосса

Средь людей, женой рожденных, счастьем ты счастливей всех.
В дни, когда видал ты солнце, был завиден жребий твой.
Прожил славный век и, гордый, был для персов богом ты;
Смерть твоя вдвойне завидна: умер, не изведав бед.
Всю печаль узнаешь, Дарий, в слове горестном одном.
Рушится держава персов. Вот теперь ты знаешь все.

Тень Дария

Что же сталось? Черной язвы ураган? В стране мятеж?

Атосса

Нет, другое: войско персов под Афинами легло.

Тень Дария

Войско вел к Афинам кто же из сынов моих, скажи?

Атосса

Войско Ксеркс повел отважный, материк опустошив.

Тень Дария

Сухопутьем или морем в дерзкий выступил поход?

Атосса

Так и так. Двойное войско шло на бой с двойным лицом.

Тень Дария

Как несметную пехоту перевел через пролив?

Атосса

Море Геллы перепряг он, перебросив шаткий мост.

Тень Дария

И достиг? Великий Босфор самовластно запрудил?

Атосса

Совершил. Жестокий демон сердцем завладел царя.

Тень Дария

Ой напасть! Ужасный демон отуманил мозг его.

Атосса

Безрассудному желанью горький счет подвел конец.

Тень Дария

Что же с войском совершилось? Слезы льете почему?

Атосса

Корабли погибли в море, войско пешее сгубив.

Тень Дария

Все пропало ополченье, перебито все копьем?

Атосса

Плачут о злосчастных мертвых площади пустые Суз.

Тень Дария

Горе! Царственное войско! Грозный воинский набор!

Атосса

Перебит народ бактрийский, — молодежь, не старики.

Тень Дария

Горе! Юношество сгибло храбрых преданных друзей!

Атосса

Ксеркс один в степях пустынных, горсть изнеможенных с ним.

Тень Дария

Что? Погибли? Как? Пропали? Нет надежды никакой?

Атосса

Подошли к мосту, что вяжет материк с материком.

Тень Дария

И на родину вернулись? Достоверна эта весть?

Атосса

Правда все. Рассказ надежный. Нет сомнений, весть верна.

Тень Дария

Ужас! Черных прорицаний быстро сбылся горький смысл.
Предреченную на сына пагубу обрушил Зевс.
Чаял я, в веках далеких совершится суд богов.
Если ж к смерти смертный рвется, бог глупца всегда толкнет.
Вот родник безмерных бедствий, хлынувший на милых всех.
Но в дерзаньи юном сын мой проглядел обман богов.
Геллеспонт святой замкнул он, цепью как раба связав.
Стрежень обуздать хвалился Босфора — реки богов.
Море в сушу превративши, в кованные кандалы,
Впряг пролив он, путь огромный для огромных войск пробив.
Смертный человек, бессмертных в слепоте принудить мнил,
Приневолить Посейдона. Вижу, черная болезнь
Сына разум отемнила. Трепещу, чтоб жизни труд,
Тяжкий клад моих сокровищ, вора прихотью не стал.

Атосса

Злых советников послушав, впал в беду отважный Ксеркс.
Гул гудел, молва шумела, будто яростью копья
Ты сынам богатства добыл. Он же, робок и ленив,
Сидя дома, приумножить клад не может родовой.
От людей недобрых слыша горький смех и злой покор,
Сын поход замыслил черный, против эллинов войну.

Тень Дария

Вот кто причинен в деле ненавистнейшем,
Незабываемом, тягчайшем. Не было
Такого в Сузах стольных разорения,
С тех пор как Зевс владыка учредил навек,

Чтоб царь один всю Азию просторную,
Стада овец питающую, скиптром пас.
Мид — вот кто первым был орды водителем.
Но основал державы силу сын его,
Со смелым сердцем, разумом обузданным.
Был третьим Кир; счастливый государь, своим
Народам многим мощный даровал он мир.
Страну лидийцев он попрал и Фригию
И всю насильно растоптал Ионию.
Но был он мудр, и боги с ним не спорили.
Был Кира сын четвертым князем Персии,
А пятым правил Мардий — на позор отцу,
На стыд престолу древнему. Хитро убил
Негодного в палатах Артафрен храбрец.
С товарищами подвиг им вручен судьбой.
Мне выпал власти жребий, как я сам желал.
И с многим войском много вел я славных войн,
А злом таким, как ныне, не казнил страну.
Но молод сын мой, Ксеркс, и молодая спесь
Слепит его. Отца заветы сын забыл.
Вы, сверстники годов моих, вы знаете, —
Никто из нас, самодержавно правивших,
На свой народ так много не обрушил бед.

Старший в хоре

О государь мой Дарий. Цепь речей куда
Ведешь? И как напасть невыносимую
Нам во спасенье обратить для Персии?

Тень Дария

Войною не идите против эллинов,
Хотя б была еще мощней орда мидян.
Сама земля для эллинов союзница.

Старший в хоре

Союзница народу, говоришь, земля?

Тень Дария

Казнит врагов, числом чрезмерных, голодом.

Старший в хоре

Пошлем в поход немногих храбрых, избранных.

Тень Дария

Нет. Даже войско, что сейчас оставлено
В Элладе, не увидит возвращенья дня.

Старший в хоре

Как, разве войско не вернется варваров
Чрез море Геллы из Европы в край родной?

Тень Дария

Вернется горсть из многих. Если веру дать
Предвещанному богом, на насущную
Беду взглянув. Одно сбылось, все сбудется.
И что же? Войска избранного множество
Оставил царь, надеждам лживым вверившись,
В равнине, где Асоп средь камышей кружит,
Поилец милый жирных беотийских нив.
Удар тягчайших бедствий ждет несчастных там —
За гордость и кощунство пеня горькая,
За то, что не чинились эллинских божеств
Кумиры грабить, храмы вековые жечь.
Богов престолы разорили, алтари
Расточены, раскиданы, разбиты в пыль.
За это все, кто злое совершил, тот злом
Наказан будет злейшим. Чаша горечи
Все не полна. Весы еще накренятся.
Прольется в искупленье конных персов кровь,
Прольется у Платеев от копья дорян.
Могильные курганы языком немым
Вослед идущим скажут поколениям,
Чтоб человек не заносился в гордости.
Растит высокомерье колос злой вины
И созревает жатвою чудовищной.
Вы, видевшие воздаянье страшное,

Не забывайте об Афинах эллинских.
И бойтесь, бога дар презрев, чужих богатств
Возжаждав, счастье разрушать насущное.
Отмститель помыслов высокомерных, Зевс,
Судьею правит и ведет тяжелый счет.
Вы, научившись мудрости и скромности,
Безумца вразумите речью кроткою, —
Пусть смелость святотатственную бросит прочь.
А ты, седая Ксеркса мать, вдова моя,
Иди к дворцу, наряды золотые вынь
И сына встреть. От боли и отчаянья
Узорные одежды на груди своей
Он изорвал в лохмотья, в лоскуты, в клочки.
Приветливою речью сердца боль смягчи!
Тебя одну, я знаю, стерпит выслушать.
А я иду под землю, в гробовой покой.
Вы, старики, прощайте! Пусть тяжел урон, —
Пока над вами светит солнце, радуйтесь.
А мертвым счастья и богатств ненадобно.

(Тень Дария исчезает.)

Старший в хоре

Как много бед нахлынуло, как много бед
Нахлынет. Слышу, и пронзает сердце боль.

Атосса

Жестокий демон, как ужасно мстишь, как зло!
Но пагуба последняя всего больней. —
Позор увидеть сына, в рваном рубище
Бредущего, в лохмотьях, с плеч спадающих!
Пойду, в дому возьму уборы лучшие,
Навстречу выйду сыну ненаглядному,
Дитя в несчастьи не предам любимое.

(Уходит. Хор остается один. Музыка.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Славной, великой, народами правящей гордой высокой державою
Были мы, когда
Сильный, щедрый, любимец побед, государь,
Богу подобный, правил старый Дарий.

АНТИСТРОФА 1

Славные в славные битвы войска мы водили, законы давали мы
Крепким городам.
Из походов без жертв, без утрат, без потерь
Войско в родную возвращалось землю.

СТРОФА 2

Сколько взял городов государь! Но войска не водил через Галис,
Стен не покидал дворца.
Села в топях над Стримоном, села на сваях, болотные села
У границ фракийских,

АНТИСТРОФА 2

Села, выше на взгорьях с бойницами башен, в венце укреплений
Воли слушались царя.
И над Геллы проливом цветущие волости, над Пропонтидой,
У истоков Понта.

СТРОФА 3

Острова среди хлябей, в кольце из бурунов,
Сторожа материка:

Хиос, Лесбос и Самос, по осший маслинами,
Миконос, Парос и Наксос и с горным Теносом рядом
По соседству Андрос.

АНТИСТРОФА 3

Правил царь у надбрежий, питающих крабов,
Икара и Лемноса,
Силой властвовал в Родосе, Книдосе, Пафосе,
В Киприях, в Солах и, ах, в Саламине. Выстроен город
Теми, кто сгубил нас.

ЭПОД

Царь владел многошумными, людными, высокостенными всеми
В Ионийском краю славном столицами.
Войско ему подчинялось, тьмы тысяч ополченцев.
Храбрецы, сто народов.
Ныне видим, удачу войны божества повернули на гибель.
Сражены мы кроваво, в битве, в дальнем море.

В сопровождении немногочисленных дружинников, на боевой колеснице появляется Ксеркс. В свите его молчащая, убитая печалью царица Атосса.

ЭКСОД

Ксеркс

Вот я!
Из несчастных несчастный! Нечаянных зол
На меня опрокинула тяжесть судьба!
Опрокинул чудовищный демон беду
На персидскую землю. Как боль пережить!
Весь расслаб я, суставы бессильны мои!
Как отцам моих воинов в очи взглянуть?
Пусть бы Зевс среди стольких родных мертвецов
Схоронил и меня,
Неизбежности тленьем окутав!

Старший в хоре

Ой-ой-ой, государь! Войско гордое, ой!
Ой персидской державы и славы полет,

Ой поход храбрецов!
Жатву сжал беспощадную демон.
Вопит земля. Избит земли
Весенний цвет. Дополна набил
Персидским мясом преисподню Ксеркс.
Шагают в ад бойцы, стрелки,
Страны краса, толчея людей,
Толчея теней, все мертвым-мертвы.
Ай-ай, ай-ай, молодая мощь!
Весь Азийский край, государь земли,
В пыли, в пыли на колени пал.

Надгробный плач.

Ксеркс

СТРОФА 1

Это я, ой-ой, ой больно!
Окаянный! Я родной земле
На пагубу родился.

Хор

Чем я встречу, царь, тебя?
Безутешным стоном, ой!
Ненасытным плачем, ой!
Мариандской заплачкой, ой!
Текут, текут
Из очей опухших слезы.

Ксеркс

АНТИСТРОФА 1

Реки слез! Вопите, плачьте!
Голосите. Сам бог поверг
На смерть нечестивца.

Хор

Буду плакать и вопить,
О копьем убитых, ой!
Кораблях разбитых, ой!
Об утопленных милых, ой!

Кричу, кричу
И мешаю с криком слезы.

Ксеркс

СТРОФА 2

Ионнец простер нас,
Корабли разящий
Черный бог ионийцев.
Он над морем возник и скосил
Ужасную жатву.

Хор

Ой-ой, скажи нам, государь,
Где же дружина верная?
Где сподвижники твои?
Где великий Фарандак?
Сузас, Пелагон?
Где Псамис, Датам и Агдабат?
И где Сусискан,
Акбатанский боец?

Ксеркс

АНТИСТРОФА 2

Я покинул их мертвых,
С кораблей тирийских
В море павших, мертвых;
Саламинских прибоев волна
Швыряет мертвых.

Хор

Ой-ой, а где храбрец Фарнух?
Ариомард неистовый?
Где свирепый князь Севалк?
Где Лилей, царей дитя?
Мемфис, Фарибид?
Где Артембар и князь Масистр?
Где Гистихмас?
Государь, отвечай нам!

К с е р к с

СТРОФА 3

Беда мне, ой-ой!
К Афинам старинным, проклятым,
Тела убитых
Гонит волна за волной
К берегу. Гнить им на чужбине!

Х о р

Средь персов перс храбрейший,
Из верных верный, глаз твой,
Водитель тысячи тысяч,
Батаноха сын ненаглядный,
Где он, ответь, царь?
Сезама сын, Мегабата сын?
Ты покинул их, ой!
Боль, боль, ой больно!
За болью боль персов ранит, царь!

К с е р к с

АНТИСТРОФА 3

Кукушкой зовешь,
Кукушкой тоскливо кличешь.
Боль за болью меня грызет,
Сердце кричит, кричит в груди от боли.

Х о р

Тоска грызет по многим.
Где Ксанф, мардийских тысяч
Главарь? Анхар быстроногий?
Арсак, Диаксий бесстрашный?
Погонщики конницы —
Где Кегдадат и где Литимн?
В бою ненасытный Толм где?
Леденит, леденит меня боль, да боль!
Друзей не вижу
За колесницей, за твоим шатром, царь!

Ксеркс

СТРОФА 4

Мертвы, мертвы войска люди лучшие.

Хор

Мертвы без имени.

Ксеркс

Ай-ай, ой-ой.

Хор

Ай-ай, демоны
Нежданным злом свергли нас,
Негаданным. Страшно Беда взглянула.

Ксеркс

АНТИСТРОФА 4

Побиты мы — ой — навеки вечные.

Хор

Побиты на смерть, ой!

Ксеркс

Нова беда, нова беда!

Хор

Ионийцев люд корабельный
В недобрый час встретили мы.
Несчастен в битве народ персидский.

Ксеркс

СТРОФА 5

Несчастен! С войском я побит несметным.

Хор

Побит, увы! Кто жив из войска персов?

К с е р к с

Похода моего обломки видишь? Вот!

Х о р

Ой, вижу, вижу!

К с е р к с

Вот стрелами наполненный...

Х о р

Одно лишь это спас ты, царь.

К с е р к с

Колчан мой царский.

Х о р

Один, увы, из тысяч.

К с е р к с

Ополченья развеяны.

Х о р

Ионийцы в боях отважны.

К с е р к с

АНТИСТРОФА 5

Неустрашимы. Стыд я видел горький.

Х о р

Как корабли твои тонули, вспомнил.

К с е р к с

Крича, одежды на себе порвал я.

Х о р

Ой, стыдно, стыдно!

К с е р к с

Да, чрез меру стыдно.

Хор

Двойной нам стыд, тройной нам стыд.

Ксеркс

Нам стыд, врагу веселье.

Хор

Твоя сила разбита.

Ксеркс

Мое воинство в прахе.

Хор

Друзей пожрало море.

Ксеркс

СТРОФА 6

Плачь, плач, оплачь печали и домой иди.

Хор

Я плачу, от печали мру.

Ксеркс

Вопи, и воплям вторь моим.

Хор

Вслед за тобой рыдаю, царь.

Хор и Ксеркс

АНТИСТРОФА 6

О-то-то-той!
Напасть напала тяжело.
Ой, нелегко, ой тяжко!
Ударь, ударь себя! Ради царя ударь!

Хор

В отплату злом за зло от зла.

Ксеркс

Вопи, и воплям вторь моим!

Хор

С тобой, с тобою вместе, царь!

Ксеркс

Рыдая, слезы лей ключом.

Хор и Ксеркс

СТРОФА 7

О-то-то-той!
В одно смешались крик и боль.
Удар и плач, ой тяжко!

Ксеркс

Грудь в кровь терзай, заплачкой плачь мисийскою.

Хор

Страшно нам, страшно!

Ксеркс

И бороду седую вырви клочьями.

Хор

Прядь в пыль, прядь в пыль!
Плачу и рыдаю!

Ксеркс

Протяжно вой!

Хор

Кричу навзрыд!

Ксеркс

Одежды рви руками исступленными.

Хор

АНТИСТРОФА 7

Страшно нам, страшно нам!

К с е р к с

Рви волосы, о войске плачь погубленном.

Х о р

Прядь в пыль, прядь в пыль, плачу и рыдаю.

К с е р к с

Пусть льются слезы!

Х о р

Текут ручьями.

К с е р к с

Вопи, и воплям вторь моим!

Х о р

Ой-ой, ой-ой!

К с е р к с

Рыдай, кричи и в дом иди!

Х о р

Ай-ай, ай-ай!

К с е р к с

Столица персов, крут твой путь!

Х о р

Ой-ой-ой-ой!

К с е р к с

По городам клубится вой.

Х о р

Клубится по стране, ой-ой!

К с е р к с

Калеки, голосите!

Х о р

Оплачем трижды погубленных,
Оплачем в море потопленных.

К с е р к с

Столица персов, крут твой путь!

Х о р

Вослед тебе иду, рыдая, царь.

(Хор и Ксеркс покидают орхестру.)

К о н е ц т р а г е д и и

МОЛЯЩИЕ

ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΙΚΕΤΙΔΕΣ

Трилогия о дочерях Даная

1

«И не скажет никто, что когда-нибудь я образ женщины создал влюбленной», — так заставляет говорить своего Эсхила Аристофан в «Лягушках».

Как и во всех своих оценках эсхиловской поэзии, Аристофан здесь и прав и неправ. Образов, обуреваемых личной, слепой и страстной любовью, подобных «Федре» или «Сфенебее», в творчестве Эсхила действительно не найти. И все же поэт создал произведение, целиком посвященное теме любви, как ее понимал творец трагического театра. Обломок этой стариннейшей «трилогии о любви» мы имеем в трагедии «Молящие».

Миф, сохраненный нам в одном из поздних античных сборников—приписываемой Аполлодору «Вивлиофике», рассказывает: «У египетского царя Бела родилось двое сыновей — Данай и Египт. У Египта от нескольких жен было пятьдесят сыновей, у Даная — пятьдесят дочерей. Возник спор о власти. Данай, в страхе перед сыновьями Египта, построил пятидесятивесельный корабль и бежал вместе со своими дочерьми. Он причалил в Аргосе, где царь Гелланор уступил ему престол. Но сыновья Египта погнались за Данаем, приплыли в Аргос и потребовали его дочерей в жены. Данай согласился и разделил между ними своих дочерей по жребию. Но после свадебного пира он дал своим дочерям кинжалы, и каждая из них зарезала своего спящего жениха, — кроме одной, Гипермнестры. Она пощадила своего жениха Линкея, потому что он сохранил ей девичество. Данай бросил ее в темницу. Остальные дочери Даная закопали головы своих женихов в Лерне, а тела похоронили у городской стены. Афина и Гермес, по приказанию Зевса, очистили Данаид от кровавой вины. Потом Данай сочетал Гипермнестру с Линкеем».

В сухом пересказе позднего компилятора можно разгадать древнейшее смысловое зерно мифа. Девушки отказываются от брака с мужчинами. Они закалывают своих мужей. Это земля, отвергающая оплодотворение, бесплодная пашня. Дочери Даная зарывают головы убитых мужей в землю: на языке космических образов это и означает оплодотворение, осеменение. Здесь нет ни моральных оценок, ни исторической, политической конкретизации. История и политика включаются в миф, когда с середины VII столетия завязываются деятельные связи между Египтом фараонов и городами и островами Греции. С этого времени экзотические фигуры смуглых египтян появляются в греческой вазовой живописи, греческие божества охотно отождествляются с египетскими, греческие мифы прикрепляются к Нильской долине. Так и рождение Данаид переносится в Египет. В греческий Аргос они только бежали, спасаясь от преследования. Но как же оказались они, гречанки по происхождению, в Египте? А потому, что прабабкой их была аргосская царевна Ио, в скитаньях своих зашедшая некогда в Египет. Когда же возвратился род бежавшей в Египет Ио обратно в родной Аргос? Да именно тогда, когда, спасаясь от преследования, покинул Египет Данай.

Такую связную, исторически и географически конкретизированную форму приобрел древний космический миф, вероятно, уже в эпической поэме «Данаида», которая возникла, повидимому, в киренских колониях Греции и из которой нам сохранено несколько малозначительных стихов.

В приписываемом Гесиоду «Каталоге героинь», этой гигантской родословной книге греческой аристократической знати, также зарегистрирована судьба дочерей Даная. Космический миф становится генеалогическим документом.

Очень вероятно, что именно с этой эпической обработкой мифа связана первая (и чрезвычайно важная) идеологическая моральная переоценка. Почему дочери Даная противились браку с сыновьями Египта? Космический миф не отвечал на этот вопрос. Но теперь ответ дается. Данаиды и Египтиады кровно родственны друг другу. Они — дети двух братьев. Брак между кровными родичами, в частности между двоюродными братьями и сестрами, был вполне естественным и закономерным на древнейшей стадии родового общества. Он составлял основу того, что Льюис Морган называл «кровнородственной семьей». «Отношения между братом и сестрой на этой ступени семьи предполагают, как нечто само собой разумеющееся, половое общение» (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Еще резче высказался Маркс: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». Но с точки зрения позднейшего развития родового строя подобные кровные браки внутри рода стали почитаться делом беззаконным и неподобающим. Они стали кроваво преследоваться. Реформа греческой общественной жизни, связанная с VIII—VII веками до н. э., перестроила и семейное право. Вместе с появлением рабовладельческого государства, государственной территории, собственности, возникала семья как основная ячейка госу-

дарства, народа, собственности, и во главе ее — господин патриархальной семьи, рабовладелец, отец. Эта гигантская эпохиальная ломка требовала себе подтверждения в мифологии, в священной легенде. И вот сказанье о дочерях Даная становится ареной столкновения двух социальных идеологий. Основанные на кровнородственном праве притязания Египтиадов на брак с сестрами объявляются теперь кощунственными. Братья не имеют права на своих сестер. Только отец властен распоряжаться судьбой своих дочерей. Данаиды поэтому безусловно правы, убивая женихов по приказу отца. И боги очищают их от вины. Так столкнулись две правовые концепции. При этом за концепцией, данной в эпосе, — бесспорная правда прогрессивного, поступательного движения истории. Однако в ее четких и суровых нормативных требованиях нет места ни морали, ни личному выбору, личному чувству.

Эту моральную санкцию, а с ней и подлинный идейный переворот, внес в старинный миф Эсхил, создатель трагической трилогии о дочерях Даная.

2

Ранее Эсхила трагический поэт Фриних обработал тот же миф в трагедии «Египтяне». То малое, что мы о ней знаем, позволяет думать, что в очень существенном, даже центральном для смысла трагедии, пункте Эсхил отошел от своего предшественника. Мы еще подойдем к этому пункту, но раньше необходимо вглядеться в самое творенье Эсхила — вернее, в первую и единственно нам сохраненную часть этого творенья — в трагедию «Молящие».

Ее действие начинается на аргосском берегу. Стая беглянок — дочерей Даная — умоляет царя Аргоса о защите. Но почему бежали они от своих женихов — Египтиадов? Они «свадьбы боялись с кровной родней» («Молящие», 8), — говорит Эсхил, следуя эпической традиции мифа. Однако несколькими стихами далее мотивы бегства уточняются. «Вражда? Иль богу ненавистно? В чем беда?» — спрашивает девушек аргосский царь, как бы приводя доводы эпической традиции. И девушки отвечают ему: «Кто нас купил, кто нас попрал, того любить?» («Молящие», 348). И выше:

> А кто жену берет насильно, девушке,
> Родителю наперекор, тот чист? В аду,
> Мертвец, не убежит он от возмездия. (240—242)

Вот он — новый, эсхиловский мотив бегства дочерей Даная. Брак с Египтиадами им ненавистен не только как брак кровный, но и как брак насильственный. Так поставлен вопрос в «Молящих». Но не забудем, что перед нами — только первая часть трилогии. Что следовало дальше? По мифу, аргосский царь двинулся в бой против насильников Египтиадов и был убит. Данаю, объявленному царем, пришлось согласиться на брак

своих дочерей с сыновьями Египта. Но перед свадебной ночью он уговорил дочерей убить ненавистных женихов. Все это могло быть содержанием второй части тетралогии. А затем, как было уже рассказано, дочери Даная убивают женихов, кроме одной ослушницы — Гипермнестры. И тут античные комментаторы излагают нам два варианта мифа. По одному из этих вариантов, Египт, отец убитых женихов, потребовал отмщения за кровь сыновей. Последовало судоговорение, в котором Египт и Данай примирились, а Данаиды, вероятно, не без вмешательства богов, были оправданы и очищены. Другой вариант рассказывал, что обвиняемой перед судом выступила лишь одна из Данаид, Гипермнестра. И обвинялась она не в убийстве, а в том, что нарушила приказ отца и не пожелала убить жениха. Ясно, что оба эти судоговорения параллельны по своей драматургической функции и противоположны по смыслу. Оба они восходят к различным традициям. Какое же из них принадлежит Эсхилу? Сам поэт, кажется, дает ответ на это. В его «Прометее» мы находим пересказ и идейное толкование мифа о дочерях Даная, причем несомненно, что поэт излагает здесь как бы итог собственной версии этого мифа — собственной более ранней трилогии.

Пророча несчастной Ио о будущих ее скитаниях, Прометей говорит так («Прометей», 874 и сл.):

Земля Пеласга примет трупы женами
Зареванных, убитых в ночь бессонную.
Разрежет горло мужу своему жена...
Одну лишь завлечет желанье девушку,
И не поднять ножа ей на того, с кем спит.

Деянье Гипермнестры стоит, следовательно, в центре эсхиловской трилогии. Суд над Гипермнестрой — это эсхиловский вариант драматической разработки мифа.

А суд над Данаидами? Очень вероятно, что это был вариант, разработанный Фринихом в его «Египтянах». В таком случае идейная установка фриниховской трагедии понятна, и она вполне соответствует тому, что мы знаем о поэтическом мировоззрении этого предшественника Эсхила. Боги оправдали Даная и его дочерей, повинных в убийстве братьев-женихов. Рассмотренная уже нами апология отцовского права, во всей ее суровой и жесткой непримиримости, не усложненная никакими моральными или эмоциональными оценками, лежала в основе фриниховской версии. А в варианте Эсхила эта оценка дается. Уже не об оправдании Данаид идет речь. Нет, Гипермнестра нарушила волю отца, и все-таки она побеждает в споре и оказывается оправданной. Но почему же нарушила Гипермнестра приказанье отца? Мотивы, принятые Эсхилом, ясны из цитированных стихов «Прометея». И, что особенно знаменательно, — эти мотивы расходятся с другими, приводимыми, в частности, в упомянутой уже «Вивлиофике» псевдо-Аполлодора. Там говорилось недвусмысленно: «Гипермнестра пощадила жениха своего Линкея, потому что он в брачную ночь не тронул ее девичества». Линкей сохранил жизнь потому, что он не совер-

шил преступленья против нового семейного права. А у Эсхила совсем иначе. Гипермнестра пощадила Линкея, потому что «ее завлекло желанье», потому что она полюбила своего мужа в брачную ночь. И, несмотря на это, вернее, именно поэтому, она была оправдана.

Снова, как и в «Молящих», но еще значительно настойчивее, звучит здесь перед нами тема новой санкции брака, тема любви. И полное, мощное раскрытие этой темы — в третьей части трилогии. Сама Афродита, как свидетельствуют древние комментаторы, являлась там, чтобы защитить Гипермнестру и прославить животворящую силу и могущество любви. Нам сохранилось несколько замечательных строк из ее монолога:

Обнять желает Землю Небо страстное,
Земля желает страстно сочетаться с ним.
И дождь, с супружеского неба хлынув вниз,
Брюхатит Землю. И родит, набухшая,
Траву для стад овечьих и Деметрин хлеб.
Весну лесную Ливень в ночь супружества
Плодотворит. И я — всему зачинщица.

Разве у нас нет основания назвать трилогию о дочерях Даная — трилогией о любви? Разве, вопреки свидетельству Аристофана, не создал Эсхил древнейший в драматической литературе образ «влюбленной женщины»?

И все-таки, как сказано, Аристофан был и прав. «Влюбленная женщина» у Эсхила, как и вся его концепция любви, глубочайшим образом отлична от той всепоглощающей и разрушительной страсти, о которой будет через несколько поколений писать творец образов «Федр» и «Сфенебей» — Еврипид. Эсхил — один из созидателей нового афинского государственного строя, прославитель его морали. И он славит власть Афродиты, славит любовь как зиждительную основу нового брака — того, на котором, в противовес родовому варварству, он считает необходимым воздвигнуть новый государственный строй. Сумрачной ночи варварской родовой косности противопоставляет поэт восходящих Афин свою трилогию о новой семье и о любви мужчины и женщины. Этой трилогией он хочет осветить и очистить действительность своего века и народа. Он делает это с той же целеустремленностью, как и тот поэт, который две тысячи лет спустя противопоставил феодальной морали рода любовь своих Ромео и Джульетты. Эсхиловская трилогия о дочерях Даная — это «Ромео и Джульетта» античности. Но за ней остается преимущество: то, что она говорит, она говорит впервые в мировой истории.

И необходимо прибавить: в истории античного общества и позднее не было сказано более величавых слов во славу женщины и женской любви как основы семьи. Начавшийся позднее длительный процесс паразитического загнивания рабовладельческого общества скоро свел роль женщины к роли тупой молчальницы в доме и жадной проститутки на мужских попойках. Презреньем к женщине, насмешкой над семьей проникнута огромная часть античной литературы. Но будем помнить, что век Эсхила

и в этом отношении, как во стольких других, — это короткое, ослепительное, еще почти не тронутое тенями распада утро восходящей античной государственности.

Прославлению этой государственности посвящена и вторая, дополнительная тема «Молящих». Эсхил изобразил натиск Египтиадов, наталкивающийся на твердость Аргоса и его царя, как неистовое буйство варварского мира, находящее отпор в спокойной мощи эллинской государственности. На все лады, красками, доходящими до резкой карикатуры, изображены бесчинства, беззакония «дикарей» — сыновей Египта и их слуг. «Над эллинами, варвар, вздумал чваниться!», — отвечает, несомненно под бурные одобрения зрителей, посланцу Египтиадов аргосский царь. И он возвещает этому посланцу «в открытом, недвусмысленном слове», не «запечатанное» на варварский лад «в складки папируса», а «по-эллински» — прямо высказанное решение государства: оказать защиту угнетенным. В годы, следовавшие непосредственно за отражением персидского наступления, когда Афины вели войну именно под лозунгом защиты эллинских колоний и островов от гнета варваров, — эти установки трагедии получали, конечно, самый ясный политический смысл.

Эсхил стремится также всеми средствами возвеличить образ эллинского государства как государства, управляемого благими законами, как полиса. «Припали вы не к очагу домашнему царя», — отвечает девушкам царь. Принципы новой афинской государственности как «общего дела» полемически выдвигает здесь Эсхил в противовес архаическому пониманию государства как частной собственности власть имущих родов.

Сам мифический Аргос раскрыт поэтом как идеализированный образ современного ему афинского народоправства. Решение оказать защиту дочерям Даная принято общим голосованием народного собрания с соблюдением всей процессуальности, характерной для политической практики эсхиловских Афин.

Так разве же не верно, что «Молящие» Эсхила, трагедия, прославляющая идеологию новой семьи и нового государства,— это — при всем своем простодушии — глубокомысленный памятник великого века?

3

Но если так серьезна идейная установка этой эсхиловской трагедии, то в стилистическом отношении перед нами образец архаического искусства, сценический примитив.

Из тысячи с лишним стихов ее — лишь менее половины отдано диалогам и более шестисот стихов уделено хорам; это говорит об огромном преобладании лиризма в трагедии. Ее главное действующее лицо — хор. Судьбы хора, перипетии, постигающие хор, — вот что движет трагедию. Кроме хора, персонажей всего только трое; из них на орхестре одновременно выступает не более двоих. Диалог ведется почти всегда только между одним из актеров и хором. Старая форма беседы хора с «ипокритом» (ответчиком) — архаическое зерно трагедии — отчетливо предстает здесь

пред нами. А самые диалогические части трагедии состоят из семи-восьми пространных речей по тридцать-сорок стихов каждая и протяженных стихомифий; связанность, тяжеловесность тяготеют на этих диалогах. Действие происходит вокруг алтаря в центре орхестры. Самый язык трагедии изобилует ветхими речениями и простодушными оборотами речи. Нельзя сомневаться поэтому, что «Молящие» (как и «Персы») относятся к древнейшей части сохраненного нам наследия Эсхила. Семидесятые годы до н. э. — вот вероятнейшая дата их создания.

Впервые здесь имеем мы зерно драматической перипетии. С тревоги обнявших алтарь Данаид начинается трагедия. Появляющийся на боевой колеснице царь Аргоса колеблется оказать девушкам защиту. Отчаяние хора безмерно. Следует «спор» между ними и царем. Это — первый «спор» — «агон» греческого трагического театра, «агон» еще очень угловатый, наивный. Царь резко и неожиданно меняет решение. Тревога хора резко сменяется ликованием. Так перипетией заканчивается первый раздел трагедии. Второй содержит в себе славословие Данаид в честь новой их родины (один из лучших образцов политической лирики Эсхила) и завершается новой перипетией: появились корабли Египтиадов. Данаидам снова угрожает опасность. Хор снова резко переходит от радости к ужасу и отчаянью. Третий раздел трагедии дает нарастание динамизма. Отчаянные вопли хора. Дикие угрозы черномазого посланца Египтиадов. Беготня. Драка. Надо удивляться стихийному драматическому искусству Эсхила, выдвинувшему эту динамическую сцену к финалу своей трагедии.

Стремительная сцена массового движения, криков, плача резко прерывается появлением аргосского царя и его воинов. Два мира: варварство и Эллада стоят противопоставленными друг другу. Царь Аргоса прогоняет дикаря-посланца Египтиадов и обещает вооруженную защиту Данаидам. Третья и последняя в нашей трагедии перипетия. Хор переходит от печали к торжественному восхвалению Аргоса. Так от тревоги к радости, снова к отчаянию и опять к ликованию, — ясно и резко ведется линия драматического развития. Хор как лицо, эмоционально переживающее все ходы перипетий, радующееся, страдающее, надеющееся, стоит в центре этого драматического развития. Примем также во внимание простые, но монументальные зрелищные, а вероятно, и хореографические и музыкальные контрасты, которые даны в трагедии. Контраст вспугнутых девушек и аргосского царя, являющегося в окруженьи вооруженных воинов, те же девушки и яростный глашатай Египтиадов — например. Припомним и то нарастание, которое крепнет к финалу трагедии. И нельзя будет не признать следующего: пусть в «Молящих» перед нами всего лишь элементы театрального стиля, но это элементы подлинно грандиозного, величавого и «народного» трагического театра.

Как же развертывалась дальше трилогия о дочерях Даная? Как рассказывал приведенный уже нами эксцерпт из псевдо-Аполлодора, за высадкой Египтиадов в Аргосе последовало сражение между ними и аргосцами. Убитого царя Пеласга сменил Данай. Принужденный согла-

ситься на брак своих дочерей с сыновьями Египта, он вручил невестам перед брачной ночью кинжалы и приказал заколоть женихов. Этот отрезок мифа, вероятно, и был содержанием второй части трилогии. Говоря точнее, содержанием ее, при тогдашнем уровне драматической техники Эсхила, могли быть, вероятно, только самые приготовления к свадьбе и заговор дочерей Даная. Разнообразнейшие события, предшествовавшие роковой свадьбе, предполагались, следовательно, происшедшими в перерыве между трагедиями; о них только упоминалось. Легенда рассказывала, что «венчальная песня» — «гименей» — ведет свое происхождение от свадьбы дочерей Даная. Мы можем себе представить вторую часть нашей трилогии как развернутый свадебный обряд с соответственными песнями, церемониями, процессиями. Но решимость невест зарезать мужей в брачную ночь, все надвигающееся исполнение этого кровавого дела бросали тени трагической тревоги на общий праздничный фон свадебного веселья. Решающие драматические события кровавой ночи несомненно падали опять на перерыв между трагедиями. Основным содержанием третьей и последней части трилогии — трагедии «Данаиды» — был, как сказано, суд над ослушницей Гипермнестрой. Действие, вероятно, начиналось в утро после брачной ночи. Выбегая из спален, может быть, с окровавленными кинжалами в руках, Данаиды одна за другой появлялись на орхестре, образуя исступленный, исполненный яростного торжества хор мужененавистниц. Появлявшийся Данай, вероятно, рассказывал о совершенных убийствах и об ослушании Гипермнестры.

Дальнейшее развитие действия не может быть определено в точности. Участвовала ли в трагедии сама Гипермнестра, согласно мифу брошенная отцом в темницу, или действовал ее спасенный муж Линкей — ответить трудно. Но можно себе представить полные ярости и гнева песни хора дочерей Даная, постепенно переходящих к примирению и мягкости после того, как сама богиня Афродита (мы уже приводили этот отрывок) сказала величавое слово в защиту полюбившей Гипермнестры и во славу любви. Финалом трагической трилогии, раскрывающим идейный смысл всего творения, несомненно было прославление святости эллинского брака и новой семьи.

За трагической трилогией шла сатировская драма. Мы с почти несомненной уверенностью можем говорить об ее содержании. Каталог эсхиловских творений называет некую «Амимону». А миф рассказывает, что Амимона была одной из дочерей Даная. Заблудившись в поисках родника, она повстречала бога Посейдона, который воспылал к ней любовью и сочетался с ней в тенистой пещере. В награду бог показал девушке водоносный Лернейский родник. Эта шутка была подходящей концовкой трилогии о любви. Победоносная любовь еще раз торжествовала здесь над мужененавистничеством девственных дочерей Даная, торжествовала на этот раз весело и иронически, как и подобало в сатировской драме. Вероятно, сатиры преследовали прекрасную Амимону своими сладострастными домогательствами. Бог Посейдон отгонял козлоногих поклонников, насмешливо предлагая им:

«Тварь дикую охаживать, не девушек».

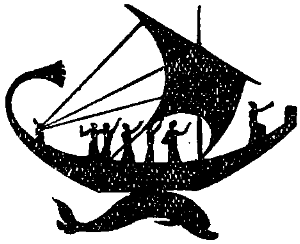
Затем сам бог обращался к Амимоне с недвусмысленным предложеньем:

«Тебе — обняться с мужем! Мне — жену обнять!»

А сатиры, оставшись не при чем, может быть подглядывали за любовью бога в тенистой пещере.

ДЕЙСТВУЮТ:

Данай, старик.
Царь Аргоса.
Глашатай сыновей Египта.
Хор дочерей Даная.
Хор служанок.

ПАРОД

На орхестре — жертвенник аргосских богов. Выходит хор девушек-дочерей Даная в тяжелых расшитых восточных одеждах, с ветвями в руках. Музыка.

Старшая в хоре

Зевс, заступник скитальцев! Прими с добротой
Стаю беглую! Морем, на утлых челнах,
Мы примчались от нильского, тонким песком
  Занесенного устья, святую
Сопредельную Сирии кинув страну.
Не пролитая кровь и не города суд
Нас, беглянок, прогнали из милой земли.
Нет же! Свадьбы боялись мы с кровной родней,
С сыновьями Египта в постыдную лечь
  Презирали постель.
Наш родитель Данай, наш учитель Данай
И водитель, обдумав костяшек игру,
Порешил, хоть и горько, но мудро:
Убежать без оглядки волною морской
И причалить к Аргосскому берегу. Там
От ужаленной оводом телки Ио,
От дыхания Зевса и Зевса руки
Род пошел наш. Так в песнях поется.
Так в какую же землю иную придти
  Нам милей, чем сюда!
Умоляющих ветви в пугливых руках,

Перевитые шерстью овечьей.
Здравствуй город, долина и чистый родник!
И небесные боги и боги глубин,
Тяжко мстящие, чтимые в недрах.
В-третьих — ты, Зевс-спаситель, для набожных всех
Сторож добрый! Пусть ласково примет страна
И доверчиво девушек вспугнутый рой.
А орду необузданных, наглых мужчин,
Заскорузлое племя Египта, — пока
Не коснулись песчаного яра ступней, —
Прогоните обратно, в кипенье зыбей,
На летучей, погибельной лодке. Пускай
Плеть метелей, столб смерчей, восстанье ветров,
Град и проливень, волноверть, молния, гром
Их средь моря потопят, погубят,
Чтоб постелью, которую бог запретил,
Посягнувши на нас, им родных по отцу,
Не насытились жадно, глумливо.

Хор

СТРОФА 1

Вот прибегаем к тебе,
Дед наш, Зевса телок!
Дай нам за морем помощь!
Ах, на лугу, в травах, в цветах,
Телка паслась — прабабка.
Ее коснулся Зевс и в лицо дохнул;
Именем Зевса навеки
    Назван ты,
Эпаф, дитя прикосновенья.

АНТИСТРОФА 1

Вот помянули тебя.
В травах, на сочном лугу
Матери нашей милой
Вспомним сейчас древней беды,
Древних скитаний повесть.
Слова не лживы — верно свидетельство.

Здешним покажется басней
Наша песнь —
Но постоит за правду правда.

СТРОФА 2

Стой тут вблизи здешний сейчас, птиц стереги,
Подслушай он жалоб наших,
Горестных песен стоны,
Станет думать — томясь в смертной тоске,
Жалостный плач
Шлет Терея жена, ой соловей,
От клюва коршуна спасаясь.

АНТИСТРОФА 2

Куст далеко, верный, родной! Где же гнездо?
Протяжно жалкует птаха,
Плачет о милом сыне.
Погиб он, милый, погиб. В гневе сама,
Слепо-слепа,
Ой, сгубила его, мачеха-мать.
Над сыном плачь, над долей плачь!

СТРОФА 3

Так упиваюсь тоской
Ионийских заплачек,
Щек царапаю пух,
Нежных, спаленных солнцем.
И сердце крушу, что слез не знало.
Срываю стонов бел-цветок.
Страшно мне. Здешним близким
О беглянках из черной долины
Нет заботы, горя нет!

АНТИСТРОФА 3

Боги, ой, боги отцов!
Вы же знаете правду. Услышьте!
Хоть и не сбудется все
По сердцу нам, по мыслям.
Но вам ненавистна дерзость дерзких.

Вам свадьбы мерзкие тошны.
Так и в бегстве уставшим,
Из сраженья бежавшим — защита
Божий храм и божий кров.

СТРОФА 4

Надо мной Зевса будет воля пусть!
Ой вы, Зевса мечты!
Не понять, не поймать вас!
Вспыхнет всполох огня,
Сумрак пронзит,
Дремучих судеб ночь —
Людям в утешение.

АНТИСТРОФА 4

В цель разит, мимо не бьет — неизбежна
Воля Зевса. Но жди,
Чтоб дозрела, доспела.
Затерялись в лесу,
Мхом заросли
Все пути божьих троп
И найти невозможно!

СТРОФА 5

Сметет в пыль гневный бог
Проклятый род с гордых башен
Слепых надежд.
Бог не сходит в битву.
Бог без борьбы волю вершит.
Только помыслил бог, с высот
Снежно сверкающих престолов, —
И свершится веленье.

АНТИСТРОФА 5

Взгляни, бог! Грех расцвел.
Надменный род дерзко зреет.
Постель сестер,
Тел девичьих ласку,
Силой хотят вырвать и смять.

Гонит, стегает страсти плеть
Темных скотов. Но страсть обманет,
Горько пожалеют.

СТРОФА 6

Горе, ой, горькое горе, тоска моя, слезы мои!
Плакать, ой, плакать мне, кликать, вопить!
Ио! Ио!
Мне над своей черной судьбой
Плачем рыдать надгробным.
Апии холм, сопка, бугор, слышишь?
Речь варваров — ее ты помнишь!
Быстрой, безжалостной, злою рукой
Рву в лоскуты кромчатый лен
Браных холстов сидонских.

АНТИСТРОФА 6

Богу отцов—благодарные слезы, рыданья, мольбы.
Только б от смерти настижной уйти!
Ио! Ио!
Черных судеб не разгадать,
Не задержать валов бег.
Апии холм, сопка, бугор, слышишь?
Речь варваров, ее ты помнишь?
Быстрой, безжалостной, злою рукой
Рву в лоскуты кромчатый лен
Браных холстов сидонских.

СТРОФА 7

Весло вело досчатый, легкий,
Канатами скрепленный дом
С попутным ветром, по разбегу волн.
Не ропщу. Но в бурях
Нам пошли покой,
Отец-вседержитель,
Снизойди, сжалься!
Поросль священной прабабки,
Лаской мужской — ай, ай —
Несмятая, нерушенная, пусть не вянет.

АНТИСТРОФА 7

На светлых нас светло тогда
Взирай, честная Зевса дочь,
С лицом девичьим, ясным, Артемида!
С силой и славой
Нам заступой стань,
Девушкам — девушка.
Защити! Сжалься!
Поросль священной прабабки,
Лаской мужской — ай, ай —
Несмятая, нерушенная пусть не вянет!

СТРОФА 8

Если ж нет, черные,
Солнцем опаленные,
Сойдем мы
К всеприимцу, к тусклому
Зевсу всех скончавшихся,
С ветками молитвенниц,
В петлях, ой, повиснем!
Забыли нас боги олимпийские.
О Зевс, ты, Ио бич,
Жених, палач, божий гнев!
Рука на мне
Жены твоей, в небе всевластной.
Тяжело дохнул
Ветер из тучи зимней.

АНТИСТРОФА 8

Зевс, тогда горькою
Речью попрекнем тебя:
Коровы
Кинул ты детеныша,
Хоть теленка сам зачал.
Взоры отвратил ты, Зевс,
Глух к молитве нашей.
Слушай нас, в небе бог, тебя зовем!
О Зевс, ты, Ио бич,
Жених, палач, божий гнев!

Рука на мне
Жены твоей, в небе всевластной.
Тяжело дохнул
Ветер из тучи зимней.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Появляется старик Данай и всходит на ступени жертвенника. Он в одежде корабельщика.

Данай

Молчите, дети! Мудро в этот край чужой
Я вел вас, старый путник, мореход, отец.
И здесь, на суше, зорко оглядевши даль,
Даю совет: пишите в книгах памяти.
Столб пыли вижу: то безмолвный вестник войск.
Тележный скрип я слышу. Оси вертятся.
Идут (я чую!) воины, щиты несут,
И кони ржут, в повозках круто взгорбленных.
Пожалуй, то подходят здешних мест цари,
Про нас прослышав, чтоб самим увидеть все.
Но мирен ли приход их иль чудовищной
Свирепостью чреват он и неистовством?
Всего вернее, девушки, с мольбой вам сесть
На этот холм, где древних чтут богов страны.
Надежней башен — жертвенник, могучий щит.
Сбегайтесь, торопитесь! А масличные
В повязках белых ветви — Зевса странников
Умильный знак — рукой держите левою.
Стыдливо, и печально, и просительно
Пришельцам отвечайте, как скиталицы.
Как без вины бежали, расскажите им.
Пускай не дерзок будет кроткий голос ваш
И не назойлив. Тихим пусть глядит лицо
Стыдливое и девичий спокойный взор.
В речах не суетитесь, но не мешкайте!

Не то вы неучтивыми покажетесь!
Смиряться научитесь: вы — изгнанницы!
Кто слаб, тому надменность не к лицу совсем.

Старшая в хоре

Отец, разумна речь твоя. Но мы умны.
Остережемся. Помнить будем добрые
Твои заветы. Отчий Зевс поможет нам.

Данай

Пусть милостивым взором он глядит на вас.

Старшая в хоре

С тобою рядом сесть бы нам, где божий трон!

Данай

Зачем же медлить? Что решили — делайте!

Старшая в хоре

О Зевс, над мукой сжалься! Умереть не дай!

Данай

Все к счастью обернется, если хочет Зевс.

Старшая в хоре

. . . .

Данай

И птицу Зевса пламенную кликайте!

Старшая в хоре

Спасительного солнца луч, тебя зовем!

Данай

И Локсия, небесных рощ изгнанника!

Старшая в хоре

Страдал ты, бог! Так сжалься над бедой людей!

Данай

Пусть сжалится и станет нам заступником.

Старшая в хоре

Среди божеств кого еще призвать велишь?

Данай

Трезубец вижу — бога величавый знак.

Старшая в хоре

Был добр на море, сжалься и на суше, бог!

Данай

А вот Гермес. Вожатый он для эллинов.

Старшая в хоре

Пусть поведет свободных, пусть в пути хранит!

Данай

Молитвою почтите всех богов святых
Престол. В ограде сядьте, словно горлинок
Дрожащих стая, коршунами вспугнутых.
Кровь общая, а все ж голубке коршун враг.
Терéбит птица птицу. Как ей чистой быть?
А кто жену берет нáсильно, девушке,
Родителю наперекор, тот чист? В аду,
Мертвец, не убежит он от возмездия.
И там за грех карает души Зевс иной,
Зевс опочивших, и последний правит суд.
Глядите ж, отвечайте, как отец велел,
Чтоб дело наше победило счастливо!

Данаиды подымаются на ступени жертвенника. Со стороны города, в сопровождении оруженосцев, входит царь Аргоса Пеласг.

Царь

Откуда эти люди? Вид не эллинский
У них. В парчу и пеплосы тяжелые

По-варварски разубраны. На девушках
Наряды не аргосские, не эллинок.
Вы в край чужой вступили без глашатая,
Гостеприимца не имея в городе,
И все ж с покойным сердцем? Удивительно!
Но вижу, зелень веток, как молящие,
Склонили вы к погосту городских богов.
Одно лишь это ясно глазу эллина.
Об остальном гадать могу. Пускай же все
Живой ваш голос объяснит пришедшему.

Старшая в хоре

Сказал ты о нарядах правду сущую.
Но кто ты? Простолюдин ли, иль носишь жезл
Глашатайский Гермеса, иль ты края князь?

Царь

Скажу, чтоб с ясным сердцем отвечала мне.
Я Палехфона сын, землей рожденного.
Зовусь Пеласгом. Этих мест — вожак и царь.
Народ пеласгов — от меня дано ему
Названье — пашни вспахивает здешние.
По всей стране, где Стрймон льет прозрачную
Струю, и до заката солнца — я царю.
На рубеже земли моей перребские
Лежат поля. И Пинд. И пеонийские
Хребты. И дебрь Додоны. Море влажное —
Граница царства: так далеко властвую.
А этот дол зеленый от старинных пор
Звать Апией — в честь чудотворца древнего.
Чудесный врач и прорицатель, Феба сын,
Из края Навпактийского пришел сюда
Когда-то Апий и от чудищ гложущих
Страну очистил. Кровью оскверненная
Прадедовскою, родила их мачеха-
Земля, поганых змиев, тварь кишащую.
От них избавил Апий край. Волшебствами
Аргосскую долину освятил. Зато

В молитвах наших он навеки памятен.
Теперь узнала обо мне ты правду всю.
Так назови же род свой, о себе скажи!
Но речи длинной здесь не любят в городе.

Старшая в хоре

Ответ наш прост и короток: Аргивянки
По крови мы. Коровы, сына чудного
Родившей, племя. Правду подтвердит рассказ.

Царь

Невероятна ваша речь, пришелицы!
Да неужели родом вы из Аргоса?
На женщин солнцем опаленной Ливии
Скорее вы похожи, не на здешних, нет!
Иль возрастил цветы такие знойный Нил?
А может быть, чеканом кипрским девичью
Отметили пригожесть кузнецы-отцы?
И об индусских слышал я кочевницах,
В седле колышащемся на трясущихся
Верблюдах, вдоль пустынной Эфиопии
Они в степях скитаются. С безмужними
Глодающими мясо Амазонками
Я вас сравнил бы, за плечами будь колчан.
А потому услышать и узнать хочу,
Как семя ваше родственно Аргивянам?

Старшая в хоре

Жила в земле Аргосской Ио некогда,
Была она ключаркой в храме Герином.

Царь

Жива молва об этом до сих пор в стране.

Старшая в хоре

. . . .

Царь

Не с ней ли, смертной, в ласке сочетался Зевс?

Старшая в хоре

Но тайною от Геры оставалась страсть.

Царь

А чем раздор среди божеств окончился?

Старшая в хоре

В корову Гера превратила девушку.

Царь

Но Зевс за телкой побежал рогатою?

Старшая в хоре

Так говорят. Корову ярый бык хотел.

Царь

А как на то супруга Зевса сильная?

Старшая в хоре

Послала к телке пастуха глазастого.

Царь

Ты о каком рассказываешь стороже?

Старшая в хоре

Земля родила Аргоса. Убил — Гермес.

Царь

Корову Гера как потом увечила?

Старшая в хоре

Впиваясь в кожу, жалил гнус, и жег, и гнал.

Царь

Его зовут здесь, на Инахе, оводом.

Старшая в хоре

Погнал из дому телку в чужедальний край.

Царь

Тому, что сам я знаю, твой рассказ — близнец.

Старшая в хоре

К Канобу телка побежала. К Мемфису.

Царь

. . . .

Старшая в хоре

Рукой ее коснулся Зевс и сына дал.

Царь

Кто ж горд потомком Зевса и коровы слыть?

Старшая в хоре

Страны царица исполинской — Ливия.

Царь

А из других потомков назовешь кого?

Старшая в хоре

Был Бел с двумя сынами. Мне был дедом он.

Царь

Почтеннейшее имя назови отца!

Старшая в хоре

Данай. А дядя пятьдесят сынов родил.

Царь

Не поскупись мне имя и его назвать!

Старшая в хоре

Египт. Теперь старинный мой ты знаешь род.
Так докажи, что видишь в нас Аргивянок.

Царь

Я вижу: вы исконные насельницы
Долины этой. Почему же дом отцов
Пришлось покинуть? Что за рок обрушился?

Старшая в хоре

О царь Пеласгов! Счета нет людской беде.
Причудливо несчастий оперение.
Кто б думал, что нечаянное странствие
Примчит нас в Аргос, в старый дом прадедовский,
Беглянок, ночи брачной испугавшихся?

Царь

Так почему ж к престолу городских божеств
Приникли вы, на ветках — ленты белые?

Старшая в хоре

В дому Египта нам не быть служанками!

Царь

Вражда? Иль богу ненавистно? В чем беда?

Старшая в хоре

Кто нас купил, кто нас попрал, того любить?

Царь

Растят в роду богатство свадьбы родичей.

Старшая в хоре

Труд невелик — прогнать беглянок плачущих.

Царь

Как вас приветить, чтобы угодить богам?

Старшая в хоре

Сынам Египта не предай, не выдай нас!

Царь

Тяжел приказ твой: новую войну начать.

Старшая в хоре

Твоею Правда в бой пойдет союзницей.

Царь

Стояла ль Правда у начала дел твоих?

Старшая в хоре

В листве, в повязках города ограда. — Чти!

Царь

Дрожу. Святыню вижу в листьях, в зелени.

Старшая в хоре

Ужасен Зевс молящих. Грузен гнев его.

КОММОС

Хор

СТРОФА 1

О Палехфона сын! Слушай, послушай нас!
Смилуйся, сжалься, царь! Пеласгов вожак!
Видишь, дрожащая, зяблая, беглая
Телочка бежит. Волк
Гонит. К обрыву круч
Спинкой притиснулась.
Сжалась в комок, мыча
Зовет пастуха на помощь.

Царь

Я вижу: лозы отемнили свежие
В руках молящих — троны городских богов.
Пусть только зол не принесут пришельцы нам.
Пускай вражда нежданно и негаданно
На нас не рухнет. Войн не надо городу.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Милостиво взгляни, Правда, на беглых нас!
Зевса святая дочь! Заступницей будь,
Ты же, хоть сердцем стар, после рожденным верь!
Сирых и нищих чти!
. . . .
Бог тебе счастье даст.
Бог принимает дар
С лаской из рук невинных.

Царь

Припали вы не к очагу домашнему
Царя. Вина на город весь обрушится.
Пусть весь народ помыслит, как от зла уйти.
А я поруки крепкой вам ни в чем не дам,
Пока всех граждан не услышу мнения.

Хор

СТРОФА 2

Ты — весь народ. Город и царство ты!
Самовластительный князь!
Народа очаг, храмы земли — твои!
Единодержец, судишь-рядишь сам!
Единодержец, скиптром правишь сам!
Сам все вершишь! Бойся же кощунства!

Царь

Пади кощунство на моих завистников!
И все ж: подмогой вам помочь — себе вредить.
А посмеяться над слезой — безжалостно.
В смятеньи — сердце. Разум — в замешательстве.
Принять, отвергнуть? Случаю довериться?

Хор

АНТИСТРОФА 2

Глаз бога видит. В божьи гляди глаза!
Бог несчастливых хранит,

Тех, кто к ногам ближних припал в тоске,
Но слова Правды в горечи не выплакал.
Падет гнев Зевса, Зевса сирот на тех,
Чье не смягчит сердце боль страдальцев.

Царь

Когда сыны Египта с вами спать хотят,
И на родство ссылаются, на дедовский
Святой закон, — так кто ж оспорит правду их?
По праву и обычаю земли родной
Должны вы опровергнуть притязание.

Хор

СТРОФА 3

Нет, никогда, вовек, мне никогда не быть
Горькой рабой мужчин. Пускай шаткий путь
Звезды укажут нам в моря. Брак страшней!
Но ты выбери Правду союзницей,
Помня богов, суди нас!

Царь

Суд не рассудит. Не бери судьей меня!
Сказал: решенья не приму — хотя бы смел —
Не выслушав народа. Никогда пускай
Мне в городе не скажут: в горький час беды
Почтил он пришлых, но сгубил родной народ.

Хор

АНТИСТРОФА 3

Зевсова кровь в тебе. Зевсова кровь во мне.
Вровень стоят весы Зевса. И бог воздаст
Злое — творящим зло, доброму — доброе.
А ты медлишь, царь! Вровень стоят весы —
Правду вершить боишься!

Царь

Сейчас раздумье надобно глубокое.
Как водолаз, в пучину мыслей взор нырнет,

Чтоб город горя не черпнул — вот главное.
И чтоб для вас счастливо все покончилось.
Пусть битва не расхитит городских богатств,
Но пусть и вас я не предам, доверчиво
К богам припавших, чтобы на постой не встал
В моем дому — Аластор-мститель, черный гость.
Он и в аду меня не кинет — мертвого.
Тут поразмыслить надо о спасении.

Хор

СТРОФА 4

Думай, царь! Будь, о царь,
Рода друг, сирых страх!
Слабых щит.
Нас, беглянок, не предай!
Нас, изгнанниц, гнали в даль
Божий страх, стыд людской.

АНТИСТРОФА 4

Обнял рой робких дев
Трон богов. Нет, не дай
Нас угнать,
Полновластный князь земли!
Злы и яры женихи.
Защити от злобы!

СТРОФА 5

Нет, не дай, чтоб повлек бесстыдный враг
Нас от святых камней,
Правду и честь поправ,
Как коней за узду,
Холст разорвав рубах
Крашеных, вышитых.

АНТИСТРОФА 5

Помни, царь! Дома и детей твоих
Жизнь на весах сейчас.
Вровень стоят весы.
Держит судьба весы.

Оберегай же, царь,
Зевса предвечный строй.

Царь

Я все обдумал. Буря нас о берег бьет.
Так или этак, но война великая
Неотвратимо грянет. Что ж! Сколочена
Упруго лодка, стянута канатами,
Не повернуть нам без трудов и бедствия,
Иль в этих вихрях крепко заблуждаюсь я.
Но радостней слепым быть, чем пророком зла.
Пусть будет лучше, чем боюсь, и иначе!

Старшая в хоре

Послушай напоследок слово скромное!

Царь

Я слушал. Слушать буду. Говори. Я здесь.

Старшая в хоре

Есть на рубахах пряжки, пояса у нас.

Царь

Одежды это девушек обычные.

Старшая в хоре

Для нас они, запомни, средство верное!

Царь

Скажи, зачем такие говоришь слова?

Старшая в хоре

Когда не дашь беглянкам поручительства.

Царь

На что вам пригодятся пояса, скажи!

Старшая в хоре

Богов украсим идолы по-новому.

Царь

Играть в загадки хочешь! Говори прямей!

Старшая в хоре

Здесь, на кумирах тотчас мы удавимся.

Царь

По сердцу плетью бешеной стегнула речь.

Старшая в хоре

Ты понял? Все воочию увидишь, царь.

Царь

Чудовищные ринулись опасности.
Река надулась половодьем горестей.
Вокруг — непроходимая, бездонная
Беды пучина. Нет мне верной пристани.
Когда желанья вашего не выполню,
Вы мерзостью грозите: ей и меры нет.
А встречу в битве под стеною города
Сынов Египта — братьев ваших, спор решив
Оружьем, — расточительно и горестно
В поля мужскую ради женщин кровь пролить.
Когда добро и золото потеряно,
Добыть поможет новое Стяжатель-Зевс.
Когда язык стрелой ужален шалою,
Излечит слово то, что словом ранено,
Но чтобы зря родная не пролилась кровь,
Молиться надо, возлиять и жертвовать,
Просить богов умильно; исцеленье в них.
Всех выше — Зевс молящих. Гнева Зевсова
Бояться неизбежно. Страшен людям Зевс.

(К Данаю)

А ты, седой родитель этих девушек,
Собрать вели священных веток ворохи

И в город отнеси их, к алтарям богов,
На площади. Пусть видят горожане их,
Свидетелей погони. И меня пускай
Не судят. Любят люди попрекать царей.
Увидят ветки, пожалеют девушек.
К тем, кто слабее, сердцем мы всегда добры.

Д а н а й

(к хору)

Благодарить и радоваться надо нам.
Заступника нашли мы милосердного.

(К царю)

Дай провожатых мне теперь, оружников,
Из здешних. Пусть в ограду городских богов
К старинным, чтимым алтарям покажут мне
Дорогу. Одному небезопасно тут
Шагать: чужак лицом я и одеждою.
Иное племя Нил растит, иное же —
Инах. Гляди, чтоб смелость не родила страх.
И друга убивают по неведенью.

Ц а р ь

Ступайте, люди! Правду говорит пришлец,
Богов ограду, алтари на площади
Укажете вы гостю. И держать язык!
Вам повстречался мореход незнаемый.

(Данай уходит в сопровождении воинов.)

С т а р ш а я в х о р е

Ему приказ ты отдал. Он послушался.
А нам как быть? Где помощь и покой найти?

Ц а р ь

Пусть канут наземь ветви, горя спутницы!

С т а р ш а я в х о р е

Вот на земле! Приказу повинуемся.

Царь

Сойдите на зеленый, вольный луг теперь!

Старшая в хоре

Неогражденный разве нам защита луг?

Царь

Не коршунам на корм мы выставляем вас.

Старшая в хоре

Врагам — добычей. Змей они чудовищней.

Царь

На ласковые лаской отвечай слова!

Старшая в хоре

Жжет сердце ужас. Разве удивительно?

Царь

У беззащитных страхом велики глаза.

Старшая в хоре

Утешь нас словом, делом успокой нас, царь!

Царь

Отец покинул ненадолго девушек.
Я ж ополченцев созову земли моей
И поверну общину всю на дружбу к вам
И научу, что говорить родителю.
А вы останьтесь. Все, чем сердце полнится,
В мольбах откройте города святым богам.
А я пойду. Все учиню, как надобно;
Веди, удача! Говори красно, язык!

Царь уходит. Хор спускается со ступеней жертвенника на орхестру, поет и пляшет.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Царь царствующих! Господин господствующих!
Тиран тиранов! Сильный, обильный Зевс!
Послушайся! От женщин
Мужскую страсть отведи и ярость!
Выбрось в кипенье пурпурное хлябей
Черновесельную гибель-лодку!

АНТИСТРОФА 1

Стариннейшую, вековую, кровную
Любовь припомни к нашей прабабке милой!
Взгляни на нас, молящих!
Начальник рода, расхититель Ио!
Зевс, — твои мы! От нильской, любимой
Поймы твоей мы сюда бежали.

СТРОФА 2

На след старинный возвратились.
Матери здесь поля в цветах и травах.
Здесь — бычий луг. Отсюда Ио
Овод чудовищный гнал.
Ум помутился. Бежала,
Долго скиталась по селам земным,
Переплыла бродом морским —
Так на роду ей суждено
Материки вод рубежом разрезать.

АНТИСТРОФА 2

Страной Азийскою промчалась.
Фригией всей насквозь, ягнят кормящей.
Мисийцев кремль там, Тифранта город.
Лидии кряж ледяной,
Дебрь хребтов Киликийских
Пересекла и Памфилии степь.
Перебрела межени рек,

Перебрела топи болот,
К жирным пришла хлебным краям Киприды.

СТРОФА 3

Бежит. А жало ранит и язвит.
Жжет пастух окрыленный.
Вот и Зевсовы пашни,
Питаемый снегами дол. Дохнул Тифон,
И вздулся Нил.
Смывает Нил едкий яд заразы.
Скачет шалая. Гонит стыд.
Мчится, бичом измучена,
Мчится Менада Геры.

АНТИСТРОФА 3

Кто жил в те годы в Нильской стороне,
Бледный ужас связал их.
Страшно видеть и странно
Урода, образ мерзкий и ублюдочный,
  Коровы вид
И девушки. Чуду люд дивится.
Кто, сострадая, сжалился
Над злополучной, беглою,
Жалом гонимой Ио!

СТРОФА 4

Владыка, временем предвечный,
Стал спасителем Зевс ей.
Блаженной силою пахну̀л,
Божьим дохнул дыханьем,
Стихли страданья. Грусть и стыд
Тихой слезой истаяли.
Груз приняла от Зевса — слово истинно —
Чудный родился мальчик.

АНТИСТРОФА 4

Спаситель, временем предвечный.
Славят земли, ликуют.
Жизнеподатель, дивный сын,

Подлинно сын он Зевса.
Кто бы другой попрал, поверг
Мстительной Геры злобу?
То было Зевса делом. Род наш славный горд,
Все мы Эпафа дети.

СТРОФА 5

Кому ж молиться из бессмертных?..
Кто благодетель, кто заступник?
Один, отец, зачинщик, рода сеятель,
Старинный предок, великан,
Творец щедрот, благ зиждитель, бог Зевс.

АНТИСТРОФА 5

Бог никому не подначальный,
Владыка сильных и великих,
Ни на кого не глядя, снизу вверх, царишь.
Промолви — все сотворено!
Помысли лишь в сердце — все свершилось!..

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Музыка прекратилась. Со стороны города входит Данай, в сопровождении оруженосцев.

Д а н а й

Смелее, дети! Радостные приняты
Народом полномочные решения.

С т а р ш а я в х о р е

Отец, будь счастлив, вестник милой радости!
Скажи мне, что в собранье постановлено,
Рук большинство народных поднялось за что?

Д а н а й

Голосовал единодушно Аргос весь.
И дряхлое взыграло сердце весело.
Бесчисленные руки рассекли эфир

И силу дали доброму решению.
Дано нам поселиться в этом городе,
Свободными и неприкосновенными.
Ни здешнему, ни гостю не позволено
Нас увести отсюда. А из граждан тот,
Кто на защиту нашу не поднимется,
Народом изгнан, чести будет он лишен.
Принять решенье это убедил народ
Пеласгов князь. От гнева Зевса, мстящего
За оскорбленных, остерег он. Городу
Не быть уж жирным, если оттолкнет гостей
И вместе — кровных родичей. Вдвойне чума
Падет, страна потонет в безысходном зле.
Глашатая не ожидая, весь народ
Аргосский руки поднял за царем. Так быть!
Речей поддались силе, складно сложенных,
Пеласгов люди. Зевс да кончит все добром!

Старшая в хоре

Подымайтесь! Просите о доброй судьбе
Для аргосцев, в отплату за добрую весть!
Зевс скитальческий! Слово скитальцев услышь!
К поспешенью счастливому все приведи!
Дай свершиться желаньям умильным!

Хор

СТРОФА 1

Ныне внемлите нам,
Зевсовы дети в небе!
Счастье в страну излейте!
Пусть никогда огонь
В старый Пеласгов кремль
Злой не метнет Арес,
Грозный и славный бог!
Жатву людей
Жнет пускай на других запашках!
Нас они пожалели,
Добрый кинули жребий,

Чтили к Зевсу припавших,
Наше зяблое стадо.

АНТИСТРОФА 1

Не за мужскую власть
Отдали голос веский,
Девушек плач отринув.
Нет, им в глаза глядел
Зевсов недремлющий
Мститель. Тяжел с ним бой.
Дому тому беда,
Где над коньком
Он угнездится, пришлец ужасный.
Нас, родных, полюбили,
Зевса приняли сирот.
Пусть на чистых престолах
Богу жертвы приносят.

СТРОФА 2

Набожен девушек
Рот, хоть в руках ветвей
Нет. Так летите ж, песни!
Пусть этот город милый
Язва-чума не тронет.
Трупами граждан распря
Не окровавит полей и пашен.
Пусть цветет и не вянет
Юность. Пусть Афродиты
Муж, губитель людей, Арес
Пуха жизни не режет.

АНТИСТРОФА 2

А на скамьях старшин
Пусть старики сидят,
Седы, да сердцем юны.
Город пасут разумно.
Будет им свято имя
Зевса скорбящих сторожа.
Мир он ведет по седым законам.

Пусть блюстителей царства
Род державный рождает!
Артемида развяжет пусть
В час болезни — рожениц!

СТРОФА 3

Пусть истребительный,
Мор погубительный
Добрых людей не косит!
Песен и плясок палач,
Слезы родящий Арес
Пусть воплем домов не полнит.
Строй черных болезней,
Роись дальше отсюда!
Верным другом Ликийский бог
Будет пусть молодежи!

АНТИСТРОФА 3

Всякая овощь пусть,
Во благовременьи,
Зреет по воле Зевса!
Козьи отары пусть
Мечут богатый приплод!
Дай, бог, изобилье дому!
Напев звонких аэдов,
Летай в праздничных хорах!
Слава, вторь из девичьих уст
Струн роптанью кифарных!

СТРОФА 4

Права и вольности сограждан
Пусть блюдут городские власти,
На счастие всем, прозорливо правя.
С соседями честный мир,
Пока не взял меч Арес,
Пускай хранят без обид и кривды.

АНТИСТРОФА 4

Богам, владеющим страною,
Молятся пусть, как велели деды,

Жертвы творя, в венке лавровом.
Отца и мать в страхе чтить —
Нам закон третий дан.
В скрижалях он предначертан Правды.

Данай

(с вершины жертвенника)

Хвалю молитвы мудрые, о дочери!
Но выслушайте от отца без трепета
Слова необычайные и новые.
С высокого забрала четко вижу я
Корабль. Он ясно различим. Узнал мой взор
И парусов оснастку, и опалубку,
И волнорез. Глядит глазами круглыми
Корабль, послушный черезмерно голосу
Правильщика. Тот голос нам бедой грозит.
Вот и гребцов я вижу. Тело смуглое
Из белизны рубашек выделяется,
Уж много лодок видно и людей на них.
Вот к берегу подходит головной корабль,
Спустил он парус. К отмели на веслах мчит.
Мужайтесь, дети! Ждите осмотрительно
Того, что будет, к идолам припав богов.
Охрану приведу я и ходатаев.
Придти глашатай может иль гонец сюда.
Добычу пожелает уволочь с собой —
Тому не быть! Не трепещите, дочери!
Все ж лучше, если помощь позамешкает,
Не покидать надежного убежища.
Скрепите сердце. В грозный день, в расплаты час
Воздаст тому, кто бога оскорбляет, бог.

КОММОС

Хор

СТРОФА 1

Отец, мне страшно! Корабли крылатые
Летят: и время мчится кораблей быстрей.

Страх леденит меня. Сердце объяла скорбь!
Польза была ли нам в бегстве томительном?
Пропадаю, отец, от страха.

Данай

Сказал народ аргосский слово твердое.
Смелее! Будет бой за вас. Уверен в том.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Сыны Египта беззаконны, бешены
И ненасытны в драке. Знаешь все и сам.
Дуба рубленного, суриком крашены,
Лодки плывут стремглав, гнутые, буйные,
Черным войском полны скамейки.

Данай

Найдут и здесь отважных, плечи сильные
В полдневном зное опаливших досмугла.

Хор

СТРОФА 2

Одних не покидай нас! Ни за что, отец!
Мы — девушки. Ничто — мы! В нас Ареса нет.
Ринутся вороны, хитрые, хищные,
В сердце — предательство, в мыслях — обман и плен.
Им алтари — не святы.

Данай

Отлично было б, дочери, когда б враги
Не вас одних, но и богов обидели.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Трезубцы, ленты эти не страшны ничуть
Ворам, отец! Протянут нагло руки к нам.
Силой мужской кичась, ярые, шалые,
Псы без стыда, козлы, кобели жадные,
Боги для них — не боги.

Данай

Есть поговорка: волки посильней собак.
Сытней ржаная каша нильской зелени.

Старшая в хоре

Чудовищ взбеленившихся, взбесившихся
Стыд потерявших — остеречься надо их.

Данай

Не так-то скоро войску корабельному
Приплыть, причалить, накрепко канатами
Пришвартоваться. Якорную, верную
Найдут не в раз стоянку лодок кормчие.
Вдобавок нет на побережье пристани,
И солнце к ночи клонится. Тревог полна
И страхов ночь для опытного кормчего.
Неладно войско на берег высаживать,
Пока надежно флот на якоре не стал.
Богам молитесь, если одолеет страх.
А я подмогу приведу. Гонца народ
Не попрекнет: я сед, да молод разумом.

Уходит Данай. Хор в страхе бросается к алтарям.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Ой край холмистый! Ой святынь земля!
Что будет с нами? Где спастись? Где спрятаться
В стране Апийской? Где нора, лазейка, щель?
Как черный дым пусть взлетим,
Где Зевса ходят облака,
Незримо, неслышно.
Легкой, летучей
Бескрылой пылью ветер нас развеет!

АНТИСТРОФА 1

Нет ни пути, ни тропки, ни дорожки!
Стучится сердце птицей чернокрылою.

Отца дозор сковал, как цепью. Гложет страх.
В удавке пусть примем смерть.
В петле повиснуть нам милей,
Пока не стиснул
Грудь нежеланный муж.
Пусть Ад владеет девушкою мертвой.

СТРОФА 2

Пускай на горных высях нам приют дадут,
Где влажные туманы остывают в снег.
Пускай обрух, упрямый кряж,
Пропасть козья, яр крутой,
Коршунье гнездо глядят:
Камнем рухнем мы на дно,
Прежде чем бесстыдной, злой
Свадьбы ночь сломает сердце.

АНТИСТРОФА 2

Пускай собаки сгложут тело девичье
И птицы клювом раскромсают. Стерпим все!
Освободительница-смерть
Нам в неволе даст покой.
Смерть, спеши, пока в постель
Муж невесту не повлек.
Как иначе убежать?
Свадьбы ночь нас как минует?

СТРОФА 3

Вопите, войте! К небу крик!
К богам — мольба! К богам — слеза!
Поможет ли плач? Спасет ли мольба?
Придет ли покой? Ты видишь, отец,
Разбой, раззор! И светел все ж
Ясный взор божьих глаз?
К твоей руке припавших чти,
Всевластнейший мира царь, Зевс!

АНТИСТРОФА 3

Сыны Египта, псы, козлы,
За страшной лаской гонясь,

Помчались за мной. По следу бегут,
Беглянок вспугнул гомон и гик.
Рвутся силком робких схватить.
Бог, но в твоих руках
Весы. Что может человек
Без воли твоей? Что смеет?
Ой-ой-ой-ой-ай-ай!
Ловчий пес! Вот в море! На суше вот!
Пес проклятый, сдохни!
Ио! Вот пред глазами! Ой, лестницы! Лестницы!
На берег брошены! Спасите!
Вот горя начало! Подходит, спешит
Невзгода моя! Ио, Ио!
Быстро, сюда, к алтарям!
Жадная похоть грозит!
На берег с лодок ползет!
Царь, приди! Заступник!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Входит черномазый Глашатай — посланец сыновей Египта.

Глашатай

В барку! В барку, живей!
Шевелитесь, эй!
Не зевать, не зевать!
Толчок, толчок, пинок, щипок!
По затылку, в кость и в кровь,
Топором пополам!
Живо, живо, живее, твари, в лодку!

Хор

СТРОФА 1

В пенное море пади!
В хлябях бешеных сгинь!
Ты, тиранов надменных
Сбитая крепко гвоздями лодка!

Велю тебе: силой не трогай!
Сбесился ты, мерзкий!

Глашатай

В кровоподтеках на корабль втащу! Бегом!
Эй, шевелитесь, эй!
Ги-ги! Го-го! Алтарь оставьте! В лодку, эй!
Богам молитесь нашим. Их вы бросили!

Хор

АНТИСТРОФА 1

Пусть не видать нам тебя,
Пашни питающий Нил!
Хотя теплит влага твоя
Кровь в человеке и хлещет пеной.

Глашатай

Эй, на корабль! На корабль! Живей!
Волей-неволей, эй!

Хор

Здесь род наш исконен и древен,
Старик! Здесь мы святы.

Глашатай

Силой стащу со ступеней
Битыми будете, битыми!

Хор

СТРОФА 2

Ай, ай! Ай, ай!
Лучше б ты по хлябям морским,
Бурей гонимый, скитался!
К Сарпедоновой брошен
Зыбкой, песчаной отмели,
Лучше б в тумане сгинул!

Глашатай

Вопи, стони и голоси! Богов зови!
Ладьи не перепрыгнуть вам египетской,
Хотя б визжали во сто крат пронзительней.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Ой, ой! Ой, ой!
Лаешь нагло, за всех один.
Чванишься, спесью раздутый!
Помни, видит великий Нил.
Руку твою бесстыдную
Он остановит, подлый.

Глашатай

Велю грузиться в барку остроносую,
Да поживее! Мешкать не советую!
Не то схвачу вас за волосы. Плачьте же!

Хор

СТРОФА 3

Ой-ой! Отец!
Богов кумиры — обман!
Паук длинноногий тянет!
Призрак, призрак черный!
О-то-то-той!
Земля! Земля! Спаси!
Гибельный страх отврати!
Земли сын, ой! К нам, Зевс!

Глашатай

Мне здешние не страшны боги. Не они
Мое растили детство, юность холили.

Хор

АНТИСТРОФА 3

Ай-ай! Змея,
Двуногая ты змея!
Ехидна вцепилась в нас!
В ногу вгрызлась жадно!
О-то-то-то-той!
Земля! Земля! Спаси!
Гибельный страх отврати!
Земли сын, ой! К нам, Зевс!

Глашатай

Идти велю вам на корабль без ропота!
Не то в лоскутья изорву рубашек лен.

Хор

Ио, город, ой!
Начальники! Гонят нас!

Глашатай

Господ немало, сыновей Египтовых,
Дадим. Не плачьте! Без господ не будете!

Хор

Ио! Гибнем совсем!
Конец нежданный! Царь!

Глашатай

Поволоку вас, ухвативши за косы.
А ваши уши глухи для речей моих.

(Входит царь Аргоса с вооруженной свитой.)

Царь

Эй-эй! Что ты затеял? Как взбрело на ум
Бесчестить край Пеласгов — смелых воинов?
Пришел ты в бабье государство, думаешь?
Над эллинами, варвар, вздумал чваниться!
Все безобразно делаешь и без толку.

Глашатай

Что ж не по праву и неверно сделано?

Царь

Чужак и гость, не знаешь, как вести себя.

Глашатай

А что? Свою потерю возвратить хочу.

Царь

Гостеприимца назовешь какого здесь?

Глашатай

Гермес-Находчик — вот гостеприимец мой!

Царь

На божество сослался, а богов не чтишь!

Глашатай

Своих я почитаю, нильских демонов.

Царь

А здешние — тебе ничто? Сказал ты так?

Глашатай

Возьму вот этих, если не отнимете.

Царь

Попробуй, будешь плакать, и не мешкая.

Глашатай

Услышал слово негостеприимное.

Царь

Не гость мне святотатец и кощунственник!

Глашатай

Пойду. Сынам Египта расскажу про все.

Царь

Иди! Быков я не пасу забот твоих.

Глашатай

Но чтобы, зная, ясно рассказать я мог, —
(Все сообщить подробно — долг глашатая) —
Как доложить, скажи мне, кто украл у нас
Всю стаю этих девушек — нам свойственниц?
Решится тяжба не в суде, решит Арес.
И выкуп нам не серебром, не золотом
Дадите. Будут битвы, будет злая кровь
И злые раны, и бойцов отважных смерть.

Царь

Зачем знать имя? Час придет, услышите
О нем и ты, и те, кого привел с собой.
А этих можешь увезти — не силою, —
Охотой, словом убедивши ласковым.
Единодушно принято решение
Народом силой стаю этих девушек
Не выдавать! Гвоздем прибито кованым
Решенье, не в дощечки слово вписано,
Не в складках запечатано папируса, —
Из уст моих свободно, недвусмысленно
Его ты слышишь. А теперь — подальше с глаз!

Глашатай

Раздуть ты хочешь новую войну? Пускай!
Мужам да будет власть и одоление!

(Уходит.)

Царь

Мужами вы найдете края здешнего
Людей, не пивопийцами набрякшими.
Вы, девушки, с наперсницами милыми,
Ступайте, с тихим сердцем, в крепкий город наш,
Броней высоких башен опоясанный.
Общинных зданий в городе достаточно,
И я настроил много не скупой рукой.
Там жить просторно и привольно будете,
Средь домочадцев многих. Если ж хочется, —
В домах отдельных, малых вы поселитесь.
Все лучшее, все самое желанное
Открыто вам. Цвет рвите! Ваш заступник — я
И город весь. Постановленье города
Незыблемо. Каких защит еще вам ждать?

Старшая в хоре

Пусть за щедрость щедроты осыплют тебя,
Величавый Пеласг!

А теперь к нам радушно Даная пошли.
Он — родитель наш, добрый советчик, вожак.
И забота его — пораздумать о том,
Как и где поселиться нам, где отыскать
Дом, чтоб сплетня не выросла. Каждый готов
Чужаков клеветой
Обесславить. Но счастье да будет!

(Царь уходит.)

С благодарственной песней, с хвалой на устах
Многославный приветствуйте город!
Вы, служанки любезные, встаньте вокруг.
Подарил вас по жребию каждой из нас
Царь Данай как приданый подарок.

(Данай входит, в сопровождении оруженосцев.)

Данай

Должны аргосцам вы молиться, дочери,
Как олимпийским божествам, и жертвовать.
Они спасли вас. Слово недвусмысленно.
Что с вами было, кровными и присными,
Как мучили вас братья, рассказал я все.
Оруженосцев и телохранителей
Они мне дали, голову седую чтя,
Чтобы нежданной смерти час удар копья
Вмиг не приблизил, кровью запятнав страну.
За всю заботу благодарность верная
Пусть у кормила встанет ваших помыслов.
Впишите в память, рядом с тем, что вписано
Из прежних, многих добрых слов родительских.
Испытывает время дружбу новую.
На поселенца всякий рад точить язык.
Молва дурная быстро разлетается.
Прошу, не обесславьте седины моей.
Мужские взоры распаляет возраст ваш.
Плод спелый сада уберечь не так легко.
Богам и людям лакомиться хочется,
И тварь земная любит и крылатая!

Киприда разглашает: «Виноград созрел»;
Эрот нам шепчет: «Рвите гроздн сочные».
На девушку красивую и статную
Прохожий рад очей обворожающих
Стрелу метнуть, желаньем очарованный.
То, от чего бежали, горький труд приняв,
Вспахав просторы моря, — пусть не ранит здесь.
Пускай не осрамимся, на беду — себе,
Врагам — в утеху. Дом готов двоякий нам:
И царь Пеласг и город предлагают кров,
Почетный и бесплатный. Превосходно все.
Совета не забудьте же отцовского:
Дороже жизни цвет храните девичий!

Старшая в хоре

В другом пусть боги милостивы будут к нам.
За грозди сада нашего спокоен будь!
Пока судьба не присудила иначе,
Тропу топтать мы станем прежних помыслов.

ЭКСОД

Данаиды, сопровождаемые служанками, двигаются к городу.

Хор

СТРОФА 1

В город путь наш. Величайте
Всех богов круг, градодержавцев,
Кремль хранящих,
Над старинным
Поселенных Эрасином!
Вы, служанки, песнь примите!
Кремль Пеласгов, кремль хвалите,
Город милый!
Нила медленные устья
Больше славить мы не будем.

АНТИСТРОФА 1

Мы потоки славить будем,
Что струятся по равнине, растекаясь
Серебристыми ручьями,
Луг поя медовым соком.
Артемида, помоги нам!
Дева, девушек подруга! Пусть желаньем
Нас не взманит Киферея —
Страшны битвы страсти темной.

Хор служанок

СТРОФА 2

Не презренен нам Киприды строй приглядный,
Рядом с Герой правит властно Афродита.
Многокозненна богиня,
Но дела ее чудесны.
Рядом с матерью улыбчатой приходят
Страсть и Нежность, нимфа Ласка, Лепет сладкий
И Гармония — служанка
Афродиты, и Эротов
Шопот вкрадчивый и робкий.

АНТИСТРОФА 2

Нам, беглянкам, храп зловещий бедствий страшен
И сражений дым кровавый, гомон зычный.
Почему плыла так быстро
Зорких ловчих злая лодка?
Что от века суждено нам, то случится.
Зевса промысел высокий не объехать.
Тот же жребий прежде выпал
Стольким девушкам на долю.
Все оканчивает свадьба.

Хор дочерей Даная

Пусть спасет нас Зевс от свадьбы
С родом мерзостным Египта.

Хор служанок

Это было б счастьем лучшим,
Но судьбы не опрокинешь!

Хор дочерей Даная

Ты не знаешь дней грядущих.

Хор служанок

Как изведать, как измерить
Зевса мысль, бездонный омут!

Хор дочерей Даная

Не кичись, не надмевайся!
Дай совет в словах разумных!

Хор служанок

Не роптать на волю божью!

Общий хор дочерей Даная и служанок

СТРОФА 3

Зевс-владыка! Отврати
Злую свадьбу, злых мужей
Ярость. Бедной Ио
Сердца боль утишил ты,
Прикоснулся целящей рукой,
Облик возвратил людской.

АНТИСТРОФА 3

Девушкам победу дай!
Горе отгони! Отмерь
Счастье мерой скромной!
Правду правдой награди!
Вот молитва моя. Божества
Пусть вершится промысел!

Хоры покидают орхестру.

Конец трагедии

СЕМЬ ПРОТИВ ФИВ

ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΕΠΤΑ ΕΠΙ ΘΗΒΑΣ

Фиванская трилогия

1

Слава фиванских драм Софокла, его «Эдипа в Колоне», «Антигоны» и знаменитого «Эдипа царя», затемнила в памяти позднейших читателей фиванскую трагедию старшего поэта — Эсхила. Но не так судила о последней античность. В аристофановской комедии «Лягушки» Эсхил, с гордостью оглядываясь на свой поэтический труд, называет «Семь против Фив» в числе величайших своих творений.

«Создал драму я, полную духа войны».
— «Но какую же?»—«Семь полководцев».
— Кто увидит ее, тот о львиной душе затоскует и сердце отважном»

(«Лягушки», 1021)

Этой оценки достаточно, чтобы пристальнее вглядеться в фиванский миф в том его истолковании, которое дал создатель трагического театра.

Напомним самый миф. Фиванскому царю Лаию дано было пророчество: сын, который родится от него, убьет отца и станет мужем своей матери. Лаий пренебрег пророчеством; он женился на Иокасте. Когда же родился сын, он велел проколоть ему ножки и, уложив ребенка в деревянный ларец, бросить его в море. Волны выбросили ларец на противолежащий Сикионский (или Коринфский, по другому варианту) берег. Царь Сикиона (или Коринфа) воспитал ребенка как своего сына и назвал его Эдипом. Возмужав, Эдип отправился странствовать по белу свету. По пути в Фивы ему повстречался старик на повозке. Вспыхнула ссора, и в запальчивости Эдип убил путника, не догадываясь, что это его настоя-

8*

щий отец, Лаий. Юноша продолжал путь и у ворот Фив встретил Сфинкс — чудовище, полульвицу-полуженщину, губившую фиванскую молодежь. Эдип уничтожил Сфинкс, и благодарный народ избрал его царем города и передал ему руку овдовевшей царицы Иокасты. Так исполнилась вторая часть пророчества: Эдип стал мужем своей матери. От Иокасты у него родились два сына — Этеокл и Полиник — и две дочери — Антигона и Исмена. Однако счастливому царствованию Эдипа пришел конец. Тайна отцеубийства и кровосмесительного брака стала известной. Иокаста в отчаянии повесилась, а Эдип сам себя ослепил. Слепец продолжал, повидимому (здесь варианты мифа двоятся), жить в царском дворце, но подросшие сыновья его, Этеокл и Полиник, лишили его почетного куска мяса на пиру, оспаривая этим его царский сан. В бешенстве Эдип проклял сыновей, предрекши им, что они будут делить между собой наследство отца мечом. Проклятие сбылось. После смерти Эдипа между его сыновьями вспыхнул раздор; Этеокл изгнал брата из Фив. Полиник бежал в Аргос, нашел там приют у царя Адраста и пошел походом на родные Фивы в числе семи аргосских полководцев, решивших помочь ему силой возвратить отцовский престол. Семь вождей осаждают Фивы. Приступ на город отбит; все шестеро полководцев, кроме Адраста, полегли мертвыми. В поединке убили друг друга братья Этеокл и Полиник. Из рода Эдипа остались в живых только две дочери. Но из них старшая, Антигона, гибнет: нарушив приказ фиванских старейшин, она хоронит труп брата своего Полиника, брошенного без погребения, и ослушницу казнят.

Нетрудно различить в этой цепи сказаний, по крайней мере, три, а исключая более поздний мотив деяния Антигоны, — два в основе своей самостоятельных мифа. Это — миф о сыне, убившем отца, и миф о братьях, сразивших друг друга. Параллели к обоим мифам и к отдельным их мотивам (младенец в ларце, брошенный в море, встреча отца с сыном на распутье дорог) могут быть найдены в фольклоре множества народов. И всюду первоначальный смысл их — элементарно космический: вечная гибель и возрождение дня, природы, жатвы, племени осмысляется в отце, рождающем сына, который убивает отца. Брат, сражающий брата, — это тот же космический образ.

В какой мере заключена подлинная историческая действительность в основе сказаний о походе семи аргосских полководцев против Фив? Отголоски реального прошлого — военных столкновений греческих родов — несомненно звучат здесь, как и в подобных же преданиях о походе аргосских героев на Трою. Осада Фив, как и осада Трои, воспринималась позднейшими поколениями как главнейшие из военных предприятий легендарной греческой истории. Отсюда вели свои родословные роды греческой знати. Немудрено, что, как «Илиада» и, может быть, даже ранее, чем «Илиада», фиванские мифы получили обработку в героическом эпосе — в поэмах (до нас не дошедших) «Эдиподея» и «Фиваида».

Судя по позднейшим пересказам, уже в этих поэмах были поставлены в связь те самостоятельные по сути своей звенья мифов, о которых речь была выше: повествования о судьбах Лаия, Эдипа и сыновей Эдипа

вместе со сплетающимися с ними боковыми сказаниями об аргосских полководцах.

Связью, скрепившей звенья мифа, была (в соответствии с моральными установками эпической поэзии) вина и следующее за виной проклятие, из колена в колено преследующее и истребляющее злополучный дом Эдипа. А в качестве первопричины вины и проклятья эпос приводил исконный грех Лаия. Лаий похитил сына элидского царя Пелопа — красивого юношу Хрисиппа — и, движимый страстью, обесчестил его. Тогда старый Пелоп проклял похитителя: пусть собственный сын убьет его.

Так, в отличие от чуждого морали космического первомифа, в эпической разработке силой, разрушившей род фиванских царей, стала моральная вина, преступление. И, поскольку мы можем судить, вина осталась движущей силой также и в той трагической обработке, которой подверг старинный миф Эсхил.

2

Еще до сравнительно недавнего времени были неясны композиционные, а вместе с тем и идейные очертания фиванской трилогии Эсхила. Сохранившаяся трагедия «Семь против Фив» считалась, ввиду кажущейся незаконченности ее, средней или даже начальной частью трилогии. Тогда трилогия могла бы быть построена (по догадке германского филолога Велькера) следующим образом: первая часть—«Немея», описывавшая выступление семи аргосских полководцев вместе с Эдиповым сыном Полиником в поход против Фив; вторая — наша трагедия «Семь против Фив», изображающая гибель вождей под стенами осажденного города; третья — «Элевсинцы», в центре которой стояли похороны погибших полководцев в Элевсине. Героями трилогии были бы, следовательно, в основном аргосские полководцы. Трилогия могла бы по справедливости зваться не «Фиваидой», а, скажем, «Аргиадой».

Но, кладя конец всяческим сомнениям, филолог Франц опубликовал в 1848 г. «дидаскалию», т. е. запись о постановке трагедии, сохранившуюся в стариннейшей из эсхиловских рукописей, в манускрипте Медичи. Из дидаскалии этой явствует, во-первых, что трагедия наша была поставлена в 467 г. до н. э., а во-вторых, что, вопреки предположениям, она была заключительной частью трилогии, первыми звеньями которой были «Лаий» и «Эдип». В наследии Эсхила существовало, таким образом, очевидно, не одна, а две трилогии, разрабатывавшие рассказанный нами комплекс мифов. И если фиванская трилогия (в которую входила наша трагедия) описала гибель дома Эдипа, так сказать, с фиванской стороны, то вторая (полностью утраченная) трилогия, аргосская, подходила к этой гибели, и, в частности, к походу семи полководцев, со стороны аргосской.

Сейчас, после опубликования дидаскалии, приходится только удивляться, как можно было прежде сомневаться в содержании этой трилогии, в то время как сам Эсхил в одной из песен «Семи против Фив», по

свойственному ему обычаю, четко подвел итоги предшествующим частям трилогии. Эсхил говорит здесь устами хора:

Трижды пророчил Лаию Феб
С пифийской треноги, где пуп вселенной:
Пускай умрет
Он без детей, но спасет свой город.
Взяло верх сладкое неистовство.
Себе палача зачал Лаий,
Эдипа—убийцу отца.

И далее о гибели Эдипа:

Когда явным стал
Эдипу свадьбы чудовищной
Ужас, взревел от боли царь.
Сердце взбесилось в груди.
Двойной удар он рушит
Рукою, отца убившей, —
Спиц острие в мякоть глаз вколол он.

И, наконец, о проклятьи Эдипа:

Сынов проклял царь...
Пусть им с железом в руке
Отца делить наследство.

Цепь вины и последующих кар здесь ясна. И как и в эпосе, в этом эсхиловском варианте мифа нет понятия рока как верховной, беспричинно губящей, неотвратимой и слепой силы. Это нас удивляет тем более, что именно с мифом об Эдипе сочетается в нашем представлении понятие античного рока. Но это потому, что мы судим о мифе по сохраненному нам софокловскому «Эдипу царю». Софокловский Эдип — это поистине потрясающая, беспощадная и горькая «трагедия рока»: лучший из людей, мудрейший, справедливейший, великодушнейший, уничтожается по воле бессмысленной судьбы.

Но в том-то и дело, что эта концепция трагедии «Эдип царь» в огромной доле принадлежит самому Софоклу. Зловещие тона социальной катастрофы, надвигающейся в бурях Пелопоннесской войны, тяжело легли на трагедию Софокла, созданную непосредственно после великой чумы в Афинах и гибели Перикла, в обстановке разорения аттического крестьянства и бешеного напряжения классовой борьбы. Но совсем иной была социальная обстановка в первое десятилетие после саламинской победы, когда создавал свою фиванскую трилогию Эсхил. И нетрудно понять, почему над трилогией этой властвует не софокловский образ неотвратимого и безжалостного рока, слепо и без вины уничтожающего лучших, а более мужественные, хотя не менее суровые настроения. Это те настроения, которые заставили Эсхила наказать своего Лаия за преступление против родного города. Это те настроения, которые позднее вложил в уста своего Эсхила Аристофан: трагедия создана, «чтоб вдох-

нуть в нас стремление к победе, к превосходству великую волю вложить» («Лягушки», 1024). Фиванская трилогия Эсхила была в существе своем не трилогией рока, а трагедией патриотизма и национального сознания.

Приходится,однако, признать, что о первых двух ее звеньях мы знаем очень мало; от них до нас дошло всего несколько отрывочных стихов. Вглядимся же пристальнее в третью, единственную из сохраненных нам частей трилогии. И прежде всего поставим вопрос: почему пожелал Эсхил в 467 г. до н. э. поэтически обработать ветхое сказание о двух братьях, убивших друг друга, о великой осаде, об обороне и о славной победе осажденного города? Что непосредственно двигало, волновало и вдохновляло поэта? Патриотизм, чувство национальной гордости и долга, уже сказали мы выше. Теперь скажем точнее: память о недавней персидской войне и об обороне Афин. Этим объясняется образ зажатого в неприятельское кольцо города, данный Эсхилом с такой ошеломляющей силой в первых же строках трагедии. Страх, смятение, отчаяние робких женщин и девушек. В испуганном воображении встают страшные картины пожара, насилий, опустошений в завоеванном городе.

А в противовес им — непоколебимое мужество полководца, решимость отстоять город во что бы то ни стало. Удар за ударом развертывается оборона столицы у каждых из семи осажденных ворот. И вот — победа! Образ спасенного города заканчивает трагедию. Этот образ осажденных и спасенных Фив у Эсхила явно перерастает в образ всеэллинской государственности.

Фивы — это эллинский город, это как бы сама Эллада. И в соответствии с этим враги, аргосцы, хотя по мифу они такие же греки, приобретают черты, свойственные варварам. Они — безбожники, святотатцы, высокомерные и хвастливые гордецы. Сами боги вмешиваются в борьбу. Оружие фиванских воинов благословляет «отец наш Зевс». На щите вражеского бойца — чудовищный, враждебный Зевсу Тифон.

Мы имеем все основания сказать, что поставленная через десятилетие после сожжения персами Афин трагедия «Семь против Фив» есть в значительной доле своеобразная поэтическая реминисценция о грозных днях осады и победы. И если в «Персах» Эсхил прославил торжество своей родины устами побежденных, то в «Семи против Фив» он перенес действие в город осажденных, обороняющихся и победивших.

Не забудем при этом, что самая идея родины — идея национального государства и государственного патриотизма — рождалась едва ли не впервые в греческой истории, а следовательно, и в греческой поэзии, именно в эпоху национальной обороны против персов, в пору общеэллинских собраний в Коринфе и Платеях, в пору представлений первых трагедий Эсхила. Для греческой лирики почти еще не существовало понятия государства и чести государства. Для нее сверкает слава и доблесть аристократических родов, господствующих над Грецией. Еще менее можно искать понятие «государства», «патриотизма», «родины» в эпических поэмах. Это и естественно. В эпоху расцвета эпоса и лирики государств в

Греции почти еще не было. И когда у Эсхила Этеокл в торжественных словах призывает граждан: «На защиту стать детей и милой матери, родной земли», «заплатить долг няньке-родине», то это были новые слова, говорящие о новых понятиях, о понятиях, рождавшихся в эпоху возрастания из обломков родового строя городов-государств, в эпоху первоначальной победоносной самозащиты этих городов-государств, в эсхиловскую эпоху.

И в этой своей трагедии, одетой в наряд старинной сказки, Эсхил выступает как провозвестник и защитник новых созидательных идей своего общества и века.

Но, разумеется, было бы ошибкой думать, что в этой эсхиловской трагедии, как и в других творениях поэта, мы найдем прямолинейно-последовательное изложение этих идей. Поэт был связан и традицией избранного им мифа и условностями жанра трагического представления. И в неменьшей степени был он связан противоречиями собственного своего идейного мира.

Особенно отчетливо сказались эти противоречия в центральном образе нашей трагедии — в образе самого Этеокла. Хронологически это едва ли не первый образ-характер, созданный Эсхилом. Ни в «Молящих», ни в «Персах» в сущности нет еще сколько-нибудь последовательно очерченных героев. Но Этеокл — это уже герой. В основном он дан Эсхилом как носитель той идеи непреклонного военного мужества, государственного долга и готовности к самопожертвованию, которую мы отметили как центральную в нашей трагедии. Но Эсхил взял образ Этеокла из эпоса. Там на нем лежала печать окаянного рождения от кровосмесительного брака, печать отцовского проклятия и отверженничества. И вот эсхиловский Этеокл — вождь, защитник родины, несокрушимый полководец как бы сталкивается с Этеоклом эпической трагедии, Этеоклом отверженцем, грешником. Черты кощунства, богохульства кое-где еще ясно ощущаются в эсхиловском Этеокле. Этеокла мифологический сюжет толкает на поединок с родным братом. Но тут-то и сказывается величавое парение трагического гения Эсхила. Поэт не боится противоречий между своим идеальным Этеоклом и печальным грешником эпической поэзии. На основе этих противоречий Эсхил создает единственный в своем роде исполинский образ героя, играющего со смертью, героя, до конца безжалостного к себе и другим, предельно сурового, как бы изваянного из каменной глыбы.

И все же нельзя отделаться от мысли, что не случайно тень горечи падает и на эту, посвященную прославлению победы трагедию Эсхила. Да, победа Фив — это победа Эллады. Но в то же время трагедия не устает проклинать братоубийственную войну. И когда хор поет:

Когда убьет брата брат
В бешенстве рукой своею,
Очистит кто грех такой?—

то мы не можем не вспомнить о распрях, раздиравших греческое общество в самые годы персидских войн и в особенности после них. Трагедия «Семь

против Фив» создавалась в обстановке совершенно реальной опасности войны Афин со Спартой, в обстановке непрекращающихся схваток на беотийской границе. Особенно тягостной и опасной была антипатриотическая деятельность бежавшего в Аргос былого кумира Афин — Фемистокла. И вот трагедия становится не только «национально-триумфальной», но и «партийно-полемической». В характеристике одного из аргосских полководцев, Амфиарая, актуальное полемическое содержание эсхиловской трагедии особенно отчетливо проступает сквозь одежды старинной сказки. Плутарх рассказывает («Биография Аристида», 3), что, когда в театре, во время постановки «Семи против Фив», были произнесены относящиеся к Амфиараю слова:

Он хочет быть, а не казаться праведным.
Он из борозд глубоких сердца жатву жнет,
И в нем решенья созревают добрые.

(«Семь против Фив», 585—587)

«тогда взоры всех зрителей обратились к присутствующему в театре Аристиду, как если бы именно к нему относилась эта великолепная похвала».

Совпадение это, несомненно, не было случайным. Эсхил рассчитывал вызвать эту политическую демонстрацию. Но если это так, то соблазнительно видеть и в других относящихся к Амфиараю стихах изложение актуальных политических мыслей Эсхила. А стихи эти очень многозначительны. Амфиарай клеймит Полиника:

О что за подвиг, божествам угоднейший...
Родимый город рушить, на отеческих
Богов—бросать копыта чужеземных войск.

(«Семь против Фив», 573, 575—576)

Здесь совершенно явно звучат не только свойственные нашей трагедии ноты патриотизма и государственной гордости, но и резкое политическое осуждение по адресу зачинщиков социальной резни. А такими зачинщиками в глазах Эсхила всегда были лидеры враждебной ему «демократии», и в первую очередь Фемистокл. А если вспомнить, что именно в это время изгнанный Фемистокл развивал особенно активную антиафинскую деятельность, если вспомнить, что интриги его развертывались как раз в Аргосе, то параллель между бежавшим из Фив в Аргос, чтобы поднять знамя братоубийственной войны, сказочным Полиником и бежавшим из Афин в Аргос историческим Фемистоклом покажется отнюдь не неправдоподобной. И понятен будет выбор Эсхила, остановившегося на этой теме именно в 467 г. Год спустя, в 466 г., вмешательство афинских властей принудило Фемистокла бежать из Аргоса в Персию.

Полемические черты в трагедии «Семь против Фив» не могут быть оспорены. Как ни хотел Эсхил возможно торжественнее прославить национальное единство родного государства, прозорливый ум его не мог не видеть неразрешимых противоречий, уже нарастающих в этом госу-

дарстве. Темперамент политического борца толкал его на полемику, насыщая ненавидящей бранью его величавый стиль.

3

По построению своему «Семь против Фив» занимают промежуточное положение среди сохраненных трагедий Эсхила. На орхестре здесь еще не более двух актеров. Вестнические речи наряду с лирическими партиями еще занимают более двух третей трагедии. События в основном еще развертываются за пределами театра, докатываясь до орхестры только в виде эмоциональных отголосков. Но главное действующее лицо — уже не хор, а актер, Этеокл, данный как развернутый характер. И начинается трагедия не с выхода хора, а (первый пример в истории мировой драмы) с актерского монолога. На орхестре, как и во всех эсхиловских трагедиях, предшествующих «Орестее», — ступенчатое возвышение. На этот раз оно изображает фиванскую крепость Кадмею.

Трагедия, как и обычно у Эсхила, слагается из трех разделов. В первом — из речей вестника и плача хора девушек возникает образ осажденного города и нарастает напряжение трагической тревоги. Второй раздел — явление исключительное даже для драматургии Эсхила: на протяжении четырехсот строк следуют, сменяясь, семь речей лазутчика и симметричных им ответных речей Этеокла. Их величественное однообразие подготовляет драматическую вершину действия: уход Этеокла на смертельный поединок с братом. Третий и заключительный раздел трагедии — большой ритуальный, симметрично построенный плач Антигоны и Исмены над трупами убитых братьев. Подлинность финала (решение Антигоны похоронить Полиника) может быть поставлена под сомнение. Вероятнее всего — это сочинение позднейшего (античного) редактора, желавшего согласовать финал эсхиловской трагедии с версией софокловской «Антигоны».

«Семь против Фив» была, как уже не раз нами указывалось, последней трагедией трилогии. За ней следовала сатировская драма «Сфинкс». Сохранились только ничтожные отрывки из нее.

Какую роль играло появление Сфинкса в мифе об Эдипе — достаточно известно. Но как осмыслялся этот горький мотив в сатировской драме? Может быть, содержанием драмы была веселая потеха сатиров, нашедших шкуру убитой Сфинкс. Кто-нибудь из сатиров, может быть, наряжался в эту шкуру, пугая прохожих, задавал дурашливые загадки. Так трагическая тема, с такой горькой серьезностью проходившая через трилогию, оборачивалась напоследок балаганом. Это было совершенно в стиле столь богатой монументальными контрастами поэтики Эсхила.

«Место действия — в Фивах, хор — из фиванских девушек, а содержание: войско аргивян, осаждающее Фивы, победа фиванцев и смерть Этеокла и Полиника. Поставлено при Феагениде (архонте) в 78-ю олимпиаду (в 467 г. до н. э.). Победил Эсхил трагедиями: «Лаий», «Эдип», «Семь против Фив», сатировской драмой «Сфинкс». Вторым был Аристий с трагедиями: «Персей», «Тантал» («Антей») и с сатировской драмой «Борцы» отца своего Пратина. Третьим был Полифрасмон с тетралогией «Ликургия».

ДЕЙСТВУЮТ:

Этеокл, фиванский царь.
Лазутчик.
Антигона } сестры Этеокла.
Исмена }
Глашатай.
Хор фиванских девушек.

ПРОЛОГ

Орхестра изображает городскую площадь в Кадмее — фиванской крепости. Посреди алтарь с кумирами богов. Выходит Этеокл, в сопровождении воинов, и обращается к собравшемуся народу, к подросткам и старикам.

Этеокл

Народ кадмейский! В правый час приказ отдать
Вот долг того, кто у кормила города
Стоит, бессонный, грузных не смыкая век.
Придет удача — станут прославлять богов,
А рухнет (не бывать тому) на нас беда, —
Все Этеокла одного по городу
Начнут позорить лаем, визгом бешеным,
Постыдной песней. Пусть же, верный имени,
Хранитель Зевс столицу сохранит от зла.
А вы, и те, кто мужественной силою
Еще налиться не успел, и те, в ком кровь
Уже остыла мужества, скрепив тела,
Должны вы, кто как может, на защиту встать
И города и ветхих алтарей богов,
Чтоб не запала честь их, на защиту встать
Детей и милой матери, родной земли.
Еще вы несмышленышами ползали

В траве веселой луга, — нянька-родина
Вскормила вас, взрастила статных воинов
И щитоносцев. Ей сейчас платите долг.
До этих пор был бог к нам добр и милостив.
Уже сидим в осаде мы не малый срок,
Но шел счастливо бой оборонительный.
А нынче предсказатель, умных птах пастух,—
Он слышит ухом, чует сердцем острый лет
Нелгущих птиц, хоть слеп и мутен глаз его, —
Хозяин этот колдовских и страшных дел
Сказал: «Великий приступ постановлен в ночь
В ахейском войске. Город будут силой брать».
Ступайте же! На башни! На забрала стен!
Шагайте, тяжело вооруженные!
В бойницах встаньте! На раскатах выстройтесь!
Над воротами башен, над подзорами
На страже будьте с храбрым сердцем. Пусть врагов
Орда вас не пугает. Бог удачу даст!
Лазутчиков послал я, соглядатаев.
Плутают в поле не напрасно, думаю.
Послушаю, про все узнаю хитрости.

(Входит Лазутчик.)

Лазутчик

Высокосильный Этеокл, кадмейский царь!
Пришел я с поля. Вести приношу от войск.
Вот этими глазами все увидел сам.
Семь полководцев, главари свирепые,
Быка убили. Кровь пролили в черный щит
И в бычьей крови пальцы омочили рук.
И богу битв, и Энио, и Ужасу
Чудовищному поклялись разрушить в пыль,
В прах расточить кадмейцев город каменный.
А нет, — свою до капли кровь в поля пролить.
Родимым, близким в память, каждый прядь волос
К повозке пригвоздил Адраста. Падали
Из глаз их слезы. Но молчал упрямый рот.
В груди железной круто ярость вспыхнула,

И вспухло сердце черным львиным бешенством.
Им клятву делом подтвердить не боязно.
Бежав, видал я — жребий мечут семь вождей,
Кому к каким воротам повести отряд.
Так прикажи! Бойцов отборных города,
Сильнейших в сторожа поставь ворот. Спеши!
Идет аргивян войско. И доспехами
Стучит. Пылит. И поле пена белая
От храпа коней покрывает хлопьями;
Как зоркий кормчий, города пазы забей,
Пока не взвыл Ареса ветер яростный.
Грохочет войск волна материковая.
Прими решенье верное и во-время.
А я твоим останусь глазом преданным,
Сквозь день глядящим. Зная, что затеяно
Там, за стеной, сумеешь избежать беды.

(Лазутчик уходит.)

Этеокл

О Зевс! И ты, Земля, и боги города,
И ты, отца могучая Эриния.
Нет, не губите с корнем, на́прочь, на́чисто,
В резне кровавой город, где Эллады речь
Струится. Пощадите домы старые.
Столицу Кадма и страну свободную —
В ярмо тугое рабства не позвольте впрячь.
Оплотом будьте. Польза в этом общая.
Счастливый город чтит вдвойне богов своих.

(Этеокл уходит, с ним воины.)

ПАРОД

На орхестру вбегает в тревоге хор фиванских девушек. Музыка.

Хор

СТРОФА 1

Бежим, содрогаемся, стонем!
В поля рвется враг, из-под шатров — в поля.
Пошла первой вскачь конница, конница.

Взмелась к солнцу пыль дымным столбом. Беда!
Без слов звучный знак, вестник немой беды.
Трепет полей родных, взрытых гоньбой коней,
В уши вонзился, ой! Топот гремит, растет!
Так о порог камней хлещет, клубясь, падун.
Боги, богини, ой!
Прочь прогоните, прочь — ужас топочущий!
Сквозь городьбу, сквозь тын
Белых щитов орда ринулась к городу.
Кто ж оборонит, ой? Кто отвратит напор?
Бог ли, богиня, кто?
Или, молясь, упасть перед бессмертными?
Родных звать богов?
О боги на гордых престолах!
Пора к вам преклониться.
Чего медлим, стенаем?
Вы слышите, — нет, вы не слышите стук щитов!
Венки, тканый покров, не нынче если
Вам принесем, когда ж?
Бряцанье слышу, копий неисчислимых лязг.
Так что ж ты? Предаешь,
Арес, старый свой город милый?
О бог в золотом шлеме!
Взгляни на несчастных нас,—
На город, — его любил ты прежде!

СТРОФА 1

Боги земли родной, вас призываем всех.
Видите, девушки
Стаей сплелись, вопят. Страшно идти в рабы.
Катится взводень волн, войско гривастое.
Арес хлябь сечет. С храпом клокочет вал,
Но ты, Зевс, Зевс, царь и отец всего,
Спаси, не дай разрушить город.
Аргоса дети крепость Кадма
В кольцо сжали. Ножей верезг! Доспехов лязг!
Кусают кони звенья удил. Узда
Звенит железом и убийством.

Семь силачей идут.
Войска в ряд ведут.
Тяжел щит. Копье длинно. Жребий пал
Им наступать к семи воротам.

АНТИСТРОФА 1

Зевса строгая дочь, жатву ты любишь битв,
Стань обороной нам,
Дева Паллада. Ты, конник, пучины князь,
Ты, с острогою бог, меткий убийца рыб,
Помощь пошли, избавь! Крови не лей, избавь!
Арес, и ты, ой, свойский, родной бог,
Столице Кадма дай защиту.
И ты, Киприда, прабабка племени,
Спаси, мать. Твоя в роду Кадма кровь.
Веря тебе — глаза в слезах, — обняли мы
Престол твой в горькой молитве,
Ликийский царь Феб,
Наш отомсти плач,
Волком ликийским стань войску враждебному.
Напряги лук, Артемида!

СТРОФА 2

Ой, ой, ой, ой!
Грохот повозок, ой, слышен у стен уже.
Гера-царица!
Оси колес скрипят. Ободы шаркают.
Ай, ай, ай, ай!
Милая дочь Лето!
Воздух рассечен весь посвистом дротиков.
Что ж еще город наш вытерпит? Будет что?
К концу какому приведет нас бог?

АНТИСТРОФА 2

Ой, ой, ой, ой!
Бьют о забрала стен камни с тугих пращей.
О Феб милосердный!
Вот в ворота уже щит застучал о щит.
Ай, ай, ай, ай!

Зевсова дочерь,
Славную цель войны в битве решаешь ты.
Онка-владычица, свой
Храни с семью воротами город!

СТРОФА 3

Всесильные боги, ой!
Богини, ой! Боги, ой, родных полей,
Стен оборонители!
Город на щит не позвольте взять
Иноязычным войскам!
Слушайте девушек, слушайте горький вой,
Плач и плеск рук!

АНТИСТРОФА 3

Ой, милые демоны!
Дозором, ой, город вы обходите.
Будьте в дружбе верными,
Храмы свои заслоните,
Дайте, ой, дайте защиту.
Оргии вспомните, сладкий, милый припомните
Жертв жирный дым.

(Девушки поднялись на ступень алтаря. Музыка прекратилась.)

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Входит Этеокл.

Этеокл

Вас спрашиваю, женщины, несносный род,
Что это: помощь, города спасение,
Опора сердцу войска осажденного —
Богов кумиры обнимать, упавши в пыль,
Вопить и плакать? Вы чума для мудрых всех!
И в дни беды и в счастья дни чудесные
Мне с женщинами тошно хороводиться!

Они упрямо-дерзки в торжестве своем.
А в страхе — зло вдвойне семье и городу.
И нынче ваша беготня трусливая,
Собачий визг крадут у граждан мужество.
Тем, за стеной, вы славно помогаете.
И сами истребляем мы самих себя.
Мужчин, не женщин, дело — позаботиться
О том, что в поле. Не вредите здесь, в домах.
А кто не покорится повелению,
Мужчина, или женщина, иль кто другой,
Он будет к казни присужден. На площади
Народом каменован. Не уйдет от зла.
Вы слышите? Не слышите? Глухим кричу?

КОММОС

Хор

СТРОФА 1

Милый Эдипа сын!
Страшно мне, страшно мне!
Слышать повозок стук, скрежет тугих телег.
Страшно скрипят
Оси мчащихся шибких колес,
Страшно в конских зубах
Звякают, звякают
Кольца в огне прокаленных удил.

Этеокл

И что же? Разве корму в страхе бросивши,
На нос бежав, пловец найдет спасение,
Когда корабль в соленой хляби бедствует?

Хор

АНТИСТРОФА 1

Нет, к алтарям богов
Древних, отеческих,
Мы богомольно шли. Перепугал нас град,

Каменный снег, —
Гулко бил он о створы ворот.
Тут в смертельной тоске
К вышним взмолились мы, —
Пусть сохранят и спасут свой город.

Этеокл

Молите башни, пусть от вражьих стрел спасут.
При чем здесь боги? Сказано: бегут к врагу
Из храмов боги в побежденном городе.

Хор

СТРОФА 2

Пусть, пока длится жизнь, не покидает нас
Горних богов рука! Пусть не услышим мы
В городе шаг врагов! Пусть не увидим войск
Милых погибель в огне летучем!

Этеокл

Богов моля, не станьте горем городу.
Повиновенье — матерь благоденствия,
Жена спасающего Зевса. Помните!

Хор

АНТИСТРОФА 2

Но надо всем царит сила святых богов.
Часто, когда печаль гнет нас отчаяньем
И безнадежных бед облако светоч глаз
Застит нам, жизнь выпрямляют боги.

Этеокл

Мужское дело — жертвы приносить богам,
Дарить подарки, если осаждает враг.
А вам — молчать и дома терпеливо ждать.

Хор

СТРОФА 3

Бога лишь милостью город не попран наш,
И отражает кремль буйную дурь врагов.
Так за что же нас корить?

Этеокл

Мне не завидно. Можете молить богов.
Но чтобы сердце воинов не рвать тоской,
Сидите тихо, не пугайтесь свыше мер.

Хор

АНТИСТРОФА 3

В уши вонзился стук, страшный, чудовищный.
Ужас пробил нам грудь, вздрогнули, кинулись
В кремль сюда, к святым местам.

Этеокл

Когда о мертвых и о насмерть раненых
Услышите, не смейте голосить и выть.
Таков уж корм Ареса, палача людей.

Старшая в хоре

Вот снова, снова коней ржанье, стук копыт.

Этеокл

Умей не слышать, даже если слышишь стук.

Старшая в хоре

Гудит земля под городом, он сжат в кольцо.

Этеокл

Об этом мне забота. Не довольно ли?

Старшая в хоре

Дрожу. Грохочет грузно в ворота таран.

Этеокл

Молчать! Не сметь вопль подымать по городу!

Старшая в хоре

Не погубите башен, сторожа кремля!

Этеокл

Закройте рот! Молчите, ненавистные!

Старшая в хоре

Родные боги, в кабалу не дайте нас!

Этеокл

Себя закабалите, и меня, и всех.

Старшая в хоре

Зевс всемогущий, молнией сожги врага!

Этеокл

Мой Зевс, на что ты создал племя женское?

Старшая в хоре

Как и мужчин, на слезы, если кремль падет.

Этеокл

Кумиры обнимая, снова стонете?

Старшая в хоре

Невольно страх из глотки вырывает стон.

Этеокл

О малом попрошу вас, не откажете?

Старшая в хоре

Скажи скорее, знать хочу и выполнить.

Этеокл

Прошу молчать и сердце не крушить бойцам.

Старшая в хоре

Молчим, с друзьями вместе будем рок терпеть.

Этеокл

Приятнее мне эта речь, чем прежние.
Теперь велю: кумиров круг покинувши,
Богов просите с нами вместе меч поднять.
Мою молитву выслушав, начните песнь,
Пеан спокойный, величавый, набожный,
По эллинским торжественным обычаям,

Чтоб страх попрать и мужество вселить в друзей.
Вам божества, владеющие городом,
Хранители полей и рынка сторожи,
Исток Диркеи и тебе, ручей Исмен,
Даю обет: когда осада снимется,
Овечьей кровью напою престолы я
И бычьей кровью — жертвенники, в час, когда
Добычу битв, пробитые, кровавые,
Врагов доспехи в доме пригвожжу богов.
Вот так молитесь. Без рыданий жалостных,
Без жалобы, напрасной и неистовой.
Как ни вопи, своей не избежишь судьбы.
Я шесть бойцов, седьмого самого себя
С врагом на поединок, полководцев семь
Надежнейших поставлю у семи ворот,
Пока молва летучая и лживая
Не пронесется, в людях разжигая страх.

(Уходит.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Спускается в орхестру, поет и пляшет.

СТРОФА 1

Он прав. Но страх не бежит из груди.
Ой забота, ты соседка сердца!
Уголь дрожи вспыхнул.
Ужасен враг под стеной.
Голубке так страшен глаз
Змеи, ползущей к гнезду.
Вся дрожит горлица
За бескрылых птенцов.
Гляди, к башням стремится
Медный рой, страшный строй.
Кишат. Что с нами будет?
Гляди, градом каменья,
Кремни с острою гранью,

Мечут в защитников наших.
Сколько есть сил, дети небес,
Храните нас, войско и кремль,
Племя спасите Кадма.

АНТИСТРОФА 1

В какой уйти можно вам край, милей
Нашего, когда врагам
Вы отдадите пашни эти,
Диркеи ключ? Нет питья
Свежей его, слаще нет
Средь вод, что ввысь, наземь шлет
Посейдон огромный
И Тефиды дети.
Боги, градодержцы,
На тех, кто за стеной,
Ужас нашлите смертный,
Дрожь, столбняк, трясовицу.
Молим, воинам нашим
Славу дать и победу.
Города обороной,
Храмов своих обороной
Станьте и плач услышьте!

СТРОФА 2

Горько, горько, когда город-старик
Сгинет в черную ночь, сожженный в пепел,
Насмерть ранен копьем врага,
Добыча ахейцев, дотла спален,
До алтарей богов.
Схвачены, связаны, прочь влекутся,
Ай-ай,
Невесты и старухи.
Косы прикручены к стремени,
Порвана в клочья рубашка.
Ой, стон в городе растоптанном,
Ой, крик женщин обесчещенных!
Беду жду горькую и плачу.

АНТИСТРОФА 2

Тошно, тошно, когда воин чужой
Выжмет сок молодой неспелых ягод,
Силой влажный раздавит стыд.
Кто прежде отдаст душу ножу,
Тех назову счастливей.
Горечью, если погибнет город,
Ай-ай,
Жизнь обернется многим.
В рабство ведут, убивают.
Пламя бросают в амбары.
Ой, дым, дым столбом над городом!
Ой, смерть, смерть трубит взбесившийся
Арес, палач, разоритель храмов.

СТРОФА 3

Верезг и всхлип в переулках.
Город в облаве. Схвачен.
Боец бьет бойца.
Копьем в пыль свалил.
В углу лепет кровавый,
Хрипы. Сосун верещит,
От груди оторван.
Разбой, взлом и грабеж и кровь во всем.
Хищник хищника торопит
И пустой зовет пустого
В сотоварищи себе.
И не меньше и не вровень надо им.
Что ж потом, чем же день окончим?

АНТИСТРОФА 3

Жатва и всякая овощь
Втоптаны в землю, смяты.
Хозяйка глядит,
В глазах стынут слезы.
Пашен дары родимых
Втоптаны в грязь. В канавах
Уносит их вода.

Девушки, новое горе ждет вас.
Ждет постель копьем добытых,
Ждет надменный, счастьем сытый,
Прихотливый властелин.
Вся надежда — раньше ночи смерть принять.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Предводительница 1-го полухорья

Гляди: лазутчик. Думаю, приносит он
Весть новую о войске неприятельском.
Как в колесе мелькают спицы ног. Спешит.

Предводительница 2-го полухорья

А вот сам царь идет сюда, Эдипа сын.
Рассказ услышать хочет соглядатая.
Спешит и он, нога его не мешкает.

Лазутчик

(входит)

Все расскажу, что знаю о противнике,
Кому к каким воротам жребий пал идти.
Тидей к воротам Претовым торопится
Ударить. Но гадатель запрещает брод
Переходить Исмена. Жертвы взрез недобр.
Тидей желаньем биться помутнен, пьянен,
Ревет взбесившись, как дракон в полдневный зной:
И бранью Оиклея сына мудрого
Чернит: виляет он-де перед битвою.
Тремя трясет он конскими, бесчинствуя,
Чудовищными гривами на шлеме. Щит
Звенит надменно бубенцами медными.
А на щите высокомерный выбит знак:
Небесный свод, созвездьями пылающий,
А посредине полнолунье ясное:
Царица звезд, лучистый глаз полуночи.
В таких доспехах хвастовских неистово
Он жаждет битвы, на речном яру кричит.

Так удила закусывает в пене конь,
Трубу заслышав и уздою вздернутый.
Кого пошлешь ему навстречу? Кто врагу
У Претовых открытых даст отпор ворот?

Этеокл

Во всем великолепьи он не страшен мне.
Мудреные узоры не наносят ран,
Не жалят ни султаны, ни бубенчики.
А этот блеск полночный на щите его,
Венцом созвездий на небе мерцающий,
Он может горьким обернуться знаменьем,
Когда падет на очи полночь смертная,
И щитоносцу знак щита напыщенный
Красноречивым вестником окажется,
И смерть себе накличет горделивец сам.
На бой с Тидеем сына посылаю я
Астарка, — пусть ворота держит Претовы.
Старинной крови, скромности святой престол
Он чтит и речи ненавидит праздные.
Любимец чести, чист он от постыдных дел.
Сама родная Правда в бой ведет его
Копьем за пашни постоять отцовские.
Землей рожденных Спартов славный правнук он,
Аресом пощаженных, кровный сын страны.
То Меланипп. Костяшки пусть метнет Арес!

Хор

Пускай воин мой будет в бою счастлив!
Подай бог! Поднял он справедливый меч,
Родины сильный сын. Но, ой, боязно,
Как бы, в бою сойдясь, друг за друзей своих
На землю кровь не пролил.

(Уходит Меланипп с отрядом воинов.)

Лазутчик

Пускай пошлют ему победу вышние!
К Электриным воротам Капаней идет.

Силач, того еще огромней, первого.
Он горд сверхчеловеческой надменностью,
И башням угрожает. (Пусть их бог спасет!)
Испепелить он город похваляется,
Хотят ли боги или не хотят того.
Пусть даже Зевс ему грозится молнией.
Громов раскаты и зарницы синие,
Как луч полудня ласковый, милы ему.
А знак его — бегущий человек нагой,
В руке поднявший головню горящую,
И буквы золотые: «Кремль огнем сожгу».
С таким бойцом на поединок выйдет кто?
С высокомерным кто не дрогнув встретится?

Этеокл

Гордец и этот гордость породил во мне.
Враг пустохвалов и судья безжалостный,
Нелицемерный — собственный пустой язык.
Бедой грозится Капаней и гибелью,
Богов позорит болтовнею бешеной.
Язык свой изнуряя, смертный, Зевсу он
Шлет слов надменных сутолоку до неба.
Я знаю, будет он по правде молнией
Испепелен, нимало непохожею
На ласковый и теплый луч полуденный.
Как он ни брешет, с ним копьем померится
С неугасимым сердцем Полифонт, храбрец.
Он — наша башня верная. Пошли ему
Победу Артемида и совет богов.
Другого назови мне у других ворот.

Хор

Убей бог того, кто нас убить грозил.
Сожги щит его, бог, громовой стрелой,
Прежде чем дверь сорвав, копьем грубым он
Нас из светелки девичьей
В поле погонит, в рабство.

(Уходит Полифонт с отрядом.)

Лазутчик

Кому еще идти к воротам, назову.
Пал третий жребий Этеоклу, третьему,
Из опрокинутого шлема медного,
К воротам Неистейским повести отряд.
Удила закусивших он погнал коней.
Кружась по полю, рвутся к воротам они.
Звенят уздечек кольца звяком варварским
И тяжким храпом дышат ноздри гордые.
А на щите искусно отчеканен знак:
Вооруженный воин к башне вражеской
По лестнице взбирается и сжечь грозит.
И надпись золотая говорит, гордясь,
Что с башни в пыль не сбросит и Арес его.
Ему навстречу крепкого бойца пошли,
Чтоб иго рабства отвратить от города.

Этеокл

Пошлю ему противника упрямого,
Который не словами, а копьем речист.
Потомок Спартов, Мегарей, Креонта сын.
Он топота и храпа ко́ней бешеных
Не побоится. Не отдаст ворот врагу.
Он или смертью родине заплатит долг
Иль щитоносца поразит и с башней щит
Захватит, в дом отцовский принеся трофей.
Но назови мне прочих похвальбу! Смелей!

Хор

Богов прошу, пусть тебе успех дадут:
Дома хранитель ты. Наглый пусть брешет враг!
Зевс им воздаст за все. И за бесчинства все,
И за угрозу городу — мстительный Зевс
Гневный взгляд подымет.

(Уходит Мегарей с отрядом.)

Лазутчик

Боец четвертый у ворот соседних встал,
Афины-Онки, с гиком, с буйным грохотом.
Гиппомедонт-воитель, великан, силач.
Круг солнечный — огромный круглый щит его —
Увидел я и задрожал, не стану лгать.
Кто щит сковал, изрядным был художником.
Чудесный он на меди отчеканил знак:
Тифон из глотки ярым пышет пламенем
И копотью, сестрой летучей пламени.
Чудовищные змеи по краям сплелись,
Кольцом щита обнявши брюхо полое,
А сам, Аресом пьяный, вопит бешено,
Неистовствуя, как Фиада, смерть в глазах.
Такого остеречься надо воина.
Уже бушует ужас у ворот самих.

Этеокл

Паллада-Онка, ворота хранящая,
Соседка наша, ненавидит похвальбу.
Она прогонит змея от птенцов своих.
А наш Гипербий, честного Энопа кровь,
Врагу, конечно, вровень враг. Желает он
В игре удач суровых искусить судьбу.
И мужеством, и станом, и доспехами
Он безупречен: хорошо их свел Гермес.
С противником противник жесткий встретится.
Несут они вдобавок на щитах своих
Богов враждебных. У того гигант Тифон,
А на щите Гипербия — отец наш Зевс,
Водитель воинств, молния в руке его.
Раз божества друг друга ненавидят так,
Такой же будет участь и людей-бойцов.
Наш бог победоносен, их ущербен бог.
Ведь побежденным Зевса не видал никто.
По смыслу знака будет для Гипербия
Зевс, на щите сверкающий, спасителем.

Хор

Я верю, он, ненавистника Зевсова
На щит принявший знак,
Чудище, демона недр земляных, —
Богам харя тошна его
И богомольным людям, — голову он разможжит у башни.

(Уходит Гипербий с отрядом.)

Лазутчик

Пусть так и будет! Назову вам пятого,
К воротам пятым он Боррейским двинулся,
Где Амфиона, Зевсова потомка, гроб —
Парфенопей аркадец, Аталанты сын.
Копьем своим поклялся он, которое
Ему богов дороже, света глаз милей,
Столицу Кадма расточить, наперекор
Хоть Зевсу. Буен шалый сын охотницы,
Мужчина-мальчик, дивно он красив собой.
Пушок на щеках ласково курчавится,
Кудрявый волос первой милой юности,
А сам суров, хоть носит имя девушки.
Горят глаза неистовой решимостью,
Бушует у ворот он с ярым бешенством.
А на щите округлом, медью кованном,
Хранящем грудь, гвоздями приколочен знак —
На омерзенье города — кровавая
Чудовищная Сфинкс, чекана славного.
В когтях кадмейца молодого держит Сфинкс,
Чтоб стрелы наши попадали в нашего.
Пришел герой не скаредничать битвою,
Дороги долгой не бесчестить трусостью, —
Решил аркадец родину приемную,
Зеленый Аргос, наградить за выкорм свой.
Грозит он нашим башням, сохрани их бог!

Этеокл

Когда обрушат на голову боги им
Все, чем богов они чернили, мерзостно

Погибнут сами в хвастовстве кощунственном.
И этому аркадцу пресловутому
Готов противник, не бахвал, с тяжелою
Рукой, Арктей, брат прежнего Гипербия.
Он не позволит, чтобы праздных слов река
Сквозь ворота промчалась, множа бедствия.
Не даст, чтоб враг прорвался, — на щите своем
Несущий зверя, городу на мерзкий стыд.
Пускай не нас, его укусит насмерть Сфинкс,
Когда с забрала стрел посыплет проливень.
Предсказываю правду, если добр к нам бог.

Хор

Ожгла речь меня, ножом грудь прошла.
Ой-ой, дыбом встал волос от ужаса.
Безбожна ярость наглых безбожников.
Пусть в нашей земле истребят их боги.

(Уходит Арктей с отрядом.)

Лазутчик

Бойца шестого назову. Он мыслью чист
И сердцем смел, Амфиарай гадатель то.
К воротам Гомолойским с войском посланный,
Он сильного Тидея тяжело бранил,
Людей убийцу, городов смутителя,
Несчастий всех учителя для Аргоса,
Приспешника Эриний, палачей слугу,
Совет Адрасту горестный подавшего.
Потом глаза отведши, слово грузное
Он Полинику, брату твоему, сказал.
Его назвал он имя злое, черное,
Кровь обещающее, и закончил так:
«О что за подвиг, божествам угоднейший,
Среди потомков славный, знаменитейший,
Родимый город рушить, на отеческих
Богов — бросать копыта чужеземных войск.
Кто матерь бьет, нет правды окаянному!

Земля родная, под шальным копьем твоим
Дрожа, убийце будет ли подругою?
Я ж туком жирным в эти упаду поля.
Усну, гадатель, под землей враждебною.
Но будем биться. Не бесчестный ждет конец».
Сказал гадатель и спокойно поднял щит,—
Кругом обитый медью — знаков нет на нем.
Он хочет быть, а не казаться праведным.
Он из борозд глубоких сердца жатву жнет,
И в нем решенья созревают добрые.
Пошли ему противника разумного
И доблестного. Страшен тот, кто чтит богов.

Этеокл

Ой, что за птица сочетала горькая
С людьми совсем бессовестными чистого!
Но в деле каждом ничего нет злейшего —
Товарищества злого. Злой созреет плод.
На пашне изуверства только смерть сожнешь.
Пусть на корабль пловец благочестивейший
Взойдет — с гребцами подлыми, с бродягами,
С проклятой шайкой заодно утонет он.
Кто, справедливый, вместе с горожанами,
Дурными, вероломными, безбожными,
Запутается в общей роковой сети, —
И по нему ударит страшно плеть богов.
И этот предсказатель, Оиклея сын,
Разумный, добрый, справедливый, набожный,
Искуснейший гадатель, — дал сковать себя
С бахвалами безбожными и лживыми,
Далекий, но напрасный путь прошедшими.
И он сорвется в пропасть волей Зевсовой.
Не верю, чтобы к воротам он ринулся.
Не потому, что трус он или сердцем крив,
Но знает, что в сраженьи повстречает смерть,
Когда не слепы прорицанья Локсия.
Молчит, чтоб слова не сказать не во-время.
И все ж бойца, Ласфена знаменитого,

Пошлю, ворот недружелюбным сторожем.
Старик умом, но силой тела юноша.
Глаз быстроног, и руки не замешкают,
Швырнуть копье, где слабину откроет щит.
И все ж людей удача — это божий дар.

Хор

Услышь, небо, нас! Наш плач свят и прав.
Счастье пускай придет! Город пускай цветет!
Пусть не грозит ему копье
Чужих буйных орд! С крутых башен пусть
Врага молния Зевса сбросит!

(Уходит Ласфен с отрядом.)

Лазутчик

Седьмого назову вам у седьмых ворот.
Знай — это брат твой, кровный и родной. Стране
Чудовищным проклятьем угрожает он.
И хочет, знай, взойдя на башни города,
Провозглашенный князем, песнь побед вопя,
С тобой сойтись, чтоб, вместе пав, убить тебя,
А нет — живьем бесчестно выгнать вон, как ты
Прогнал его, и отомстить стыдом за стыд.
Так Полиник, бесчинствуя, вопит, богов
Земли родной и прадедов своих зовя
В свершители проклятья, в отомстители.
А щит его новехонек и крепко сбит,
И знак двойной хитро приноровлен к щиту.
Ведет золотокованного воина
Прекраснейшая женщина. Написано:
«Я — Правда, в дом свой человека этого
Верну. Владеть дворцом ему и городом!»
Вот что задумал неприятель. Сам решай,
Кого на поединок с тем, седьмым, пошлешь.
Теперь меня ленивым соглядатаем
Не называй. А город наш — тебе вести!

(Уходит Лазутчик.)

Этеокл

О богом ослепленный, богом преданный,
О род мой, род Эдипа, окаянный род!
Ой-ой, отца заклятья исполняются.
Но нет, не выть, не плакать, не печалиться!
Чтоб не родили слезы горя нового!
Ты Многогневом назван, Полиник, не зря.
Узнаешь скоро, что твой предвещает щит,
И золотая надпись приведет куда,
Пустая, празднословная, кичливая.
Да, если б Правда, Зевса дочь чудесная,
Его делами правила и мыслями,
Была б удача. Но от чрева матери,
От ранних игр ребяческих, от юности,
С тех пор, как над губою первый пух зацвел,
Ребенком и любимцем Правды не был он.
И нынче на тоску и горе города
Ей не бывать его оруженосицей.
Неправда было б имя ей, по совести,
Когда б сдружилась Правда с нечестивцем злым.
Так думаю, так верю. На него иду
Я сам. И что же может быть прекраснее?
Враг на врага, на князя князь, на брата брат,
Иду на поединок. Эй, скорее дать
Копье сюда, и пращь, и наколенники.

Старшая в хоре

Нет, милый, нет, желанный, сын Эдипа, нет
Не подражай тому дурному в ярости.
Довольно, что аргивяне с кадмейцами
Сойдутся в рукопашной. Кровь такую смыть!
Но если брата брат убьет и брат падет
От брата — нет на эту мерзость старости!

Этеокл

Была б несчастьем только, не стыдом мне жизнь,
Я б жил, хоть счастье для меня лишь в гибели.
Но стыд терпеть и горе — участь жалкая.

КОММОС

Хор

СТРОФА 1

Что ты задумал, сын? Пусть тебя гневный рок,
Буйная битвы злость не заманит. Убей
Страсти зародыш черный.

Этеокл

Когда к концу все дело так торопит бог,
С попутным ветром пусть в Кокит обрушится
Весь ненавистный Фебу горький Лаия род.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Злой тебя зуб грызет, страшную жатву сжать,
Братнюю кровь пролить. Хочешь убить. Такой
Нет искупленья крови.

Этеокл

За мной отца жестокая Эриния
Стоит. Глаза сухие, и в них нету слез.
Чем позже, шепчет, лучше умереть скорей!

Хор

СТРОФА 2

Сердце не рви, не рань. Кто тебе скажет: трус,
Если и будешь жив? Чернокосматая
Кинет Эриния дом, где из чистых рук
Жертвы богам приносят.

Этеокл

Давно уж боги позабыли про меня.
Обрадуются разве лишь, про смерть узнав.
Как пес хвостом, перед роком не хочу вилять.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Демон скрутил тебя. Злобой набух ты, царь!
Время пройдет, гляди. Время залечит все.
Ласковей взглянет бог, ветер весной дохнет.
Весь ты сейчас — кипенье.

Этеокл

Во мне кипят Эдипа клятвы черные.
Становятся чрезмерно явны снов ночных
Кошмары: царства предел отцовского.

Старшая в хоре

Послушайся нас, женщин, хоть не любишь нас.

Этеокл

Что выполнимо, говори, но ко́ротко.

Старшая в хоре

К седьмым воротам не иди в смертельный путь.

Этеокл

Решений бритву словом не притупишь, знай.

Старшая в хоре

Дают победу боги и слабейшему.

Этеокл

Не должен воин доверять речам таким.

Старшая в хоре

Родного брата замышляешь кровь пролить?

Этеокл

Его убью я, если даст удачу бог.

(Уходит Этеокл с отрядом воинов.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Страшно! Богиня
С богами несхожая!
Муки пророчица,

Род губящая,
Окаянств отцовских Эриния
Близится, чтобы совершить
Безрассудную клятву Эдипа.
Сыновний раздор судьбу торопит.

АНТИСТРОФА 1

Гость-чужеземец
Жребий мечет.
Яростный Скиф и Халиб
Делят наследье им,
Беспощадный клинок железный.
Он отмеряет землю,
Сколько надо в гробах лежащим,
Царям, пожелавшим царств обширных.

СТРОФА 2

Когда убьет брата брат
В бешенстве рукой своею,
Когда земли сухая пыль,
Черной свернувшейся выпьет крови, —
Очистит кто грех такой?
Отмоет кто добела? Проклятый род
Дольет сполна
К старой — мерзость новую.

АНТИСТРОФА 2

Старинный грех помним мы,
Скоро наказанный век живущий,
В третьем колене мстящий грех.
Трижды пророчил Лаию Феб
С пифийской треноги, где пуп вселенной:
Пускай умрет
Он без детей, но спасет свой город.

СТРОФА 3

Взяло верх сладкое неистовство.
Себе палача зачал Лаий,
Эдипа — убийцу отца.

Семя он бросил в пашню
Матери, где сам взошел, святую,
Мерзостной крови семя.
Бешенство слепое
Свело жениха с невестой.

АНТИСТРОФА 3

Прибой зол катится, как моря вал.
Упала волна, встает вслед
Треволненье новое,
Хлещет в корму государства.
Долго ль доскам устоять дубовым,
Долго ль держаться башням?
Разом, страшимся, в пропасть
Рухнут цари и город.

СТРОФА 4

Платеж пал по тяжким кабалам,
Проклятий старинных лет. Возмездие
Близко, не минет гибель.
На дно ключом, в пучину канет
Стяжателей жадных
Жирное слишком счастье.

АНТИСТРОФА 4

Кому так люд земной завидовал,
Кого так город чтил на празднествах,
Площадь топча толчеей шагов?
Его, Эдипа. Спас отчизну
От палачихи
Эдип, от Грызучей Смерти.

СТРОФА 5

Когда явным стал
Эдипу свадьбы чудовищной
Ужас, взревел от боли царь.
Сердце взбесилось в груди.
Двойной удар он рушит
Рукою, отца убившей, —
Спиц острие в мякоть глаз вколол он.

АНТИСТРОФА 5

Сынов проклял царь.
Ай-ай, подарок отравленный!
Сынов проклял тяжелым словом:
Пусть им с железом в руке
Отца делить наследство.
Нынче, боюсь,
Близко стучит быстрый шаг Эриний.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Входит Лазутчик.

Лазутчик

Скрепите сердце, дочери отцовские.
Ярма неволи не наденет город наш.
Как дым, надменных похвальба развеяна.
Вошли мы в за́тишь. Сквозь прибой и взводень волн
Проплыл корабль, не проломив опалубки.

Старшая в хоре

Хранят нас башни, и ворота крепкие
Стоят, и сторожат единоборцы их?

Лазутчик

Судьба дала нам счастье у шести ворот.
Зато седьмые бог, седмижды славимый,
Феб в гневе посетил, чтобы исполнились
В роду Эдипа Лаия заклятия.

Старшая в хоре

Какое зло на город пало новое?

Лазутчик

Сохранен город. Но два брата, два царя...

Старшая в хоре

Что с теми? Что ты? Страх напал, не слышу слов.

Лазутчик

Крепись и слушай! Сыновья Эдиповы...

Старшая в хоре

Ой, поняла! Беду провижу! Ой, беда.

Лазутчик

Они погибли оба. Брата брат убил.

Старшая в хоре

Лежат убиты? Как ни горько, все скажи.

Лазутчик

Упали вместе, вместе пораженные.

Старшая в хоре

К чему увертки, недомолвки? Ясно — все.
Пригнул обоих общий демон до́ земли.

Лазутчик

Да, общий демон истребил проклятый род.
А нам и радоваться и рыдать теперь.
Цветет счастливо город, но цари его,
Два полководца, скифским, острым, режущим
Клинком железным царства поделили кон.
Земли досталось братьям по пяти локтей —
Длина могилы. Мертвый их убил отец.
Так спасся город, а земля родимая
Испила крови братней, братом брат казнен.

(Уходит Лазутчик.)

ЭКСОД ПЕРВЫЙ

Старшая в хоре

Зевс всесильный, и вы, стерегущие кремль,
Благодатные демоны, стен городских
Оборона и щит!

Что ж, запеть нам звенящую песню побед,
Избавленье столицы прославить?
Иль оплакивать горьких, печальных, слепых
В ночь ушедших бездетно начальников войск?
Этеокл-Горeслав, Многогнев-Полиник,
Имена им по правде и праву даны.
Сгибли оба бесчестно, безумно.

Хор

СТРОФА 1

Черный рок, грозный рок,
Род истребивший Эдипа рок.
Ой, ледяная дрожь,
Сердце знобит, ой-ой!
Могильный плач нам начать,
Фиады плач! У трупа труп!
Лежат они. Лужей — кровь.
Дурная птица кричала
В час, когда им родиться.

АНТИСТРОФА 1

Сполна сбылась вся до дна
Черная страшная речь отца.
Лаия грех живуч.
Страшно за город нам.
Покоя нет. Устали
Не знает рок неугомонный.
Ой, сколько слез, братья, ой,
Нет меры ярости вашей!
Ужасам нет названья!

КОММОС

Воины вносят тела Этеокла и Полиника. С другой стороны на орхестру выходят сестры убитых, Антигона и Исмена, в сопровождении прислужниц.

Хор

Все въявь открылось. Вестника верны слова.
Печаль двойна. Смерть двойна

От двоих. Как быть?
Вопить и плакать! Зло за злом
Дому родимому.
Подруги, плач — нам попутным ветром!
Удары весел — бейте, причитая, в грудь!
По водам Ахеронта провожайте челн
Безрадостный — под парусами черными,
Бессолнечный — не была
Феба нога на нем —
В гостеприимный край и тусклый.

Старшая в хоре

Вот подходят печальное дело свершить
Антигона сестра и Исмена сестра.
Из девичей груди, из округлой, звеня,
Поминальный, пронзительный вырвется вопль.
Нам — приветствовать горьких обычай велит
И, надгробному вторя рыданью, запеть
Ада черную песнь,
Страшный, сумрачный причет Эриний.
Ио!
Нет печальней сестер среди девушек всех,
Кто повязывал поясом пеплоса холст.
Вот рыдаем и плачем. Притворства здесь нет.
Стон от сердца, звенящий, печальный.

Антигона

СТРОФА 1

Ио! Ио! Хмурые!
Любовь не люба вам,
И боль не больна была.
Хотели отцовский дом
Силой копья достать, ой!

1-е полухорье

Злополучные, да! Злополучную смерть
Отыскали и дома крушенье.

Исмена

АНТИСТРОФА 1

Ио! Ио! Дома вы
Рушители! Власти
Добытчики горькие!
Навек примирило вас
Нынче железо. Ой нам!

2-е полухорье

Окаянное слово Эдипа-отца
Довершила Эриния. Плачьте!

Антигона

СТРОФА 2

Насквозь каждый
В левую грудь пробит.

Исмена

Насквозь пробит, да,
Рукою брата в братнюю грудь
Вбито копье — насмерть.

Антигона

Ай-ай, несчастные,
Ай-ай, крови двойной,
Смерти двойной заклятья.

1-е полухорье

Двойной, да, пал удар, сказала ты.
Дому — гибель, телу — смерть.
Без меры злость, ой-ой!
Отца обида, ой! —
Бьет без промаха Ата.

Исмена

АНТИСТРОФА 2

Летит звонкий стон по площадям.

Антигона

Стенают башни.
Земля стонет: их она любила.
Станет чужих добычей.

Исмена

За что же, братья, слепцы,
За что горечь и желчь?
Смертный конец за что?

2-е полухорье

Наследство — в сердце уксус — поделили вы.
Равный жребий поровну.
Судья суров и строг.
Судья прав и немил —
Старый палач Арес.

Антигона

СТРОФА 3

Пробиты медью, простерты оба...

Исмена

Пробитый медью, их ждет обоих...
Скажи скорее, ждет их что?

Антигона

В гробах отцов гроб их ждет.

1-е полухорье

В гроб мертвецов проводим.
Звенит плач, причет поминальный.
С кровью наш стон, от сердца.
Сердце в крови, радость молчит, слезы из глаз
Хлещут ключом соленым. Стынет, ай-ай, скорб-
Жалко князей обоих. [ная грудь.

Исмена

АНТИСТРОФА 3

Еще что скажем о горьких мертвых?

Антигона

Мы вот что скажем: сограждан многих
Сгубил их гнев. За рядом ряд
Чужих бойцов пал в бою.

2-е полухорье

Проклята матерь их.
Из женщин всех, кто имя носит
Матери, — всех несчастней.
Матерь сама мужем себе сына взяла.
Двух сыновей, ой, родила,
Чтобы копье в братнюю грудь
Брата рука вонзила.

Антигона

СТРОФА 4

Да, брата брат, на раздор и пагубу!
Ласка смертельная!
Ненависть, бешенство, смерть!
Смерть разрубила узел!

1-е полухорье

Вражда их спит. Смешались жизни
В кровью набухшей земле.
Они вдвойне единокровны.
Смирил судья горький их, понтийский гость,
Прыгнувший из пламени, —
Клинок железный. Поделил добро им
Справедливый судья Арес. Докончил
Он отца проклятья.

Исмена

АНТИСТРОФА 4

Беды жребий вытянули горькие,
Бога подарок злой.
Землю искали. Земли
Вдоволь теперь под трупами.

2-е полухорье

Печалью, как цветами, дом венчали.
И вот конец. Заглушили
Проклятья гимн торжества пронзительный:
В бегстве рухнул древний род.
Трофей встал Аты у ворот седьмых,
Где смерть связала их. Двоих зарезав,
Спит усталый мститель.

Антигона

Сражен, сразил ты!

Исмена

Ты, убит, убивши!

Антигона

Копьем простер:

Исмена

Копьем низринут.

Антигона

Умыслив зло.

Исмена

Терпя от зла.

Антигона

Ничком пал.

Исмена

Низверг в пыль.

Антигона

Ой слезы, ой!

Исмена

Рыданья, ой!

Антигона

Ио!

Исмена

Ио!

Антигона

Тошно мне! Боль туманит мысли.

Исмена

Стынет сердце. Зябнет грудь.

Антигона

Слезами, ой, омытый брат!

Исмена

И ты проклятый богом брат!

Антигона

Низвергнут другом!

Исмена

Низвергнул друга!

Антигона

Устам стон вдвойне!

Исмена

Глазам боль вдвойне!

Антигона

Печаль двойная сердце рвет.

Исмена

У братьев двух мы две сестры.

Антигона и Исмена

Ой-ой! Мойра! Печаль и боль дары твои.
Черная, страшная Эдипа Эриния,
Тяжела твоя рука!

Антигона

Ой-ой!

Исмена

Ой-ой!

Антигона

Отравить печалью взор...

Исмена

Он пришел из стран чужих.

Антигона

Пришел в отчизну, чтоб убить.

Исмена

Пришел и смерти отдал дух.

Антигона

Да, отдал дух, ой!

Исмена

У брата вынул жизнь.

Антигона

Горька отвага!

Исмена

Боль горька!

Антигона

О братья, слезы, стон и кровь!

Исмена

Оплачем трижды трудный путь.

Антигона и Исмена

Ой-ой! Мойра! Печаль и боль дары твои!
Черная, страшная Эдипа Эриния,
Тяжела твоя рука!

Антигона

Ее ты видел, выйдя в бой.

Исмена

Видал и ты, глаза в глаза.

Антигона

Вернулся брат к родным домам.

Исмена

И брату в грудь вогнал копье.

Антигона

Ужасно сказать!

Исмена

Ужасно глядеть.

Антигона

Ой-ой, тоска!

Исмена

Ой-ой, беда!

Антигона

Дому и родине!

Исмена

Мне, злополучной, мне!

Антигона

Ой-ой, брат! Зол и бед печальный князь!

Исмена

Ой-ой, брат! В мире нет печальнее.

Антигона

Ой-ой, судьбой одержимые!
Ой-ой, где похороним их?

Исмена

В могиле отца! К слезам — слезы!

ЭКСОД ВТОРОЙ

Входит Глашатай.

Глашатай

Старшин народных города кадмейского
Решение и волю объявить хочу.
Пусть Этеокла, павшего за край родной
Прекрасной смертью и достойной юношей,
В земле родной могила примет милая.
Обороняя город от руки врага,
Он с честью пал, родных святынь отважный сын.
Вот что о нем мне объявить приказано.
Но брата Полиника тело мертвое
Без погребенья кинут пусть собакам в корм.
Кадмейский город шел он расточить и сжечь,
Но некий бог в руке его сломал копье.
Так пусть и мертвый будет окаянным он
Перед лицом родных богов. Он стыд им нес.
Чужое войско бросил он на город свой.
Кочующие птицы погребут пускай
Бесчестного бесчестно. Вровень честь ему.
Могильный холм пускай не сыплют мертвому,
Не провожают вопленницы причетом.
Забыт друзьями, всеми брошен, пусть сгниет!
Так города кадмейского совет решил.

Антигона

А я старшинам города кадмейского
Отвечу: пусть! Не хороните мертвого!
Сама похороню его. Не боязно!
Похороню я брата. Не стыжусь ничуть
Стать города ослушницей, неверною.
Священно, страшно знать, что породила нас
Одна утроба матери несчастнейшей,
Один отец проклятый. Сердце, дай себя
Невольнику с охотой, мертвецу — живьем.
Труп этот горький волки пустобрюхие,

Прожорливо не сгложут. Не бывать тому!
Я похороны справлю, приготовлю гроб,
Я, девушка, по чину совершу обряд.
В льняной и тонкий пеплос заверну я труп.
Сама зарою в землю. Не препятствуйте!
Дорогу к делу мужество найдет мое!

Глашатай

Совет даю: дочь, не противься городу.

Антигона

Совет даю: напрасно слов не трать, старик!

Глашатай

Суров народ, едва избегший гибели.

Антигона

Пускай суров. Без похорон не будет брат!

Глашатай

Могилой чтишь народу ненавистного?

Антигона

Его почтили боги смертью. Кончено!

Глашатай

Не кончено! Грозил он смертью родине.

Антигона

Своим врагам обидой за обиду мстя.

Глашатай

За одного на всех направил бешенство.

Антигона

Докучливее всех среди бессмертных — Спор.

Глашатай

Ты своевольна. Помни, я сказал: нельзя!

(Уходит.)

Старшая в хоре

С медным сердцем, убийцы, губящие род,
Смерти слуги, Эринии, на́прочь, вконец
Истребляете корень Эдипа! Ой-ой!
Как мне быть? Что мне делать? Сказать тебе что?
Как сдержаться? Не плакать от боли твоей?
Не идти за тобою до гроба?
Но от ужаса сердце трепещет в груди.
Гнев народа страшит.
Будет в песнях и плаче прославлен один,
А другой без поминок в могилу сойдет,
Одинокой сестрою оплакан в тиши.
Как стерпеть, не ослушаться слова?

Предводительница 1-го полухорья

Город губит пускай иль не губит пускай
Тех, кто труп Полиника печалью почтит, —
Мы пойдем за тобой. Похороним с тобой.
Будем плакать с тобой. С домом царским у нас
Боль одна. А народу в иные года
Справедливым иное помни́тся.

(Уходят с Антигоной и телом Полиника.)

Предводительница 2-го полухорья

Мы ж проводим тебя, как нам город велит,
Как прекрасная требует Правда.
Силой Зевса и промыслом вечных богов
Крепость Кадма в бою защитил Этеокл,
Чтобы город не сгинул, чтоб грозный прибой
Чужеземной орды
Не обрушил в обломки столицу.

(Уходят с телом Этеокла и Исменой.)

Конец трагедии

ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΠΡΟΜΗΘΕΥΣ ΔΕΣΜΩΤΗΣ

Трилогия о титане Прометее

1

Среди образов, созданных мировым искусством, найдется немного таких, которые в большей степени выросли бы до значения символа, приобрели бы силу большего идейного обобщения, чем Прометей. Вспомним же, что если не создателем этого мифа, то поэтом, придавшим старинной сказке величавый и мудрый смысл, был именно Эсхил.

Чрезвычайно содержательна и глубоко характерна жизнь образа Прометея в мировой культуре.

Для всей восходящей линии этой культуры, для Гёте, для Байрона, для Шелли, эсхиловский Прометей — величайший символ могущества и самоценности человеческого разума, символ восстания против всяких богов, символ освобождающегося человечества.

Не кто иной как Маркс подвел сжатый и выразительный итог этой революционной концепции эсхиловского образа, развернув вместе с тем эту концепцию до предельной глубины обобщения. Предисловие к своей докторской диссертации Маркс заканчивает цитатами из Эсхила:

«Признание Прометея:

«Скажу открыто: ненавижу всех богов» —

(Эсхил, «Прометей», 987)

есть собственное признание философии, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческого самосознания высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества. А жалким трусам философия повторяет то, что Прометей сказал прислужнику богов Гермесу:

Мои страдания, слышишь, не сменяю я
На пресмыкательство твое...

(Эсхил, «Прометей», 978—979)

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре».

Эти слова Маркса — не случайные упоминания. Образ Прометея как выражение освобождающей борьбы человечества повторяется в его дальнейших работах: «Боги Греции были трагически ранены насмерть в «Прикованном Прометее» Эсхила» («К критике гегелевской философии и права»). Маркс воспринимает образ бойца за человеческую культуру, эсхиловского Прометея, как своеобразного союзника своего в великой борьбе. Он охотно ссылается на него в своих полемических выступлениях. «Светлое жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из величайших даров, посредством которых он превратил дикаря в человека, перестает существовать для рабочего, и тот вынужден поселиться в пещерах» («Святое семейство»). Так древнегреческий образ становится аргументом полемики против капиталистической эксплоатации, толкающей человечество к варварству.

Всеми оценками этими Маркс выводит эсхиловского «Прометея» далеко за пределы буржуазной культурной традиции, даже традиции буржуазно-революционной. Он делает этот образ достоянием классовой борьбы, философии и культуры пролетариата. И чрезвычайно важно, что именно с этого времени, с середины XIX столетия, начинается столкновение противоречащих оценок эсхиловского «Прометея», — как бы поединок двух культур вокруг героического образа старинного искусства. Революционная концепция Прометея-богоборца становится все более невыносимой для буржуазной филологии конца века.

Правда, просто вычеркнуть то, что с предельной ясностью написано Эсхилом в его трагедии, буржуазная филология не могла. Чтобы развенчать и обезоружить образ непреклонного мятежника, был мобилизован сложный арсенал филологической учености. Ход рассуждений Велькера, Шемана, Веклейна, Вейля и ряда других филологов конца XIX столетия был, примерно, таков. Да, бесспорно «Прикованный Прометей» изобилует страстными выпадами против тирании Зевса. Но ведь «Прикованный Прометей» — это всего лишь одна из трех трагедий, образовавших некогда целостную трилогию. А состояла эта трилогия (как мы знаем из каталога эсхиловских пьес в рукописи Медичи) из «Прометея Прикованного», «Прометея Освобожденного» и «Прометея-Огненосца» (порядок трагедий нам не засвидетельствован. Известны лишь названия и некоторые отрывки из «Прометея Освобожденного»). Итак, рассуждают авторы этих домыслов — дело ясное. Первую часть трилогии образовывала трагедия «Прометей-Огненосец», где показывалось похищение Прометеем небесного огня. Второй частью был сохраненный нам «Прикованный Прометей», изображавший наказание преступника и ропот его против

отца богов — Зевса. А третьей и заключительной частью трагической трилогии являлся «Прометей Освобожденный». И вот здесь-то — ключ и разгадка всего. Здесь раскаявшийся, сломленный и просветленный страданием Прометей послушно склоняется перед мощью и мудростью Зевса, признает свой грех и получает милостивое прощение.

Трилогию образовывает — согласно этой концепции — столь любезная сердцу буржуазных моралистов триада: «преступление — возмездие — искупление». С одной стороны, великий, мудрый, дальнозоркий, законный властитель мира, охватывающий в действиях своих всеобщую пользу, — Зевс, а с другой стороны, самонадеянный, капризный, своевольный, неосновательный бунтарь — Прометей. Эсхил хотел, следовательно, показать (так с полной четкостью формулировал эту концепцию известный германский филолог Веклейн в 1893 г.), что «всякое восстание против власти Зевса основано на непонимании всей мудрости и глубины мироправительных замыслов Зевса, основано на близорукости или злой воле... Даже самая, казалось бы, соблазнительная видимость права на восстание есть не что иное, как обман и заблуждение» (Веклейн, Предисловие к изданию «Прометея», стр. 18).

Концепция Веклейна вызвала бы подозрение, даже если б она опиралась на всесторонне солидную академическую базу, — до такой степени противоречит она всей направленности эсхиловского творчества. Но в том-то и дело, что публицистического запала во всех этих домыслах значительно больше, чем филологической обоснованности. И чем пристальнее вглядываешься в эсхиловского «Прометея», тем более очевидным становится, что Гёте и Маркс неизмеримо научнее, правдивее, полнее понимали и комментировали Эсхила, чем присяжные ученые германских университетов.

2

Было бы, конечно, наивно и антиисторично отрицать, что Эсхил мыслил религиозно. Но сказать, что Эсхил был религиозен, — это значит еще ничего не сказать, пока мы не выясним направленности его религиозности и конкретного смысла, который он влагал в свои религиозные построения.

Эсхил получил миф о Прометее, как и большинство своих сюжетов, по наследию из мифологической сокровищницы и эпической поэзии. Поэт Гесиод (700-е годы до н. э.) является для нас древнейшим передатчиком этого, несомненно, еще гораздо более старинного мифа. Гесиод рассказывает, что представитель старшего поколения богов титан Прометей задумал обмануть господина вселенной, главу победивших младших богов, — Зевса. Он похитил небесный огонь и передал его людям. (По другой версии, Прометей сам слепил из глины первого человека на земле.) Разгневанный Зевс пригвоздил Прометея к столбу и велел орлу каждодневно клевать печень преступника. Но позднее герой Геракл убил орла и освободил Прометея.

Где мы встречаем в мифологии спор двух поколений богов, там почти всегда следует искать пережитки исторической борьбы племенных и социальных групп, некогда почитавших этих богов как своих социальных и племенных тотемов. И действительно, более чем вероятно, что Прометей, как и многие другие образы «низринутых», «наказанных», «искалеченных», «падших» божеств греческого Олимпа, — это первоначальный бог одного из тех древнейших социально-племенных коллективов, которые были побеждены в борьбе социально-племенной группой зевсопоклонников. Связь образа Прометея, побежденного бога побежденных, с огнем указывает на близость его к старинным культам ремесленников, гончаров и кузнецов; происхождение этих культов на территории Греции восходит к глубочайшей древности; по своим социальным связям они были близки именно к «побежденным», «низовым» общественным слоям. В качестве демона-покровителя огня и ремесел титан-огненосец Прометей вместе с богом-кузнецом Гефестом издавна почитался в одной из ремесленных слобод города Афин, Колоне.

Но почему же Эсхил взял этот старинный миф темой для своей трилогии и какой смысл он в нее вложил? Мы знаем, что старинные сказки приобретают в поэзии Эсхила боевой философский и политический смысл. И вот, вчитываясь в строки «Прикованного Прометея», нельзя прежде всего не ощутить того пафоса великой гордости, с которой перечисляет Эсхил открытия и изобретения, сделавшие возможной человеческую культуру, приручение животных, изобретение письменности, чисел, искусства строительства, мореходства, кузнечества, начатки врачебной науки. А в пространных описаниях заморских скитаний, которыми изобилует трагедия, в перечнях диковинных имен, рек, племен, горных хребтов чувствуется повышенный интерес к дальним путешествиям, радость от расширяющегося кругозора земли. Этот пафос изобретений и открытий, пафос стремительно растущей культуры, так или иначе пронизывающий все трагическое наследие Эсхила, в «Прометее» особенно красноречив и силен. И дело здесь, конечно, не в воспоминаниях Эсхила о неких отдаленных изначальных и первых шагах первобытного человечества на земле. Трагедия «Прометей» смотрит не в прошлое, а в будущее. Чтобы оценить в полной мере эту гордость за науку, этот пафос человеческой мысли, мы должны вспомнить, что годы юности и зрелых лет Эсхила — это годы стремительного, скачкообразного расцвета науки, точных знаний и техники в восточном бассейне Средиземного моря. Именно этот пафос и движет трагедией «Прометей», целиком оправдывая, таким образом, философскую оценку этой трагедии, сделанную Марксом.

Сложности и противоречия в философской концепции «Прометея» начинаются дальше. Как мы уже говорили, Эсхил принадлежал к той части землевладельческой знати, которая вступила на путь развертывания новых экономических отношений и возглавила в свое время борьбу мелких свободных производителей-земледельцев против гнета родового строя. Но порожденные этой борьбой новые слои греческой рабовладельческой демократии шли гораздо дальше, чем Эсхил и его

знатные друзья; они становились враждебными Эсхилу и его друзьям, они вырывали у них власть, оттесняли их, захватывали гегемонию.

И вот протест против «новых», против их господства и власти начинает наполнять трагическое творчество Эсхила, не вытесняя, но своеобразно сочетаясь с тем пафосом поступательного движения истории, о котором мы говорили выше. Обстановка осложнялась еще тем, что рост торгово-промышленных слоев в условиях рабовладельческого общества обозначал не только исторический прогресс, но вместе с тем и чрезвычайное усиление тех паразитических элементов, которые привели в конце концов к гибели античного общества. Первой жертвой роста паразитических элементов становились те самые прослойки мелких свободных производителей, земледельцев, которые образовывали костяк и массовую базу городов-государств.

Выступая против гегемонии купеческих слоев, против власти «младшего поколения», Эсхил субъективно чувствовал себя поэтому не только защитником землевладельческой аристократии, но и оберегателем, покровителем широких слоев мелких свободных производителей, народа.

Весь этот сложный, противоречивый, возможный только в своеобразнейшей исторической обстановке рабовладельческих Афин идейный клубок определил философское и политическое содержание трагедии «Прометей». Эта трагедия прославляет великолепный подъем человеческой культуры. Но разве не странно, что певцом этой культуры, двигателем поступательного движения мира оказывается бог «старшего поколения» Прометей? Угрозы его, направленные против нового мирового властителя Зевса, имеют чрезвычайно четкий политический характер. Эсхил именует новых властителей мира «выскочками», «безродными», которым «внове владеть и господствовать».

Эсхил готов признать, что не «сила» и не «мужество», а «хитрость мира власть созиждет новую». Но это противопоставление «мужества» и «хитрости» было исконной антитезой аристократической морали и купеческого хитроумия. Чертами хитрого, пронырливого, трусливого выскочки охарактеризован Эсхилом первый помощник нового властителя мира, бог Гермес. Очень четкие, откровенно политические характеристики дает поэт также и самому Прометею. Отчаявшись в своих старых союзниках — титанах, — он некогда «на сторону встал Зевса. Добровольным был союз». Но победив, Зевс отплатил своему былому единомышленнику черной неблагодарностью. Он забыл о нем, «распределяя власти и почести» между своими клевретами — богами младшего поколения. Разве во всем этом не прощупывается совершенно реальная злободневность ожесточеннейшей социальной борьбы под одеждами старинной сказки?

Еще любопытнее другое. Носитель культуры, бог «старшего поколения», Прометей выступает перед нами как защитник людского племени против ярости новых властителей и, в частности, Зевса, замыслившего погубить человеческий род. И люди по всей земле «плачут о Прометее», о старинном царстве титанов. Мы очень далеки от намерения толковать

трагедию Эсхила как некую холодную политическую аллегорию. Но все-таки не забудем, что борьба за «народ», т. е. за мелкое крестьянство, составляла ось социальной политики в эпоху Эсхила.

Устами Прометея Эсхил предсказывает падение тирании Зевса. И опять-таки, не только богословская идея, но и живое, подлинно трагическое сознание изменчивости социальной действительности, сознание, вскормленное огромными сдвигами и переворотами, свидетелем которых был поэт, волнует здесь его разум.

Нам могут сказать, что мы ограничиваемся одной трагедией — «Освобожденным Прометеем»; а каков же смысл всей трилогии?

Заметим прежде всего, что ниоткуда не следует, будто концом трилогии был именно «Освобожденный Прометей», а наша трагедия представляла вторую часть трилогии. Наоборот, экспозиция «Прикованного Прометея» настолько подробна, что не нуждается ни в какой предваряющей драме и явно указывает на то, что именно она-то и образовала первую часть трилогии. Естественно поэтому предположить, что непосредственным продолжением «Прикованного Прометея» был «Освобожденный Прометей», а за ним следовал, замыкая всю трилогию, «Прометей-Огненосец». Но если так, то ясно, что никакого полного примирения Зевса и Прометея не могло быть в «Прометее Освобожденном», образовавшем, как мы установили, всего лишь вторую часть трилогии. Ведь драматургическое содержание трилогии было бы в этом случае полностью исчерпано. Но не забудем, что в «Освобожденном Прометее», как мы знаем, Геракл, сын смертной женщины, убивал стрелой Зевсова орла. С согласия ли Зевса? Это было бы в драматургическом смысле очень вяло. Скорее всего Геракл уничтожал орла и освобождал Прометея против воли Зевса, и вторая часть кончалась спором, столкновением между богами, подобно тому как столкновением между богом Аполлоном и древними богинями Эриниями заканчивалась вторая часть эсхиловской трилогии «Орестея».

Третья и последняя часть нашей трилогии — «Прометей-Огненосец», — очевидно, завершала этот спор, разрешала столкновение. Но как и на какой основе? Самое название трагедии поразительно совпадает с тем культовым именем, под которым почитался демон Прометей в афинском пригороде, в роще Академа возле Колона:

Здесь властвует Титан, огонь несущий,
Бог Прометей, —

так говорил об этом Софокл в своей трагедии «Эдип в Колоне». В честь демона огня был установлен культовый праздник, так называемые «прометеи». Праздник сопровождался факельным бегом. Факел зажигали у алтаря Прометея в Колоне и с величайшей быстротой мчали его в город, чтобы зажечь от него огни у домашних очагов. Так вот, не была ли третья часть нашей трилогии связана с установлением этого афинского культа? Мы имели бы тогда прекрасную параллель к последней части трилогии «Орестея» — к «Евменидам». В «Орестее» тяжба

между богами разрешается государством, — городом и народом афинским. Не перенес ли Эсхил и в своей трилогии о «Прометее» разрешение споров между богами в свой родной город, в Афины? Не выступало ли здесь третейским судьею между богами само государство? Подобная концепция была бы вполне в духе Эсхила и его своеобразной религиозности. Этим как высший источник справедливости и права выдвигался бы авторитет государства.

3

Мы старались установить идейный смысл трилогии о Прометее, — смысл, гораздо более многосложный, противоречивый и, при всей противоречивости своей, гораздо более прогрессивный, чем тот, который устанавливается буржуазной филологией.

Но не меньшего внимания заслуживает и непосредственно мифотворческий замысел создателя «Прометея».

В мифологическом сюжете, как он рассказывается у Гесиода, не было зерна трагического конфликта. Этот трагизм создан Эсхилом. Для этого поэт соединил с гесиодовской и культовой аттической версией легенды о Прометее совершенно в сущности самостоятельный миф о роковом сыне Зевса. Многозначительный миф этот рассказывал, что царству Зевса, как и всему в мире, — как и древним царствам Кроноса и Урана, — сужден конец. Зевсом овладела страсть к морской деве Фетиде. Фетиде суждено было родить от царя богов сына, сильнейшего, чем его отец. Этот сын должен был разрушить владычество Зевса. Эту тайну открыла Зевсу богиня судьбы Фемида. Тогда прекрасную Фетиду выдали замуж за смертного, Пелея. От Пелея Фетида родила сына, сильного и отважного, но смертного. Это был Ахилл, могущественнейший из греческих героев, но обреченный на раннюю смерть. Так владычество Зевса было спасено от гибели, — оно стало вечным. Это глубокомысленное древнее предание дошло до нас в изложении Пиндара (VII Истмийская ода); оно же было содержанием (несохраненной нам) эпической поэмы «Свадьба Фетиды». И вот Эсхил, искусственно сочетая два мифа, делает богиню судьбы Фемиду матерью Прометея. Сын Судьбы, Прометей, от матери своей узнает роковую тайну Зевса. Он знает, что Зевсу угрожает уничтожение, если он родит сына от морской девы Фемиды. Так Эсхил вводит в свою драму подлинно трагический узел. Прикованный Зевсом к скале титан хранит в сердце тайну предстоящей гибели своего мучителя. Это позволяет ему с гордостью переносить пытки и унижения. Пригвожденный, он сознает себя могущественней своих палачей: он знает о своей будущей победе.

Не склонившись перед Зевсом, убежденный в своем грядущем торжестве, низвергается Прометей в преисподнюю.

Нетрудно убедиться в том, что именно владение тайною Зевса делает Прометея трагической фигурой и в то же время создает драматическое движение трагедии. Не забудем, что весь этот драматический мотив — новшество, введенное Эсхилом. Следовательно, не по преемственности

от мифологической традиции получил Эсхил образ бунтующего титана: нет, сам поэт сознательно придал эти черты своему герою.

4

Даже среди эсхиловских трагедий «Прометей» выделяется грандиозностью стиля. Здесь действуют только демоны и боги, и действие развертывается не перед человеческим жильем, а в безлюдной пустыне, в дебрях, на краю земли. Но если все образы нашей трагедии полны своеобразного величия, то каждый из них тем не менее охарактеризован очень четкими индивидуальными чертами. В центре сам Прометей. Потрясающие краски поэзии находит Эсхил, чтобы очертить образ этого явно дорогого ему, непреклонного, мужественного, гордого, решительного и мудрого борца.

Ему противостоит ряд образов, охарактеризованных Эсхилом с несомненной долей иронии, и притом иронии политической. Когда мы всматриваемся в фигуры прекраснодушного, но нерешительного Гефеста, болтливого, самодовольного, но не способного к действию, трусливо зовущего к примирению Океана, в особенности же в фигуру Гермеса, который очерчен Эсхилом как заносчивый карьерист, хладнокровный палач и прихлебатель, то нельзя отделаться от мысли, что перед творческим сознанием Эсхила стояли отнюдь не отвлеченные религиозные призраки, а вполне конкретные политические фигуры, выдвинутые окружающей его социальной борьбой.

Контрастные краски мягкости и лиризма вносят в эту сумрачную и горькую трагедию образы девушек-Океанид, сострадательных, тонко чувствующих, преданных подруг Прометея. Рядом с ними — другой женский образ, несчастной Ио, гонимой по вине Зевса. Зевс, тиран и деспот, казнит Прометея, борца, восставшего против него; но он становится источником мучений и для девушки, ни в чем не повинной кроме того, что она привлекла к себе его страсть.

Круг образов трагедии оказывается, таким образом, отнюдь не однотонным, не бедным красками, — трагедия полна столкновениями контрастных красок, хотя контрасты эти очерчены самыми общими, грандиозными мазками.

Так же просто и развитие действия трагедии. Первая же сцена ставит нас лицом к лицу с богом, прикованным в пустынных дебрях к скале. Монолог Прометея, его рассказы о величественных открытиях и изобретениях, им совершенных,—все это славословие человеческой культуры образует идейный центр трагедии. Со второй трети трагедии начинается стремительное нарастание. Сперва нарастание это дано появлением безумной Ио. Затем, в третьей трети, в грандиозном споре между Прометеем и мучителем его, слугою Зевса, богом Гермесом, достигает своего высшего развития тема горделивого протеста Прометея. Прометей остается непреклонным, и стихийная катастрофа, обрисованная Эсхилом в образах исключительной космической силы, завершает величественное произведение.

«Прометея приковывают в Скифии за похищенье огня. Скитающаяся Ио узнает, что она придет в Египет и от прикосновения Зевса родит Эпафа, Гермес приходит и угрожает Прометею, а в конце делается гром и исчезает Прометей. Место действия — в Скифии у Кавказской горы. Хор — из Нимф-Океанид»;

ДЕЙСТВУЮТ:

Прометей, титан.
Гефест, бог-кузнец.
Власть и Насилие, демоны, слуги Зевса.
Океан, титан.
Ио, дочь Инаха, в образе коровы.
Гермес, глашатай Зевса.
Хор Океанид, дочерей Океана.

Горная дебрь.
Бог-кузнец Гефест, Власть и Насилие — демоны Зевса — вводят скованного Прометея.

ПРОЛОГ

Власть

Вот мы пришли к далеким рубежам земли,
В пространства скифов, в дикую пустую дебрь.
Гефест, теперь повинность за тобой — приказ
Родительский исполни и преступника
К скалистоверхим кручам пригвозди, сковав
Булатными, кандальными оковами.
Ведь он огонь твой, цвет, чудесно блещущий,
Украл и людям подарил. За грубый грех
Потерпит наказанье от руки богов,
Чтоб научился тиранию Зевсову
Любить, забывши человеколюбие.

Гефест

Ты, Власть, и ты, Насилье, волю Зевсову
Вы до конца свершили. Дело сделано.
А я посмею ль бога, кровно близкого,
К скале, открытой ураганам, пригвоздить?
Но должен сметь. Необходимость властвует!
С отцовской волей строгой тяжело шутить.

(К Прометею)

Сверхмудрый сын Фемиды правомыслящей
На зло тебе, на зло себе железами

К безлюдному утесу прикую тебя,
Где речи не услышишь и лица людей
Ты не увидишь. Солнца пламень пышущий
Скорежит кожу струпьями. И будешь ждать,
Чтоб день закрыла ночь пестроодетая.
И снова солнце раннюю росу сожжет,
И вечно мука будет грызть и боль глодать,
За днями день. Спаситель не родился твой.
Награда вот за человеколюбие!
Сам бог, богов тяжелый презирая гнев,
Ты к людям свыше меры был участливым.
За это стой скалы пустынной сторожем,
Без сна, коленей не сгибая, стой столбом.
Кричать напрасно будешь, в воздух жалобы
Бросать без счета. Зевса беспощадна грудь.
Всегда жестоки властелины новые.

Власть

Эй-эй, что медлишь? Жалобишься без толку?
Не ненавидишь бога, всем богам врага?
Ведь предал людям он твое сокровище.

Гефест

Родная кровь и старой дружбы власть страшны.

Власть

Ты прав, конечно. Все же, как отца приказ
Не выполнить? Намного не страшнее ли?

Гефест

Всегда суров и черств ты, с сердцем каменным.

Власть

Лить слезы — не лекарство, бесполезный труд.
Оставь! Врага напрасно не оплакивай!

Гефест

О, как мне ненавистно ремесло мое!

Власть

Напрасно ропщешь. Рассуждая попросту,
Твое тут неповинно ремесло ничуть.

Гефест

Пускай бы кто другой им, а не я владел.

Власть

На каждом боге свой лежит нелегкий труд.
Один лишь Зевс свободен, господин всего.

Гефест

Я это знаю, спорить не могу с тобой.

Власть

Тогда живее! В кандалы врага забей,
Чтобы родитель праздным не видал тебя.

Гефест

Наручники, ты видишь, я схватил уже.

Власть

Вложи в них руки! Молотом наотмашь бей!
Ударь! Ударь! Злодея пригвозди к скале!

Гефест

Готово все. Работа ладно сделана.

Власть

Ударь еще! Забей! Забей! Заклинивай!
И в бездорожьи мастер он пути сыскать.

Гефест

Плечо вот это наглухо заклепано.

Власть

Теперь другое накрепко закуй! Пускай
Узнает умник, что его разумней Зевс.

Гефест

Меня лишь он осудит. А другой — никто!

Власть

Зуб заостренный костыля железного
Теперь сквозь грудь вгони и пригвозди его!

Гефест

Ай-ай, я плачу, Прометей, от мук твоих!

Власть

Размяк! Заплакал над врагом Кронидовым?
Гляди, чтоб над собою не пролить слезу.

Гефест

То видишь ты, на что нельзя смотреть глазам.

Власть

Я вижу, по заслугам получает враг.
Теперь цепями ребра закандаль ему!

Гефест

Все знаю сам. Напрасно не натравливай!

Власть

Натравливать я стану и приказывать.
Спустись теперь, и ноги в кандалы забей!

Гефест

Все слажено. Работа немудреная.

Власть

Заколоти на кольцах костыли теперь!
Перед судьей жестоким ты отдашь отчет.

Гефест

Грохочет голос грузности твоей подстать.

Власть

Будь мягкосердым! А мою решительность
И крутость гнева ставить мне не смей в вину!

Гефест

Уйдем же! Цепью сдавлен он железною.

Власть

(Прометею)

Что ж, нагличай! Сокровища богов кради
Для однодневок хилых! Поглядим теперь,
Как отчерпают люди лодку бед твоих.
Напрасно Прометеем, промыслителем,
Слывешь среди бессмертных. Так промысли же,
Как самому из сети болей вынырнуть.

(Удаляются Гефест, Власть и Насилие.)

Прометей *(прикованный к скале)*

Святой эфир и ветры быстрокрылые,
Истоки рек текучих, смех сверкающий
Неисчислимых волн морских и мать Земля,
Всевидящего Солнца круг, — вам жалуюсь!
Взгляните, что терплю я, бог, от божьих рук.
Поглядите, стою, покалечен
Изуверством! Мне гнить на века и века,
Мириады веков! Эту боль, этот стыд
На меня опрокинул блаженных богов
    Новоявленный князь.
Ай-ай-ай! О сегодняшних муках воплю
И о завтрашних муках. Когда же конец
Рассветет этим каторжным болям?
Но нет! Что говорю я? Все предвидел сам.
Заранее. Нежданным никакое зло
На плечи мне не рухнет. Надо с легкостью
Переносить свой жребий, зная накрепко,
Что власть непобедима Неизбежности.
И все ж молчать и не молчать об участи

Моей, и то и это тошно! Зло терплю
За то, что людям подарил сокровища.
В стволе сухого тростника родник огня
Я воровски припрятал. Для людей огонь
Искусства всяческого стал учителем,
Путем великим жизни. Вот за этот грех
Под зноем солнца на цепях я распят здесь.
Ой-ой! Ой-ой!
Но, чу? Звон возник въявь.
Пахнул вихрь в лицо мне.
То люди? То боги?
Иль что-то иное?
Зашли в глушь и дебрь,
В расщель снежных гор
На боль мою полюбоваться? Что еще?
Взгляните, вот я, бог в оковах, горький бог,
Зевса враг ненавистный, чума и напасть
Для богов, гнущих шею у Зевса в дому.
Все за то, что людей я сверх меры любил.
Ой-ой-ой! Снова слышу я посвист и шум
Пролетающих птиц. Верезжит и звенит
Дальний воздух от стрепета реющих крыл.
Что б ни близилось, все мне ужасно!

ПАРОД

На орхестре в крылатой повозке появляется Хор Нимф-Океанид.

Хор

СТРОФА 1

Не бойся, друг наш!
Мы летим к тебе с любовью
На звенящих острых крыльях.
Мы примчались к этим скалам черным,
Слезой отца сердце склонив.
Гулкие в уши свистали ветры.
Железа звон, молота грохот к нам ворвался
В тишину морских пещер;

Стыд мы забыли скромный,
Босыми в крылатой летим повозке.

Прометей

Ай-ай-ай-ай!
Многодетной Тефии птенцы и отца
Океана, который всю землю кругом
Обтекает гремучей, бессонной рекой.
О подруги мои!
Поглядите, взгляните, в кандальных цепях
Я распят на скалистых разломах хребтов,
Над разрывами гор,
Здесь стою я на страже постыдной.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Прометей! Прометей!
На глаза нам сумрак рухнул.
Влага слез застлала взоры,
Видим, видим, вот стоишь, огромный!
К уступам скал ты пригвожден
Цепью железной, чтоб гнить и вянуть!
Да, новый князь внове владеет веслом Олимпа.
Новый миру дав закон,
Зевс беззаконно правит.
Что было великим, в ничто истлело.

Прометей

О, пускай бы под землю, в поддонный Аид,
Принимающий мертвых, он сбросил меня,
В Тартарийскую ночь!
Пусть бы цепью железной сковал, как палач,
Чтоб не мог любоваться ни бог и никто
На мученья мои!
А теперь я, игрушка бродячих ветров,
В муках корчусь, врагам на веселье!

Хор

СТРОФА 2

Чье сердце камень, медь и лед?
Кто из богов над тобою посмеется?
Кто слез с тобой не станет лить?
Один лишь Зевс. Он, упрямый и бешеный,
Искореняет в неистовстве
        Старое племя Урана.
Нет покоя ему, сердце пока не насытится,
Иль в поединке не вырвут из рук его черной власти.

Прометей

У меня, у меня, хоть в глухих кандалах
Я повис, изуродован, распят, разбит,
У меня он попросит, блаженных главарь,
Чтобы заговор новый раскрыл перед ним,
Угрожающий скиптру и славе его.
Но напрасно! Медовых речей болтовня
Не растопит мне сердце! Угроз похвальба
Не сломает! Что знаю, о том не скажу!
Не раскрою и рта! Пусть железа сперва
Беспощадные снимет! За стыд и за казнь
Пусть меня наградить пожелает!

Хор

АНТИСТРОФА 2

Да, да, ты тверд. Тебя взнуздать
Горечь и боль никогда не смогут.
Но рот твой волен чересчур.
Проходит душу ужас пронзительный,
Участь твоя мне страшным-страшна.
        Что если море печалей
Не переплыть вовек тебе? Беспощадное, злое,
Несокрушимо жестокое сердце у сына Крона.

Прометей

Знаю, черств и суров он. И свой произвол
Почитает законом. Но время придет,

Станет ласков и сладок, надломлен и смят
Под копытом судьбы.
Этот зычный и ярый погасит он гнев.
Будет дружбы со мной и союза искать...
Поспешит, и навстречу я выйду.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Старшая Океанида

Открой нам все и научи подробнее,
Вину какую Зевс в тебе нашел? За что́
Тебя казнит так горько и чудовищно?
Все расскажи нам! Иль рассказ так тягостен?

Прометей

Мучительно рассказывать, мучительно
И промолчать. И то и это стыд и боль.
Когда среди бессмертных распри ярые,
Раздор жестокий вспыхнул и усобицы,
Когда одни низвергнуть Крона жаждали
С престола, чтобы Зевс царил, другие же,
Напротив, бушевали, чтоб не правил Зевс,—
В то время был хорошим я советчиком
Титанам древним, неба и земли сынам.
Но убедить не мог их. Лесть и хитрости
Они надменно презирали. Силою
Прямой добиться чаяли владычества;
Но мать моя, Фемида-Гея (много есть
Имен у ней одной), идущих дней пути
Предсказывала мне не раз. Учила мать,
Что не крутая сила и не мужество,
А хитрость власть созиждет в мире новую.
Титанам это все я объяснил. Они ж
Скупились даже взглядом подарить меня.
Путем вернейшим, лучшим, я почел тогда,
Соединившись с матерью, на сторону
Встать Зевса. Добровольным был союз для нас.

По замыслам моим свершилось то, что ночь
Погибельная Тартара на черном дне
Старинного похоронила Крона с верными
Приверженцами. Но за помощь сильную
Богов владыка яростными пытками
Мне отомстил, наградою чудовищной.
Ведь такова болезнь самодержавия:
Друзьям не верить, презирать союзников.
Вы спрашивали, почему постыдно так
Меня калечит. Ясный дам, прямой ответ.
Едва он на престоле сел родительском,
Распределять меж божествами начал он
Уделы, власти, почести: одним — одни,
Другим — другие. Про людское горькое
Забыл лишь племя. Выкорчевать с корнем род
Людской замыслил, чтобы новый вырастить.
Никто не заступился за несчастнейших.
Один лишь я отважился! И смертных спас!
И в ад они не рухнули, раздавлены.
За это в болях содрогаюсь яростных, —
Их тошно видеть, а терпеть — чудовищно!
Я к людям милосердным был, но сам зато
Не встретил милосердия. Безжалостно
Утихомирен. Взорам — страх, и Зевсу — стыд!

Старшая Океанида

Грудь каменная и душа железная
У тех, кто над бедою, Прометей, твоей
Не плачет. Мне же лучше б не видать совсем
Твоих печалей. Сердце рушат страх и боль.

Прометей

Да, стал я жалок для друзей, наверное.

Старшая Океанида

А большего не сделал, чем рассказывал?

Прометей

Да, я избавил смертных от предвиденья.

Старшая Океанида

От этой язвы исцеленье как нашел?

Прометей

В сердцах надежды поселил незрячие.

Старшая Океанида

Большое облегченье роду смертному.

Прометей

Еще не все! Я людям подарил огонь.

Старшая Океанида

Владеют однодневки знойным пламенем?

Прометей

Огонь искусствам всяческим научит их.

Старшая Океанида

И за вину такую Зевс казнит тебя?

Прометей

Погнал на пытки. Неустанно мучает.

Старшая Океанида

И срока казни нет, конца палачеству?

Прометей

Нет срока, нет, пока не пожелает Зевс.

Старшая Океанида

Как пожелает? Где ж надежда? Понял ты,
Что ошибался? В чем? Про то не сладко нам
Напоминать, тебе же слышать. Прошлого
Не вспоминай. Подумай, как от зла спастись!

Прометей

Пока нога в капканах не завязла бед,
Легко счастливцу поучать несчастного.
Но это все предвидел я заранее.
Сознательно, сознательно, не отрекусь,
Все сделал, людям в помощь и на казнь себе.
Таких вот только пыток я не ждал никак:
На жарком камне гибнуть, иссыхать, сгнивать
В просторах злых, пустынных, неприветливых.
Так перестаньте ж плакать о сегодняшнем!
Сойдите на земь и о судьбах будущих
Проведайте. Узнайте, чем все кончится.
Послушайтесь, послушайтесь! Со мной, что так
Страдает, пострадайте! Ведь бродячее
Кочует злополучье от одних к другим.

Старшая Океанида

Не в обиду нам речи твои, Прометей!
Мы послушны, гляди!
Покидаем босою, летучей ступней
Самолетный ковер и звенящий эфир,
Птиц пугливых тропу голубую;
На кремнистую землю вступили, рассказ
О твоих злоключеньях услышать.

(Хор Океанид сходит с повозок.
Появляется старик Океан на крылатом коне.)

Океан

Из далеких, далеких краев, Прометей,
Я дорогою трудной к тебе прихожу.
Быстрокрылая птица меня принесла,
Без удил, только волею взнуздан моей.
Знай, грустна и горька мне невзгода твоя.
Ты мне родич, во-первых, а близкая кровь
Мне священней всего. Да и кроме родства,
Никого нет на свете, кого б, как тебя,
Я ценил и любил.

А что искренне слово — узнаешь. Тошны
Мне притворные, льстивые речи. Вели,
Назови, как тебе услужить я могу,
И признайся: верней, чем старик Океан,
Нет друзей у тебя во вселенной.

П р о м е т е й

Ого, вот диво! Поглядеть на боль мою
И ты приходишь? Как же ты отважился
Тебе одноименный Океан-поток
Покинуть и пещеры первозданные,
Утесистые, и в страну, железа мать,
Придти? Со мною слезы лить, со мной страдать?
Гляди ж, прекрасно зрелище! Вот Зевсов друг,
Ему престол помогший добывать и власть,
Взгляни: его калечит Зевс безжалостно.

О к е а н

Друг Прометей! Все вижу и совет подать
Тебе хочу хороший. Хоть хитер ты сам.
Пойми границы сил своих, смири свой нрав.
Стань новым. Новый нынче у богов вожак.
А ты грубишь, кидаешь речи дикие,
Косматые. Сидел бы много выше Зевс,
И то б услышал. И тогда все прежние
Твои злосчастья — детскою игрушкою
Покажутся. Бедняга, позабудь свой гнев!
Лишь об одном заботься: как от мук уйти!
Пожалуй, назовешь ты устарелыми
Слова такие, но речей заносчивых
Теперь и сам ты цену, Прометей, узнал.
А все не укротился, не согнул себя.
Накликать хочешь за бедой беду вдвойне.
Послушайся учителя радушного:
Против рожна не при! Открой глаза: царит
Не подчиненный никому свирепый царь.
А я пойду. Быть может, и удастся мне
Тебя избавить от мучений яростных.

А ты смирись, пригорбись, придержи язык!
Ведь сам умен и опытен. Так должен знать:
Двойною плетью хлещут празднословного.

Прометей

Завидую. Себя невинным чувствуешь,
Хоть был ты мой сподвижник, бунтовал со мной,
Сейчас оставь! Забота не твоя уже.
Не сговоришь ты бога. Не отходчив Зевс.
Гляди, заботой на себя накличешь зло!

Океан

Давать советы ты умеешь ближнему
Намного лучше, чем себе. Тому дела,
А не слова порукой. Не держи меня.
Надеюсь, да, надеюсь, богу старому
Помилованье для тебя подарит Зевс.

Прометей

Благодарю! И благодарным буду, знай,
Тебе всегда. Старанье велико в тебе,
Но не трудись напрасно. Зря и без толку
Трудиться будешь, если вправду примешь труд.
Прочь отойди и в стороне спокойно встань.
Мне очень больно. Только не хочу совсем,
Чтоб мучились другие из-за этого.
Довольно и того, что сердце рвет мое
Судьба Атланта брата. В странах западных
Стоит силач, плечами подпирая столб
Земли и неба, тяжесть непомерную.
Еще мне вспомнить горько Киликийских гор
Кочевника, диковинное чудище, —
Тифона стоголового, рожденного
Землей. Восстал отважно он на всех богов.
Пылая, страшно скрежетали челюсти.
Из глаз горгоньих стрелы молний сыпались.
Грозился силой Зевса расточить престол.
Но Зевса гром бессонный сбросил в пыль его,

Упавший с неба, полохнувший пламенем,
Смирил он похвальбу высокомерную.
В подсердие ударил, и свалился брат,
В золу испепеленный, в головню сожжен.
Беспомощная туша исполинская
Простерлась грузно у пролива узкого,
Раздавлена корнями Этны. Ночь и день
Кует руду Гефест на круче кряжистой.
Но час придет, и вырвутся из черных недр
Огня потоки. Челюстями жадными
Сглодают пашни спелые Сицилии.
Расплавленное, огненное бешенство,
Всепожирающую ярость вырыгнет
Тифон, хоть Зевса он обуглен молнией.
Но сам не слеп ты. Быть твоим учителем
Мне незачем. Спасайся, как умеешь сам!
Я ж исчерпаю до конца судьбу свою,
Пока от гнева сердце не избавит Зевс.

Океан

Но разве ты не знаешь, Прометей-мудрец,
Больной души врачи — советы добрые?

Прометей

Да, если сердца во-время смягчить нарыв,
Не бередить гноящуюся опухоль.

Океан

Зато в моих заботах и в решимости
Моей вину какую видишь? — Все скажи.

Прометей

Добросердечие пустое, праздный труд.

Океан

Болезнью этой поболеть позволь. Расчет
Разумному — порою безрассудным слыть.

Прометей

В мою вину и этот грех запишется.

Океан

Меня домой ты хочешь воротить? Ведь так?

Прометей

Чтоб не хлебнул ты горя, пожалев меня.

Океан

Чтоб тот не рассердился, новый, сильный царь?

Прометей

Вот-вот! Остерегайся раздразнить его!

Океан

Твоя беда — урок мне, Прометей! Прощай!

Прометей

Иди! Ступай! И трезвый сохрани свой ум!

Океан

Я без твоих советов собрался уйти.
Широкий воздух крыльями скребет уже
Четвероногий птах мой. Стосковался он.
В родимом стойле отдохнуть торопится.

(Океан удаляется.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Льем слезы, льем, друг Прометей, над горькой жизнью.
Родники слез покатились,
Стынут капли,
Слез ключи текут солено

По равнинам щек девичьих.
Зевс свирепый, Зевс пасет мир,
Произвол в закон поставив.
Зевс пасет копьем железным
Древних демонов и чтимых.

АНТИСТРОФА 1

Гудо̀м гудит, стонет земля протяжным стоном.
О былых стонет веках, о славе древней,
О твоем старинном царстве.
О титанах исполинах.
Кто живет в степях азийских,
Первозданных, стонет стоном.
Над твое́ю болью плачут,
Сострадая, плачут люди.

СТРОФА 2

Племя девушек-наездни ,
Травы топчущих в Колхиде,
Плачет. Орды плачут скифов,
Что кочуют в конце земли,
У Меотийских мелей.

АНТИСТРОФА 2

И Арийцы — цвет Ареса, —
Над Кавказской крутизною
Город высекшие в скалах, —
Плачет войско, и вторит лязг
Остро звенящих копий.

СТРОФА 3

Однажды, раз лишь бога в оковах мы видели.
Он предан был мукам, да, му́кам,
Титан Атлант.
Силач, непомерную тяжесть
Земли и оси неба
На плечи поднял он и плачет.

АНТИСТРОФА 3

Рокочет, ропщет моря прибой набегающий
И падает в бездну и стонет.

Гудят в ответ
Земли потаенные щели,
Провалы, ямы ада,
Струи прозрачных потоков плачут.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Прометей

(после молчанья)

Мне не надменность, не высокомерие
Велят молчать. Грызу я сердце жалостью,
Себя таким вот видя гиблым, брошенным.
А разве же другой кто, а не я почет
Добыл всем этим божествам теперешним?
Молчу, молчу! Вам незачем рассказывать.
Все знаете. Скажу о маяте людей.
Они как дети были несмышленые.
Я мысль вложил в них и сознанья острый дар.
Об этом вспомнил, людям не в покор, не в стыд,
Но чтоб подарков силу оценить моих.
Смотрели раньше люди и не видели,
И слышали, не слыша. Словно тени снов
Туманных, смутных, долгую и темную
Влачили жизнь. Из кирпичей не строили
Домов, согретых солнцем. И бревенчатых
Не знали срубов. Врывшись в землю, в плесени
Пещер без солнца, муравьи кишащие —
Ютились. Ни примет зимы остуженной
Не знали, ни весны, цветами пахнущей,
Ни лета плодоносного. И без толку
Трудились. Звезд восходы показал я им
И скрытые закаты. Изобрел для них
Науку чисел, из наук важнейшую.
Сложенью букв я научил их: вот она,
Всепамять, нянька разуменья, матерь муз!
Я первый твари буйные в ярмо запряг,
Поработив сохе и вьюкам. Тяжести

Сложил я с плеч людских невыносимые.
Коней в телегу заложил, поводьями
Играющих, — забава кошельков тугих.
А кто другой измыслил льнянокрылые,
Бегущие по морю корабельщиков
Повозки? Столько хитростей и всяческих
Художеств я для смертных изобрел, а сам
Не знаю, как из петли болей вырваться.

Старшая Океанида

Отравлен мукой, зашатался разум твой.
Ты на врача плохого стал похож. Пришла
Болезнь, и унываешь, и найти себе
Никак не можешь снадобья целебного.

Прометей

Послушай дальше, удивишься, столько я
Искусств, сноровок и ремесел выдумал.
Вот главные: болезни жгли тела людей,
Они ж лекарств не знали, трав целительных,
И мазей, и настоек. Чахли, таяли
Без врачеванья. Я открыл им способы
Смешенья снадобий уврачевающих,
Чтоб злую ярость всех болезней отражать.
Установил науку прорицания,
Открыл природу сновидений, что считать
В них вещей правдой. Темных слов значение
Раскрыл я людям и примет дорожных смысл.
Пернатых, кривокогтых, хищных птиц полет
Я объяснил, кого считать счастливыми,
Кого — дурными. Птичьи все обычаи
Растолковал, чем кормятся и любят как,
И как враждуют, как роятся стаями.
Я научил, какого вида черева
Должны быть жертв, чтоб божество порадовать,
Цвет селезенки, пятна пестрой печени.
Огузок толстый и лопатку жирную
Я сжег собственноручно и для смертных стал

Учителем в искусстве трудном. С огненных
Незрячих раньше знаков слепоту я снял.
Все это так! А руды, в недрах скрытые,
Железа, медь и серебро и золото!
Кто скажет, что не я, а он добыл руду
На пользу людям? Нет, никто не скажет так,
Или бесстыдной похвальбой похвалится.
А если кратким словом хочешь все обнять:
От Прометея у людей искусства все.

Старшая Океанида

Для смертных был ты свыше сил помощником.
Так выручи в несчастье самого себя.
А я надеюсь твердо, скинешь цепи бед
И с Зевсом снова силою сравняешься.

Прометей

Не так судьба свершающая, страшная
Решила в сердце. Тысячами черных мук
И болью сломлен, я от кандалов уйду.
Слабее ум, чем власть Необходимости.

Старшая Океанида

Кто ж у руля стоит Необходимости?

Прометей

Три Мойры, Евмениды с долгой памятью.

Старшая Океанида

Так значит, Зевс им уступает силою?

Прометей

Что суждено, не избежит и Зевс того.

Старшая Океанида

А Зевсу что же суждено? На веки власть?

Прометей

Не спрашивай об этом, не пытай меня!

Старшая Океанида

В груди ты тайну затаил великую?

Прометей

Поговорите о другом. А этому
Ни срок, ни время не созрели. Тайну скрыть
Как можно глубже должно мне. Тогда спасусь
От истязаний и цепей позорящих.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Пусть никогда, никогда
В сердце мне Зевс
Злого не вложит упорства!
Ранним утром пусть на забуду
Богов покормить говяжьим мясом,
Жиром бычьим,
Встав над потоком гремучим отца Океана.
Пусть никогда не ропщу!
Пусть останусь в этих мыслях и сейчас и вечно.

АНТИСТРОФА 1

Радостно долгую жизнь,
Мирно дни длить
В сладких и скромных надеждах,
Греться на солнце и сердце тешить весельем. Ужасно
Видеть тебя
В тяжких мученьях, висишь, прибит гвоздями,
Горд, своеволен, упрям,
Зевса не боясь, людей ты любишь слишком сильно.

СТРОФА 2

Где ж любовь за любовь, друг любимый, скажи,
Где сила смертных?
Где заступа, скажи! Неужто ты не видишь
Все бессилье людей, уродство, хилость,

Наяву сон? Цепью связан
По рукам, по ногам человеческий род.
Их жизнь — день!
Воле людей никогда
Не сломить государства Зевса!

АНТИСТРОФА 2

Прометей, Прометей, научили меня
Твои мученья!
Ах, другая совсем летала — помнишь, песня:
Шла с зарей невеста в баню,
Ты — жених — к постели брачной
В день венчальный жену молодую, —
— Велик был выкуп —
Милую нашу сестру,
Гесиону повел Моревну.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Вбегает безумная Ио. На лбу у нее — коровьи рога.

Ио

Что за край, что за племя и кто тут стоит,
Под ударами ветров, в железных цепях,
Над обрывом крутым?
Он расплату несет за какую вину?
Расскажи мне, куда
Я зашла, по широкой скитаясь земле?
Ой-ой!
Опять, опять меня ужалил овод!
Землей рожденный Аргос, призрак, прочь, прочь!
Пастух ужасный, враг тысячеглазый!
Вот он скользит за мной взглядом косым и злым.
Ему и трупу нет в земле покоя.
Девушку горькую
Он, из гроба прыгнув, вспугнул, гонит пес,
Гонит голодную вдоль по морским пескам!

СТРОФА 1

Дудка в ушах дудит! Воском скреплен тростник.
Песнь звенит. Мне бы уснуть, уснуть!
Ой-ой! Куда снова брести? Бежать куда?
В дальнюю даль куда?
Какой мой грех, Кроноса сын, какой мой грех?
Чтоб меня мучить так, чтобы так сердце рвать?
Бедная я, ой-ой!
Жжет овод, жжет. И грудь сумасшедший страх
Стегает! Я вся шатаюсь!
Лучше огнем сожги! Лучше в земле зарой! Лучше брось
Тварям морским на корм!
Над мольбой смеяться,
Господин, не смей!
Совсем скитанья скиталицу
Измаяли. Не знаю, где от ужаса
Мир и покой найду.
Услышь! Вся больна, плачет корова-девушка.

Прометей

Как не услышать оводом ужаленной
Инаха милой дочери? Красавица
Любовью сердце опалила Зевсово,
И бродит, мучась, Герою затравлена.

Ио

АНТИСТРОФА 1

Имя отца, скажи, ты от кого узнал?
Горькой мне, нищенке мне, скажи!
И сам ты кто? Мученик сам, назвал меня,
Сжалясь, по имени.
Мою назвал божью болезнь по имени.
Сушит боль! Плетью бьет! Грудь грызет! Гложет, ой!
Гоном гонит, ой-ой!
Голодная, прыжками шатучими,
Помчалась я шало. Геры
Злоба гнала меня. Геры калечил гнев. Кто, ай-ай,
Из окаянных кто

Так, как я, покинут?
    Правду всю открой!
Скажи, что за напасть еще
Грозит, где свет и снадобье целебное?
Скажи, если знаешь!
Ответь, открой! Просит беглянка-девушка.

Прометей

О чем услышать хочешь, расскажу про все,
Не кутаясь в загадки, прямо, попросту,
Как говорить с друзьями полагается.
Я — Прометей, я людям подарил огонь.

Ио

Защитник и заступник человеческий,
Друг несчастливый, Прометей! За что ты здесь?

Прометей

Едва я кончил боль свою оплакивать.

Ио

Ты в милости и ласке не откажешь мне?

Прометей

В какой, поведай? Правду я открою всю.

Ио

Кто над кремнистой крутизной распял тебя?

Прометей

Приказ дал Зевс, а кандалы Гефест сковал.

Ио

А за грехи какие терпишь каторгу?

Прометей

Того тебе довольно, что рассказано.

Ио

Еще одно: мои скитанья, боль моя,
Скажи, они когда-нибудь окончатся?

Прометей

Не знать об этом лучше для тебя, чем знать.

Ио

Того, что претерпеть мне суждено, не прячь!

Прометей

Подарка хочешь? Мне скупиться незачем.

Ио

Зачем же медлишь? Обо всем узнать не дашь?

Прометей

Сказать не жаль. Жаль душу напугать твою.

Ио

Друг, больше, чем сама я, не щади меня.

Прометей

Ты требуешь — открою все. Так выслушай!

Старшая Океанида

Нет, погоди. В угоду мне послушайся.
Сперва болезнь узнаем этой девушки.
Свою погибельную жизнь расскажет пусть!
А от тебя услышит о конце невзгод.

Прометей

Должна ты, Ио, выполнить желанье их.
Они, к тому же, сестры твоего отца.
А горевать и жизнь свою оплакивать
Бывает сладко, если тот, кто слушает,
Льет слезы состраданья, сожаления.

Ио

Не знаю, как могла бы отказать я вам.
О чем узнать хотите, все услышите,
В словах понятных. Стыдно мне и горестно
Рассказывать о божьей буре, смявшей в пыль
Меня и растоптавшей красоту мою.
Давно, давно в мою девичью спаленку
Скользили сны ночные, сладким шопотом
Нашептывали: «Девушка счастливая!
Зачем хранишь девичество? Ведь ты б могла
Найти любовь высокую. Ужален Зевс
Стрелой желанья. Хочет он тебя обнять.
Не отвергай постели Зевса, девушка!
Нет, на Лернейский приходи поемный луг,
Где хлевы и поскотина отцовские.
Пускай любовью Зевса глаз насытится!»
Такими снами я томилась, бедная,
Все ночи. И решила рассказать отцу
О соблазнительных ночных видениях.
И много богомолий разослал отец
И в Дельфы и в Додону. Все узнать хотел,
Как словом или делом ублажить богов.
Но приходили прорицанья смутные,
Невнятные, загадочные, темные.
И наконец вещанье получил Инах
Отчетливое: жестко было велено,
Чтоб из дому от мест родных меня прогнал,
Чтоб я скиталась, божья тварь, из края в край,
Одна. А нет, ударит синей молнией
В нас Зевс и с корнем род Инаха вытопчет.
Отец поверил прорицаньям Локсия,
Прогнал меня. За мною запер дом родной.
Я плакала и плакал он. Принудила
Узда чудовищная Зевса выгнать дочь.
И сразу ясный ум мой, красота моя
Порушились. На лбу рога — вы видите!
Погнался овод жалящий, и шалыми

Прыжками к водопою побежала я
Керхнеи и к Лернейскому ручью. Пастух,
Землей рожденный Аргос, ярый, бешеный,
Погнал меня, следя неисчислимыми
Глазами. Жребий, скорый и негаданный,
Жизнь яростную отнял. Но скитаюсь я
Из края в край. Жжет овод. Гонит божья плеть.
Ты все услышал. Если знаешь бед моих
Конец, скажи! Но только не щади меня!
Слов лестью не подслащивай! Всего больней,
По-моему, неискреннюю слушать речь.

Хор

Ай-ай! Постой, помолчи!
Думала ль, думала ль я, что так
Пронзит уши мне
        Странная речь твоя?
Не думала, что жалостная, яростная
Горечь и немочь и бледность твоя
Сердце выстудят студено.
Ой Судьба! Ой Судьба!
Дрожу, видя горе бедной Ио.

Прометей

Ты рано испугалась! Слезы рано льешь.
Сдержись, пока о бедах не узнаешь всех!

Старшая Океанида

Скажи, открой! Больным бывает радостно
О болях предстоящих знать заранее.

Прометей

Исполнил я желанье ваше первое.
Хотели вы сначала, чтобы девушка
Сама печальный путь свой рассказала вам.
Теперь узнайте и про то, что в будущем
Ей предстоит по гневу Геры вытерпеть.

А ты, дитя Инаха, глубоко в груди
Спрячь речь мою, чтоб знать своих дорог конец.
Отсюда ты к восходу солнца путаный
Направишь шаг по целине непаханной
И к скифам кочевым придешь. Живут они
Под вольным солнцем на телегах, в коробах
Плетеных. За плечами — метко бьющий лук.
Не подходи к ним близко! Беглый путь держи
Крутым кремнистым взморьем, глухо стонущим.
Живут по руку левую от этих мест
Железа ковачи Халибы. Бойся их!
Они свирепы и к гостям неласковы.
К реке придешь ты Громотухе. Имя ей
Дано по праву. Брода не ищи в реке!
Нет брода! До истоков подымись! Кавказ
Увидишь, гору страшную. С ее рогов
Поток подснежный хлещет. Перейди хребты,
Соседящие звездам, и к полудню шаг
Направь! Там Амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут. Отмель там
Опаснейшая, Челюсть Сальмидесская,
Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха.
Тебе дорогу там укажут дружески.
Придешь ты после к Истму Киммерийскому,
К воротам тесным моря. Там, отважившись,
Должна ты Меотиды переплыть пролив.
И память в людях славная останется
Об этой переправе. Будет имя ей —
«Коровий брод» — Босфор. Европы кинешь ты
Равнины, на Азийский материк придешь.
Но разве ж не безжалостен тиран богов
К живущей твари? С этой смертной девушкой
Спать пожелал он и погнал в скитания.
Жених тебе достался горький, девушка,
Дурная свадьба! Все слова, что слышала,
Твоих страданий только предисловие.

Ио

Ой, тошно мне, ой!

Прометей

Ты застонала, бедная, и вскрикнула?
Что сделаешь, узнавши правду всю, до дна?

Старшая Океанида

Ей предвещаешь новые страдания?

Прометей

Печали черной море непогожее.

Ио

Мне жить какая прибыль? Почему б скорей
Вниз головою с крутизны не кинуться?
Удариться о землю и покой найти
От бед? Однажды умереть не лучше ли,
Чем день за днем изнемогать в мучениях?

Прометей

Была б невыносима боль моя тебе.
Ведь мне и умереть-то не дано судьбой.
А смерть — покой, от зол освобождение.
Конца и срока нет моим мучениям,
Пока не рухнет Зевса всемогущество.

Ио

А разве рухнет Зевса власть когда-нибудь?

Прометей

Тогда б возликовала ты, наверное?

Ио

Ну да! Ну да! От Зевса стыд и боль мои.

Прометей

Тогда узнай и радуйся! Погибнет Зевс!

И о

Кто ж у него отнимет скиптр владычества?

П р о м е т е й

Сам у себя, замыслив безрассудное.

И о

Но как, скажи мне, если без вреда ответ?

П р о м е т е й

Он вступит в брак и тяжело раскается.

И о

С богиней? Иль со смертной? Иль сказать запрет?

П р о м е т е й

Опять вопросы? Говорить запретно мне.

И о

И что ж: жена отнимет у него престол?

П р о м е т е й

Да, сына в мир родит она, отца сильней.

И о

И отвратить не может Зевс судьбу свою?

П р о м е т е й

Нет, если я не скину цепь кандальную.

И о

Кто ж против воли Зевса раскует тебя?

П р о м е т е й

Спаситель мой из рода твоего придет.

И о

Что ты сказал? Мой сын тебя от зла спасет?

Прометей

В колене третьем, после десяти колен.

Ио

Темно и непонятно предсказание.

Прометей

И о своих мученьях не пытайся знать.

Ио

Что обещал мне, не бери назад того!

Прометей

Тебе я тайну подарю из двух одну.

Ио

Какую тайну, назови и выбрать дай!

Прометей

Так выбирай же! О твоих ли бедствиях
Рассказывать, о том ли, кто меня спасет?

Старшая Океанида

И ей, прошу, услугу окажи и мне!
Не обессудь на просьбе! Ей узнать позволь,
Куда пути скитанья приведут, а мне
Скажи, твоим кто станет избавителем?

Прометей

Вы просите, отказом не отвечу вам.
Как требуете, так и будет сделано.
Тебе открою, Ио, путь скитальческий,
Впиши его в дощечки горькой памяти,
Пройдя поток, материки разрезавший,
На солнечный, палящий поверни восток!
Прибой минуй бурлящий моря! Знойные
Поля Кисфены встретишь ты Горгонины,

И трех Форкид, седоволосых девушек,
На лебедей похожих. Глаз один у них
И зуб один. К ним луч не проникал еще
Дневного солнца и ночного месяца.
А по соседству три сестры крылатые
Живут. Горгоны, в косах — змеи, в сердце — яд.
Кто им в глаза заглянет, в том остынет жизнь!
Рассказываю, чтобы остеречь тебя.
Печального послушай путь скитания!
Острокогтистых бойся грифов, Зевсовых
Собак безмолвных! Войска одноглазого
Остерегайся Аримаспов-конников,
У золототекучего кочующих
Плутонова потока! На краю земли
Найдешь народец черный, обитающий
У солнечных ключей, где Эфиоп-река.
Направь шаги по берегу! С Библосских гор
Там Нил обрушивает водопадами
Волну плодоносящую и сладкую.
Укажет путь он в землю треугольную,
К Усть Нилью. Там дано далекий выселок
Тебе и детям, Ио, заложить твоим.
Когда темна, косноязычна речь моя,
Переспроси, все выпытай старательно.
Досуга больше у меня, чем сам хочу.

Старшая Океанида

Не кончил если или пропустил ты что
Из повести о горестных путях ее,
Досказывай! А нет, тогда в угоду нам,
О чем проспали, объясни, припомни все.

Прометей

Она узнала о конце скитальчества.
А в знак того, что слушала не зря меня,
Прибавлю, что ей прежде испытать пришлось,
И дам ей правды слов моих свидетельство.
Рассказа долю пропущу я бо̀льшую.

К ее приближусь странствию недавнему.
Ты в котловину забрела Молосскую,
На крутояре там Додона высится
И дом Феспрота-Зевса прорицальческий.
Там говорящие дубы чудесные
Тебя открыто, без загадок славили, —
Избранницу блистательную Зевсову,
Царя богов супругу. Сладко? Льстит тебе?
Ужаленная накатившим бешенством,
Дорогою приморской побежала ты
К широкому заливу Реи. Яростный
Шаг снова повернула. Назовется, знай,
Губа морская эта Ионийскою
На память людям о твоих блужданиях.
Вот знак тебе, что дан мне дар предвиденья,
Что видит ум мой дальше, чем открыто всем.
Теперь рассказ закончу для нее, для вас,
На след вернувшись давешних речей моих.
Есть город на краю земли египетской
Каноб, в наносах Нила, в устьях илистых.
Там ясный разум снова Зевс вернет тебе
И, ласковой рукой коснувшись, сына даст.
Эпаф, дитя прикосновенья, — зваться так
Он будет, в память Зевсова зачатия.
Родится черным и населит Нильскую
Поемную долину. Пять колен пройдет,
И пятьдесят сестер вернутся в Аргос. Страх
Погонит их пред кровным браком с братьями
Двоюродными. Страстью одержимые,
Погонятся за горлицами коршуны,
Охотясь за добычей недобычливой.
Но бог их не насытит телом девушек.
Земля Пеласга примет трупы женами
Зарезанных, убитых в ночь бессонную.
Разрежет горло мужу своему жена,
Нож с лезвием двуострым окунув в крови.
Пусть так отмстит Киприда и моим врагам.
Одну лишь завлечет желанье девушку.

И не поднять ножа ей на того, с кем спит.
В ней притупилось сердце. Ей безвольною
Прослыть трусихой легче, чем убийцей стать.
Царей аргосских поросль от нее пойдет.
Слов надо много, чтоб рассказать про все.
Из этого посева сильный, яростный
Родится правнук, лучник знаменитейший.
Меня спасет он. Эту мудрость древняя
Фемида, мать Титанов, предсказала мне.
А как все будет, надо много слов на то,
Тебе же, если б и узнала, пользы нет.

И о

Элелей-элелей!
Накатило опять! Сводит судорог дрожь,
Ум туманит неистовство. Овод впился!
Жало жжет без огня!
В сердце бешеный ужас стучит и стучит.
Помутнело в глазах, закружилось кругом.
Одержимости темной чудовищный вихрь
Сбил с дороги. Бессвязно лепечет язык.
Спотыкаются, вязнут слова. Тонет все
В приливающей накипи бреда.

(Ио убегает в безумии.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

СТРОФА 1

Мудрым, да, мудрым был тот,
Кто задумал первый в глубокой груди,
Кто первый дал заповедь людям:
Каждый пусть жену себе вровень берет! И будет счастлив.
Нет, не женись на роскоши и богатстве,
Не женись на знатности и породе,
Нищий, кто живет трудами рук своих!

АНТИСТРОФА 1

Пусть никогда, никогда
Не бывать мне, Мойры владычицы, Зевса страстной,
ночною подругой!
Не хочу, чтоб лег со мною в постель пришелец
с неба.
Вся я дрожу, на калеку глядя Ио,
На дитя, убежавшее от ласки:
Горьким Гера странствием казнит ее.

ЭПОД

Не страшно повенчаться — ровня с ровней мне.
Только бы любовь богов
Не глянула неумолимым глазом.
Непобедная победа, безысходный плен!
Как прожить и как дышать мне,
Как уйти мне от твоей,
Зевс, сладострастной воли?

ЭКСОД

Прометей

Пускай сейчас надменен Зевс и счастьем горд, —
Смирится скоро! Справить свадьбу хочет он
Погибельную. Вырвет власть из рук и в пыль
С престола сбросит свадьба. Так исполнится
Заклятье Крона. Рухнув с первозданного
Престола, сына проклял он навек и век.
Как гибели избегнуть, из богов никто
Сказать не сможет Зевсу. Только я один.
Я знаю, где спасенье. Так пускай царит,
Гордясь громами горними! Пускай царит,
В руке стрелою потрясая огненной!
Нет, не помогут молнии. В прах рухнет он
Крушением постыдным и чудовищным.
Соперника на горе сам себе родит,
Бойца непобедимейшего, чудного!

Огонь найдет он гибельней, чем молния,
И грохот оглушительнее грома гроз.
Моря взнуздавший, землю потрясающий,
Трезубец Посейдона в щепы раздробит.
И содрогнется в страхе Зевс. И будет знать,
Что стать рабом не то, что быть властителем.

Старшая Океанида

Чего желаешь, Зевсу то пророчишь ты.

Прометей

То, говорю, что будет и чего хочу.

Старшая Океанида

Как верить? Иль осилит Зевса новый царь?

Прометей

И в пытках он застонет тяжелей, чем я.

Старшая Океанида

Кидать такие речи не страшишься ты?

Прометей

Чего бояться? Мне не суждена ведь смерть.

Старшая Океанида

Пред неизбежным мудрые склоняются.

Прометей

Молись, смиряйся, льсти тому, кто властвует.
Меня же меньше, чем ничто, заботит Зевс.
Пусть действует, пусть правит кратковременно,
Как хочет. Будет он недолго царь богов.
Но вот я вижу скорохода Зевсова,
Послушного слугу тирана нового.
Приходит, верно, с новостями важными.

(Входит Гермес.)

Гермес

С тобой, хитрец, насмешник сверхнасмешливый,
С тобой, богов предавший, осчастлививший
Людишек, говорю я. Вор огня, с тобой!
Отец велит все, что болтал о свадьбе здесь,
Владычеству его грозящей, — рассказать,
Без недомолвок, без загадок, начисто!
Все говори, что знаешь, Прометей! И путь
Не вынуждай вторичный совершить меня!
Не размягчишь упрямством сердце Зевсово!

Прометей

Хвастливы как, чванливы и напыщенны
Вот эти речи прихлебателя богов.
Царить вам внове, выскочкам, и верите,
Что век вам в доме золотом блаженствовать.
Я пережил, как два тирана пали в пыль,
Увижу, как и третий, ныне правящий,
Падет, паденьем скорым и постыднейшим.
Ты думаешь, перед богами новыми
Страшусь, гну шею? Тут всего и многого
Недостает. Меси же пыль дороги вновь,
Своею речью ты меня не убедил.

Гермес

Строптивостью такой и своеволием
Корабль свой ты загнал уже на камни бед.

Прометей

Мои страданья, слышишь, не сменяю я
На пресмыкательство твое. Не будет так!

Гермес

Что ж, пресмыкаться в кандалах на ребрах скал
Почетней, чем быть Зевса верным вестником?

Прометей

Обидой надо отомщать обидчикам.

Гермес

Мученьями своими упиваешься?

Прометей

О, упиваюсь! И хочу врагам моим
Такого опьяненья! И тебе, Гермес!

Гермес

В своей судьбе несчастной и меня винишь?

Прометей

Скажу открыто: ненавижу всех богов.
Мне за добро они воздали пытками.

Гермес

Бред! Ты болезнью поражен жестокою.

Прометей

Я болен, если ненависть к врагу — болезнь.

Гермес

Была б тебе удача, стал бы страшен ты

Прометей

Ой-ой!

Гермес

Ой-ой? Такому слову не обучен Зевс.

Прометей

Его всему, дряхлея, время выучит!

Гермес

Как видно, ты еще не нажил разума?

Прометей

Да! Говорю с тобою, богов прислужником.

Гермес

Отцу ответить, видно, не желаешь ты?

Прометей

А надо бы! За ласку отплатить ему!

Гермес

Глумишься надо мною, как над мальчиком?

Прометей

Да ты-то разве не глупее мальчика?
Ты, правда, веришь, что тебе я дам ответ?
Нет казни, знай, нет хитрости, чтоб Зевс меня
Принудил тайну роковую выболтать,
Пока цепями скован я постыдными.
Так пусть пылающую мечет молнию,
Гремит подземным громом, кружит неба свод
Метелью белокрылою, пусть рушит все, —
Меня согнуть не сможет! Не скажу ему,
Чьи руки вырвут у него владычество!

Гермес

Гляди, тебя спасет ли непокорливость!

Прометей

Все взвесил я, предвидел все и все решил!

Гермес

Решись, глупец, решись стать рассудительным.
Пусть пыток боль тебя научит разуму!

Прометей

Напрасно нудишь: бьет о берег вал глухой.
Пусть в мысли не взбредет тебе, что стану я
Из страха перед Зевсом робкой бабою
И плакать буду перед ненавистным мне,
И руки, словно женщина, заламывать,
Пусть только цепи снимет! Не бывать тому!

Гермес

Я говорил довольно. Трачу зря слова.
Такого сердца не растрогать просьбами.
Ты, как жеребчик необъезженный, узду
Кусая, вздыбился, вожжам противишься.
Бессильны ухищренья, даром мечешься!
Глупца и неразумца своеволие
Бессильнее, ничтожнее ничтожества.
Когда приказа моего не слушаешь,
Гляди, метель какая, треволнения
Каких мучений рухнут на тебя! Скалу
Кремнистую вот эту раздробит отец
Ударом грома и летучей молнией.
Твое схоронят тело руки черных скал.
И много долгих, долгих, долгих лет пройдет,
Пока на свет ты выйдешь. Станет Зевсова
Крылатая собака, весь в крови, орел
Лоскут огромный тела твоего клевать.
Незваный постоялец, каждодневный гость.
И печень рвать, обглоданную, черную!
И этим страшным пыткам ты не жди конца;
Пусть прежде добровольно бог какой-нибудь
Твоим заступит сменщиком, и в тусклый ад
Сойдет и в пропасть сумрачную Тартара.
А потому размысли! Не пустое здесь
Бахвальство, — твердый и суровый приговор.
Лгать не умеют Зевсовы бессмертные
Уста. Зевс держит слово. Так обдумай все!
Взвесь! Оглядись! Строптивость своевольную
Не предпочти разумной осторожности.

Старшая Океанида

По-нашему, разумна, своевременна
Гермеса речь. Строптивость он велит тебе
Оставить, осторожности тропой ступать.
Упорствовать в ошибке — стыд для мудрого.

Прометей

Все, что мне возвестил он, заранее все
И предвидел, и знал я. Врагу от врагов
Казнь и муку терпеть — в том постыдного нет.
Ну так пусть двулезвейные кудри огня
В грудь мне ринутся, в клочья пускай разорвут
Воздух — громы и дурь сумасшедших ветров.
Пусть тяжелую землю до самого дна,
До кремнистых корней потрясет ураган.
Пусть в кипеньи и в бешенстве хляби морей
Вперемешку сплетутся с дорогами звезд.
Пусть швырнут мое тело в бездонный провал
Чернокрылого тусклого Тартара, пусть
Заклубит меня круговерть медной судьбы, —
Умертвить меня все же не смогут!

Гермес

Вот послушайте бред, бесноватого речь.
Сумасшедшие мысли! Что надо еще,
Чтоб назвать одержимым, безумцем, глупцом
Болтуна и бахвала. Узду он порвал!
Вы же — много в вас жалости к болям его—
Уходите от этих погибельных мест,
Убегайте скорее! Не то потрясет,
Оглушит столбняком львиных грузных громов
Сокрушительное грохотанье!

Старшая Океанида

Говори мне другое. Советы давай
Мне иные. Послушаюсь. Слово сказал
Ты сейча́с нестерпимое. Нет, никогда
Не подвигнешь на подлую низость меня.
Вместе с другом судьбу дотерплю до конца.
Ненавидеть училась предателей я.
Язвы нет на земле
Для меня вероломства постыдней.

Гермес

Ну, так помните! Во-время я остерег.
Когда ринется болей облава на вас,
Не браните судьбу и не смейте роптать,
Будто Зевс неожиданно в пропасти зла
Опрокинул вас. Гу̀бите сами себя!
Все вы знаете. Вас не ловили в силок,
Не застигли врасплох, вам сетей не плели.
Нет же! Сами в чудовищный невод беды
Вы запутались по неразумью.

(Гермес удаляется.)

Прометей

Вот на деле уже, не в хвастливых словах
Задрожала земля,
Загудели грома̀ грохотаньем глухим.
Ослепительных, огненных молний, змеясь,
Извиваются искры. Столбами ветра̀
Крутят пыль придорожную. Вихри ревут
И сшибаются в скрежете, в свисте. Встает
Вихрь на вихрь! Друг на друга восстали ветра!
Хлябь морская и небо смешались в одно!
Эту бурю, ее опрокинул, ярясь,
Зевс на грудь мне, чтоб ужасом сердце разбить.
О святая, могучая матерь моя,
О эфир, над землей разливающий свет!
Поглядите, страдаю безвинно!

Гром. Молнии. Прометей проваливается под землю.

Конец трагедии

ОРЕСТЕЯ

АГАМЕМНОН. ЖЕРТВА У ГРОБА. ЕВМЕНИДЫ

ΑΙΣΧΥΛΟΥ
ΟΡΕΣΤΕΙΑ

«Поставлены драмы при архонте Филокле во второй год восьмидесятой олимпиады (в 458 г. до н. э.). Победил Эсхил трагедиями: «Агамемнон», «Хоэфоры», «Евмениды», сатировской драмой «Протей». Хорэгом был Ксенокл из Афидны».

Трилогия об Оресте

1

В 458 г. до н. э. склоняющийся к дряхлости, почти 70-летний поэт поставил свою «Орестею». Трагедии «Агамемнон», «Жертва у гроба» («Хоэфоры») и «Евмениды» и сатировская драма «Протей» образуют эту тетралогию. Первые три трагедии сохранены нам полностью. Это, таким образом, единственная дошедшая до нас трагическая трилогия древности.

Более чем к какой-либо другой из драм Эсхила приложимы к «Орестее» знаменитые слова поэта о «крохах с пиршественного стола Гомера». Герой трилогии — царь Агамемнон — один из центральных персонажей «Илиады», старший среди греческих царей, предводитель ахейского ополчения под Троей. А в «Одиссее» находим краткое изложение всего сюжета эсхиловской трилогии. Тень Агамемнона рассказывает там сошедшему в Аид Одиссею (II, 406, пер. Жуковского):

«Тайно Эгисф приготовил мне смерть и плачевную участь.
С гнусной женой моей заодно у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях.
Так я погиб и товарищи верные вместе со мною...
Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзила
Подле меня. Полумертвый, лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я. Она равнодушно
Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,
Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела».

Из «Одиссеи» узнаем еще:

Эгист совершил беззаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида.— Народ покорился безмолвно,
Целых семь лет он властвовал в златообильных Микенах...
В год же восьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богоподобный Орест, и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.

Этот гомеровский вариант отнюдь не является, однако, первоначальной редакцией мифа.

В мифе этом прежде всего не можем не ощутить пережитков древнейших космических представлений. Клитемнестра, губящая супруга своего Агамемнона (сочетание образов, встречающееся и в религиозных представлениях египтян и вавилонян), —это земля, поглощающая солнце, и ночь, пожирающая день. Орест, мстящий за смерть своего отца Агамемнона, т. е. предстающий как новый, воскресший Агамемнон, —это как бы новый день, неизбежно сменяющий ночь, новое солнце, поутру победоносно подымающееся над землей. За персонажами героического сказания ощущаются черты божественных существ, и не случайно на родине мифа, в Аргосе, вплоть до исторических времен, сохранялся старинный культ Зевса-Агамемнона. Зевс — бог неба, так же как и Агамемнон — небо, твердь, день, плодотворящее начало мира.

Но древний миф запечатлел не только образы исконной космогонии, а и социальные черты эпохи своего возникновения, т. е. ранней поры родового общества. Исполинская фигура Клитемнестры, казнящей царственного супруга, овладевающей властью и защищающей эту свою власть от сына,— связана с воспоминаниями о старинном материнском праве, о матриархате, свойственном ранним ступеням родового общества, и о борьбе гибнущего материнского права с возникающим и побеждающим правом отцовским.

Первый, кто истолковал таким образом миф об Агамемноне, Клитемнестре и Оресте, а следовательно, также и эсхиловскую «Орестею», был немецкий филолог Баховен, выпустивший в 1861 г. объемистый том, посвященный «Материнскому праву». Книга Баховена, при всей идеалистичности своих основных установок все же осмелившаяся понять эсхиловскую «Орестею» как художественное отображение социальной борьбы, прошла незамеченной современной ей официальной наукой, — ее замолчали. Но не кто иной как Энгельс оценил творенье «гениального мистика» (как он называл Баховена) и подчеркнул его значение. В своем предисловии к «Происхожденью семьи, частной собственности и государства» Энгельс выделил толкование «Орестеи» Баховеном как «новое и безусловно правильное».

Дальнейшее развитие исторической науки блистательным образом подтвердило правильность гипотез Энгельса и Баховена. Раскопками на Крите была обнаружена древнейшая культура, хронологически связанная как раз с порою развития родового общества Греции, с порой первоначального зарождения догомеровской мифологии. Главенствующее место в этой культуре занимает женщина. Мир, который был раскрыт

заступом археолога в Кноссе, Фесте и других древнейших поселениях Крита, в полном смысле слова может быть назван «миром Клитемнестры».

Правда, мы не можем с совершенной точностью восстановить этапы многовековой борьбы материнского права с наступающим правом отцовским. Но несомненно, что борьба эта, занявшая огромную часть истории родового общества и явившаяся (по выражению Фр. Энгельса) «одной из самых глубоких революций, когда-либо пережитых человечеством», была борьбой кровавой, чудовищно ожесточенной и беспощадной. Отражения этой борьбы мы можем проследить, рассматривая развитие мифа об Оресте.

Упомянутый гомеровский вариант мифа как раз наименее показателен в этом отношении. Идеализирующая поэтика ионийской аристократии, создавшей гомеровский эпос, сознательно затушевала наиболее кровавые, жестокие и грубые черты старинных сказаний. Эпос замалчивает роль самой Клитемнестры в убийстве Агамемнона. По «Одиссее», Агамемнона убил Эгисф, а Клитемнестра повинна только в том, что не закрыла глаз убитому мужу. Точно так же и Орест прославляется как убийца презренного Эгисфа. Об одновременной смерти Клитемнестры эпос сообщает глухо, намеком. Что произошло позднее с Орестом, об этом умалчивается вовсе. Очевидно, он спокойно властвовал в наследственном Аргосском царстве.

Неизмеримо более резкая и принципиально подчеркнутая редакция мифа создалась на материковой Греции в пору кровавой борьбы, сопровождавшей изживание родового общества. Эта редакция непосредственно связана с идейным и культурным центром Греции тех лет — с дельфийским храмом Аполлона. Борьба материнского и отцовского права тесно слита в этой редакции с другой чрезвычайно важной проблемой родового общества, с проблемой права и долга кровавой мести. Обе проблемы эти предстают перед нами в том варианте мифа об Агамемноне и Оресте, который получил свое запечатление в лирической поэзии VII и VI веков. Вся вина за убийство Агамемнона лежит в этой редакции мифа на Клитемнестре. Орест, выросший изгнанником на склоне дельфийского Парнаса, получает от дельфийского Аполлона прямой и ясный приказ отомстить за смерть отца и убить свою мать. Аполлон выступает перед нами, таким образом, как бог-покровитель побеждающего отцовского права и одновременно как защитник закона кровавой мести. Понятно, почему мифу было важно, чтобы Орест, отмщая, убил именно свою родную мать. Защита права отца, ценою даже крови родной матери, вот высшее, бесспорнейшее подтверждение примата отцовского права, победы нового мужевластного уклада. Но в защиту убитой подымаются Эринии, «демонические хранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, самое неискупимое преступление» (Энгельс). Эринии гонятся за Орестом, который ищет прибежища в храме дельфийского Аполлона. Аполлон выступает на защиту своего подопечного; он, бог младшего поколения, вдохновитель отцовского права, выступает

против божеств старшего поколения, носительниц древних идей матриархата. Перед стрелами лучезарного бога сумрачные Эринии отступают. Аполлон победил. Кровь отца оказалась тяжелее и весомее крови матери. Боги младшего поколения торжествуют над старшими божествами. Отцовское право торжествует над правом материнским. Аполлон очищает Ореста от скверны пролитой им крови. Орест царствует во славу Аполлона в родимом Аргосе.

Эта дельфийская редакция мифа об Оресте любопытна не только как апология победившего отцовского права, но и как попытка найти разрешение роковой для родового общества проблемы кровавой мести. Кровавая месть, долг отмщения за убитого сородича, лежащий на остальных членах рода, явился в свое время одной из важнейших скреп родового общества. Более того, это был в свое время институт прогрессивный, поскольку здесь делалась едва ли не первая попытка противопоставить дикарской анархии убийств и насилий систему коллективной охраны родом его участников. Но с развитием родового общества закон кровавой мести все более обнаруживал свои опасные и отрицательные стороны. Последовательно осуществляемый, он мог привести к полному взаимоистреблению связанных долгом кровавой мести наследственно враждующих родов. Эпоха изживания родового общества характеризуется поэтому попытками обуздать обычай кровавой мести или, по крайней мере, ввести эту месть в ограниченные рамки. Одну из таких попыток и отражает дельфийская редакция мифа об Оресте. Орест кроваво отомстил за Агамемнона, но сам он, очищенный Аполлоном, не подлежит более мести: на нем кровавая цепь убийства прекращается. Дельфийская редакция мифа санкционирует это прекращение кровавой мести волеизъявлением бога Аполлона. Другими словами, дельфийские жрецы, вмешиваясь в кровавые распри эпохи изживания родового общества, делают попытку взять на себя санкцию прекращения долга родовой мести.

Через несколько поколений после появления дельфийской редакции миф об Оресте обработал Эсхил. Тема борьбы материнского права с правом отцовским и победы отцовского права как нового этапа человеческого общества не могла не быть близкой поэту, все творчество которого явилось утверждением прогрессивных форм человеческого общежития и борьбой с пережитками родового варварства. И, действительно, эсхиловская «Орестея» полностью поддерживает концепцию победы отцовского права над правом материнским. Но Эсхил подымает борьбу старины и новизны до подлинно трагической высоты. В эсхиловской «Орестее» Орест также прибегает к Дельфам. Но Аполлон бессилен спасти его от Эриний и прекратить кровавую цепь родовой мести. Сделать это может не Аполлон и не дельфийское святилище, а Афина, и даже не Афина, а афинское государство, проявляющее свою волю через судебный приговор своих избранных граждан, своего ареопага. Стоит вдуматься в эту замечательную ситуацию! Боги ни старшие — Эринии — и бог младшего поколения — Аполлон — предстают перед человеческим судом, перед судом нового человеческого государства. И не божья благодать, а человеческий

суд и выраженная в нем воля государства разрешают тяжбу между божествами. Именно государству, новому государственному строю Афин передоверяет Эсхил власть прекратить кровавую традицию родовой мести. Новое афинское государство выступает как победоносный противник пережитков родового варварства в области права и морали; им утверждается новая государственная, человеческая мораль.

Но Эсхил не был бы Эсхилом, т. е. поэтом трагически противоречивым, поэтом, не только борющимся с пережитками родового общества, но и стоящим под обаянием его традиции, если бы он не придал своей «Оресте» некоторых глубоко противоречивых черт. Да, все развитие «Орестеи» приводит к победе божеств младшего поколения, Афины и Аполлона, над Эриниями, богинями старшими. Но в концепции Эсхила это вовсе не механическая победа новизны над стариной. Богиня Афина не хочет отвергнуть Эриний, — она хочет их примирить с новым государственным строем. И ей удается убедить богинь старины в своей новой правде. Старухи Эринии вступают в союз с новым афинским государством. Они благословляют его. Они становятся по отношению к нему не карающими, но милостивыми богинями, Евменидами. Это подлинно эсхиловский символ, выражающий заветный взгляд поэта на пути развития родного ему афинского государства.

Необходимо упомянуть также о тех злободневных мотивах, которые вносили свои поправки и дополнения в эту основную концепцию «Орестеи». Как уже сказано, Эсхил поставил «Орестею» в 458 г. А двумя годами ранее подымающаяся к власти демократия предприняла решительное наступление на твердыни аристократизма в афинском государственном строе. Одной из таких твердынь был именно ареопаг, образуемый из знатнейших афинских граждан, занимавших ранее должность архонтов, т. е. членов высшей правительственной коллегии Афин. Лидеры демократии Эфиальт и молодой Перикл знали, что делали, когда внесли и провели постановление о сокращении прав ареопага и о создании рядом с ним гелиеи, демократического и выборного суда присяжных.

И вот соблазнительно увидеть в эсхиловской «Орестее», поставленной в разгар борьбы вокруг ареопага и прославляющей величие этого старинного судилища, один из актов конкретной политической пропаганды аристократии, направленной против реформы Эфиальта. В эсхиловской трагедии действительно можно найти стихи, непосредственно полемизирующие с преобразованием ареопага. Богиня Афина учреждает свой суд и предостерегает будущие поколения от того, чтобы они «подновляли данный ею устав негодной примесью», т. е., другими словами, изменяли освященные веками права ареопага.

Но, конечно, не узкая аристократическая тенденция руководила Эсхилом при создании «Орестеи». Верный традициям своей молодости, традициям лучшей поры становления афинского государства, Эсхил хотел защитить жизнесозидательную, по его мнению, роль ареопага как оплота молодой афинской государственности. Вся трилогия об Оресте кончается единственным в своем роде апофеозом афинского государства.

Отличным доказательством патриотических настроений поэта в пору создания им «Орестеи» является и другой актуально-политический мотив трилогии: поэт прославляет в ней дружбу сказочных Афин со сказочным Аргосом, т. е. союз современных ему Афин с современным Аргосом. И, действительно, подобный союз как раз был заключен в годы постановки «Орестеи». Он был заключен лидерами демократии, в первую очередь Эфиальтом и Периклом, и острием своим был направлен против всегдашнего оплота и прибежища аристократической реакции, против Спарты. Общегосударственные цели афино-аргосского союза, очевидно, стояли для Эсхила неизмеримо выше, чем кастовые симпатии к Спарте. Это одно подымает его над группой современных ему реакционеров и предателей, искавших в Спарте поддержки против демократии родного государства.

Глубоко прогрессивным является не только политический, но и неразрывно связанный с ним общефилософский смысл «Орестеи». Тут перед нами еще раз встает проблема рока у Эсхила. Именно в «Орестее» буржуазная наука хотела видеть тему рока. Аластор, гнездящийся в окровавленном преступлениями старинном доме Атридов, и есть, по мнению весьма многих комментаторов Эсхила, тот демон рока, который определяет человеческую судьбу наперекор воле человека и без вины человека. Стоит, однако, пристально вглядеться в действие «Орестеи», чтобы увидеть, что философия ее является скорее некой грандиозной полемикой с идеей рока, чем утверждением этой идеи. В одном из хоров трагедии «Агамемнон» читаем:

Есть в людях слово, старое, горькое.
Такое...
Счастье беременно плодом
Черным, печалью ненасытной.

Эта мысль о счастьи, рождающем катастрофу без человеческой вины, и есть философия рока, безвинно губящего людей. Но Эсхил полемизирует с этой мыслью. Непосредственно вслед за приведенными строками он пишет:

Совсем иначе мыслим мы:
Злом чревато дело злое,
А дом, где мир, правда, честь —
Счастлив в детях прекрасных.

Это — подлинно эсхиловская мысль! Она говорит не о философии фатума, а о неизбежности расплаты за преступление и о силе добра. Клитемнестра карает Агамемнона за вину — за убийство Ифигении. И Орест карает Клитемнестру за вину — за убийство Агамемнона. И разрушение Трои и гибель Приама есть расплата за вину — за похищение Елены и предательство Париса. Вот концепция, которую настойчиво, с полемической подчеркнутостью проводит Эсхил через всю свою трилогию. Аластор, гнездящийся в старом доме Атридов, конкретизирует именно идею возмездия за преступление, точнее — идею кровавой родовой мести. И ве-

личие философии Эсхила не только в том, что он подчеркивает эту идею неизбежности расплаты за зло, но и в том, что он противопоставляет ей мысль о конечной и неизбежной победе добра. Приговор молодого афинского государства, очищая Ореста от пролитой крови, разрывает кровавую цепь вины и возмездия в доме Атридов. Светлая богиня Афина и созданное ею эллинское государство торжествуют не только над ночными богинями Эриниями, но и над Аластором — демоном возмездия.

Особенно отчетливо выступит эта прогрессивность философских идей эсхиловской «Орестеи», если мы сравним трилогию Эсхила с обработками того же мифа у трагических поэтов следующих поколений: Софокл написал (сохраненную нам) трагедию «Электра». По содержанию своему эта драма параллельна второй части трилогии Эсхила. Орест возвращается в Аргос и, при содействии своей сестры, Электры, убивает Клитемнестру и Эгисфа. Сюжет тот же, но идейные установки различны. Для Софокла нет темы победы отцовского права над материнским. Нет и очищения Ореста судом ареопага. Бог Аполлон приказал Оресту убить мать. Орест слепо выполняет волю дельфийского бога. Поэтому вопрос о его вине и необходимости оправдания даже не подымается. Софокл полностью выводит свою трагедию из области моральных проблем. Тем более упраздняет он мысль о праве человеческого государства как о высшей санкции. Тема софокловской «Электры» — это утверждение необходимости слепого и безоговорочного повиновения воле божества, — прославление воли божества как высшей санкции человеческого поведения.

Таким образом Софокл уводит концепцию мифа назад, к его дельфийской редакции. Его «Электра» внутренне реакционна, так же как реакционен его «Эдип царь», прославляющий, в противовес эсхиловской идее морального возмездия, идею фатума-рока.

Трагедию «Электра» написал и Еврипид. Дух сентиментальности и печали, дух некоего бессильного протеста лежит на этой трагедии, одной из последних в трагическом театре Греции. Горестными размышлениями о честности и скудности крестьянской доли начинается трагедия, напоминая об углубляющемся кризисе рабовладельческого общества и разорении афинского крестьянства. Орест сознает преступность божьего повеления, но повинуется ему и убивает мать. Эриний нет, но нет и торжества Ореста. Являющийся в заключение бог предсказывает Оресту скромную жизнь частного гражданина: оскверненный кровью матери, он не сможет быть до конца очищен и не сможет царствовать над городом. Трагедия кончается недомолвкой. У создателя ее уже не было уверенности ни в правде государства, могущего до конца оправдать виновного, ни в правде бога, требующего безоговорочного выполнения этих приказов. Вот почему так оптимистично, по сравнению с этими более поздними творениями, создание поэта восходящей поры античной цивилизаций — эсхиловская «Орестея».

2

Хронологическая дистанция между «Прометеем» и поставленной в 458 г. «Орестеей» — вероятно, не более, чем в 5—10 лет. Но, как уже было сказано, именно на эти годы падает решительная реформа афинского театра, определяющая его перерастание за пределы дотеатрального обрядового действия.

Ритуальное возвышение — помост, которым Эсхил в ранних своих трагедиях пользовался то как «надгробием», то как «жертвенником», был заменен теперь постройкой в глубине орхестры — дворцом Атридов.

Усилены драматические элементы трагедии. В «Орестее» мы впервые встречаемся не с двумя, а с тремя актерами. Еще в большей степени, чем даже в «Прометее», здесь перед нами целая галлерея полноценно очерченных образов. В центре, конечно, Клитемнестра — властная, ненавидящая, — женщина нечеловеческих страстей и нечеловеческой воли. Но и сдержанный, справедливый, величавый царь Агамемнон, и наглый женоподобный Эгисф, и одержимая Кассандра, и даже такие второстепенные персонажи, как ворчливый старик-дозорный и склонный к похвальбе глашатай, — все они выступают как реалистические характеры. Точность лепки образов сказывается и в речи. Эсхил находит здесь (преодолевая монолитную величавость языка своих ранних трагедий) индивидуальный язык, стиль и синтаксис для различных персонажей. Четко индивидуализированы и судорожная речь Кассандры, и простонародная болтовня дозорного, и лаконичная, сдержанная «царская» речь Агамемнона. Язык персонажей меняется с движением образа. Извилисто-льстивые речи Клитемнестры, обращенные к живому Агамемнону, очень не похожи на прямолинейно-властный монолог ее после убийства.

Чрезвычайно усложнено искусство перипетии в этом зрелом творении Эсхила. Ужас, на мгновение сковывающий Клитемнестру при мысли о демоне, двигавшем ее рукой, колебания Кассандры, изнемогающей в смертельном страхе перед роковым порогом дворца, сомнения Агамемнона, медлящего вступить на пурпуро-кровавый ковер, — такие краски движения и жизни вспыхивают то здесь, то там, нарушая иератическую скованность раннего творчества Эсхила. Драматизм торжествует.

Правда, хор еще не потерял своей мощи; до упадка трагических хоров здесь еще очень далеко. Правда, лиризм в галлюцинациях Кассандры и плаче Электры и эпос в речах Клитемнестры и глашатая играют здесь крупнейшую роль. Но поэт умеет в этой зрелой трилогии не только повествовать о событиях, но и показывать их. Вглядимся в первую из трагедий, в «Агамемнона». Напряженно ожидают возвращения царя. Огонь возвещает о взятии Трои. Победоносный царь въезжает в родной город. Жена убивает царя и его пленницу. В городе едва не вспыхивает восстание. Наша трагедия уже отнюдь не лирический момент в развитии мифа,

как это можно сказать, например, о «Молящих»; она берет миф в его наиболее напряженном и богатом событиями повороте.

Воцарение Клитемнестры на время ликвидирует драматургическую ситуацию. Наступают годы относительного спокойствия. В изгнании, в далекой Фокиде подрастает юный Орест. Именно эти годы, сравнительно бездейственные, охватываются промежутком между первой и второй частями трилогии. Новая трагедия начинается в момент, когда в развитии сюжета снова возникает узел драматического действия: Орест вырос, он возвращается в родной Аргос, убивает мать и бежит, преследуемый Эриниями.

Эта вторая часть трилогии, «Жертва у гроба» («Хоэфоры» — дословно «Приносящие возлияния»), по стилистическим краскам своим резко контрастирует со своей предшественницей. Там, в «Агамемноне», — огромные образы зрелых людей — полководца и царицы; там с первых же строк звучат победные фанфары падения Трои; там пурпур и золото триумфального возвращения царя и войска; масштабы действия вселенски широки; само действие начинается (как подчеркивает поэт) с утра и развертывается в полдень. Здесь, в «Жертве у гроба», все иначе. Здесь —в центре действия не знающий жизни юноша, почти мальчик, Орест и целомудренно-суровая девушка, его сестра Электра; траурные, суровые одежды действующих людей; хор в черных одеяниях; трагедия начинается на кладбище, над могилой убитого Агамемнона — с поминального плача и с заупокойных молитв. Она завязывается (как считает необходимым подчеркнуть поэт) после полудня и заканчивается поздним вечером и ночью, при свете факелов. Ее центр — развернутый лирический плач над могилой, исступленные заклятья, понуждающие Ореста решиться на убийство матери. Пределы конфликтов здесь — дом, царская семья. Не случайно и хор (в отличие от «Агамемнона») образуют не старейшины государства, а служанки-домочадки.

Между второй и третьей трагедией происходят события драматически несущественные: скитания Ореста. Суд ареопага, т. е. новое драматическое действие, становится сюжетом новой трагедии, — третьей части трилогии — «Евменид».

«Евмениды», т. е. «Милостивые богини», по всему строю своему очень отличны от предшествующих частей трилогии. Более того, в сохраненном нам наследии Эсхила она стоит особняком. Дело не только в том, что в трагедии этой действуют не люди (человек здесь — только Орест), а боги и существа бессмертные — Аполлон, Афина, Эринии-Евмениды. Здесь развертывается спор между старшими и младшими богами. Конфликт этот в высокой степени обобщен поэтом. Он перенесен в плоскость моральных, политических и религиозных норм. Трагедия предстает перед нами как некий монументальный диспут. Недаром в центре ее — развернутое судебное разбирательство, суд ареопага. Политические акты и церемонии (учреждение суда ареопагитов, манифест Афины как верховной властительницы города), акты политико-культовые (основание богопочитания Эриний-Евменид) заполняют трагедию, внося в нее остроту и тяжесть

насущных политических проблем и споров и превращая ее в некую государственную манифестацию.

Мы напрасно стали бы искать здесь элементов того, что кажется нам необходимым признаком трагедии. Ни неотвратимой катастрофы, ни сокрушительной гибели героя, ни нарастания трагической тревоги, — ничего этого в «Евменидах» нет. В этом смысле трагедия эта как бы стоит позади любого из гораздо более ранних творений Эсхила, — позади «Персов» и «Молящих».

Чем же это объясняется? Конечно, никакого регресса здесь нет. Дело в том, что сравнивать «Евмениды» с какой-либо другой трагедией Эсхила просто незакономерно. «Евмениды» — единственная сохраненная нам третья, заключительная часть трагической трилогии. Жизнеутверждающий, счастливый исход, венчающий все здание трагической трилогии, вот что такое «Евмениды» как третья часть трилогии. Заблуждения человеческих страстей, конфликты ненависти и мести, столкновения человеческих воль, приводящие к гибели, к несчастьям, к отчаянию, — все это подымается в этой третьей части в высокий план общенародных, общегосударственных норм и теряет жало отчаяния и гибели. Развязка трилогии об Атридах оказывается в этом высоком, общенародном плане жизнеутверждающей, радостной и счастливой. Естественно, что это достигается поэтом не на путях трагического плача и смертельных поединков, которыми он широко пользуется в первых частях трилогии. Художественные средства «Евменид» во многом иные. Благоговейная молитва Пифии—в качестве пролога трагедии. Развернутый «спор»—«агон»— в середине. Политические декларации Афины и Ореста—как итог этого «агона». В отличие от всех перипетий сохраненного нам наследия Эсхила, ведущих «от счастья к несчастью», перипетии «Евменид» строятся в обратном направлении — от угнетенности и отчаяния к радости и ликованию. Из трагедии исчезает поэтому то нарастание трагической тревоги, тот необычайно эффектный прием трагической иронии (кажущееся торжество подтачивается надвигающейся катастрофой), которым так любит пользоваться Эсхил. В «Евменидах» нет и не может быть этой иронии, нет и не может быть тех неотвратимо приближающих катастрофу драматургических ходов, которые, как подземные удары, сотрясают другие трагедии Эсхила. Перипетии «Евменид» просты и оптимистичны. Орест оправдан. Сумрачные Эринии становятся благостными Евменидами. И в заключение—установление нового культа и культовая процессия. Таково строение «Евменид». И мы с любопытством всматриваемся в эти черты художественного стиля, считая себя вправе найти здесь приемы, типические для третьих, развязочных частей эсхиловских трилогий.

АГАМЕМНОН

ДЕЙСТВУЮТ:

Агамемнон, царь Аргоса.
Клитемнестра, его жена.
Эгисф
Кассандра, троянская пленница.
Дозорный.
Глашатай
Хор аргосских старейшин.

ПРОЛОГ

На орхестре — тяжеловесное, старинное здание царского дворца в Аргосе. Жертвенники и кумиры богов. На плоской кровле дома — дозорный.

Дозорный

Богов прошу, пусть снимут службу трудную,
Сторожевую. Долгий год, как пес цепной,
Лежу на кровле, на локоть опершись. Звезд
Полуночные подглядел я скопища.
Кто людям зиму, знаю, кто жару, несет,
Князья меж звезд, венец эфира блещущий.
Когда им гаснуть и когда опять всходить.
Лежу и знаков дожидаюсь пламенных,
Столбов огня, несущих из-под Трои весть,
Победы новость. Так, в надеждах гордое,
Мужское сердце приказало женщины.
Вот на подстилке, мерзлой от росы, ночным
Взрыхленной ветром, стыну, раздружась со сном.
Где ж сны? Мне страх — товарищ, страх, не сон, сосед.
А стану песню напевать, насвистывать,
Чтобы дремота старых не сомкнула глаз
(Сны гонит голос, снадобье надежное!),
Не песня рвется, плач, о доме жалоба:
Хозяйничают худо, не как прежде, здесь.

Так пусть счастливо труд бессонный кончится!
Пусть, вестник добрый, заблестит костер ночной.

(Пауза. Потом дозорный вскакивает с цыновки.)

Привет тебе, огонь средь ночи! Ярче дня
Ты сердцу светишь. Обещаешь праздники
И хороводы в Аргосе на радостях.
Иу! Иу!
Бегу сказать супруге Агамемнона.
Пускай встает с постели, пусть покинет дом,
И радостно, ликуя, знакам огненным
Весельем отвечает! Троя пала в пыль. —
Так возвестил глашатай добрый, столб огня.
Я в хороводе первым плясуном пойду.
Мой выигрыш — господ удача. Трижды шесть
Очков в награду за дозор мне выпало.
Пришлось бы только милого царя руки
Рукой коснуться, в отчий дом входящего.
Молчу о прочем. Наступил на горло бык
Копытом. Эти стены, будь язык у стен,
Все б рассказали. Говорю охотно с тем,
Кто знает. Кто ж не знает, — не речист с тем я.

(Уходит в дом. На орхестре появляется хор аргосских старейшин. Начинается музыка.)

ПАРОД

Старший в хоре

Год десятый пошел, как Приама-царя
Великаны враги,
Агемемнон владыка и царь Менелай,
Зевса волей почтенные скиптром двойным
И престолом двойным, два Атрида-царя,
Ополчившись отпором, к чужим берегам
Повели корабли,
Многопарусный поезд аргосский.
К битве кликали оба, Аресом дохнув.

Так же коршуны кличут, птенцов потеряв,
Над гнездом сиротливым кругами кружась,
В пустоте, в высоте,
Остроперыми веслами крыльев гребя.
Стерегли, берегли
Понапрасну: гнездо их погибло!
Но живет в вышине божество, то ли Феб,
То ли Пан, то ли Зевс. Птичий крик, горький клич,
Стон пронзительный, сирых соседей печаль
В божьи уши летит.
Шлет Эринию бог и отмщает.
Так Атрея сынов Зевс всевластный послал
Александру, неверному гостю, на казнь,
Ради женщины, много любившей. Чтоб смерть,
Чтобы бой, чтоб рука уставала разить,
Чтоб сгибалось колено, упершись в песок,
Чтобы в щепы дробилось копье у бойца,
Бог труды на данайцев обрушил.
На троянцев обрушил. И как ни хитри,
Совершится, чему совершиться должно.
Хоть костер поддувай, маслом угли кропи,
Хоть рыдай, — гневный бог не раздует огня,
Искупительной жертвы не примет.
Мы же — дряхлому телу почет невелик —
Не ходить нам в поход, за моря не плывать.
Мы — как сидни в дому,
Мышц младенческих силу на посох склонив.
Молодой, набухающий, зреющий мозг
В неокрепших костях —
Он со старостью сходен: Ареса в нем нет.
Что дряхлец? Отцвела, облетела
Зелень летняя. Малых младенцев хилей,
Ковыляя, походкой трехногой бредем
В блеске дня — сновиденье ночное.

(Из дверей дворца выходит царица Клитемнестра в сопровождении прислужниц; она приближается к алтарям, чтобы принести жертву.)

Старший в хоре

Тиндареева дочь!
Клитемнестра! Царица, скажи старикам,
Что свершилось? Что нового? Вести какой
Ты доверила слух,
И молитву готовишь и жертву?
Всех богов алтари, охраняющих кремль,
И надземных богов, и поддонных богов,
И домовых богов, и богов площадных —
Приношений дарами пылают.
Там и там до высокого неба
Столб взлетает огня.
Из кувшинов пахучее пламя поит
Безызъянного чистого масла струя,
Погребов драгоценность царевых.
Расскажи, госпожа, что пристойно сказать
И что хочешь сказать.
Исцели от печалей, избавь от забот.
То вгрызается в сердце тревоги змея,
То, в сверканьи огней богомольных, опять
В душу входит надежда и гонит тоску,
Неотступную думу ночную.

(Клитемнестра, в сопровождении прислужниц, с молитвой обходит алтари. Хор с песней заполняет орхестру.)

Хор

СТРОФА 1

Вспомним свидетельством верным о вещем начале похода
Воинов сильных. От бога сошло вдохновенье
На речь и песнь,
Старым силу даруя.
Припомним: шли гордость двойная Ахейцев, два брата,
Два полководца
Юной Эллады, с копьем и рукою разящей. Их птицы
Слали в Троаду,
Птичьи цари царей корабельных.
Черный кречет, за ним — белоснежный

Слетели враз с правой руки, за дворцовою кровлей.
В гнезде, издали видном,
Брюхо клевали зайчихи непраздной, с трепещущим плодом,
Загубленным в последний час.
Айлинон, айлинон, плачь. Но добру да будет победа!

АНТИСТРОФА 1

Славный гадатель, к Атридам обоим, войною дышащим,
Взор обративши, провидел в убийцах зайчихи
Страны царей.
Знаки так разгадал он:
Настанет день, войско разрушит столицу Приама,
Все, что скопили
В царских дворцах и в ларях и в народе, рукою надменной
Мойра разграбит.
Только бы божий, черный, нежданный
Гнев узды не порвал исполинской,
Стянувшей Трою. Деве пречистой, тошны Артемиде
Отца крылатые собаки,
Мать растерзавшие робкую с плодом, еще не рожденным.
Ей ненавистен пир орлов.
Айлинон, айлинон, плачь. Но добру да будет победа!

ЭПОД

Красавица, ты хранишь
Свирепых львиц сосунов незрячих.
Всякой дико живущей твари
Милуешь молодое племя.
В добром пусть совершится
Знаменье! Знак же дурной поверни на удачу!
Заступника к нам зову, Пеана.
Пусть не стреножат противные ветры крутых кораблей у данайцев.
Жертвы другой да не будет, чудовищной, мерзостной, тошной,
В доме меж кровных родящей раздоры и ненависть к мужу.

Дома ждет, притаившись, но близко,
Злая хозяйка, обид не простившая, Месть за ребенка.
Так нагадал Калхант пред походом по птичьему лету
Много великих удач, много черного царскому дому.
Айлинон, айлинон, плачь. Но добру да будет победа!

СТРОФА 2

Зевс! И, кто б ты ни был, властный бог,
Если хочешь зваться: Зевс,
Величаю: Зевс — тебя.
Ровню не найду тебе,
Думой облетая мир,
Только тебя самого. И мучительных мыслей,
Праздный прочь гоню соблазн.

АНТИСТРОФА 2

Бог, что в дни былые слыл велик,
Силой непомерной горд —
О забытом вспомнит кто?
Бог, за ним возникший, сник,
Исполином побежден.
Но торжество славословить счастливого Зевса —
В этом мудрость, разум, смысл.

СТРОФА 3

К смыслу смертных Зевс ведет.
Смертным высший дал закон
Зевс: страданием учись.
    Во сне
Сердце зяблый страх щемит,
Черных дел дрожь томит. В смертном так
Против воли зреет смысл.
Милость тяжела богов, насильно
Мира правящих веслом.

АНТИСТРОФА 3

И Ахейских кораблей
Старый вождь не попрекнул
Предсказателя ничуть,
    Судьбы

Горьким покорясь зыбям.
Нет путей, хлеба нет, гнев растет
На Ахейских кораблях!
На Авлидском берегу — стоянка.
Хлещет вспять Халкидский вал.

СТРОФА 4

От Стримона потянули ветры
Дурной досуг, голод, злая гавань,
 Людей извод,
Снастей изъян, кораблей потеря.
В постыло-праздном ожиданьи
Аргосских войск юный цвет изводится,
Но злее злых ветров
Злое, худое средство,
Гнев Артемиды толкуя,
Князьям назвал зоркий пророк.
Так что, в песок врыв глубоко
Посохи, встали Атриды,
Слез не сдержав соленых.

АНТИСТРОФА 4

И так сказал старший полководец:
Тяжка судьба. Тяжело с ней спорить.
 Но тяжко, ой,
Зарезать дочь, дома свет и радость.
Потоками девичьей крови
Над алтарем руки запятнать отца.
И то, и то — печаль!
От кораблей бежать ли?
Власть над походом бросить?
Вихри унять, девушки кровь
В жертву пролить? Буйно бесясь,
Гудом гудеть станут войска.
Правда — их! Так пусть будет!

СТРОФА 5

Едва в ярмо он запрягся рока,
Чудовищным грудь открыв раздумьям,

Безбожным, страшным, бесчинным, — тут
На все дерзнуть мог в смятенном сердце.
Отвагой злой отравляет смертных
Постыдной мысли слепой первый приступ.
Смог отец зарезать дочь,
Чтоб войну за море бросить
Ради женщины неверной,
Чтобы сдвинуть корабли.

АНТИСТРОФА 5

Ни жалобам, ни мольбам «отец мой»,
Ни девичьей молодости нежной
Не тронуть судей безжалостных.
Богам отец помолился, слугам
Нести велел на алтарь царевну,
Как козочку, завернув в плащ холщевый.
(И не дрогнули сердца!)
Подняли ее, нагнули,
Крепко сжали рот красивый,
Чтоб отца не прокляла.

СТРОФА 6

Насильно, ой, стянут рот, кляпом сжат!
Шафранные льются наземь складки.
В убийц своих стрелы глаз
Девушка с мольбою шлет.
Как писана красками, красавица. Вот сейчас
Заговорит. Часто так
В дому отца, на мужских трапезах
Невинным ртом, кротким ртом под третью чашу
На счастье милому отцу,
Дочь величальную пела песню.

АНТИСТРОФА 6

Что после — ой! Слеп мой глаз, нем язык!
Не похвальба — колдовство Калханта.
Кренит весы Правда. Мы
Чрез страданья учимся.
Придет беда, будем знать, а нет беды — думу прочь!

Заране знать — слезы лить.
В огнях зари прояснится сумрак.
На счастье пусть будет то, о чем здесь молит
Апийской дедовской земли
Самовластительная царица.

(Клитемнестра с прислужницами обошла алтари и подходит к хору.)

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Старший в хоре

Власть и державу, Клитемнестра, чтим твою,
Чтить подобает мужа и вождя жену,
Когда царя высокий трон сиротствует.
Про что узнала, верного ль, неверного ль,
Чему на радость жертвы возлиять велишь, —
Мы слышать рады. Скроешь — не сочтем за зло.

Клитемнестра

Как в поговорке, вестницею доброй
Приди, заря, вслед ночи — доброй матери.
Надежды всякой выше радость! Слушайте:
Приама кремль разрушили Аргивяне.

Старший в хоре

Что говоришь? Скользнуло слово. Веры нет.

Клитемнестра

Ахейцы взяли Трою. Ясно сказано.

Старший в хоре

Веселье кружит. Радость слезы вырвала.

Клитемнестра

Ты — верный друг. Глаза твои — порукой в том.

Старший в хоре

А верить как? Надежно ли свидетельство?

Клитемнестра

Надежно, да. Когда не обманул нас бог.

Старший в хоре

Не сновиденью ль льстивому доверилась?

Клитемнестра

Не верю навожденью мысли дремлющей.

Старший в хоре

А не молва ль пьянит тебя бескрылая?

Клитемнестра

Смеешься? Как над девочкой ребячливой?

Старший в хоре

С каких же пор владеет войско городом?

Клитемнестра

Вот с этой ночи, нынешний родившей день.

Старший в хоре

Так быстро весть какой же скороход примчал?

Клитемнестра

Гефест, пославший с Иды луч сверкающий.
Костер костру передает сполошный знак.
Со склонов Иды — в Лемнос, на Гермейскую
Скалу. Язык огня огромный с острова
Принял Афон, гора святая Зевсова.
Бродячий светоч переслать не мешкали,
До неба вскинув зарево летучее.
Чрез море пламя перемчалось. Шествует
Пожар костров ликующий. Он катится,
Как солнце, рассыпая золотистый блеск.
К сторожевой Макиста вышке луч летит.
Не медлил караульный. В нерадении

Не задремал. Исправил службу вестника.
По берегам Эврипа мчится столб огня
И стражу подымает на Месапии.
Оттуда дальше сполох шлют сверкающий,
Стог запаливши вереска засохшего.
Не утомившись, быстрый полетел огонь
Через Асопскую равнину, лунному
Сиянию подобен. Смену пламени
На Киферонских кручах будит. Зарево
Чрез озеро метнулось Горгопийское.
До Эгиплангта долетело горного.
Торопят исполинский взгромоздить костер.
Под облака летучую, огромную
Огня взметнули бороду. Над овидью
Саронского залива проблистав, на яр
Огонь упал. Воспламенил, как молния,
Утес Арахны, скалы возле города
И в старый дом Атридов пролился, сюда,
Идейского праправнук кровный пламени.
Бег факельный наславу учредила я.
Огонь огню наследник. Победители —
Бегун начавший и бегун закончивший.
Вот — знак мой, вот — свидетельство. Послал мне весть
Мой царь и муж с Троянского пожарища.

Старший в хоре

Богам молиться будем мы, о женщина!
Но вновь услышать новость, подивиться вновь
Желает сердце. Снова повтори слова.

Клитемнестра

Ахейцы взяли Трою ночью нынешней.
Гул, думаю, стоит сейчас над городом
Несмешанный. В одном кувшине масло слей
И уксус — врозь всплывут они, недружные.
Так побежденных вопль и победителей
Звучат раздельно, знак неравных жребиев.
Одни мужей убитых трупы обняли

И братьев, дети возле стариков. Судьбу
Любимых не придется им оплакивать
Из уст свободных. А другие мечутся,
В ночном сраженьи одичав. Награда — все,
Что в городе. Потеряны и строй и ряд.
Рвет каждый, что удача даст. Троянские
Дворцы, копьем добытые, — вот спальня их.
Ночлег забыт под ветром, на сырых камнях,
В росе морозной. Ой, счастливцы! Будут спать
Без караулов, без опаски, ночь насквозь.
Когда богов, хранящих город, станут чтить,
И храмы и святыни побежденные, —
В капкан к своей победе победители
Не попадут. Не обуяет войско пусть
Наживы власть, корысть к добру запретному.
Еще он ждет, обратный путь на родину.
Когда не согрешат перед богами, в дом,
Пожалуй, возвратятся. Только, думаю,
Хотя б вина не прикопилась новая,
Проснется кровь зарезанных в сужденный час.
Все это говорю тебе я, женщина.
Добру — победа! Без шатаний надвое.
Хочу всем счастьем насладиться, всем сполна.

Старший в хоре

Как умный муж, царица, говоришь умно.
А мы, услышав верные свидетельства,
К богам молитвы обратим умильные.
За долгий труд награда щедро выпала.

(Клитемнестра входит во дворец. Хор приступает к молитве.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Старший в хоре

Повелительный Зевс и прохладная Ночь,
Подарившая счастье и славу!
На Троянские башни накинули вы

Смертоносную сеть. Не уйти никому,
Ни великим, ни малым, из петель силка,
От колодок раба,
Из капкана всеобщей недоли.
Слава Зевсу! Хранит он гостиный устав:
Александру-Парису сторицей отмстил.
Лук напряг он. И долго ждала тетива,
Чтоб до срока не вырвалась, чтоб в облаках
Не пропала стрела понапрасну.

Хор

СТРОФА 1

Как Зевс бьет, — кто ни глух, услышит.
Ищи след! Кто не слеп — увидит.
Пожал враг, что посеял. Пусть не скажут:
«Высоко бог и глядит бесстрастно
На то, как в пыль люди мнут
Правды жемчуг». Слово — ложь!
Все видят: мстит Арес
Тому, кто слишком горд,
Кто чересчур высокомерен,
Кто через верх добром наполнил
Высокий дом. Нам — без злобы долю!
Нам — не пышный жребий,
Чистые нам желанья.
Не спасет изобилье
Богача, что, пресытясь
Счастьем, Правды святой престол
Топчет. Гордый погибнет.

АНТИСТРОФА 1

Влечет ум — Страсть, товарка злая.
Манит Лесть — дочь слепых соблазнов.
Нет исцеленья и укрыться негде.
Горит вина беспощадной меткой.
Дурной чекан-медный грош —
Руки трут, стирают блеск.
Медяк черным-черен.
Слепой глупец, глупец,

Как мальчик, погнался за птицей,
Пятном пятная город отчий.
Молить? Кого? Не услышат боги.
Только мнит он выплыть,
Правда в пучину сбросит.
Так Парис. Добрым гостем
В дом вступил он Атридов.
Стол хозяйский и кров попрал.
В доме выкрал хозяйку.

СТРОФА 2

Стране родной женщина оставила
Копейный лязг, стук щитов, скрежет пил у лодок.
Приданым в Трою повезла пожар и смерть.
Походкой легкой из ворот
С безумным сердцем вышла. Завопили,
Подняли стон, плача, домочадцы:
«Ио! Ио! Дом, ой дом, господский дом!
Ой-ой, постель! Ласки неостывшей след!»
Вот муж! Молчит. Стыд согнул. Горе горбит.
Не попрекнет. Боль, ой боль!
И грезит — той, что бежала за море,
Призрак домом правит.
Изваяний роскошных
Прелесть взоров не тешит.
Глаз услада пропала, ой!
Отошла Афродита.

АНТИСТРОФА 2

Виденья сна, льстивые, летучие,
Кружатся, ласк плен суля, мнимых губ обманы.
Обман! — Любимый образ, мнится, видишь ты.
Но, ускользнув из жадных рук,
Истаяло виденье, сникло, скрылось,
Крылом шурша в дебрях сна дремучих.
Хозяйкой боль села в доме княжеском.
Но злее — боль за стеною княжеской.
Кто, кинув кров, вдаль пошел с войском Эллинов,
В дому оставил страх и плач,

В сердцах — полынь. День и ночь ползучее
Горе печень гложет.
Ой, кого провожали,
Знаем. Кто ж возвратится?
Серый пепел, пустой доспех
В дом далекий вернутся!

СТРОФА 3

Арес-меняло! Торгаш трупами,
Размен убийств правит на весах в бою.
С пожарищ Трои шлет
Любимым в дар прах и пыль,
Не золото (лейтесь, слезы!)
Вместо мужа — щепотку пепла
В легком украшенном кувшине.
Над пеплом плачут, славят, ой:
Был он силачом в боях,
И в смертной сече славно пал
Ради жены чужого мужа,
Попрекают шопотом.
Злоба грузная ползет
Против царей — Атридов.
А другие, под Троей
Гроб нашли без сожженья.
Вражеская земля врагов
Приняла, ненавидя.

АНТИСТРОФА 3

Народный ропот тяжел, горек гнев.
Заплатит долг тот, кто проклят городом.
Тоска грызет, как бы ночь
Беды не родила новой.
Кто убил, не уйдет от бога.
Кто пролил кровь, того боги сыщут.
Кто неправым упился счастьем,
Косматые Эринии
Сердце иссушат тому.
Поникли силы, вянет жизнь,
Руки, как плети, нет спасенья,
Слава чрезмерная

Тяжела. На гребнях гор
Громы гуляют Зевса.
Нам бы — малое счастье.
Нам бы — башен не рушить
И не есть из господских рук
Хлеб соленый неволи.

ЭПОД

Примчал огонь счастья весть.
Молва бежит шустрая
По городу. Только правда ль?
Кто знает? Не лукавство ль это божье?
Ребячлив тот иль помешался разумом,
Кто верит басням пламени
И сердце греет, а потом обманется
И захлебнется в горечи.
То женский ум, легкий ум —
До времени щедрых восхвалять богов.
Доверчива мысль, порывчива страсть женская,
Словно ветер. Развеяна ветром,
Погаснет слава, женщиной раздутая.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Старший в хоре

Узнаем скоро, правду ли поведали
Бег факельный, ночная стража, цепь костров.
Иль сон сладчайший, марево летучее,
Лучи огней желанных обманули взор.
Спешит глашатай с побережья, вижу я.
Лоб оттенен венком масличным. Грязь на нем
И пыль, сестра родная грязи — жадная.
Не знак беззвучный, не летучий, призрачный
Огонь костров нагорных, дым обманчивый, —
Нет, в ясном слове радостные новости
Он подтвердит нам, или... — о другом молчу.
Пускай к добру добра присыплет пригоршни.
А кто иное пожелает городу,
Пусть злого сердца сам пожнет недобрый плод.

(С побережья входит Глашатай; на голове его масличный венок.)

Глашатай

Ио, земля родная, камни Аргоса!
К вам возвращаюсь в год десятый, в ясный день.
Надежд сломилось много, но одна сбылась.
Уж я не чаял, что в родимом Аргосе
Умру и гроб в полях найду любимейших.
Так здравствуй, Аргос, и земля, и солнца луч,
И Зевс, страны владыка, и пифийский князь!
Язвительных ты в нас уже не сыплешь стрел.
Довольно над Скамандром был погибелен.
Так стань же вновь спасителем, заступником,
Феб, господин! И к остальным богам родным
Взываю, и, хранитель мой, Гермес, к тебе,
Глашатай милый, свет и честь глашатаев.
И вы, герои, нас в поход пославшие,
Примите войско, тех, кто пощажен копьем.
Царя дворец, родные стены милые,
Святые троны и кумиры древние,
Горящие на солнце глазом радостным!
Царя приветьте лаской после долгих лет!
Он возвратился, свет неся в полуночи
И вам и всем в народе, Агамемнон-царь.
Торжественно его встречайте, сильного,
Повергнувшего Трою, Зевса-Мстителя
Мотыгой опрокинувшего камни в пыль.
Богов престолы позапали, храмы — в прах,
Коней копытом пажити растоптаны.
В ярмо такого разрушенья Трою впряг
Царь Агамемнон — царь счастливый, сильный князь.
Он шествует, боготворенья средь живых
Достойнейший. Парису и стране его
Нельзя хвалиться, что вина возмездия
Грузнее. Пеня — кровью. За двуострый грех,
За похищенье и грабеж, старинный род
Природный, царский выкорчеван напрочь весь.
Сторицей уплатили Приамиды долг.

Старший в хоре

Ахейского глашатай войска, — радуйся!

Глашатай

Да, радуюсь. Теперь и умереть не жаль.

Старший в хоре

Тоска по милым близким сердце ранила?

Глашатай

Да. Слезы по щекам текут от радости.

Старший в хоре

По правде, сладкой вы болезнью мучились.

Глашатай

Что? Научи, как слово понимать твое.

Старший в хоре

Тоска терзала душу по тоскующим.

Глашатай

Страну тянуло к войску, войско — к родине.

Старший в хоре

И часто в сердце сумрачном рождался вздох.

Глашатай

Но почему ж отчизна тосковала так?

Старший в хоре

Молчанье — вот давно мой врач единственный.

Глашатай

Как? Без царя терзал вас страх? Пред кем, скажи.

Старший в хоре

Скажу твое: теперь и умереть не жаль.

Глашатай

Все кончилось на счастье. А за долгий срок
Бывает и удача и (сказать не грех)
Дурное приключается. А весь свой век
Кто счастлив? Кто удачлив? Только бог один.
О наших бедах рассказать, о злых ветрах,
О сне скупом на голых досках, в плаваньи?
Как не вздыхать, не жалобиться день-деньской!
На берегу напасти пали новые.
Перед стеной стояли в поле лагерем,
Лил с неба дождь, а с луговин болотистых
Ползли туманы. И одежда сгнила вся,
И стыла кожа, набухая струпьями.
Сказать о зимах? Мерзли птицы в воздухе.
С покрытой снегом Иды стужей веяло.
А зной? Дремало море в час полуденный.
Ни волн на нем, ни ветерка. Жара, жара.
Зачем же огорчаться? Муки минули,
И для умерших, для убитых минули.
Спят мертвецы и не хотят воскреснуть вновь.
Так для чего ж перечислять скончавшихся,
Того, кто жив, воспоминаньем мучая?
Нет, беды, слезы прошлые, прости, прощай!
Мы, уцелевшие от войска Эллинов,
Удача нам! Намного легче чаша зол.
Мы перед вечным солнцем можем чваниться,
И пролетит над морем и землей молва:
Попрал поход Ахейцев Трою гордую
И пышною добычей древних, дедовских
Богов украсил домы, даром радостным.
Такое слыша, славить станут город наш
И полководцев. Зевсу-Совершителю —
Благодаренье. Вот тебе мой весь рассказ.

Старший в хоре

Не отрекаюсь: словом победил меня.
Добру учиться — старость молода всегда.

Дворцу царей и Клитемнестре радостей
Почин и честь. Нам — вместе с ними праздновать.

Клитемнестра

(выходит из дворца)

Уже давно ликуя завопила я,
Когда ночной примчался вестник огненный, —
Крича, что попран Илион, повергнут в пыль.
Меня с усмешкой попрекали: кострам
Доверилась? Да пала ль Троя подлинно?
Надеждой сердце тешить — слабость женская!
Так издевались, как над дурой вздорною,
А я все жертвы приносила. В городе
И там и там летали клики женские.
У алтарей — молитвы. Сытый ладаном,
Святой благоухающий вставал огонь.
О чем же ты мне можешь рассказать еще?
Услышу все от самого властителя.
Спешу, чтобы супруга знаменитого,
Вернувшегося в дом свой, встретить празднично.
Что для жены милее, чем до дня дожить,
Когда ворота мужу отомкнет она,
В походах трудных богом сохраненного?
Скажи же господину — пусть спешит домой.
Жену найдет он, возвратившись, верною,
Какой покинул. Пес цепной богатств его,
Царю — служанка, недругам царевым — враг.
Ничто не изменилось. Ни одна печать
За годы-годы с кладовых не сорвана.
Молва не попрекнет нас. Стыдных ласк мужских
Не знало тело: легче медь, как пряжу ткать.
Хвалиться так для благородной женщины
По правде и по совести в том срама нет.

(Клитемнестра уходит.)

Старший в хоре

Сама сказала. От самой ты слышал все.
И речи станешь толмачом похвальнейшей.

А нам скажи, глашатай, возвратился ли
Царь Менелай на родину? Здоров ли он,
Страны родимой господин любимейший?

Глашатай

Вестей хороших не солгу. Да долгий срок
Нельзя поддельной наслаждаться радостью.

Старший в хоре

Пусть будет счастлив твой рассказ и пусть правдив!
А если врозь одно с другим — не скроешь лжи!

Глашатай

Царь Менелай без вести сгинул. Нет его
В Ахейском войске, нет и корабля его.

Старший в хоре

От Трои на глазах у всех отчалил он?
Иль ураган от войска отогнал царя?

Глашатай

Искусный лучник, в цель ты угодил стрелой,
В коротком слове зло объяв огромное.

Старший в хоре

А сам он умер? Иль живым скитается?
От мореходов к вам не доходила весть?

Глашатай

О том никто не знает слова верного.
Лишь солнце, жизнь дающее плодам земли.

Старший в хоре

А буря как на корабли обрушилась
По воле бога гневного? Минула как?

Глашатай

Нехорошо дурною вестью день пятнать
Благословенный. Разве так всевышних чтут?

Когда приносит в город горе слезное
С лицом печальным вестник от разбитых войск,
Когда он раной общей, долей рабскою
Народа сердце ранит, ранит каждый дом,
И в каждом доме — мертвый, плетью бешеной
Двойной сражен Аресовой, копьем двойным, —
Гонец, такою нагруженный горечью,
Эриниям хвалебный пусть поет пеан.
Но я пришел победы добрым вестником,
В счастливый город радости глашатаем.
Зачем мешать полынь и мед, рассказывать
О божьем гневе, на ахейцев рухнувшем?
Сдружились в час ужасный вечно розные
Огонь и море, верности союз скрепив,
Чтоб погубить ахейцев войско горькое.
В ночи вскипели хляби каруселью волн.
Ветров фракийских ярость на корабль корабль
Бросала. Рогом сумасшедшим вихрь бодал.
Кружились смерчи, град стегал и ливень бил, —
Тонули лодки. Ураган—дурной пастух.
Когда же солнца ясного заря зажглась,
Все море, видим, расцвело Эгейское
Телами мертвых, кораблей обломками.
А нас и лодку нашу невредимыми
Из бури вывел или чудом вызволил
Какой-то бог, не человек, правило взяв.
Сама судьба счастливая весло вела.
Не проломил нам днища волн крутой разгон
И не швырнул на ребра прибережных скал.
Когда ж из преисподней моря вырвались,
И белым днем спасенью мы не верили,
И в сердце черном новых бед быков пасли,
Скорбя о флоте, сгубленном, раскиданном.
А если жив и дышит кто-нибудь из тех,
Нас называют мертвыми. Что дивного?
Ведь точно так же мы о них печалимся.
Пусть повернется все на счастье! Менелай
Пусть избежит тяжелых, смертоносных бед.

Но если жив и бодр он, если солнца луч
Его под небом видит, и не хочет Зевс
Искоренить царя породу древнюю,
Цветет надежда, что домой вернется он.
Я кончил. Все, что слышали вы, — истинно!

(Глашатай уходит.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Кто ей имя это дал,
Предвещающее плен,
Роковое нагадал — вещий кто?
Он, неведом и незрим,
Имя в уши нашептал,
Имя — Елена — плен и тлен,
Медью пленённая невеста,
Плен мужей, плен мечей, столицы плен.
Легкий, лебяжий, полог —
Спальню кинув, вдаль поплыла,
Ветром западным гонима.
И корме вслед, промелькнувшей в зыби волн,
Псовой гоньбой ловцы помчались
У лесистых причалить гор,
У берегов Симоэнта —
Кровью решить раздоры.

АНТИСТРОФА 1

Илион! Не брак, а мрак
Осенил венчальный пир.
Боги метят далеко. Боги мстят
За хозяйский стол и стыд,
За Кормильца-Зевса срам.
Пеня тебе — венчальный пир,
Громкие свадебные песни.
Пеня — вам, свояки и дружки!

Брачные хоры — мор вам.
Да, сменила песню скоро
Троя — Троя, город старый.
Причет смертный, поминальный плач и вопль.
Зло-жениха клянут Париса,
Черно-Париса. Милых век,
Кровных и близких жизни
В луже кровавой вязнут.

СТРОФА 2

Львенка в доме своем вскормил
Некий. Ягнятам брат, молочный,
Вымя сосал львенок.
Кроток в младенчестве львенок.
Ласков, ребятам — игрушка.
Старому люду — забава.
На руки львенка рады брать,
Словно дитя, качают нежно.
Щурил глаз и хвостом вилял
Львенок. Просил он корма.

АНТИСТРОФА 2

Вырос львенок и нрав открыл,
Нрав прирожденный, нрав отцовский.
За воспитание плата —
Стадо хозяйское режет,
Рыщет и корм себе ищет.
Кровью забрызганы стены.
Дому — беда, управы нет.
Мор и разбой — управы нет.
Волей божьей вырос так
Дома палач, губитель.

СТРОФА 3

И вот такая ж в Трою вошла она.
Сказать бы —
Как моря гладь, вод зеркальных затишь,
Сокровищ дивных жемчуг милый,
Ласковая стрела очей,

Страсти цветок, томящий сердце.
Как обманула, изменила,
Обернула свадьбу смертью,
На кровь и стыд, на пагубу,
На плач дочерям Приама.
Парису Зевс, мстящий бог,
Дал Эринию в жены.

АНТИСТРОФА 3

Есть в людях слово, старое, горькое.
Такое:
Счастливцев век, богатеев доля
Не умирают, не родивши.
Счастье беременно плодом
Черным, печалью ненасытной.
Совсем иначе мыслим мы:
Злом чревато дело злое,
Жадно плодится, племя родит
Злодейств, на отца похожих.
А дом, где мир, правда, честь —
Счастлив в детях прекрасных.

СТРОФА 4

Родит вина злую дочь, греху вослед — грех людской.
Зреет за виной вина.
И в срок сужденный, в час решенный, в страшный час
Родится Демон черный,
Неодолимейший, непобедимейший,
Невыносимейший, в мгле домов
Демон гнездится Мести,
Наглый, на мать похожий.

АНТИСТРОФА 4

А Правды свет в хижинах, в избах курных, в копоти.
Правде чистый сердцем люб,
От золотом окованных дверей бежит,
Запятнанных грязью едкой.
Взор отвративши сияющий,
Власти богатств не чтит она,

Славимых зря, ничтожных
Все повершает, Правда.

(В сопровождении войска на орхестру въезжает Агамемнон на боевой колеснице, с ним пленная Кассандра.)

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Старший в хоре

Царь, Атреем рожденный, повергнувший в пыль
Илиона венец,
Как назвать мне тебя, как почтить мне тебя,
Не кичась чересчур, не склонясь свыше мер,
Вровень славе твоей?
Любят люди душой лицемерной кривить,
Справедливости грань преступая.
С тем, кто ранен печалью, протяжно вопить
Кто не станет? Но въедчивых бед острие
Лицемерную печень не жалит.
С тем, кто радостен, всякий смеяться горазд,
На лице без улыбки веселья печать
Лицемерно, с натугой чеканя.
Кто народа надежный, глазастый пастух,
От того не укроется лживых очей
Пустота. Разгадает, кто льстиво хвостом
Водянистой приязни виляет.
И когда снаряжал ты заморский поход
За Еленой, — таиться не станем —
Бороздой безотрадной себя прочертил
В нашем сердце, и кормчим немудрым
Показался, на смерть
Посылая бесстыдно безвинных.
Но теперь — благодарность и дружество тем,
Кто труды завершили счастливо.
Срок придет, и пытливо вглядясь, государь,
Разгадаешь, кто город твой честно стерег
И слугою кто был нерадивым.

В начале — Аргос и богов отеческих
Приветствовать пристало, в добром плаваньи
Помощников, и в каре, что обрушил я
На кремль Приама. Не внимая прениям,
Судили боги. В чашу смерти черную
Метнули жребий Илиона — мор и кровь.
А над другою чашей — легкокрылая
Надежда встала, не кренились вниз весы.
Теперь лишь дым, где город был растоптанный.
Не стихли ветры разрушенья. Жирный чад
Богатств над пепелищем пышет стынущим.
Богам за это — память, благодарность, честь.
Стянуло сеть. Долг взыскан. Пеня плачена
С лихвой. За женщину одну — столицу в пыль
Развеяло неистовство ахейское.
Конь ретивый, люд, гремящий латами,
В закатный час Плеяд на ловлю вышел лев,
До мяса жадный, прыгнул через изгородь
И крови царской налакался досыта.
Богам — вот слово первое и важное.
А что сказал ты, выслушал и помню я.
И мыслю так же, в мыслях мы союзники.
Немногим людям врождено и свойственно
Без зависти счастливейшего друга чтить.
Гнездится в сердце яд, двояко жалящий,
Удваивая боли у болящего.
Обида гложет за свое убожество,
И счастье видеть за дверями — стыд вдвойне.
О, я изведал призрачное зеркало
Приязни, тени назову подобием
Тех многих дружбу, кто клялся мне в верности.
Лишь Одиссей, хоть нехотя в поход поплыл, —
Конь пристяжной, тянул упряжку преданно.
Так говорю, а жив ли или умер он,
Кто знает? Остальное, что до города
И до богов касается, в собрании

Обсудим всенародно. Чтобы доброе
Пребыло долго добрым, позаботимся.
А что гангреной сглодано и требует
Лекарства, с волей доброй станем боль целить.
Железом сечь и жечь огнем. Да будет так!
Теперь в хоромы, к очагу домашнему,
Проследуем. Богам благодаренье,
Меня пославшим и вернувшим счастливо.
Победа, по пятам ты шла, пребудь и здесь!

(Из дверей дворца в сопровождении прислужниц выходит навстречу Агамемнону Клитемнестра.)

Клитемнестра

О граждане, старейшины аргосские
Вот не стыжусь признаться перед вами в том,
Как мужа я любила. Скромность робкая
С годами гаснет в людях. Не со слов чужих
О гиблой вдовьей доле расскажу своей,
Пока супруг стоял под Троей, за морем.
Жене одной вдали от мужа милого
В пустынном доме вянуть — горе горькое!
Кусают слухи, бешеные, тысяча.
Один спешит, другой теснится, прежних бед
Беду другую, злее, дому каркая.
И если б ран так много получил мой муж,
Как их молва примчала к нам на родину,
Не тело было б — сеть изрешетенная.
И если б умирал он, как болтали здесь,
Вторым бы Герионом трехголовым стал,
И мог хвалиться, что живой, не мертвый, нет,
С земли могильный саван трижды требовал,
И трижды издыхал одним из тел троих.
Такие слухи, черные, зловещие,
Виной, что в спальне из петли насильственно
Царицы горло вынимали столько раз.
Поэтому и сына с нами нет сейчас,
Как должно бы, залога брачной верности
Твоей, моей — Ореста. Не дивись, прошу.

Фокеец Строфий, боевой старинный друг
Его воспитывает. От двойной беды
Меня остерегал он. Там, под Троею —
Тебе опасность. Здесь — подкоп и заговор,
Узду порвавшей черни своечиние.
Кто пошатнулся, людям тех легко лягать.
Вот оправданье. Нет в нем вовсе хитрости.
Я ж выплакалась досуха. Соленых слез
Все родники иссякли, Ни слезинки нет.
Сожгла глаза, бессонной плача полночью.
Все по тебе. А все сторожевых огней
Не зажигали. Задремлю — от тонкого
Жужжанья комариных крыл стрекочущих
Враз просыпаюсь, больше о тебе видав
Кошмаров, чем вмещалось в миг короткий сна.
Перестрадавши столько, с легким помыслом
(Окончившись, и мука нам сладка) тебя
Псом, стадо стерегущим, назову сейчас,
Корабль спасающим канатом, крепости
Столбом высоким, сыном у отца одним,
Землей, пловцу нечаянно открывшейся,
Веселым днем весенним после зимних бурь,
Глотком воды для жаждущего путника.
Тебя такими величаю ласками.
Прочь злая зависть! Слишком много раньше бед
Перенесли мы. — Голова любимая!
Сойди с повозки наземь. Но сырой земли
Ногой, поправшей Трою, не касайся, царь!
Служанки, что ж замешкались? Приказ вам дан:
Весь путь устлать коврами драгоценными.
Пусть ляжет мост пурпуровый! По пурпуру
Царя в дом Правда поведет нежданного.
Об остальном Забота неусыпная
Промыслит справедливо, если хочет бог.

Агамемнон

Дочь Леды, дома нашего заботница!
Моей отлучке долгой вровень речь твоя.

Ты долго говорила. Но ценна хвала,
Когда несется слава к нам из уст чужих.
И потому меня ты не изнеживай,
Как женщину. Упавши в пыль с разверстым ртом
Меня не славь по варварским обычаям!
Ковров под ноги не стели, чтоб завистью
Не отравить пути мне. Так лишь бога чтут.
Я — человек. По роскоши пурпуровой
Без страха и тревоги не могу ступать.
Велю меня, как воина, не бога чтить.
Без пышного узорочья, без пурпура
Молва меня прославит. Скромность мудрая —
Богов подарок лучший. Тот поистине
Счастлив, кто в милом, долгом счастьи кончит жизнь.
Сказал, чтоб слову верным и спокойным быть.

Клитемнестра

И все ж в моем не откажи желании!

Агамемнон

Мое решенье знаешь. Не сломать его!

Клитемнестра

Царь испугался? Обещанье вырвал страх?

Агамемнон

Подумав, слово произнес, непраздное.

Клитемнестра

А что Приам бы сделал, сотворив твое?

Агамемнон

По тканям, верно б, шествовал пурпуровым.

Клитемнестра

Людского осужденья не страшись, мой царь.

Агамемнон

Большая сила — мнение народное.

Клитемнестра

Тех не хулят лишь, кто не стоит зависти.

Агамемнон

Не украшает женщин пререкание.

Клитемнестра

Кто счастьем взыскан, может и покорствовать.

Агамемнон

Ты ж в этой битве хочешь покорить зачем?

Клитемнестра

Сам захоти, и победишь, послушавшись.

Агамемнон

Ты этого хотела.

(К слугам)

Отвяжите же
Подошву, ног проворную прислужницу,
Завистливого глаза пусть не кинет бог,
Когда пойду по тканям, морем крашенным.
Мне совестно ногами растоптать ковров
Тяжелое богатство — клад серебряный.
Но обо мне — довольно.

(Сходит с колесницы, показывает на Кассандру.)

Эту девушку
В дом проводи радушно. С неба бог глядит
Приветливо на господина доброго.
А в рабство не впряжется веселясь никто.
Цветок ценнейший, из добычи выбранный,
Подарок войска, пленница со мной пришла:
Вот подчиняюсь, женщина, и слушаюсь:
Вступаю в дом свой, пурпурный ковер топчу.

(Шествуя по пурпурным коврам, Агамемнон вступает в дом.)

Клитемнестра

(сопровождая его)

Широко море — вычерпает кто его?
Рождает вечно море сок пурпуровый,
Холсты багрящий, пышный, в цену золота.
У нас сокровищ вдосталь с божьей помощью.
Ни в чем нужды не знает, государь, твой дом.
На потоптание сколько б отдала ковров, —
Велел бы Феб — чтоб в город возвратить тебя:
За душу друга, за спасенье — малый дар.
Будь крепок корень, кровлю обовьет листва
И тень простретот зноя Пса палящего.
И ты, вернувшись к очагу родимому,
Принес весны дыханье в стужу зимнюю.
Когда же зрелым летом виноградный сок
Зевс в горьких гроздях горячит, прохладою
Повеет в доме, где хозяин-муж вершит.
Зевс, Зевс-Вершитель, по мольбе сверши моей.
Направь на радость к цели, что решил свершить.

(Клитемнестра входит вслед за Агамемноном во дворец. Кассандра остается неподвижной на повозке.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

Почему, ой, почему
Призрак тот чудовищный
Сердце мучит предвещаньем темным?
Песня непрошена, незвана, горе пророчит.
Почему не отогнать
Кары злой неясный сон?
Почему мужество
В сердце не сядет на троне милом?
Ой, давно
Накат канатов кормовых

По пескам береговым
Проскрипел, и к Илиону
Паруса направил флот.

АНТИСТРОФА 1

Очевидец, видел сам,
Как причалил флот домой.
Почему же смутный гимн безлирный
Сердце без устали тянет, заплачку Эриний?
Почему нет-как-нет
В милом сердце мужества?
Чует печень, не лжет, —
Близятся сроки свершений верных.
Страхов злых
Водовороты кружат грудь.
Страх, ложью обернись,
Расточись, не совершившись,
Пропади ничто в ничто!

СТРОФА 2

Полная кровь,
Преизобилье здоровья —
Непрочны. Дом в дом гнездится
Болезнь-соседка, гложет жизнь.
Благополучья корабль
Сӱдьбы на камень подводный кинут.
Клада долю в злую зыбь
Сбросит осторожный ум.
(Мал урон, а груз велик.)
Не потонет дом ключом,
Не потянет груз ко дну,
Не зальет ладьи волна.
Милость щедрая Зевса земного и горнего,
Дар борозды каждогодней
Горький голод утолят.

АНТИСТРОФА 2

Чуть пролилась
Черная кровь

Убитого и в пыль упала,
Кто колдованьем воскресит?
Был один. К жизни новой
Он воззывал опочивших.
Утихомирил Зевс его.
Боги порешили так:
Доля доле неравна,
То запрет, и так — нельзя.
А не то б, взнуздав слова,
Сердце выплакалось все.
Нынче ж глухо, в темноте
Сердце ропщет. Отчаялось сердце распутать
Узел тоскливый заботы.
Тлеют уголья в груди.

Клитемнестра

(появляется на пороге дворца)

Войди же в дом, Кассандра, говорю тебе.
Зевс милосерд. Он хочет, чтоб святой водой
Среди служанок многих окропила ты
В хоромах наших Господа Богатств алтарь.
Сойди с повозки. Перестань надменничать!
Ведь, говорят, и сын Алкмены некогда
Был в рабство продан. Черствый хлеб он ел раба.
Уж если накренились так весы судьбы,
Дом, изобильный издавна, — рабу милей.
Кто ж урожай негаданных богатств пожал,
Не по закону крут и горд со слугами.
У нас с тобой поступят, как положено.

(Кассандра молчит.)

Старший в хоре

К тебе слова. Сказала все отчетливо.
Уж если ты запуталась в сетях судьбы,
Услышь, раз слышать надо. Иль не слышишь, нет?

Клитемнестра

(к Старшему в хоре)

Ей щебетать привычно, словно ласточке,
Неведомою дикой ревью варварской.
Что ж, попытайся словом убедить ее.

Старший в хоре

Иди! Что ж делать? Лучшей не дано судьбы.
Сойди с повозки наземь и послушайся.

(Кассандра продолжает молчать.)

Клитемнестра

Перед дверями мешкать недосужно мне.
Там, в глубине, у очага домашнего
Стоит овца и ждет ножа, и нож готов.
Такого мы веселья и не чаяли!
А ты быть хочешь вместе? Так не медли же.

(Кассандра молчит.)

Упрямится и не желает слов понять.
Рукой, не речью растолкуй пришелице!

Старший в хоре

Толмач искусный чужеземке надобен.
Похожа на зверька неприрученного.

Клитемнестра

Дикарка сумасбродствует и бесится.
Пришла из вновь захваченного города.
Ходить в узде не научилась. Вспенится
И стихнет злость в удилах окровавленных.
Мне ж — слов не тратить! Унижаться не к чему!

(Возвращается во дворец.)

Старший в хоре

(к Кассандре)

А я (тебя мне жалко) не сержусь ничуть.
Ступай, бедняга, встань с повозки! В дом войди!
Судьбинам повинуйся! Обнови ярмо!

Кассандра

(внезапным воплем прерывает молчанье)

Ой, Аполлон разящий!
Увы мне, увы мне!

Старший в хоре

О чем завыла? Локсия зовешь зачем?
Бог не такой он, чтобы плач и вопль любить.

Кассандра

Ой, Аполлон разящий!
Увы мне, увы мне!

Старший в хоре

Опять вопит! Пятнает богохульница
Того, кто отвратил лицо от плачущих.

Кассандра

Доро̀г страж разящий,
Меня сразивший насмерть; мой бог,
Стрелой другою насмерть ты сразил меня!

Старший в хоре

Пророчит о безрадостной судьбе своей.
Не покидает и рабыню божий дар.

Кассандра

Доро̀г страж разящий,
Меня сразивший насмерть; мой бог,
Куда, к какому дому ты привел меня?

Старший в хоре

То дом Атридов. Раз сама не знаешь ты,
Тебе я называю и не лгу ничуть.

Кассандра

Богопротивный кров! Злых соглядатай дел
Дом-живодерня, палачей помост!
Людская бойня, где нога скользит в крови

Старший в хоре

Ищейка-чужеземка! Словно гончая,
Идет по следу, нюхает и сыщет кровь.

Кассандра

В уши мне шепчут вот — крови свидетели.
Младенцы плачут. Тело белое
Рассекли. Мясо жарят. Ест отец детей.

Старший в хоре

Мы о твоих наслышаны пророчествах,
Колдунья, но пророков нам не надо здесь.

Кассандра

Ой, ой, жена, что загадала, ой?
Злодейство новое
В дому вершится, ужас и беда — родным.
Спасенья не будет,
Защиты не станет,
Друг не придет помочь.

Старший в хоре

Понять гаданье не могу. Не внятен смысл,
А прежнее — весь город говорит о нем.

Кассандра

Что сделать, ой, хочешь, проклятая?
Того, с кем ты спала,

Зачем торопишь в баню? Расскажу ль конец?
Свершится скоро.
Спешат. В чью-то руку
Что-то сует рука.

Старший в хоре

Еще не понимаю. Будто бельмами
Глаза застлали смутные пророчества.

Кассандра

А-а, увы-увы!
Что увидала я?
Сеть ада распростерта.
Топор двуострый! С ним она, с убийцею, давно спала.
Месть ненасытная,
Заголоси, ликуй,
Жертва заколота.

Старший в хоре

Эринию какую ты на пир и песнь
В дом заклинаешь? Весть не веселит души.
К самому сердцу прихлынула бледная
Кровь и страх. Так костенеет грудь,
Когда удар копья, — и меркнет жизнь.
Шагает беда.

Кассандра

А-а, держи, держи!
Прочь от быка гони
Корову. Рог бодает,
Рог черный прободает грудь, полотнами обвитую.
Хитрая душит сеть.
Рухнул в купальне мертв,
Выкупан в бане гость.

Старший в хоре

Пророчеств не разгадчик я, не хвастаюсь,
Но все же чует сердце весть недобрую.

Кто из провидцев, кто людям добро вещал?
Кто не зло?
Много пророчеств шлют.
Боль обещают все,
Все нагоняют страх,
Бедою грозят.

Кассандра

Ой-ой, печаль моя!
Доля бездольная.
Ты и мою вмешал
В чашу печалей — боль.
Зачем меня, несчастную, привел сюда?
Чтобы с тобою смерть принять, зачем еще?

Старший в хоре

Богом объятая, что, исступленная,
Видишь? О чем вопишь?
О себе, о себе! Серый
Так соловей зовет: «Итис мой? Итис где?»
Стонет он долгий век, но не насытится
Тоска песнями.

Кассандра

Ой, счастлив звонкий жребий соловушки.
Пернатой птичкой бог обернул его.
И век дал легкий, песню сладкой жалобы.
Мне ж смерть! Мне пасть от топора двуострого!

Старший в хоре

Богом обрушенных, вещих напрасных мук
Горький откуда дар?
Ужас вяжет, в бреду кличешь.
Смерть накликает вопль. Кровь заклинает песнь.
Страшных пророчеств путь кто пред тобой раскрыл,
Глухой, зловещий путь?

Кассандра

Париса свадьба, свадьба ой, родины пагуба!
Ой-ой, Скамандр, светлый родной поток!
Вспоена, вскормлена я несчастливая
У берегов твоих.
Но, видно, над Кокитом каменистым мне,
Над Ахеронтом кликать, прорицать теням.

Старший в хоре

Ясною речью вдруг заговорила ты.
Младенец понял бы тебя.
Куснул в сердце мне, словно гадюки зуб —
Судьба страшная, вещий и тщетный плач.
Слушать — печаль и страх.

Кассандра

Ой, город, город горький мой! Попран ты в прах и пыль!
Ой, жертвы, ой, резал быков отец
Ради полей родных, жертвы богатые,
Жертвы напрасные!
Отцовских башен не спасли вы, жирные!
А мне в кровавой луже жаркой жертвой пасть.

Старший в хоре

Новая речь твоя с прежнею сходится.
Какой же демон яростный
Налег, сжал, когтит грудь одержимую?
Поешь боли песнь, ужас и смерть зовешь.
Чем-то все кончится?

Кассандра

Так пусть не под покровами пророчество
Предстанет, как невеста в подвенечный день.
Как гонит ветер ранний к зорям солнечным
Волну, торопят к свету прорицания
Беду, бед прежних злее и чудовищней.
Я не в загадках, ясно говорить начну.
Бегу по следу, как ищейка, чую кровь

Убийств минувших — вы тому свидетели.
Нет, не покинет этих стен ужасный хор,
Созвучный, но печальный. Не видать добра.
Засела в доме (и не выгнать) зычная
Ватага пьяниц, кровью человеческой
До бешенства упившихся, Эриний хор.
И песнь поют над трупами застольную
О той вине первопричинной. И плюют
На вора, спальню брата запятнавшего.
Что, промахнулась иль попала в цель стрелой?
Что, я, брехунья, попрошайка вздорная?
Присягу принесите и свидетельство:
Грех древний назвала я дома этого.

Старший в хоре

Чему поможет крепкая и верная
Присяга? Не дивиться не могу я все ж:
Ты выросла в краю далеком, за морем,
О здешнем говоришь, как очевидица.

Кассандра

От Аполлона этот дар пророческий.

Старший в хоре

Тебя желал он, бог, земную девушку?

Кассандра

До сей поры мне стыдно вспоминать о том.

Старший в хоре

Кто через меру счастлив, рад тщеславиться.

Кассандра

Меня он добивался, он любил меня.

Старший в хоре

И богу отдалась ты, родила дитя?

Кассандра

Я обещалась и солгала Локсию.

Старший в хоре

Уже владела божеским наитием?

Кассандра

Да, прорицала пагубу согражданам.

Старший в хоре

Но как же гневный бог не поразил тебя?

Кассандра

Никто ни в чем не верил мне с тех самых пор.

Старший в хоре

По мне, ты слишком вещая гадальщица.

Кассандра

Ой, ой! ой, ой!
Опять пророчеств крутит вихрь и мучит боль
Чудовищных предчувствий. Ой, беда, беда!
Вот мальчики, глядите, на крыльце сидят,
Как тени смутных сновидений, тихие.
Зарезаны сородичем, как будто бы.
И держат мясо собственное в маленьких
Ручонках, окровавленные черевья.
Ужасное жаркое! И отец их ел!
За них отмстить замыслил, говорю вам, лев,
Лев, но бессильный, приживал, разнеженный
В чужой постели. И грозит властителю
Вернувшемуся моему. Ой, рок рабы!
Князь кораблей и расточитель Трои, он
Не знает, что готовит шлюха льстивая.
Как сука лижет языком, а глаз косит,
И ухо навострено — тихо вцепится.
Жена — убийца мужа! Что за страшная

Отвага! Зверя именем кусучего
Каким ее назвать мне? — Злоехидною,
Пловцов губящей скиллой в скальной росщели,
Менадой ада, ненавистью дышащей,
Неумолимой к близким? О бесстыдная!
Как завопила, как боец, врага сразив.
А льстит: спасенью радуется мужнему.
Пусть мне никто не верит. Все равно теперь.
Что будет — будет. Сам свидетель, скоро ты
Меня чрезмерно зрячей назовешь, в слезах.

Старший в хоре

Да, пир Фиеста, мясо сыновей своих
Глодавшего, узнал я. Страшно. Дрожь берет.
Все правда, ничего ты не слукавила.
Другое слышу — мысли с колеи бегут.

Кассандра

Сказала: смерть увидишь Агамемнона.

Старший в хоре

Ни слова, злополучная! Заткни свой рот.

Кассандра

Не убежишь, от слова не избавишься.

Старший в хоре

Да, если будет! Но да не бывать тому!

Кассандра

Ты молишься, а эти там спешат убить.

Старший в хоре

А кто же дело совершит безбожное?

Кассандра

Мимо ушей прошли мои пророчества?

Старший в хоре

Кто, кто убьет? Не понимаю хитрости.

Кассандра

По-эллински сказала слишком ясно все.

Старший в хоре

И Пифия пророчит, но невнятна речь.

Кассандра

Ой, ой, какое пламя накатило, ой!
О-то-то-той, ликейский Феб! Мне — боль! Мне — боль!
А, львица, а, двуногая, спала она
С блудливым волком. Далеко был смелый лев.
Меня зарежет горькую. Вмешает яд,
Расплату за рабыню, в чашу казней, ой!
На мужа точит лезвие и хвалится,
Что смертью мстит за то, что в дом привел меня.
К чему еще ношу я вас на смех и стыд,
Жезл и повязка на висках пророчицы?
Вас разорю, пока саму не ранил рок.
Идите в пропад, сгиньте, а за вами я!
Моей другую осчастливьте участью.
Вот Аполлон с меня срывает сам теперь
Одежду предсказательницы. Видел сам,
Как издевались надо мной и друг, и враг
В наряде этом, ненасытно, бешено,
И звали нищей, побирашкой, лгуньею,
Кликушей, мрущей с голоду, — терпела все.
Так бог-пророк пророчицу меня погнал
На казнь и кровь. Сторицей отплатил за все.
Ждет не алтарь отцовский, плаха пленницу.
Топор ударит. Теплая прольется кровь.
Нет, нет, мы не умрем неотомщенными,
За нас восстанет мститель, сын, казнящий мать.
Восстанет сын, за казнь отца карающий.
Беглец, бродяга, изгнанный из города,

Придет и камень ключевой вины замкнет.
Великой божества поклялись клятвою:
Он за отца отплатит, наземь павшего.
Чего ж мне плакать, жалобиться, слезы лить?
Глаза видали: башни илионские
Поникли, сникли. Тот, кто Илион попрал,
Кончается постыдно, по суду богов.
Что ж, решено. Свершится пусть! Иду на смерть!
Ворота ада, настежь! Вас приветствую!
Прошу одно: пусть быстро упадет топор.
Пускай умру легко я и без судорог
Глаза закрою в час, когда иссякнет кровь.

Старший в хоре

О женщина, несчастная и мудрая.
Ты многое сказала. Смертный жребий свой
Так ясно видишь, почему ж идешь на смерть,
Как телка, богом к алтарю гонимая?

Кассандра

Нет исцеленья, люди, нет, — и час настал.

Старший в хоре

Остаток жизни разве не милей всего?

Кассандра

Мой день пришел. А медлить — прибыль малая.

Старший в хоре

Так знай, своею волей накликаешь смерть.

Кассандра

Для смертных радость умереть со славою.

Старший в хоре

От тех, кто счастлив, не услышишь слов таких.

Кассандра

(подошла к дворцовым воротам, остановилась, отшатнулась)

Ой-ой, отец, ой, смелые сыны твои!

Старший в хоре

Что стонешь? Почему тебя шатает страх?

Кассандра

Ой-ой!

Старший в хоре

О чем вопишь? Грудь леденит какая дрожь?

Кассандра

Дохнул убийством на меня и кровью дом.

Старший в хоре

Да нет же, это дымом пахнет жертвенным.

Кассандра

Нет, нет, могильный запах, словно гроб открыт.

Старший в хоре

Благоухает ладаном сирийским дом.

Кассандра

Войду и плакать буду над своей судьбой.
Над долей Агамемнона. Прожита жизнь.
Ой, люди, ой!
Горюю не напрасно, как пугливая
Перед кустом пичуга. Мне, умершей, вы
Свидетели: за женщину, меня, жена
Умрет. И муж падет за мужа горького.
Так за гостины отплачу я, мертвая.

Старший в хоре

Нам жаль тебя. Предсказанная смерть страшна.

Кассандра

(снова остановилась у дверей)

Скажу еще лишь слово, поминальный плач,
Сама, и над собою. Солнца белый луч,
В последний раз светящий мне! Пусть мстители
Казнят моих врагов, моих убийц, как я,
Раба, убита наспех, беззащитная.
Ой-ой, людская доля! Тучка малая
Блеск затемнит удачи, а несчастный век
Как влажной губкой все стирает начисто.
И это горе много горше первого.

(Решилась, входит в дом.)

Старший в хоре

Не пресытится счастьем и славою род
Человеческий. Счастью не скажешь
В самом пышном, отмеченном пальцем дому:
«Не входи», не удержишь удачу!
Даровали блаженные боги царю
        Растоптать Илион,
Воротиться, как боги, прославлен.
Кровью платит теперь за пролитую кровь,
Умирая, иных искупает вину
Перед мертвыми собственной смертью.
Кто ж из смертных похвалится счастья звездой
Неизменной, про это услышав.

Голос Агамемнона

(из дворца)

Ой-ой мне! В доме насмерть топором сражен!

Старший в хоре

Молчите! Кличет кто-то, насмерть раненный.

Голос Агамемнона

Ой-ой! Топор ударил снова, горе мне!

Старший в хоре

Государь стонал протяжно. Злое дело свершено.
Погадаем, порассудим, что надежней предпринять!

1-й в хоре

Я мнение и слово вам скажу свое:
Народ созвать на помощь ко дворцу царя.

2-й в хоре

По-моему — ворваться в дом, не мешкая,
Застигнуть с окровавленным ножом убийц.

3-й в хоре

Таких речей и я единомышленник.
Так или так, но действовать, а ждать нельзя.

4-й в хоре

Все очевидно. Иго самовластия
Нависло. Тирания в город ломится.

5-й в хоре

Мы тратим время. Те же растоптали в прах
И честь и осторожность. Их рука не спит.

6-й в хоре

Какой совет подать вам, не решу никак.
Подумать должен, кто желает действовать.

7-й в хоре

И я сужу не иначе. Не взять мне в толк,
Как мы словами воскресим умершего.

8-й в хоре

Неужто ж, трепеща за жизнь, уступим мы
Дом осквернившим, самовластья жаждущим?

9-й в хоре

Стерпеть нет силы, быть убитым — радостней.
Чем тирания — лучше участь смертная.

10-й в хоре

Улики где же? Только по стенаниям
Гадаем мы о том, что государь убит.

11-й в хоре

Сперва — узнать наверняка. Потом — решать.
Одно — гадать, другое — быть уверенным.

12-й в хоре

Я с большинством согласен. Эту мысль хвалю.
Атрида участь разгадать доподлинно.

(Подходят. Широко раскрываются дворцовые ворота. В них появляется Клитемнестра с окровавленным топором в руках. За нею, в глубине трупы Агамемнона и Кассандры.)

Клитемнестра

По принужденью говорила многое
Я прежде. Не стыжусь наперекор сказать.
Как быть? Кто на врагов в личине дружеской
Замыслил злое, как иначе сеть коварств
Расставить, чтобы зверь перескочить не мог?
Бой этот славный я давно задумала.
Копила долго ненависть. И день пришел.
Вот здесь стою, здесь смертный нанесла удар.
Свершила так, мне отпираться незачем:
Большое покрывало, словно рыбья сеть,
Его стянуло роскошью погибельной.
Он ни бежать не в силах, ни противиться.
Ударила я дважды. Дважды вскрикнул он.
И навзничь растянулся. И упавшему
Я в третий раз наддала, возлияя так
В честь Зевса преисподней, душ спасителя!
Он прохрипел и ниц упал и кончил жить.

И кровь струею вырыгнул, и каплею
Меня ужалил, как росою черною.
И я возликовала, словно божий дождь
На лоно хлынул пашни колосящейся.
Так все свершилось, старшины аргосские.
Когда хотите, радуйтесь, я — праздную.
Когда б пристало чашу благодарности
Над мертвым лить, он стоит, трижды стоит их.
Такой виной в родном дому до края он
Кувшин наполнил и, вернувшись, сам испил.

Старший в хоре

Дивит язык твой! О, как ты заносчива.
Над мужем совершив такое, хвалишься!

Клитемнестра

Пытаете, как женщину безмозглую.
Но с недрожащим сердцем вам, узнавшим все,
Я говорю, а станете ль хвалить, хулить,
Мне все равно. Вот Агамемнон, мой супруг,
Нет, туша, труп, рукой вот этой правою
По-мастерски заколот. Дело сделано!

Хор

СТРОФА 1

Женщина, женщина!
Какой травой кормит земля тебя?
Море какой водой поит отравленной?
Бесится злость в тебе. Города гнев кипит:
Проклята, прогнана ты, города ты — чума!
Для людей ненавистна!

Клитемнестра

Изгнанием из города грозите мне,
И ненавистью, и людским проклятием?
А вот его ничуть не осуждаете.
Он дочь мою зарезал, не задумавшись,

Как бы овечку. Много у него в лугах
Овец с курчавой шерстью — дочь любимую,
Мою кровинку, чтоб фракийский ветр унять.
Так не его ль, убийцу окаянного,
Изгнать из края надо вам? Моих же дел
Вы судьи очень строгие. Вам говорю
И вам грожу, к борьбе вооруженная:
Тогда царюйте надо мной, когда мечом
Меня смирите. А иное бог пошлет, —
Придется, жизнью умудренным, быть умней.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Высокомерна как!
Сбесилась как! Бредишь от бешенства!
Крови хлебнувшая, кровью несытая,
Крови пятно на лбу, капля багровая
Не отмщена. Время придет, и предадут друзья,
Гробом гробу заплатишь.

Клитемнестра

Так выслушайте клятву и божбу мою.
Мне Правда, за дитя мое отмстившая
Подмогой, и Проклятье, и Эриния,
Которой я его заклала! В этот дом
Страх не вползет, пока на очаге огонь
Эгисф вздувает, преданный любовник мой,
Моя опора, мужества надежный щит.
Вот он лежит, жену свою позоривший,
Под Троей забавлявший дочек Хрисовых,
А вот — копьем добытая, пророчица,
Его подстилка блудная, гадальщица,
Ночей подружка. На канатах, под кормой
Свалялась с ним. Обоим по заслугам честь!
Вот он, глядите, вот она! Предсмертную
Вопила песню, словно лебедь кличущий.
Лежит с ним шлюха, девку он привел с собой,
Как лакомство на мой великолепный пир.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Ой, пусть внезапно смерть, пусть безболезненно,
Не пролежав постели,
Придет ко мне, сон неся навеки.
Без пробужденья, навеки. Мертв он,
Сторож надежный и добрый.
Много зол за жену вынес он,
И жена жизнь его похитила.
Проклятье тебе, Елена, тебе!
Ой, скольких одна, ой, многих одна
Ты сгубила под стенами Трои.
Нынче вину увенчала чрезмерно чудовищной кровью.
В доме угнездилась ты,
Демон раздора, мужа гибель.

Клитемнестра

Не печальтесь о мертвых и смертной судьбы
Не зовите себе,
На Елену не рушьте позорящих слов,
Будто войска чума она, будто одна
Погубила без счета данайских бойцов.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Демон! На дом двойной правнуков Тантала
Ты беспощадно рухнул.
Царишь в сердцах двух бесстыдных женщин.
Горем и горечью рвешь мне сердце.
Вот она, ворон над трупами!
Ворон злой каркает, каркает,
И побед песнь поет, крови гимн.
Проклятье тебе, Елена, тебе!
Ой, скольких одна, ой, многих одна
Ты сгубила под стенами Трои.

Нынче вину увенчала чрезмерно чудовищной кровью.
В доме угнездилась ты,
Демон раздора, мужа гибель.

Клитемнестра

Вот из уст ваших вырвались правды слова.
Вы назвали его,
Разжиревшего демона этой семьи.
Он несытую жажду кровей и убийств
В брюхе кормит. Старинная рана
Не закрылась, кровь новая хлещет.

Хор

СТРОФА 2

Тайного демона дома,
Сильного, тяжкого, в гневе славишь.
Ой-ой, злая слава!
Бед ненасытных память.
Ой, ой, ой, ой! Все — Зевс! Все — Зевс!
Всего творец, всему вина,
Без воли Зевса что настигнет смертных?
За всем, всюду — господний промысл.
Ой, ой, ой, ой, государь, государь!
Как оплачу тебя?
Что скажу по любви и от сердца?
Вот задушен в сетях паучихи лежишь,
Окаянно, безбожно убитый.
Уложили царя не по чести в постель.
Вероломно жена укротила тебя
Двулезвейной железной секирой.

Клитемнестра

Все кричишь, что моей это дело руки.
Знай одно: не зови,
Агамемнона вдовой, супругой меня.
Нет, в жену мертвеца, обернувшись, вошел
Древний демон, Аластор, суровый судья,
Он отмстил угощенье Атрея,

Тот чудовищный пир.
За младенцев он мужа зарезал.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Ты же в крови неповинна?
Кровавая? Да кто же твой ходатай?
Кто? Кто?
Злой пособник,
Мститель за род, Аластор.
Шагает он в крови родных,
В потоках крови хлещущей,
Арес угрюмый, и куда ни ступит,
    Прольет
Кровь за детей пожранных.
Ой, ой, ой, ой, государь, государь!
Как оплачу тебя,
Что скажу по любви и от сердца?
Вот задушен в сетях паучихи лежишь,
Окаянно, безбожно убитый.
Уложили царя не по чести в постель.
Вероломно жена укротила тебя
Двулезвейной железной секирой.

Клитемнестра

А не он ли, не он в дом кровавой вины
Вероломство занес?
Сам же дочь он зачал и убил ее сам,
Ифигению дочь.
Мерой равной вершил, мерой равной платил,
В преисподней пускай не гордится ничем.
Принял смерть от ножа,
Получил по заслугам отплату.

Хор

СТРОФА 3

Блуждает ум, смутно бродят мысли.
Лодку забот тяжелых

Куда повернуть? Царский дом шатается.
Боимся, бьет проливень над кровлей,
Кровавый дождь. Застучали капли.
И точит Правда для злодейств других
На оселках других топор свой.
Земля, земля, о прими нас, покрой,
Чтоб глазам не видать, как владыка и царь
В гроб серебряный лег, неподвижен.
Кто схоронит его? Кто оплачет его?
Ты оплачешь, бесстыдная? Мужа убив,
Погребальный над мертвым затянешь помин?
И в награду за подвиг великой душе
Лицемерною лаской отплатишь?
На погребении могучего героя
Кто станет плакать, с воплем рвать
Ткань в лоскуты, скорбеть нелживо?

Клитемнестра

Вам о том не забота. Напрасны слова,
Ни к чему — болтовня!
Мной сражен, мной казнен, погребу его я.
Но не плакальщиц толпы за гробом пойдут.
Нет, с улыбкой учтивою встретит отца
Ифигения дочь
У парома, над быстрой рекой мертвецов,
И руками обвив, поцелует.

Хор

АНТИСТРОФА 3

На упреки — упрек и хула на хулу!
Кто виноват, кто прав тут?
Убивший мертв, отомщен убийца.
Одно, пока правит Зевс, незыблемо:
Кто совершил — терпит. В этом правда.
Проклятья семя кто из дома вырвет?
С виною сросся род старинный.
Земля, земля, о прими нас, покрой,
Чтоб глазам не видать, как владыка и царь

В гроб серебряный лег, неподвижен.
Кто схоронит его? Кто оплачет его?
Ты оплачешь, бесстыдная? Мужа убив,
Погребальный над мертвым затянешь помин?
И в награду за подвиг великой душе
Лицемерною лаской отплатишь?
На погребении могучего героя
Кто станет плакать, с воплем рвать
Ткань в лоскуты, скорбеть нелживо?

Клитемнестра

Дружат с правдой и истиной речи твои.
Положить договор
Я меж демоном рода Плисфена хочу
И собой: полюблю все, что было,
Как бы ни было горько. Но пусть наперед
Дом покинет он. Род истребляет другой,
Громоздя за убийством убийство.
Пусть наследных богатств
Мне достанутся крохи: не буду роптать,
Лишь бы дом исцелить
От безумья взаимоубийства.

ЭКСОД

(Входит Эгисф с отрядом вооруженных телохранителей.)

Эгисф

О свет чудесный, жданный день возмездия!
Теперь скажу: взирают боги-мстители
С небес на землю и людской карают грех.
Лежит вот этот, вижу, в тканях пурпурных,
Эриниями сотканных, и любо мне.
Он заплатил за хитрости отцовские.
Атрей, царь края этого, его отец,
Фиеста, моего отца (запомните!),
И собственного брата, власти жаждая,

Изгнал из дома, из родного города.
И возвратился, к очагу припал с мольбой
Фиест несчастный, и просил убежища.
И обещали, что земли отеческой
Не обагрит он кровью. Богом проклятый
Атрей, отец вот этого, обман тая,
А не приязнь, Фиеста пригласил, отца,
На пиршество и мясом угостил детей.
Ножонки и ребячьих ручек пальчики
Он разрубил, с говядиной смешал тайком.
И не приметил мой отец. И мясо ел,
Плачевное для рода, сами видите.
Потом злодейство разгадал безбожное,
Взвыл, покатился, вырыгнул убоину,
Божбой ужасной проклял Пелопидов род,
Стол опрокинул и убийцу так заклял:
«Плисфена племя также да погубит бог!»
За старый грех сражен потомок, видите!
А я — портной убийства справедливого.
Был третий сын я у отца злосчастного,
В пеленках, несмышленыш. Царь прогнал меня.
Но выкормила Правда и вернула в дом.
Жил за дверьми, но изловил вот этого.
Весь замысел искусный злодеянья сплел.
Врага в силках увидел Справедливости.
И сладко мне. Теперь и умереть не жаль.

Старший в хоре

Эгисф! Хвалиться черным делом — мерзостно!
Признался сам: царя своею волею
Убил, один замыслил злодеяние.
Так знай же, приговора всенародного
Не избежишь. И будешь каменован, враг.

Эгисф

Эй вы, гребцы, сидите над уключиной
Всех ниже, а грозитесь корабельщику.
Эй, старики, узнаете, что скромности
Невесело учиться с головой седой.

Но и для старой головы отличные
Два лекаря найдутся от безумия:
Колодки, голод. Зрячи, а не видите.
Оглоблю не лягайте! Быть вам битыми!

Старший в хоре

Ты — баба! Домосед трусливый, дома ждал
Бойцов, ушедших в поле. И с женою спал
Героя и убил его — владыку войск.

Эгисф

Слезами эти речи отольются вам.
Язык ваш на Орфеев не похож совсем.
Тот прелестью напевов очаровывал.
Вы — бесите пустым, ребячьим тявканьем.
В колодки, в цепи! Сразу присмиреете.

Старший в хоре

И ты тираном хочешь стать над Аргосом?
Трус! Государя зарубить замыслил трус
И не посмел своей рукой топор поднять.

Эгисф

Перехитрить лукавством — дело женщины.
Я был на подозреньи — враг наследственный.
Теперь, владею кладом золотым царя
И буду править городом. Ослушника
Смирю уздой. Кормиться не овсом ему, —
Коню в запряжке, нет! Темницы смрадный мрак
И голод своенравца тихим сделают.

Старший в хоре

Так почему ж, душа гнилая, ты не сам
Сорвал с врага доспехи? Почему жена —
Стране на мерзость и богам отеческим —
Убила мужа? Но еще он жив, Орест.
День будет. В дом родительский вернется сын,
Убийца славный и палач двоих убийц.

Эгисф

Мысль нагла. Язык бесстыден. Дерзких проучу тотчас.

Старший в хоре

. . . .

Эгисф

Эй, сюда, друзей дружина! Время действовать пришло.

Старший в хоре

Эй, живее, обнажите наостренные мечи!

Эгисф

Обнаженный меч я поднял. Умереть не устрашусь.

Старший в хоре

Ты сказал: «умрешь». Да будет! Счастье, нам вожатым будь!

(Хор и телохранители Эгисфа, обнажив мечи, стоят, готовые к схватке. Из дверей дворца выходит Клитемнестра и останавливает их.)

Клитемнестра

Нет же, средь людей любимый, зол не будем умножать.
Без того мы жатву сжали колосистую убийств.
Слез довольно, свыше меры! Кровь не станем проливать.
В дом войди! И вы, старшины, прежде чем стряслась беда,
По домам ступайте! К счастью то, что совершили мы.
Пусть конец придет проклятью· Так хотим и молим так.
Тяжело когтем кровавым демон город поразил.
Женщина, я так сказала. Чтить мои слова велю.

Эгисф

Не позволю слов бахвальных острие метать в меня.
Нагличать, перечить праздно, снова демона пытать.
Не пристало господину ругань черную терпеть.

Старший в хоре

Никогда не станет Аргос перед трусом лебезить.

Эгисф

Будет время — я расправлюсь с вами сильною рукой.

Старший в хоре

Нет, когда счастливый демон в дом Ореста возвратит.

Эгисф

Знаю я, надежда кормит псов бездомных и бродяг.

Старший в хоре

Надувайся, чванься, Правду в грязь топчи, пока царишь.

Эгисф

Погоди, тяжелой пеней мне отплатите за все.

Старший в хоре

Под крылом своей наседки нагло важничай, петух.

Клитемнестра

(к Эгисфу)

Пустословия не слушай! Ругань их — собачий брех.
Нам — со славой домом править. Государи — ты и я.

Актеры и Хор покидают орхестру.

Конец трагедии

ЖЕРТВА У ГРОБА

(Хоэфоры)

ДЕЙСТВУЮТ:

Орест.
Пилад.
Электра.
Клитемнестра.
Эгисф.
Няня.
Хор из рабынь.

ПРОЛОГ

В глубине — дворец Атридов в Аргосе. Посреди орхестры — надгробье над могилой Агамемнона.
Входят Орест и Пилад — двое юношей.

Орест

Гермес подземный! Страж отца почившего!
Спасителем явись мне и союзником!
В родимый дом пришел и возвратился я
И над оградой гробовой молю отца
Услышать, внять. [Орест перед тобой, твой сын.
Прогнала сына мать из дома царского,
Расхитила наследство. И в краю чужом,
В земле Фокейской, вырос я, у Строфия.
Но возвратился, чтобы повеление
Исполнить Феба и за смерть отца отмстить.
Услышь меня в подземных недрах, мертвый царь!
Нет у бродяги — сына твоего — богатств
Для жертвы жирной. Приношенье скромное
Прими. В день первый юности волос своих]
Я срезал прядь, в дар Инаху — вскормившему.
Вторая прядь — тебе, отец, поминный дар.
Когда тебя покрыли гробовой землей,
Я не был здесь. Над долей не рыдал твоей,

Рук не ломал на погребальном выносе.
[Прими ж, отец, от сына этот дар любви!]

(К орхестре приближается Электра в сопровождении хора прислужниц.)

Что видят взоры? Стая женщин, черными
Закрытых покрывалами, идет сюда.
Что б это было? Что случилось? Как понять?
Хозяйничает в доме горе новое?
Или ко гробу моего отца несут
Дар возлияний, мертвым?
Да, так! Электру узнаю, сестру мою.
Ее печаль тяжелая пригорбила.
Зевс, Зевс! За кровь отца мне отомстить дозволь!
И милосердным, сильным стань союзником!
Пилад любимый! Отойдем, послушаем,
Что значит женщин шествие печальное.

(Оба отходят в сторону. Электра и хор выходят на орхестру.)

ПАРОД

Хор

СТРОФА 1

Послали из дому. Несем
Ко гробу жертву. Руки гулко бьют о грудь.
В кровь — щеки! Острый ноготь процарапал
Свежую, алую борозду.
Давно поминный вопль
Кормит сердце зяблое.
В лохмотья — тканые холсты!
В лоскутья разодраны, порваны
На белой груди
Платки. Злое горе,
Горе колотилось в грудь!

АНТИСТРОФА 1

В полуночи раздался крик,
Спросонья прохрипевший, дыбом волосы!

Крик ужаса чудовищный из спальни
В де́вичью камнем беды упал.
Поведал тайну дома леденящую.
Сказали судьи снов ночных,
Свидетели промысла божьего:
В могильной земле
Ропщут на врагов своих
Мертвецы и сердятся.

СТРОФА 2

И с лаской лицемерно-лживой — только бы зло унять!
О, мать земля!
Шлет рабынь ко гробу
Женщина проклятая.
Страшно-страшно рот раскрыть!
Как искупить упавшую на землю кровь?
Ой, ой! Порушенный очаг!
Ой, ой! Шатающийся дом!
Бессолнечный, змеиный мрак
Окутал царский кров с тех пор,
Как государь скончался.

АНТИСТРОФА 2

Почтенье непритворное, непобедимое
В умах, в сердцах
Шло за словом царским.
Все минуло. Зяблый Страх
Правит. Счастье — бог земной.
Блистательное счастье — больше бог, чем бог.
Но Правда накренит весы.
В полдневном блеске тот поник.
Иного в сумеречный час
Расплата, грузно зрея, ждет.
Этих обманет полночь.

СТРОФА 3

Где крови капли жадный чернозем впитал,
Там набухает семя роковой Вины.
И Месть торопит,

Убийцу одурманит кровь.
Грехом убийца зацветет.

АНТИСТРОФА 3

Убийце в спальне не укрыться девичьей.
И пусть сольются реки все в одно русло —
Убийцы руку
Отмыть, очистить добела —
Напрасно реки потекут.

ЭПОД

А мы — судьба нам прожить безродными!
Прогнал нас бог из домов отцовских.
И горький хлеб велел глодать в неволе.
Добро ли, зло ли
Хозя́ин вершит — раба
Насильно хвалить должна, стыд подавив и горечь.
Укрывши глаза полой,
Над долей рыдаем дома царского,
И втайне сердце леденит печаль.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Электра

Служанки! Дома верные заботницы!
К могиле вы мне были провожатыми.
Так будьте же советницами добрыми.
Над гробом жертву эту поминальную
С какой молитвой лить мне? Как отца назвать?
Сказать ли: «Верная супруга мужу шлет
Возлюбленному поминанье!» Мать моя!
Язык не повернется. Не найти мне слов,
Чтоб над могилою отца молиться так.
Иль по обычаю сказать: «Душа, воздай
Приславшим жертву — вровень!» Злом воздай за зло!
Иль молча и с презреньем (так зарезан был
Отец с презреньем) выплесну в песок кутью
И брошу чашу, словно с ополосками

Горшок, и отверну глаза, и прочь пойду?
В раздумьи помогите мне, любимые.
Ведь мы — родные: ненависть сроднила нас.
На сердце не таите ничего. Робеть
Не надо. Ни свободный от судьбы своей
Не ускользнет, ни раб, слуга хозяина.
Скажите ж, если лучший можно дать совет!

Старшая в хоре

Чту, как алтарь, гробницу твоего отца.
Скажу — ты так велела — ото всей души.

Электра

Ты чтишь отца гробницу. Что же скажешь мне?

Старшая в хоре

За тех, кто верен, жертву принося, молись!

Электра

Кого ж из близких словом назову таким?

Старшая в хоре

Себя и всех, кому Эгисф — смертельный враг.

Электра

Что ж, за себя и за тебя молиться мне?

Старшая в хоре

Сама подумай! Назови сама других!

Электра

О ком, когда не мы с тобою, вспомнить мне?

Старшая в хоре

Орест! О нем забыла? На чужбине брат.

Электра

О, хорошо! Ты во-время напомнила!

Старшая в хоре

Тех, кто убил, в молитвах не забудь своих!

Электра

А что сказать? Не знаю. Научи меня.

Старшая в хоре

Придет на них, ты скажешь, человек иль бог...

Электра

Придет судья? Или палач? Как назову?

Старшая в хоре

Не так. Ты скажешь просто: кто убийц убьет!

Электра

Благочестиво ль божествам молиться так?

Старшая в хоре

Еще бы! Злом за злое отплатить врагу.

Электра

Гермес подземный! Ты глашатай! Меж людьми
Посредник и жильцами гроба. Жалобу
Мою пошли поддонных недр властителям,
Отцовской крови сильным поручителям,
Самой Земле, которая рождает все,
К которой все вернется, чтоб родиться вновь.
Вот из кувшина мертвым возливаю дар.
Зову отца и заклинаю: смилуйся!
Ореста свет любимый возврати в твой дом.
Мы здесь, как в рабство проданы. Родная мать
Нас оттолкнула. Мужа нового взяла,
Эгисфа. Это он тебя убил, отец!
Я, как служанка, в доме. А Орест лишен
Наследства и в изгнаньи. А они, трудов
Твоих добычу расточая, чванятся.

Пускай же возвратится в добрый час Орест.
Тебе молюсь. Послушай дочь, отец, отец!
И сделай, чтоб другою я была, чем мать —
С нелживым сердцем и рукою чистою.
Себе прошу об этом. О врагах скажу:
За кровь твою отмститель пусть придет, отец!
Тех, кто убил, пускай убьет, свершая суд.
Так в добрую молитву заплетаю я
Для тех, проклятых, слово клятвы, черное.
А нам пошлите радость из подземных недр,
Земля, Победа, Правда, боги сильные!
С молитвами такими жертву лью на гроб.
А вы, как подобает над почившими,
Пеан начните, горький, поминальный плач.

(Электра на могильном кургане совершает жертвоприношение.)

Хор

Лейтесь, реки соленых слез!
Мертв господин, сильный ушел под землю.
Твой гроб святой — защита в беде, счастья податель нам.
Молимся. Льем кутью. Зло отврати! Спаси!
Царственный дух, услышь!
Услышь, государь, в преисподней мгле!
Ото-то-то-то-то-той!
Приди, смельчак, дома спаситель будь!
Воин, копьем ударь! Лук напряги, стрелок!
Пусть тетива звенит!
Меч обнажи, боец, сойдясь грудь о грудь.

Электра

(возвращаясь с надгробного кургана)

Отец напился. Влагу приняла земля.
Теперь в заботе новой помогите мне.

Старшая в хоре

Скажи! Забилось сердце, страхом вспугнуто.

Электра

Нашла я у могилы эту прядь волос.

Старшая в хоре

Кто срезал прядь? Мужчина или девушка?

Электра

Загадка. Только все же разгадать легко.

Старшая в хоре

Так научи, молоденькая, старую!

Электра

Кто мог отрезать прядку? Только я одна.

Старшая в хоре

Конечно. Те, другие, мертвецу — враги.

Электра

Ну да! Взгляни! Во всем похожи волосы...

Старшая в хоре

На что похожи кудри? Расскажи, прошу.

Электра

Они во всем с моей косою сходятся.

Старшая в хоре

То не Ореста ль приношенье тайное?

Электра

Ну да! Ну да! Ореста кудри. Ясно ведь.

Старшая в хоре

Но как же возвратиться он отважился?

Электра

Прядь срезал и сюда прислал на гроб отца.

Старшая в хоре

Ты говоришь, и слезы снова катятся.
Так значит, не ступала здесь нога его?

Электра

И у меня под сердце подкатила желчь.
Ножом душа пробита остро-колющим.
Прибоем горьким круглые посыпались
Из глаз соленых капли, не удержишь их,
Так эта прядь тревожит сердце. Нет, никто
Из здешних, из аргосцев, не сострит ее.
И та, убийца, срезать не могла кудрей.
О матери я говорю. Как мачеха,
Она родимым детям, окаянная!
Наверняка сказать ли: то заветный дар
Ореста ненаглядного! Надежды блеск!
Ой-ой!
О прядь волос, когда б ты говорить могла!
Чтоб не двоилось сердце, не металась мысль.
Чтоб знать и плюнуть на тебя с презрением,
Когда с враждебной головы ты, прядь волос!
А если ты — родная: вместе плакать нам
Над этим гробом, чтя отца почившего.
Богам молиться будем. Знают вышние,
В каких метелях, словно лодка утлая,
Кружится сердце. Нам спастись бы! Вырастет
Могучий ствол из черенка ничтожного!
Но вот следы! Еще одно свидетельство!
Нога похожа на мою: одна в одну.
Двоих следы здесь ясно отпечатались.
Один — он сам. И незнакомый спутник с ним.
Ступню и пяток очертанье меряю,
Во всем, во всем следы с моими сходятся.
Темнеют мысли. Судорога сводит грудь.

(Из-за гробницы появляется Орест.)

Орест

Проси, чтобы и в будущем свершали все
Свершающие боги по мольбе твоей.

Электра

Когда же были божества добры ко мне?

Орест

О ком давно молилась, видишь въявь того!

Электра

А ты что знаешь? И кого звала я в дом?

Орест

Звала Ореста, знаю, с болью, с нежностью.

Электра

Мои надежды, разве же сбылись они?

Орест

Я здесь. Другого не ищи любимого.

Электра

Ты мне чужой. Задумал обмануть меня.

Орест

Так, значит, сам лукавлю я с самим собой.

Электра

Смеяться хочешь над моей обидою?

Орест

И над своею обидою смеюсь тогда.

Электра

Так ты — Орест! С тобою говорю, с тобой?

Орест

Меня живого видя, не признала ты.
Когда же прядь кудрей моих увидела,

Когда пытливо мерила следы мои,
Летало сердце, верила, что близко я.
Взгляни ж на прядь. К отрезу приложи ее.
То — кудри брата, и с твоими схожие.
Взгляни на плащ: твоя рука ткала его,
И льва на нем нашила ты, ткачихи знак.

(Электра плачет.)

Сестра, сдержись! Пусть радость не пьянит тебя.
Ты знаешь, — как полынь нам та, что всех родней.

Электра

Ой милый! Ой заступник за отцовский дом!
Надежда наша! Слезы наши! Мститель наш!
Рукою сильной власть добудь отцовскую.
Судьба учетверила, ненаглядный мой,
К тебе любовь. Своим отцом зову тебя,
Тебе и нежность к матери. (А той, другой, —
Ей только злость и ненависть смертельная.)
Сестра кроваво казнена. Ты мне сестра.
И ты же брат мой верный. Ты мой царь и князь,
И Правда пусть и Сила пусть тебе сейчас
Союзниками будут. С ними третий — Зевс!

Орест

Зевс! Зевс! Взгляни на то, что начинаем здесь.
Взгляни: гнездо орла осиротелое!
Погиб орел, задавленный в чудовищных
Змеиных кольцах. Голодают птенчики.
Нет силы у бескрылых приносить в гнездо
То, что отца охота добывала им.
Вот так стоим, перед тобой, мы, сироты,
Мы, прогнанные от дверей родительских.
Вот — я. А вот сестра Электра. Горько нам.
И если ты вконец погубишь дом царя,
Тебя так щедро и богато чтившего,
Чьи руки так обильно ублажат тебя?
Ведь если вовсе разоришь гнездо орла,

Гонцов не станет у тебя, чтоб к смертным слать,
И если с корнем царский род наш высохнет,
Кто кровью бычьей напоит твой жертвенник?
Так помоги! Тебе легко воздвигнуть вновь
Дом этот славный, так глубоко рухнувший.

Старшая в хоре

Ой дети! Счастье очага отцовского!
Молчите! Вас подслушают, любимые!
Язык корыстный обо всем хозяевам
Проворно разболтает. Ох, увидеть бы,
Как трупы их прожорливый сгрызет костер.

Орест

Феб не предаст нас. Слово бога сильное
Велело мне на трудный бой отважиться.
Феб требовал. И в жилах холодела кровь.
Такою казнью угрожал чудовищной,
Когда отца убийцам той же мерою
Не отплачу и кровью не воздам за кровь.
А нет — и телом милым и душой своей
Сам потерплю. И пытка будет страшною.
Бог гневом мертвых мне грозил из мглы гробов,
Проклятьями для близких и болезнями.
В пустыню буду прогнан, словно дикий бык.
Прилипнут язвы. Зубом едким в кожу яд
Вгрызется. Силу, молодость проказа съест.
И побелеют, посекутся волосы.
Других страшилищ яростью грозил мне бог.
Восстанут из крови отца. В полночной тьме
Предстанут глазу сумрачные призраки.
Казнят жестоко родичи убитые.
Жильцов могильных черная страшна стрела,
Безумье, ужасы ночные, смутный страх.
Стегает ужас, страх когтит. Из города
Бичом железным гонят окаянного.
Несчастному такому ни у чаши нет
Заздравной места, ни у жертвы праздничной.

От алтаря вспугнет его незримый гнев
Отца. Ни крова, ни молитвы нет ему.
Друзьями брошен, всеми презрен, долгий век
Протянет, высохши от горестной судьбы.
Так бог сказал. Не верить богу можно ли?
А если б и не верил, — дело сделано.
В одно желанья многие сплетаются,
Заветы Феба и отца тяжелый срам,
И нищета — грызет нужда изгнанника.
Так пусть аргосцы, из людей славнейшие,
Твердыни илионской разорители,
Двоих не будут женщин робкой челядью.
Тот — тоже баба. Скоро свой покажет нрав.

(Орест и Электра склоняются над гробницей Агамемнона. Начинается музыка.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Старшая в хоре

Ой вы, Мойры могучие! Волей богов
Приведите к концу
Начинанье. Нам спутница — Правда.
Если бранью враждебной поранил язык,
Пусть враждебною бранью язык отомстит.
Так на улицах Правда взывает.
За удар и за кровь платят кровь и удар.
Кто обидел — страдай. Кто свершил — претерпи.
Вот старинное прадедов слово.

Орест

Ой-ой, отец! Горе, отец! Тебе
Что мне сказать? Что сделать,
Чтобы на божий свет воззвать?
Спишь в гробовой постели.
Сны тебя в гробе вяжут.
Два царства — свет и сумрак.

Но печальный причет
Пускай, царь, долетит к тебе,
Старший в роду Атридов.

Хор

Дитя! Не гложет зуб,
Костра грызущий зуб
Не гложет почивших душ.
Страшен гнев опочивших.
Умирающий застонет,
Над убитым мститель встанет.
И отцовский хрип предсмертный
Неотступный ждет, торопит,
Велит, к мести зовет и гонит.

Электра

Мертвый отец, и меня услышь:
Плачу, грущу, тоскую.
Двое над гробом твоим детей
Плачут, жалкýют, стонут.
Без дома, без крова оба,
Побродяжки оба,
Везде боль, тяжела печаль,
Невыносима доля.

Хор

Бог повелит, в сердце решит, сильный, —
Затянете вы веселее песнь.
И не слеза, и не плачевный обряд —
Гимн величальный, звонкие чаши
Встретят в доме хозяев новых.

Орест

Под Илионом пусть,
Древком ликийским раненный,
Отец к сырой земле приник бы!
Тогда бы жил сын твой в людях славен,

Детей твоих люди
Встречали б с почетом,
Крутой бы насыпали холм
Над гробом твоим у моря.
Мы бы печаль стерпели.

Хор

Боец в кругу бойцов,
За морем славно павших,
Царил бы во мгле гробов,
Чтимый, святой властитель.
Сотрапезник величавых
Государей недр подземных
Здесь, под солнцем был он князем
Боголюбцем, богоданным.
В руках посох — пасти народы.

Электра

Нет, не под башнями
Трои ты принял смерть, отец!
И не дана тебе могила,
Где войско спит мертвых под Скамандром.
Пускай бы убийцы
Погибли постыдно,
А нам бы о смерти и крови
Слыхать понаслышке только
И отвечать: не знаем.

Хор

Это бы, дочка, золота краше,
Это радостней радости, райских садов
Милей! Да только не быть так!
Плетью двойной рухнет, просвищет
Слово двойное: наша заступа —
Под землею, в гробах. У хозяев
Руки в черной крови. Мертвецу —
Зло и мерзость. Вам, сиротам, — слезы!

Орест

В ухо вонзились слова,
Словно бы нож насквозь!
Зевс! Зевс! Из могилы шлешь
Мстящую поздно кару,
Убийц руку, карая, рубишь.
Сделай, чтоб спал отец спокойно!

Хор

Ой, пусть
Мне завопить, ликуя,
Запеть в блеске огней смолистых,
В час, когда муж погибнет,
И трупом ляжет женщина.
Не смолчать! Вскипела
В груди желчь. Корабль ненависть гонит,
Злость и печаль рвут паруса,
В сердце набухает гнев.

Электра

Ой нам! Когда же, когда
Сильная Зевса рука —
Ой-ой! Размозжит проклятых?
Верность в страну вернется.
Кричу: Правду! На подлых — Правду!
Силы могил и Земля, услышьте!

Хор

Древний закон: капля прольется крови
Наземь и требует крови новой.
Смертные хрипы будят Эриний.
Кличет смерть — смерть, и вина — вину,
И убийство зовет убийство.

Орест

Увы, ой! Власти преисподних недр!
Глядите, ой — души зарезанных!

Взгляните, здесь мы стоим последние,
Атрида род, нищие, бездомные.
Как же быть нам, Зевс, Зевс?

Хор

Вот слышу плач, и вянет вновь
В груди сердце и тяжко бьется.
Снова надежда гаснет.
Слышу слова, и в сердце — ночь.
Почернела печень.
Но ты — с нами, боец и воин.
Вижу, вернулся, вижу,
Верю и надеюсь вновь.

Электра

Сказать ли?
Рассказать ли до конца?
Все, что стерпели здесь,
Как помыкала мать?
Хвостом виляли. Но не отмыть вины,
Как волк ненасытен —
Тот черный грех: мать — убийца мужа.

Хор

Мы колотились. Вопленицы Азии,
Плакальщицы Киссийские
Так бьются в грудь. В пыль — косы, щеки — до крови!
Удар за ударом! Руки стегают, ранят,
Вверх-вниз, вверх-вниз! И гудят разбитые,
И стонут наши головы злосчастные.

Электра

Ой-ой, подлая!
Ой — ведьма-мать! Ой — похороны подлые!
Народ за гробом не шел.

Не причитал хор старух.
Жена царя закопала в землю.

Хор

Рассекли труп: сын, узнай и это!
Разрезали на куски. И в яму
Свалили. Стыд — жребий твой!
Длить жизнь тебе — срам терпеть!
Ты слышишь, сын, стыд и срам отцовский!

Электра

Отца знаешь участь. Я же здесь загнана,
Словно я дрянь ничтожная,
Собака злая. Заперли в темном углу сестру.
Улыбку забыла. Плакать, не улыбаться мне.
Лить слезы, лить слезы и вопить пронзительно!
Ты слышишь, слышишь! Запиши же в сердце, брат.

Хор

Пусть слух пронзят
И грудь до тихой глубины души — слова.
Все было так. Правда — все!
Тот в гробе ждет. Быть чему ж?
Не медлить. Мстить. Метить в цель и с силой!

Орест

Все — стыд!
Стыдом отравили сердце!
За срам отца женщина отплатит.
На небе бог хочет так.
Моя рука хочет так.
Хочу. Убью. После пусть погибну!

(Над гробом.)

Отец, зову! Будь друзьям союзником!

Электра

И я зову. Выплакалась вся. Зову.

Старшая в хоре

А с вами — мы. Общий зов и дружный крик.
Из гроба встань! На свет явись!
Будь на врагов подмогой!

Орест

На силу — сила, и на право — право здесь!

Электра

Ой боги, ой! Нашей Правдой Правда стань!

Старшая в хоре

Дрожь леденит. Заклинанья страшные!
Судьба свершенья ждет давно.
Будь по молитве вашей!

Хор

Грех! Прирожденный грех!
Горе! Вины бесчинной
Кровоточащий рубец!
Ой-ой! Слезы! Осушит кто вас?
Ой-ой! Муки! Утишит кто вас?
Опухоль гнойная рода! Кто врач, кто лекарь?
Нет, не пришлец! Но сын!
Ножом сын исцелит кровавым. —
Так пел хор преисподних духов.

Старшая в хоре

Всеблаженные силы подземных глубин,
О услышьте, спасенье пошлите в беде!
Этим детям победу подайте.

(Музыка прекращается.)

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Орест

Отец, отец! Ты не по-царски принял смерть!
Верни мне царства своего могущество!

Электра

И я молю. Послушай и меня, отец!
Дай дом, дай мужа! А Эгисф пускай умрет!

Орест

Тогда поминовеньем славным город весь
Тебя почтит, а нет — без чада жирного
На пышном пире всех умерших быть тебе.

Электра

И я в день свадьбы из добра приданого,
Хозяйка дома, принесу кутью тебе.
Всех предков прежде твой украшу милый гроб.

Орест

Земля! Отца пошли на свет, чтоб видел бой!

Электра

Царица мертвых! Силою прославь его!

Орест

О бане помни! Ты женой убит, отец!

Электра

О сети помни! Заплела силки жена.

Орест

Тебя в силках, как зверя, извели, отец.

Электра

Постыдно, покрывалами обвитого.

Орест

О старом сраме слышишь? Пробудись, отец!

Электра

Приподними же голову любимую!

Орест

Пошли нам Правду верною союзницей!
А нет, на хитрость хитростью ответить дай,
Когда, сраженный, хочешь победить, отец!

Электра

Услышь, отец, и этот мой последний плач!
Твои птенцы сидят у гроба. Видишь их?
Над сыном сжалься. Дочерь пожалей свою!

Орест

Не дай исчезнуть Пелопидов семени!
Тогда ты даже мертвый не умрешь, отец!

Электра

О мертвых память в детях жизнью вечной
Живет. Так над волною поплавок плывет,
Обозначая невод на подводном дне.

Орест

Услышь! К тебе — молитва, слезы, стон к тебе!
Себе ты сам поможешь, наш уважив плач.

Старшая в хоре

Вы жаловались долго. Попрекать — не мне!
Почтили гроб вы, долго презираемый.
Ты к подвигу напрягся! Так не медли же!
Сверши, Орест! И счастье испытай свое!

Орест

Так будет. Но еще вопрос. Он метит в цель.
Из-за чего послала возлиянья мать?
Поправить хочет зло неисцелимое?
Презренному покойнику трусливый дар?
Взнос бедный, долга во сто крат ничтожнее?
Чтоб каплю крови выкупить, все расточи,
И все напрасно! Было так и будет так!
Узнать желаю. Знаешь — расскажи мне все!

Старшая в хоре

Я знаю, сын. Я там была. Дурные сны,
Ночные страхи женщину безбожную
Ошеломили. Потому и шлет дары.

Орест

Какие сны? Известно? Объясни, прошу!

Старшая в хоре

Сама сказала. Снилось — родила змею.

Орест

А что же дальше? Как рассказ кончается?

Старшая в хоре

Змею в пеленки, как дитя, закутала.

Орест

Какого ж корма требовал грызущий червь?

Старшая в хоре

Сама, ей снилось, протянула грудь ему.

Орест

И что ж, соска ей не поранил жадный гад?

Старшая в хоре

Да. С молоком кровь сгустком черным вытекла.

Орест

Сон в руку! Не обманчиво видение!

Старшая в хоре

И закричала женщина пронзительно
Со сна. И ярко факелы, в полночной мгле
Погасшие, в господской спальне вспыхнули.
А утром на могилу поминальный дар
Она послала. Хочет отвратить беду.

Орест

Отцовскою гробницей и Землей клянусь,
Полночный сон моей рукой исполнится.
Я — сна разгадчик. Все точь-в-точь сбывается.
Змею родило брюхо, породившее
Меня. И в колыбели гад лежал моей.
И в грудь, меня вскормившую, всосался червь.
И кровь смешалась густо с молоком родным.
И вскрикнула, от боли цепенея, мать.
Сон вещий! Чудо-зверя родила она!
Ей умереть кроваво! Змей грызущий — я!
Ее убью я. Предсказал всю правду сон.
Вас в судьи призываю и в отгадчики.

Старшая в хоре

Пусть так и будет! Прикажи друзьям теперь,
Кому что делать. И чего не делать нам.

Орест

Приказ простой. Пусть возвратится в дом сестра.
Велю вам втайне замыслы хранить мои.
Они казнили государя хитростью —
Самих погубит хитрость. Та же хваткая
Задушит сеть. Так Локсий заповедал нам,
Сам Аполлон. А рот его не знает лжи.
Как чужестранец, нарядившись странником,
С моим Пиладом к двери подойду дворца —
Он дома друг и боевой товарищ наш.
Как у Парнаса говорят, так голос мы
Изменим, будто родом с Фокейских гор.
Едва ли повстречает нас приветливо
Привратник: дом убийц не чтит обычаев.
Что ж? У ворот мы подождем. Заметит нас
Мимоидущий человек и спросит так:
«Неужто перед дверью заставляет ждать
Эгисф людей прохожих? Не в отъезде ж он».
А мне бы только дома перейти порог,

Увижу: на отцовском троне волк сидит
Иль выйдет мне навстречу, и лицом к лицу,
Глаза в глаза с ним встречусь. Знай наверное,
Спросить он не успеет: «Ты откуда, гость?» —
Его уложит мертвым мой проворный меч.
Эриния, не сытая убийствами,
Горячей крови в третий раз глоток хлебнет.
Сестра, ты в доме сторожи заботливо,
Чтоб все точь-в-точь случилось, как задумано.
А вам, друзья, язык в узде держать велю,
Молчать, где надо, говорить, что следует.
А в остальном тому себя вверяю я,
Кто меч мой на кровавый этот поднял спор.

(Уходят: Орест с Пиладом — в сторону, Электра — в дом. Музыка.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

Дикий зверь, всякий гад
В дебрях и лесах кишит.
Моря глубь скользких рыб гиблый род
Греет и лелеет.
Тяжелые проносятся
Тучи, пламенем горя.
Всем, кто ползет по земле,
Кто парит в поднебесьи,
Крутокруглый страшен смерч.

АНТИСТРОФА 1

Только кто смеряет
Мужа ярость черную,
Темный пыл, злую страсть женщины,
И любовь без меры?
Проклятье, ужас, бич людской!
Где сплетутся пол и пол,

Женская похоть вершит,
Женщина правит,
Чудищ сплетшихся страшней.

СТРОФА 2

Слушай всякий, кто не глух, не слеп,
И не ветренен,
Про бесстыдную,
Про сыноубийцу Алфею.
Ей — пожар! Ей — убийство!
Сожгла головню. В ней сына жизнь.
Сыну дали в ровесницы,
В час, как выполз из чрева,
Головню божества Судьбы.
С головнею истлел он.

АНТИСТРОФА 2

И другую славят девушку,
Окаянную.
Предала врагу
Милого родителя. Убором
Золоточеканенным
Сманил ее Минос. Тихо Нис
Уснул. И бессмертия
Волос вырвала тайно,
Уезжая, злодейка-дочь, —
Но настиг ее Вестник!

СТРОФА 3

Былых убийств злую память вспомнили.
Забыть ли, ой, свадьбу ненавистную,
Свадьбу — дома пагубу,
Предательство двоедушной женщины,
Измену мужу — воину?
Врагам грозой был, блиставший медью муж.
А нам — терпеть труса власть и женщины
У очага остывшего.

АНТИСТРОФА 3

Из всех злодейств славится Лемносское.
Клянут его в песнях и в преданиях.

Новый грех чудовищный
Сравнит молва с той лемносской мерзостью.
Забудет бог грешный дом,
Кто богу враг, для людей бесчестен тот.
Все, что сказали, правда.

СТРОФА 4

Проходит грудь мне острый нож,
Вонзается лезвием железным.
Ой, божья Правда, где ты, где?
Правда в пыль затоптана.
Уклад богов
Для них ничто. Мнут ногами в землю.

АНТИСТРОФА 4

Но Правда накрепко стоит.
Судьба кует нож и закаляет.
И шлет дитя в пропащий дом,
Крови дочь, пролитой в пыль.
И взыщет долг
Эриния — помнящая долго.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

К двери дома подходят, переодевшись странниками, Орест и Пилад.

Орест

Эй, эй! Привратник! Слышишь? У дверей стучат.
Эй, кто там? Эй, привратник, эй, привратник, эй!
Вот в третий раз кричу я: отворите дом.
Иль вас гостеприимству не учил Эгисф?

Слуга

(выходит из дома)

Да вот я, слышу. Кто ты и откуда, гость?

Орест

Хозяевам проворней доложи. Пришел
Я к ним. И новость приношу важнейшую,
Поторопись! В повозке черной ночь спешит.
И время в доме бросить якорь страннику,
Найдя гостеприимное пристанище.
Пусть выйдет тот, кто домом правит. Госпожа,
А лучше бы — хозяин. Спотыкается
Рассказ в потемках, там, где робость речь ведут
И стыд. Но смело говорит с мужчиною
Мужчина. Напрямик ему скажу про все.

Клитемнестра

(выходит из дворца)

Что надо вам, пришельцы? Все готово вам,
Чем может дом наш обеспечить странника.
Ждет баня вас горячая и мягкая
Постель — усталых радость, слуги честные.
А если привело вас дело важное,
Хозяину — забота. Расскажу ему.

Орест

Давлиец, из Фокиды дальней родом я.
Взвалив поклажу на плечи, дорогою
Аргосскою шагал я, пыль меся ногой.
Прохожий повстречался. Он меня не знал,
А я его. Заговорил. Про путь узнал.
Фокеец Строфий — имя в разговоре я
Услышал. И сказал он: «В Аргос странствуешь?
Так будь гонцом мне! Передай родителям,
Что нет в живых Ореста. Не забудь, прошу.
На родину хотят ли гроб вернуть его,
Иль на чужбине пеплу почивать навек,
Все выпытай и верный принеси ответ.
В кувшине полом, медном схоронили мы
Труп юноши, оплакав, как положено».
Что сам слыхал, о том сказал. А здесь тому ль,

Кому пристало и прилично, передал,
Про то не знаю. Вам, слыхавшим, лучше знать.

Клитемнестра

Ой мне! До основанья все растоптано!
Ой, демон дома! Кто с тобой поборется!
Далеко видишь. И что в тайне спрятано,
Стрелою меткой настигаешь. Насмерть бьешь!
Все, что любила, отнял. Без листвы стою.
Теперь Орест. Далеко от погибельной
Трясины ногу он отвел и все ж — конец.
На пир прекрасный, на выздоровление,
На торжество надежда — запиши: прощай!

Орест

Хотел бы я счастливых новостей гонцом
В такой богатый дом придти. Хотел бы стать
Знакомцем добрым, чтимым гостем. Что милей
Для чужеземца, чем гостеприимства кров?
И все-таки казалось мне бессовестным
Скрыть от родных такое дело страшное.
Ведь другу обещался я дорожному.

Клитемнестра

Бедней не будешь принят из-за этого,
Не станешь другом менее желанным, гость.
Не ты, другой пришел бы с той же новостью.
Но поздно. Время страннику, далекий путь
И длинный день измерившему — на покой!

(К слугам)

В хоромы гостевые отвести его
И спутника, товарища вот этого.
И позаботьтесь, чтоб удобным отдых был.
Вам службу поручаю. С вас и взыщется.
Я ж обо всем, что слышала, хозяину

И господину расскажу. Друзей у нас
Довольно. С ними о беде раздумаем.

(Все уходят в дом.)

Старшая в хоре

Ой, служанки! Ой, верные! Время пришло
Помолиться сейчас
За удачу и счастье Ореста.
Ой, сырая земля! Холм крутой, гробовой!
Высоко ты поднялся, причалил к тебе
Мертвый царь, полководец, вожак кораблей.
Час настал, чтоб услышать, настал, чтоб помочь,
Час настал, чтобы Месть умнохитрую сеть
Заплела. Чтобы в сече полночный Гермес,
Преисподний Гермес,
Меч направил за правое дело.

(Из дверей дворца выходит старая няня Килисса.)

Старшая в хоре

Беду, наверно, чужеземец в дом принес.
Ореста няню вижу, вся заплакана.
Килисса, эй! Зачем выходишь из ворот?
А горе за тобой идет непрошено.

Няня

Послала за Эгисфом госпожа. К гостям
Пусть поскорей приходит. Пусть про новости
Мужчина от мужчины разузнает сам.
Ах, госпожа! Пред челядью старается

Лицом прикрыться сумрачным. А смех — в глазах.
Сегодня — праздник, радость ей, удача ей!
А дому — вовсе худо. Горе-горькое
Для дома люди принесли прохожие.
А тот-то станет ликовать, прослышавши.
Ему, как лакомство — новинка. Ой мне, ой!
Давно уж повелось так. Горя всякого
В дому Атрея мало ли хлебнула я.
И кровью сердце обливалось старое.
Такого все же не знавала ужаса.
Терпела с крепким сердцем беды всякие.
Но вот Орест! Забавка сердца! Мальчик мой!
Его от брюха приняла я матери,
Ночей не досыпала. Крик и плач ночной,
Бессонница и хлопоты — и впропад все!
Такого несмышленыша выхаживать
Ну, право, как зверушку надо. Ум иметь
Свой за него. Не скажет пеленашка ведь,
Есть хочет, пить ли или обмочился весь.
Само себе — хозяин у ребят брюшко.
Смотреть тут зорко надо. Да, признаться ли,
Бывала и проруха. Тут застирывать
Пеленки надо. Няня я и прачка я,
Двойная служба. А Ореста все-таки
Отцу на радость вырастила старая.
И вот, бедняга, слышу: мой Орест погиб.
Иду к тому, кто мерзость дома этого.
Скажу, а он обрадуется новости.

Старшая в хоре

А как его тебе позвать приказано?

Няня

Что? Как? Еще раз повтори! Не взять мне в толк.

Старшая в хоре

Со стражей или одному придти ему?

Н я н я

Велят прибыть с дружиною копейщиков.

С т а р ш а я в х о р е

Смолчи об этом, если ненавидишь тех.
Пускай один приходит для беспечного
Рассказа. И живее! А сама бодрись!
Гонец захочет, так удастся замысел.

Н я н я

И ты как будто радуешься злым вестям?

С т а р ш а я в х о р е

Что, если Зевс на счастье обернет беду?

Н я н я

Тому не быть! Надежда дома — сник Орест.

С т а р ш а я в х о р е

Да нет. Дурной гадатель нагадал о том.

Н я н я

Ты что? Другое знаешь, чем объявлено?

С т а р ш а я в х о р е

Ступай! Покличь! Что приказали, выполни!
Промыслит бог, о чем промыслить надобно!

Н я н я

Иду. Во всем твоих речей послушаюсь.
Пусть будет все, как лучше, если хочет бог.

(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

СТРОФА 1

Ныне, Зевс, слушай нас!
Князь, отец

Олимпийских горних сил.
Милость дай! Счастье дай!
За Правду — мы! Требуем правого!
Правду зовет голос наш.
Восстань же, Зевс, бог, за дело правых!
Ой-ой! Там — в дому — друг!
На врагов дай ему меч, Зевс.
И двукраты и трикраты
Выкупит он вину свою
На алтарях твоих, Зевс!

АНТИСТРОФА 1

Сын отца милого,
Жеребчик он.
В первый раз в повозку слёз
Впрягся конь. Первый бег. Строг не будь
К жеребчику. Пусть пролетит он круг,
Скоком взрывая песок
Без устали, порываясь к цели.
Ой-ой! Там — в дому — друг.
На врагов дай ему меч, Зевс!
И двукраты и трикраты
Выкупит он вину свою
На алтарях твоих, Зевс.

СТРОФА 2

Там, внутри старых стен,
Клад золотой дома храните вы.
Духи рода, слушайте!
Злую кровь былых злодейств
Правая пусть отмоет кровь.
Пусть грех-старик
В доме не плодит детей.
Ты ж, гробовой клети жилец,
Государь наш, кораблей князь,
Глазом окинь милосердым
Дом свой. Свободы сверканье
Заревом светлым зажги,
Сумрак прогнав ночи сизой.

АНТИСТРОФА 2

Ты, Гермес, Майи сын,
Яр и скор, вихрем мчишь корабль удач
И торопишь к цели челн.
Слово темное скажу.
В полночь ты проходишь, в мрак одет,
    И в ясный день
Пеленой туманов скрыт.
Ты ж, гробовой клети жилец,
Государь наш, кораблей князь,
Глазом окинь милосердым
Дом свой. Свободы сверканье
Заревом светлым зажги,
Сумрак прогнав ночи сизой.

СТРОФА 3

И тогда зычный крик,
Женский гам подымем мы —
Страх спугнуть и ночь прогнать.
    Хоровод! Хоровод!
Колдованье! Ворожба!
Прибыль нам! Нам удача! Черный грех,
Наших воинов не тронь!
Будь же смел, друг! Когда час дел
    Позовет в бой,
Крикнет мать: «Сын!» В ответ
Ты ей скажи: «Отец!»
И соверши заклятый подвиг.

АНТИСТРОФА 3

Как Персей тверд и прям,
Сердца дрожь скрепи в груди.
Милых близких во гробах,
    Милых всех на земле
Одари и осчастливь!
Кровь за кровь! Час расплаты! Хочет бог!
Кто убил, того убьют!
Будь же смел, друг! Когда час дел
    Позовет в бой,

Крикнет мать: «Сын!» В ответ
Ты ей скажи: «Отец!»
И соверши заклятый подвиг.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

На орхестру входит Эгисф.

Эгисф

Не по охоте прихожу. Зовут меня.
Слыхал я: новость принесли два путника
Какую-то и вовсе безотрадную.
Орест наш умер. Вот еще кровавая
Для дома рана, хоть утраты прежние
Его искровянили, изувечили.
Что это правда подлинная, зрячая?
Иль призрак, навожденье страха женского,
Летучее и гаснущее по ветру?
Сказать об этом ничего не можете?

Старшая в хоре

И мы слыхали. Но спроси у путников
Там, в доме. Нет цены в словах свидетеля,
Когда услышать можешь достоверно сам.

Эгисф

Пойду и чужеземца обо всем спрошу:
Сам был ли смерти очевидцем, слухам ли
Ползучим, смутным, сбивчивым доверился.
Мой светел ум. Меня не обмануть ему.

(Входит в дом.)

Старшая в хоре

Зевс! Зевс! Что промолвить? С чего мне начать
Заклинанья мои и молитвы мои?
Сердцу что приказать?
До краев переполнено сердце!

Все решится тотчас. В рукопашном бою
Человеческой кровью зальются ножи.
Или с корнем и напрочь исчезнет с земли
Агамемнона дом злонесчастный,
Иль огонь над отцовским зажжет очагом
Сын и прадедов власть
Возвратит и старинные клады.
Вот один он навстречу двойному врагу,
На последнее поприще вышел Орест.
Боги с ним. Пусть же будет победа!

(Из дворца слышен крик Эгисфа.)

Эгисф

Ай-ай, о — то о — то о — той!

Старшая в хоре

Слушай, слушай, ой-ой!
Что там, что? Пал удар во дворце!
Нам в сторону разумно отойти сейчас,
Чтоб не казаться к тем делам причастными.
Уже свершился жребий боя. Нож в крови.

Слуга

(с факелом в руке выбегает из дома)

Беда! Зарезан насмерть господин, беда!
Ой-ой-ой-ой! И в третий раз кричу: ой-ой!
Эгисфа нет на свете. Отворите же!
Живей, живей! В покоях женских настежь дверь!
Засовы сдвинуть сильная нужна рука.
Да не затем, чтоб мертвого поднять. К чему?
Ой-ой-ой-ой!
Кричу глухим? Бужу уснувших? Даром все!
Где Клитемнестра? Почему замешкалась?
Боюсь, боюсь, сегодня, в день возмездия,
Топор, упав, затылок размозжит и ей.

Клитемнестра

(выходит из дворца)

Что, что случилось? Что за крики будят дом?

Слуга

Вам говорю я: режут мертвецы живых.

Клитемнестра

Ай-ай! Загадка! Но понятен горький смысл:
Мы хитростью губили, губит хитрость нас.
Топор, топор подать мне остроранящий!
Мы ль победим сегодня, победят ли нас, —
Увидим. Далеко зашел черед убийств.

(Из дома с окровавленным мечом выбегает Орест. С ним — Пилад.)

Орест

Тебя ищу я. Этот получил сполна.

Клитемнестра

Ой-ой! Эгисф, любимый муж мой! Умер ты!

Орест

Его ты любишь? Что ж! В одну могилу с ним
Ложись! Теперь ты не изменишь мертвому.

(Замахивается мечом.)

Клитемнестра

(открывает грудь)

Постой, дитя! Грудь эту пощади, мой сын!
Ведь здесь на сердце часто так дремал ты, сын.
Ведь эта грудь поила молоком тебя!

Орест

Пилад! Пилад! Что делать? Страшно мать убить!

Пилад

А ты забыл о прорицаньях Локсия,
Нелгущих, крепких? Клятвы позабыл свои?

Орест

Ты победил. Я слушаюсь. Совет хорош!

(Клитемнестре)

Ступай туда! Я там тебя убить хочу,
С тем рядом. Спи с ним, мертвая. Любила ведь!

Клитемнестра

Тебя вскормила. Дай с тобой состариться.

Орест

Отца убийца, в доме хочешь жить со мной?

Клитемнестра

Судьба, судьба повинна в том, дитя мое!

Орест

Так что ж! Судьба судила мне убить тебя.

Клитемнестра.

А матери проклятий не страшишься, сын?

Орест

Ты — мать? Меня прогнала на позор и срам!

Клитемнестра

Да не прогнала. В дружеский услала дом.

Орест

Я продан дважды, сын отца свободного.

Клитемнестра

А где цена продажи? Прибыль в чем моя?

Орест

Мне стыдно словом бранным обозвать тебя.

Клитемнестра

А что отец твой сделал? Это помнишь, сын?

Орест

Он воин. Сидя дома, не хули бойца.

Клитемнестра

Без мужа горько женщине, дитя мое!

Орест

Труды мужчины кормят домоседок вас.

Клитемнестра

И ты, дитя, зарезать мать отважился?

Орест

Не я! Не я! Себе сама убийца ты!

Клитемнестра

Страшись собак свирепых, — крови матери!

Орест

А кровь отца? Простить тебя, отмстит она.

Клитемнестра

Живая, плачу, как над гробом каменным.

Орест

Судьба отца произнесла твой приговор.

Клитемнестра

Ой-ой, змею родила и вскормила я!

Орест

Да, видно, слишком зрячим был твой сонный страх.
Убила, согрешила. Будь хоть грех, убью!

(Уводит мать.)

Старшая в хоре

Нам над бедой обоих в горе слезы лить.
Убийств старинных черный увенчал черед
Орест печальный. Только все ж помолимся,
Чтоб глаз последний дома не ослеп совсем.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Месть тяжело вошла в древний Приамов дом,
    Горько казнящая.
Месть ворвалась, казня, в дом Агамемнона.
Их двое — львов. Топор двойной.
В город пришел беглец,
Веленьем Дельф послан он.
К цели ведет бойца богов промысел.
Славьте, ликуйте все! Княжеский дом спасен.
Сраму настал конец,
И окаянных двух
Тиранов расточительству,
    И счастью злому.

АНТИСТРОФА 1

Месть заползла тайком, тихую сеть сплетя,
    Хитро казнящая.
Меч подняла в бою кровная Зевса дочь,
Любимая. Род людской
Правдой зовет ее.
То — Правды суд! Правды меч!
Правда врагов смела, дохнув гибелью.
Славьте, ликуйте все! Княжеский дом спасен.

Сраму настал конец,
И окаянных двух
Тиранов расточительству,
И счастью злому.

СТРОФА 2

Страшен, велик и свят Локсий, Парнасский бог.
Щель глубока в земле, в сердце Парнасских гор.
Сказал бог — погубить
Велю хитростью,
Позднею, мстительной.
Велел бог — молчи! Сказал бог — сверши!
Что бог дал — не зло!
Закон смертным дан: князей неба чтить!
Солнце горит опять. Наземь скользнула цепь,
Волен Атрея дом.
Дом, подымись, воспрянь! Долгий, ой, долгий век
Лежал ты, распростертый в пыль.

АНТИСТРОФА 2

Скоро счастливый век, зрелый, обильный век
В двери дворца войдет. Смоется кровь и грех.
Сотрет мерзость и тлен
Старинный обряд жертв очистительных.
Судьбы светел лик, богов ясен взор.
Кругом песнь звенит:
«Поник демон злой,
Дурной дома гость».
Солнце горит опять. Наземь скользнула цепь,
Волен Атрея дом.
Дом, подымись, воспрянь! Долгий, ой, долгий век
Лежал ты, распростертый в пыль.

ЭКСОД

Раскрываются двери дворца. Видны трупы Клитемнестры и Эгисфа. Появляется Орест.

Орест

Вот перед вами самоправцы родины,
Отца убийцы, дома расхитители,

На тронах дружно восседали, гордые.
И ныне в дружбе. Жребий их порукой в том.
Союз и клятву верности хранят в гробах.
Вдвоем они поклялись умертвить отца.
Поклялись умереть вдвоем. И стало так.

(Разворачивает окровавленную рубаху Агамемнона.)

Убийства очевидицы, глядите же!
Вот, вот, ловушка, сеть, отца сдавившая,
Силки для рук и западня для ног его.

(К слугам)

Сеть разверните, покажите всем вокруг
Капкан людской. Пусть смотрят. Пусть глядит отец —
Не мой, увы! — отец вселенной, Гелиос
Всевидящий. Он видел материнский грех.
Так пусть же будет в день суда свидетелем,
Чтоб матереубийцу, обелить меня.
Не в счет убой Эгисфа. Осквернитель, вор
По праву, по заслугам получил он казнь.
Но чтобы мужа так возненавидела
Жена, кто дал ей сына, чье дитя она
Под поясом носила, сына, нет, врага.
Так кто ж она? Ползучий гад, ехидна, червь?
Не укусив, отравит, прикоснется лишь!
Такая вероломная, бесстыдная!

(Разглядывает рубаху, которую слуги снова принесли ему.)

А это? Как назвать мне, не кощунствуя?
Капкан кабаний? Или саван? Мертвеца
Он туго спеленает с головы до ног.
Нет, это сеть! Разбойник, придорожный вор,
Убийством промышляющий и золотом
Награбленным, — ему бы эта подлая
Сеть пригодилась: скольких бы словил, сгубил!
И чтобы в доме жил я с этой женщиной!
Нет, лучше, богом проклят, без детей умру.

Хор

СТРОФА 1

Ой мне, ой! Ой мне, ой! Дело черное, ой!
Умер царь безотрадною смертью.
Ай-ай!
Но горе цветет для живого.

Орест

(разглядывает рубаху)

Убила? Не убила? Очевидец мне
Ты, плащ отца, ножом Эгисфа крашенный!
Старо пятно кровавое. И пурпурный
Узор оно пожрало ткани княжеской.
Себя я славил. Плачу над собой сейчас,
На этот саван сумрачный отца взглянув.
Над прошлой болью плачу и над родом всем.
И мне проклятье тяжело побед моих.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Без греха человеку прожить не дано,
Не пройти по земле без покора.
Ай-ай!
Тот был, этот будет несчастен.

Орест

Узнайте все: и сам сейчас не ведаю,
Чем кончу. Кони понесли. И мчат меня
Прочь с колеи. Поводья мыслей порваны,
Влекут ошеломленного. А в сердце — страх
Затягивает песню. Словно в бубен бьет.
И пляшет сердце. Но пока мой светел ум,
Вам говорю, любимые: я мать убил
По праву, богу-мерзость, мстя за кровь отца.
А зелье приворотное для дела дал
Сам Феб, пророк пифийский. Объявил мне бог:
Свершу и буду от греха и крови чист,

А не свершу, не перечислить казней всех.
Таких страданий края не достать стрелой.
Глядите ж все: в дорогу снарядился я
С масличной веткой и с повязкой, странником,
Пойду туда, где пуп земли, где Феба храм,
Где тихий свет огня неугасимого.
Бегу от крови пролитой. Мне бог велел
Приют искать у алтаря пифийского.
А вас, народ аргосский, я в свидетели
Зову: пред вами человек несчастнейший.
Изменник, матереубийца, вдаль бегу,
И не уйду от черной славы, жив и мертв.

Старшая в хоре

Твой славен подвиг. Так не оскверняй же рта
Недобрым словом! Сам не проклинай себя!
Ты размозжил двоим ехиднам голову
И волю дал всему народу Аргоса.

Орест

Ай-ай!
Вот женщины чудовищные. Взгляд Горгон,
В землистых покрывалах. Змеи клубнями
Сплелись вокруг голов их. Не останусь здесь.

Старшая в хоре

Отца любимец! Что тебе мерещится?
Мужайся! Победитель! Одолей свой страх!

Орест

Въявь ужас мой. Ничто мне не мерещится.
То матери собаки распаленные!

Старшая в хоре

Кровь свежая еще стекает с рук твоих.
Кровь ослепляет и туманит разум твой.

Орест

Феб-государь! Все больше их! Ползут! Ползут!
Кровь мерзостная капает из впалых глаз.

Старшая в хоре

Греху есть очищенье. Аполлон рукой
Тебя коснется и освободит от мук.

Орест

Не видите! А я их вижу. Тут и тут,
Вот окружают, гонят: не останусь здесь.

(Убегает.)

Старшая в хоре

Так будь же счастлив. Добрый бог храни тебя!
В печалях и болезнях он спаситель твой.
Вновь над княжеским домом, клубясь и гремя,
Пролетел ураган,
В третий раз накатило ненастье.
Пир ужасный — начало. Дитя свое ел
Злополучный Фиест.
А второе — великий погиб государь,
Сник он, в бане зарезан. Ахейских дружин
    Полководец поник.
Ныне третий. Спасителем звать ли его?
    Или роком назвать?
Тяжко рухнуло, снова рванулось вперед.
Где ж задремлет, затихнет Проклятье?

Хор покидает орхестру.

Конец трагедии

ЕВМЕНИДЫ

ДЕЙСТВУЮТ:

Орест.

Аполлон, бог.

Афина, богиня.

Призрак Клитемнестры.

Пифия, пророчица.

Хор Эриний-Евменид.

ПРОЛОГ

Перед храмом Аполлона в Дельфах.
На орхестру, опершись на посох, выходит дряхлая Пифия-пророчица

Пифия

Молитвой первой — из богов старейшую,
Первопророчицу чту Гею. А за ней —
Фемиду. Вслед за матерью, второй она
Сидела прорицательницей. После трон
Не силе уступила, волей доброю,
Титанке Фебе, дочери другой Земли.
Та — в дар родильный — Фебу отдала его,
Назвавши внука именем святым своим.
Покинув волны тихие Делосских скал,
У берегов гостеприимной Аттики
Причалил бог — сюда к Парнасу двинулся.
С почетом провожая, пролагали путь
Ему сыны Гефеста. Дебри дикие
От зверя очищали, прорубали лес.
И он пришел. И величал народ его,
И Дельф навстречу вышел, старый царь страны.
И в сына божескую мудрость Зевс вдохнул.
Четвертым сел он на престол провидческий,

Феб, Локсий, Зевса, своего отца, пророк.
Богам моя молитва этим первая,
За ними — честь Палладе, что за Стенами,
И Нимфам — честь. Пещера Корикийская
Приют их, птиц гнездовье, и божий дом.
И Бромий — не забыла — этих склонов князь.
Бог-воевода, вел он вакхов воинство
И жребий сшил Пенфея, гибель заячью.
И силу Посейдона чту и Плиста ключ.
Зову тебя, свершающий, великий Зевс!
А помолившись, в храм войду, пророчица.
Пусть будет этот день мой всех минувших дней
Счастливей. Если собрались здесь Эллины,
По жребию (таков закон), подходят пусть!
Пророчествовать буду, как велит мне бог.

(Входит в дверь храма и сейчас же выбегает в ужасе.)

Чудовища! Назвать — ужасно! Взорам — страх!
Меня от дома отогнали Локсия.
Стоять нет силы выпрямившись. Падаю.
Совсем не держат ноги. На руках ползу.
Старуха, как ребенок, перепугана.
Вошла в тайник, повязками украшенный;
И вижу, у святого пупа — человек
Сидит, богами проклятый. Кровь капает
С дрожащих рук. Меч обнаженный держит он
И ветвь широколистую, масличную,
Руном пушистым скромно перевитую,
Овечьей шерстью белой. Разглядела все.
Вокруг, в священных древних креслах женщины
Сидят и дремлют, табор удивительный.
Да нет, совсем не женщины, Горгонами
Их назову. И даже не Горгонами.
Видала Гарпий на картине. Пищу рвут
Из рук Финея. Но без крыльев эти здесь.
Черным-черны. Для глаза отвратительны.
Храпят. Не подойти. Дыханье смрадное.
Из глаз точится сукровица мерзкая.

А их наряд — ни в божий храм, ни в дом людской
Войти в таком наряде не пристало бы.
Не знаю я, какого рода-племени
Чудовищная свора. Что за край земли
Вскормил их. Верно, стонет край, раскаявшись.
Молчу. Об остальном же — этих мест святых
Хозяину забота, богу Локсию.
Пророк — целитель, знамений отгадчик он,
От скверны обелитель дома каждого.

(Уходит Пифия. Раскрывается внутренность храма. Виден Орест, окруженный спящими Эриниями. Входит Аполлон в сопровождении Гермеса.)

Аполлон

Нет, бог твой не предаст тебя. Храню тебя,
С тобой всегда, хотя бы в отдаленьи был.

(К Оресту)

К твоим врагам не буду добр и милостив.
В плен взяты, видишь, эти твари мерзкие.
Сон обуял чудовищ отвратительных,
Седое племя Ночи. Не якшается
Ни бог, ни смертный с ними, ни рыскучий зверь.
Они на злое сходятся. В полуночном
Гнездятся мраке, в мгле подземной Тартара.
Тошны и людям, и Олимпа жителям.
Но говорю: беги, не малодушествуй!
Погонятся по следу. Материк насквозь
Промчишься. Сухопутья потеряешь след.
Погонят морем, мимо городов в зыбях.
Не уставай! Перетерпи воловий гон
Мучительный. Придешь в Паллады город ты —
Там сядь. Кумир старинный обними, молясь.
Там судей встретим. Там слова целебные
Услышим. Там тропу найдем спасения,
Чтоб навсегда от мук освободить тебя.
Ведь я сказал, чтоб мать твою ты, сын, убил.

Орест

Царь Аполлон! Ты знаешь, что велят тебе
И Честь и Правда. Помнишь все. Заботлив будь.
Все совершить силен ты, что решил свершить.

Аполлон

Все помню. Пусть же страх не победит тебя.

(К Гермесу)

Моим отцом рожденный, брат мой кровный, ты,
Гермес, храни того, кто мне доверился.
Вожатым будь внимательным и пастухом
Надежным. Неприкосновенен, чист и свят
Глашатай перед Зевсом, чтоб несчастных вел.

(Гермес уводит Ореста. Аполлон входит в храм. Появляется окровавленный призрак Клитемнестры.)

Призрак Клитемнестры

Вы спите! Спите! О, на что мне спящие!
А я у вас перед другими мертвыми
Совсем в презреньи. Те, кого зарезала,
Их брань не умолкает в царстве спящих душ.
Скитаюсь опозорена. Вам говорю:
К ним иск кровавый, тяжкий у самой меня.
От милых близких страшное терпела я.
А из богов не гневен за меня никто.
Вот — матереубийцей я зарезана.
Глядите — в сердце рана: здесь ударил сын.
Глаза души сверкают, зрячи, в сонной мгле,
Но слепотой туманит их полудня блеск.
Моих щедрот вы налакались досыта.
Без хмеля влага, возлиянья трезвые,
На очаге полночный, молчаливый пир
В ваш страшный час, от всех богов особенный.
Но вижу: все постыдно в пыль потоптано.
А тот, как молодой олешек, выпрыгнул,
Скакнул ногами легкими и сеть порвал,

Вам вслед глумливо поглядел — и был таков.
Вы слышите? Кричу вам о душе своей.
Вы поняли? Богини ночи гробовой!
Я — Клитемнестра, призрак сонный, вас зову.

Хор

(стонет)

Призрак Клитемнестры

Вы стонете. А тот ушел; бежит, бежит.
Не как мои, надежны у него друзья.

Хор

(стонет)

Призрак Клитемнестры

Вы спите слишком крепко. Вам меня не жаль.
Бежал Орест, убийца, мать зарезавший.

Хор

(вопит)

Призрак Клитемнестры

Завыли? Спите? Ото сна не вскочите?
Не ваша ль служба: мукой мучить, болью бить?

Хор

(вопит)

Призрак Клитемнестры

Истома, сон стакнулись, заговорщики,
Чтоб жало злобы вырвать у свирепых змей.

Хор

(стонет протяжно, пронзительно)

Хватай! Хватай! Хватай! Хватай! Хватай! Держи!

Призрак Клитемнестры

В дремоте зверя гонишь? Поднимаешь лай?
Как гончий пес, неугомонный, яростный.
Так что ж? Проснись! Пускай столбняк не вяжет ног,
Сон не слепит! Не забывай про грузный долг!
Пусть грудь грызут укоры справедливые.
Как острый бич они для тех, в ком совесть есть.
Вскочи! Гони! Сожги слюной отравленной!
Дыханьем черным иссуши! Нутро спали!
Беги по следу! Задави облавою!

(Призрак Клитемнестры исчезает.)

Старшая в хоре

Проснись! Проснись! Буди ты — ту, а я — тебя!
Эй, спишь? Вставай! Сон прогоняй! Живей! Живей!
Посмотрим, не напраслину ль взболтнула нам!

(Эринии, одна за другой, выбегают из храма.)

ПАРОД

Хор

СТРОФА 1

Иу! Иу! Гого!
Сестры! Беда! Беда!
Труды, труды, забота — прахом, впропад все!
Горькое горе нам! Слезы и стоны! Ой!
Беда! Стыд и боль!
Из ловчей сети выпрыгнул, умчался зверь.
Сон обуял. Боль и стыд! Дичь ушла.

АНТИСТРОФА 1

Иу! Зевса сын!
Ты — тайнокрад! Ты — вор!
Молодчик наглый! Обскакал седых богинь!
Дал беглецу — покров, щит — окаянному.
Родным — он палач!
Зарезал мать. А ты убийцу выкрал, бог!
Кто же тебе скажет, Феб: бог, ты прав?

СТРОФА 2

Казнил укор. Упрек виденья сонного
Стегнул. Так бичом наотмашь
Хлещет коней возница.
Под сердце бьет. Под печень бьет.
Сечет палач. Плеть впилась
В кровь и мозг, в мездру, в хрящ.
Страшная, страшная слишком мука!

АНТИСТРОФА 2

Так эти боги младшие бесчинствуют!
Престол в пыль попрали Правды.
В сгустках он крови черной.
И снизу — кровь. И сверху — кровь.
Глядите: вот пуп земли
Весь — в крови, весь — в грехе.
Преступленьем тяжким он запятнан.

СТРОФА 3

Страшным грехом свой очаг пророческий
Сам осквернил ты, бог.
Сам хотел, сам накликал.
Наперекор богам, племя людей ты чтишь
И рушишь власть предвечной Мойры.

АНТИСТРОФА 3

Мой грешник! Мой! Его никто не вызволит.
Скройся в подземной мгле, —
Нет и в земле покоя.
Проклят, погиб! Убил! Так и его убьют!
Из черной крови встанет мститель.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Аполлон

(выходит из храма со стрелами и луком в руках)

Вон! Вон! Велю..Живей из дома этого!
Идите прочь! Покиньте свод пророческий,

Не то змея, сверкающая, быстрая,
Просвищет с златовитой тетивы моей.
От боли взвоешь! Сгусток черный вырыгнешь
Кровавой пены. Крови налакалась ведь.
Прочь! Прочь! Под этой кровлей вам запретно быть!
Вам — быть, где рубят головы, глазницы жгут.
Суд! Бойня! Семя, — сок, детей рождающий —
Стекает, покалечен. Хрипы! Хруст костей!
Колесованье! Дыба! С всхлипом корчатся
Посаженные на кол. Эй, не слышите?
Вот праздник ваш, забава ваша. Потому
Богам тошны вы. Самый вид ваш мерзостен.
В пещере львиной, где густая каплет кровь,
Таким гнездиться чудищам. Не пакостью
Пятнать моих святынь великолепие.
Ступайте вон! Скитайтесь одичалые!
Не станет пастухом вам из богов никто.

Старшая в хоре

Царь Аполлон! Послушай и меня теперь.
Тебя не назову я совиновником, —
Нет, все один свершил ты. Виноват во всем.

Аполлон

Как? Объясни! На это срок даю тебе.

Старшая в хоре

Ты чужеземцу повелел зарезать мать.

Аполлон

Велел расплату за отца воздать. А что?

Старшая в хоре

И кровного убийства стал потатчиком.

Аполлон

За очищеньем в дом мой приказал придти.

Старшая в хоре

Мы — провожали. Почему ж позоришь нас?

Аполлон

Нельзя вам приближаться к алтарям моим.

Старшая в хоре

Такая нам повинность предназначена.

Аполлон

Какая? Службой похвались почетною!

Старшая в хоре

Из дома матереубийцу гоним прочь.

Аполлон

А если мужа женщина зарезала?

Старшая в хоре

Не кровное убийство! Не родная кровь!

Аполлон

Совсем ничтожна, значит, без цены совсем
Великой Геры с Зевсом клятва брачная?
Киприду топчешь руганью презрительной.
А ведь от ней — для смертных радость всякая.
Судьба хранит мужчины брак и женщины
Священней, чем присягу. Правит Правда им.
Щадишь мужеубийцу ты. Казнить ее
Не ищешь, по следам ее не гонишься.
Так говорю: не вправе ты Ореста гнать.
За ту распалена ты кровь, бесчинствуешь.
А к этой крови равнодушна чересчур.
Владычица Паллада разберет, кто прав.

Старшая в хоре

Не отпущу убийцу. Не устану гнать.

Аполлон

Гони! Гони! К труду — труды прикапливай!

Старшая в хоре

Глумишься. Хочешь умалить почет мой, бог!

Аполлон

Я и в подарок твой почет не принял бы.

Старшая в хоре

Велик ты, верно, у престола Зевсова.
Я все ж — за ним! Кровь гонит материнская.
Бегом, собака гончая, по следу мчусь.

(Хор быстро покидает орхестру.)

Аполлон

А я пойду и охраню молящего.
И у богов и у людей всесилен гнев
Просящего защиты. Не предам его.

(Аполлон уходит.)

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Орхестра пустеет. Действие переносится в Афины. Перед храмом Паллады.

Орест входит и садится у кумира богини.

Орест

Владычица Афина! Слово Локсия
Придти велело. Так прими же грешника.
Омыты руки. Не свежо проклятие.
Обтерся, притупился окаянства яд.
Скитался я по суше, по морям блуждал.
Послушный Феба мудрому пророчеству,
В твой храм пришел, богиня, обнял идол твой,
Здесь остаюсь. Пусть будет приговор и суд.

(Хор Эриний входит на орхестру.)

Старшая в хоре

Вперед! Вперед! Убийцы чую свежий след.
Кровь манит, молчаливая доносчица.
Как мчится свора за оленем раненым,
Так мы бежим, вынюхивая пот и кровь.
Загнали дичь. Да чуть не задохнулась грудь
От устали. Промчались материк насквозь.
Бескрылым лётом через море дальнее
Перемахнули. Быстрый не ушел корабль.
Здесь где-нибудь, наверно, притаился враг.
Бьет в ноздри запах крови человеческой.

МАЛЫЙ ПАРОД

Эринии, одна за другой, обходят орхестру:

1-я в хоре

Ищи! Ищи! Пытай! Все огляди вокруг.
Чтоб не ушел тайком
Тот, кто зарезал мать.

2-я в хоре

Гляди! Снова вор верный приют добыл.
Идол богини вор обнял. Прижался весь.
Ищет суда глупец и оправданья ждет.

3-я в хоре

Тому не быть! Кровь пала материнская.
Пролилась в пыль. Не вернуть.
В землю всосалась кровь и протекла в песок.

4-я в хоре

Заплатишь кровью! Из живого высосу
Красный горячий сок. Крови лакну из жил.
Досыта, допьяна браги хмельной хлебну.

5-я в хоре

Живого иссушу тебя. Подземь сгоню.
Болью плати за боль, сын, заколовший мать!

6-я в хоре

Увидишь, вор, как мучаются грешники —
Кто оскорбил богов,
Гостя обидел иль милых родителей.
Суд — по заслуге каждому и казнь — за казнь.

7-я в хоре

Истец нелицемерный для людей — Аид.
В поддонной тиши
Всему счет ведет в дощечках памяти.

Орест.

Несчастья научили. Очищений всех
Обряды помню. Знаю, где молчать — закон,
Где говорить. В свою защиту речь вести
Наставник обучил меня разумнейший.
Уснула на руке моей, пожухла кровь.
И можно пакость матереубийства смыть,
Кровь — свежею она росилась — кровью я
Свиньи очистил перед храмом Фебовым.
Слов много надо, чтобы перечислить всех,
Кто без вреда вступал со мной в общение.
Дряхлеющее время очищает все.
И вот благочестиво, чистым ртом зову
Афину, края этого владычицу.
О, пусть придет на помощь. Без оружия
В союзники себе добудет вечные
Меня и город, и народ аргосский весь.
Где б ни была, в песках ли жаркой Ливии,
Над Тритонидой, над рекой родительской,
Ногой державной величаво шествует,
Друзьям неся защиту. На Флегрейских ли
Полях, водитель смелый, ставит войска строй.
Пускай придет! Услышит зов мой издали, —
Богиня, ведь. И надо мною сжалится.

Старшая в хоре

Ни Аполлон, ни госпожи Афины власть
Тебя не вырвут из свирепых рук моих.
Разучится смеяться сердце. Будем гнать.
Мешок без крови, призрак тощий, падаль, труп,
Не отвечаешь? На слова плюешь мои?
Ты в жертву мне откормлен, предназначен мне.
Живой меня потешишь, не заколотый.
Заклятье слушай, вяжущую слушай песнь!
Эй-эй-эй! Становись! Заводи хоровод!
Нашу страшную песнь
Час настал затянуть и прославить
Нашу доблесть, и почесть, и древнюю власть
Над людскою бессильною долей.
Правосудные, быстрые мстители мы.
Кто безгрешен и чист,
Кто руки не пятнал святотатством, —
Наша ярость за тем не ползет, не бежит.
Беспечально сквозь жизнь он проходит.
А захочет убийца, как этот беглец,
Спрятать руки, залитые кровью,
Мы свидетели, встанем за тех, кто в гробу,
Мы — ходатаи мертвых за кровь и за боль.
Мы истцы. И с убийцы мы взыщем.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор Эриний кружится вокруг Ореста.

Хор

СТРОФА 1

Матерь Ночь! На казнь, о мать
Ночь, меня родила ты
Тем, кто слеп, тем, кто зрячий.
Слышишь, мать? Сын Лето
Нас опозорить хочет.
Ловчей лов отнял бог.

Мать убил. Пойман вор —
Нам добыча. Кровь за кровь!
Песнь мы поем. Ты обречен.
Мысли затмит, сердце смутит,
Мозг сокрушит в тебе гимн наш,
Гимн Эриний, страшный гимн.
Песней скован, иссушен,
Кто безлирный слышал гимн.

АНТИСТРОФА 1

Мойра беспощадная
Рок мой выпряла черный.
Жребий мой — казнить убийц.
Править сыск смертных дел.
Гнать, казнить окаянца.
Он бежать — я за ним,
Он в Аид — я за ним.
Даже мертвый будет мой!
Песнь мы поем. Ты обречен.
Мысли затмит, сердце смутит,
Мозг сокрушит в тебе гимн наш,
Гимн Эриний, страшный гимн.
Песнью скован, иссушен,
Кто безлирный слышал гимн.

СТРОФА 2

Мне от рождения выпала важная участь.
Лишь на бессмертных нельзя наложить мне рук. Гостя
Нет на пиршествах моих.
Пляски веселые, пеплосы белые мне ненавистны.
Домы рушить — жребий мой.
Вскормлен ручной в доме Арес.
Свой на своих. Друг на друзей.
Брызнула кровь. Мы по пятам,
Крови истцы пролитой.
Будь он силач — завянет жизнь.

АНТИСТРОФА 2

Тех, чей в эфире сверкающий дом, мы не гоним
И не преследуем. Не состязаемся с ними

Тяжбой о чести и власти.
Зевс от дверей своих наш ненавидимый, каплющий кровью
Табор удалил навек.
Вскормлен ручной в доме Арес.
Свой на своих. Друг на друзей.
Брызнула кровь. Мы по пятам,
Крови истцы пролитой.
Будь он силач — завянет жизнь.

СТРОФА 3

Гордо блещет на небе слава людская.
Миг, и поникла, и с пылью земною сравнялась,
Только мы в черных лохмотьях порог переступим
И, завыв, запляшем в лад.
В круг загоню. Дико скачу.
Тяжкой стопою землю топчу.
Не убежать. Не ускользнуть!
Шаток мой шаг. Грузен мой шаг.
Тяжко шествует Ата.

АНТИСТРОФА 3

Сам не знает гордый, что падает. Слеп он.
Скверна над грешником стелется облаком дымным.
Люди догадливы. Люди приметливы: шепчут
«Грозовый над домом мрак».
В круг загоню. Дико скачу.
Тяжкой стопою землю топчу.
Не убежать. Не ускользнуть!
Шаток мой шаг. Грузен мой шаг.
Тяжко шествует Ата.

СТРОФА 4

Так было. Так будет ввек.
Мы знаем путь. Знаем цель.
И помним зло вечно.
И не прощаем: святы мы.
Ни чести нет нам, ни места нам нет,
Ни меж людей, ни у богов.
Без солнца, где плесень,

Гнездимся. И нет к нам тропы и дороги
Тем, кто зряч, и тем, кто слеп.

АНТИСТРОФА 4

Не устрашась, не дрожа
Услышит кто нашу песнь?
Старинных правд голос?
Устав извечных древних Мойр?
Скрепленный клятвой горних богов,
Стоит от века наш престол.
И честь велика нам,
Хоть мы и гнездимся в бессолнечном мраке,
В мгле подземной, во гробах.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

В блеске всеоружия, с копьем и щитом в руке, появляется Афина.

Афина

Призыв ваш издалече услыхала я,
С лугов Скамандра. Земли там столбила я.
Начальники и главари Ахейские
С плодом и корнем дали их на век и век
Сынам Фесея, избранный, почетный дар,
Из боевой добычи долю славную.
Оттуда поспешила, неустанная.
Без крыл, шуршал эгидой вихрь, как парусом.
Упряжка сильных коней так повозку мчит.
И вот гостей я вижу новых в городе.
Не страшно. Но для глаза удивительно.
Кто вы? Откуда? Спрашиваю всех: тебя,
Припавший к моему кумиру, пришлый гость,
И вас. Вы не похожи на живую тварь,
Ни на богинь, как взоры бога видят их.
И племени людскому не подобны вы.
Но только все ж: хулить за безобразие
Несправедливо. Было б сердце праведно.

Старшая в хоре

Про все узнай в коротком слове, Зевса дочь.
Мы — порожденья сумрачные Полночи.
Проклятьями зовут нас в преисподней мгле.

Афина

Известен род ваш и знакомо прозвище.

Старшая в хоре

Про нашу власть и должность ты узнай теперь.

Афина

Готова слушать. Ясно расскажи про все.

Старшая в хоре

Кровь ближнего проливших гоним из дому.

Афина

А для убийцы где предел скитания?

Старшая в хоре

Где ни веселья нет ему, ни радости.

Афина

Хрипя, грозишь и этому такой судьбой?

Старшая в хоре

Да. Мать родную он убить отважился.

Афина

А долг иной, ярясь, не угрожал ему?

Старшая в хоре

Где бич такой, чтоб подстрекнул зарезать мать?

Афина

Две стороны здесь. Я одну лишь слышала.

Старшая в хоре

Он клятв не даст, присяги не потребует.

Афина

Не быть, считаться правосудной хочешь ты.

Старшая в хоре

Как? Научи нас: не бедна ты мудростью.

Афина

Не станет прав неправый, хоть бы клялся он.

Старшая в хоре

Что ж, допроси и положи свой приговор!

Афина

Мне суд и мне решенье поручаете?

Старшая в хоре

Да. Чтим мы по достоинству достойную.

Афина

А ты, пришелец, чем ответить можешь им?
Свой род и город назови, и горькую
Судьбу. И опровергни обвинение.
В свою ты правду верил ведь, когда кумир
Мой обнял и к святому очагу припал,
Как Иксион, об очищеньи молишь ты.
Так дай ответ, все объясни отчетливо.

Орест

Владычица Афина! Удалить хочу
Боязнь и опасенья из речей твоих.
Ищу не очищенья. Скверна мерзкая
К ладоням уж не липнет. Чистым обнял я
Твой жертвенник. И вот тебе свидетельство:
Велит закон: в безмолвии пребудет пусть

Проливший кровь, пока другой — ведун-колдун —
Кровь не прольет сосущего звереныша.
Так был не раз очищен я в чужих домах
Горячей кровью и водой проточною.
Сказал, чтоб ты заботой не тревожилась.
А сам откуда родом, расскажу тотчас.
Аргосец я. Отца наверно знаешь ты:
Царь Агамемнон, войска корабельного
Водитель. Вместе Илион прославленный
Вы расточили. В дом вернувшись, умер он
Худою смертью. С черным сердцем мать моя
Его убила, сетью пестро вытканной
Окутав. В бане воровски зарезан царь.
Я был в изгнаньи. После возвратился в дом
И мать убил. Мне отпираться нечего.
Я кровью мстил за кровь отца любимого.
А Локсий был деянья соучастником.
Грозил он плетью, сердце разрывающей,
Когда не отплачу убийцам казнь за казнь.
А прав, не прав ли, — ты суди по правде всей.
Тебе себя вверяю. Быть по-твоему.

Афина

Суд труден. И не может человек один
Судить тут. Да и мне не подобало бы
Решать о крови спор ожесточеннейший.
Пришел ты в город чистым, умоляющим,
Не вредным, не заразным для святынь моих.
Ты без изъяна. И в страну принять тебя
Мы можем. Но не просто оттолкнуть и тех.
Когда потерпят в тяжбе поражение,
Отравленная пена глоток бешеных,
Скатившись наземь, язвы и чуму родит.
Опасен выбор. И прогнать, и не прогнать,
И то, и это тяжко. Не могу решить.
Но раз уж докатился трудный спор до нас,
Назначу судей — клятвенный устав хранить.
Им править суд о крови положу навек.

Улики соберите, доказательства
В защиту и свидетельства присяжные.
А я знатнейших среди граждан выберу,
Чтоб эту тяжбу разрешить тяжелую,
Храня святую клятву, право суд вершить.

(Афина удаляется.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

В погибель, впропад все —
Строгий строй древних правд,
Если сын, убивший мать,
Победит пред судом!
Кровь легка. Соблазнит людей на кровь
Легкий и бескровный суд.
Слезы вам, старики седые!
Боль терпеть от родных детей —
Вот печальный жребий ваш.

АНТИСТРОФА 1

За убийцей (гончий гон!)
След ища, чуя кровь,
По пятам не побежим.
Режьте, эй! Лейте кровь!
Будет плач, жалобы и там и тут:
«Терпим горе и беду.
Боль, ой, боль! Тяжела обида!»
Зря! Бескровные снадобья
Бедняка не исцелят.

СТРОФА 2

Будут раны. Будет боль.
Пусть же не вопит никто,
Пусть не голосит никто:
«Правда, ой!
Ой, Эриний трон святой!»

Так родитель завопит.
Матерь так заголосит.
От детей печаль и стыд!
Попран в землю правды трон.

АНТИСТРОФА 2

Для людей — спаситель страх.
Слабых душ хранитель страх.
Пусть пребудет, вечно жив,
В сердце страх.
Слезы учат. Учит боль.
Кто же, кем не водит страх,
Смертный, город, иль народ
Сердцем набожен и прям?
Кто без страха Правду чтит?

СТРОФА 3

Ты безвластья не хвали
И единовластия
Не хвали.
Дал середине во всем превосходство всевышний.
Крайности шатки.
Слово крепкое скажу:
Роскошь спесивая в сердце строптивом живет.
Ясная совесть
В домах родит милый всем,
Радостный всем достаток.

АНТИСТРОФА 3

Навсегда тебе скажу:
Старой Правды чти престол.
Никогда
Правду пятой не топчи, за наживой погнавшись.
Пеня не минет,
Все решая, ждет конец,
Милых родителей в сердце своем почитай!
　　Гостеприимства
Седой устав, кров и стол
Вам да пребудут святы.

СТРОФА 4

Кто сердцем прям, кто без принужденья чист,
В жизни встретит счастье.
Не сникнет он, в пропасть не поникнет.
Но говорю: канет гордеца корабль.
Добром нечестным кузов нагрузил гордец.
Но вихрь порвет в лоскутья парус,
В щепь разнесет оснастку мачт,
Бурей дохнув грозовой.

АНТИСТРОФА 4

Закрутит вихрь. Горько завопит гордец.
Да никто не слышит.
Над гордецом посмеются боги.
Удачлив был, сметлив и находчив был.
А тут — не выплыть из зыбей, не вынырнуть.
Пойдет ко дну со всем богатством.
Правды утес ладью разбил.
Люди жалеть не станут.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

На орхестру в торжественном шествии входят афинские старейшины — судьи во главе с глашатаем и трубачем. Афина появляется из храма.

Афина

Начни, глашатай, и утихомирь народ!
Надуй округло щеки! Протруби! И пусть
Труба до неба прогремит тирренская
И проблестит, ликуя, над толпой людской.
Вели молчать! Пускай услышит город весь
Устав мой. Вам даю его на век и век.
И те пусть слышат: будет правосуден суд.

(Глашатай трубит. Входит Аполлон и становится около Ореста.)

Старшая в хоре

Царь Аполлон! Над тем господствуй, что твое,
А в этот спор вмешался ты зачем, пророк?

Аполлон

Свидетелем пришел я. По обычаю
Вот этот — подопечный мой и дома гость.
Его от крови пролитой очистил я.
И сам пришел тягаться. Соучастник я
В убийстве той, что матерью звалась его.

Афина

(*к Эриниям*)

Вам говорить. Высокий открываю суд.
Истец имеет первый слово. Пусть же нам
Расскажет все открыто и отчетливо.

Старшая в хоре

Нас много здесь. Но будет речь короткою.
На слово словом отвечай мне в свой черед.

Вторая Эриния

Сперва одно скажи нам: ты зарезал мать?

Орест

Зарезал, да. Признаньем не хочу вилять.

Третья Эриния

Один удар уж нанесен. В пыль упадешь!

Орест

Еще держусь я на ногах. Не хвастайся!

Четвертая Эриния

Теперь другой ответ мне дай: убил ты как?

Орест

Скажу. Вонзила в горло нож рука моя:

Пятая Эриния

Кто подстрекнул и кто подговорил тебя?

Орест

Бог Локсий напророчил. Подтвердит он сам.

Шестая Эриния

Провидец-бог велел тебе зарезать мать?

Орест

И до сих пор я долю не хулю свою.

Седьмая Эриния

Иное скажешь. Круто схватит приговор.

Орест

Не страшно. Помощь из гробов пошлет отец.

Восьмая Эриния

На мертвецов надейся, сын, казнивший мать.

Орест

Двойною скверной запятнала мать себя.

Девятая Эриния

Какою скверной? Судей научи своих.

Орест

Убила мужа своего, а мне — отца.

Десятая Эриния

Но ты живешь. А эту обелила смерть.

Орест

Пока жила, ее не обвиняли вы.

Одиннадцатая Эриния

Она убила мужа. Не родная кровь.

Орест

А я с такою матерью кровей одних?

Двенадцатая Эриния

Под сердцем мать тебя носила, бешеный!
От милой крови матери отрекся сын.

Орест

Ты будь моим свидетелем! Ты докажи,
Бог Аполлон, что правосудна месть моя.
Не отпираюсь. Дела не пытаюсь скрыть.
Но кровь по Правде пролил иль неправедно —
Решай. Перед судом я на тебя сошлюсь.

Аполлон

Вам говорю, Афины величавый суд!
Казнь справедлива. Я — пророк. Не стану лгать.
Не предвещал я ничего, ни городу,
Ни смертному, мужчине или женщине,
Чего бы Зевс мне не велел, богов отец.
Поймите правду слов моих и силу их.
Отца велю вам волю чтить высокую.
Сильна присяги святость. Но сильнее Зевс.

Старшая в хоре

Так говоришь? Наставил вышний Зевс тебя
Оресту напророчить, чтоб за кровь отца
Он отомстил? Чтоб мать убил кощунственно?

Аполлон

Ужасна смерть, когда боец прославленный,
От бога скиптром наделенный княжеским,
От женских рук бесславно гибнет, не в бою
И не стрелою Амазонок раненный.
Паллада — обо всем услышь! Вы слушайте,
Вы этот спор решить уполномочены!
Муж из похода возвратился, радостен,

Победой горд. Жена радушно встретила.
И мужа в баню повела. И пологом
Завесила. Обвила сетью хитрою,
Как саваном. Опеленала. Насмерть бьет.
Вот я про гибель рассказал вам воина,
Победоносца, корабленачальника.
Сказал, чтоб сердце распалить в вас бешенством.
Вы судьи, вам поручен приговор и суд.

Старшая в хоре

О Зевсе вспомни, о своем родителе.
Ведь сам отца сковал он, Крона дряхлого.
Меж вами разве нет противоречия?
Слыхали все! Вас всех зову в свидетели.

Аполлон

Чудовища проклятые! Богов чума!
Оковы можно развязать. Спасенье есть,
И помощь, и целительные снадобья.
Но если человека кровь всосала пыль,
Он мертв навек. Не будет воскресения!
Бессилен тут отец мой. А другое все
И вверх и вниз Зевс может повернуть легко.
И не всколышет бога грудь напрасный гнев!

Старшая в хоре

Так говоришь? И думаешь: оправдан сын,
Проливший на земь кровь родную матери?
И станет жить в дому отцовском, в Аргосе?
К чьим алтарям он подойдет с молитвою?
Какую чашу братчина пригубит с ним?

Аполлон

Отвечу вам! И прав ответ. Послушайте!
Та, что зовется матерью, не создает
Дитя, — лишь плод она растит посеянный.
Творит зачинщик. А она залог хранит,
Как гостю гость, когда не повредит ей бог.

И вот вам доказательство надежное.
Отец родит без матери. Глядите, вот
Стоит — Паллада, Зевса-Олимпийца дочь.
Утробы мрак ее не укрывал. И все ж
Славней богиня не рожала дочери.
А я клянусь, Паллада, сколько хватит сил,
Прославлю войско, город возвеличу твой.
Послал под кров твой юношу из Аргоса,
Чтобы тебе навеки стал он преданным.
Богиня, твой союзник он и род его.
И навсегда пребудет нерушимо так,
И будет внукам свят союз и правнукам.

Афина

Велю я судьям черепок по совести
И разуменью положить. Довольно слов.

Старшая в хоре

Мы из колчана выпустили стрелы все.
И станем ждать, чем разрешатся прения.

Афина

А вы? Что сделать, чтоб не попрекнули вы?

Аполлон

Вы слышали, что слышали; кладите же
Ваш жребий, чужеземцы! Клятву помните!

Афина

Услышьте же завет мой, люди Аттики!
Вы о пролитой крови судьи первые.
Среди сынов Эгея пусть навек стоит
Высок и неподкупен этот строгий суд.
На холме этом Амазонки некогда
Походным станом стали. В бой пошли они
Против Фесея. Нашей новой крепости
Наперекор воздвигли город башенный.
Его Арею посвятили. Прозван холм

Ареопагом. С ним благоговенье
И страх да будет — брат благоговения.
Пускай блюдут здесь Правду днем и в час ночной!
Пускай устав мой примесью негодною
Не подновляют граждане. Легко родник
Прозрачный илом замутить, — да пить нельзя!
Бежать безвластья и самодержавия
Советую народу. Но спасительный
Пускай не изгоняют страх из города.
Не зная страха, смертный честным будет ли?
Храните ж стыд святой и благочестие.
Страны оплотом, города спасителем
Пребудет этот суд для вас. Такого нет
Ни среди Скифов, ни в краю Пелоповом.
Свят, неподкупен и неумолим мой суд.
Пусть город спит, — он бодрствует. Таким его
Моей державы стражем учреждаю я.
Даю народу своему завет такой
На век и век. Теперь же, судьи, встаньте с мест
И жребии возьмите и решите спор,
Присягу соблюдая. Слово сказано.

(Судьи один за другим подходят со жребием в руках к чашам.)

Старшая в хоре

А мой совет — не оскорблять кощунственно
Наш черный табор, города ночных гостей.

Аполлон

А я велю вам чтить мой трон пророческий!
Зевс говорит через меня. Страшитесь же!

Старшая в хоре

О крови тяжбу поднял ты, непрошеный.
Теперь не будешь, прорицатель, свят и чист.

Аполлон

Что ж, и отец мой согрешил, по-твоему,
Первоубийцу обелив Иксиона?

Старшая в хоре

Не ты ль в дому Феретовом бесчинствовал?
У Мойр для мертвых вырвал ты вторую жизнь.

Аполлон

Тому, кто чтит нас, помогать не праведно ль?
Вдвойне — тому, кто в помощи нуждается.

Старшая в хоре

Установлений древних ты нарушил строй,
Хмельным вином старинных опоил богинь.

Аполлон

Уметишь мимо цели в состязании.
Плеваться ядом станешь. — Но не страшно нам.

Старшая в хоре

Болтаешь! Если суд нам победить не даст,
Постоем горьким эту отягчим страну.

Аполлон

Нет ни средь младших, ни среди стариннейших
Богов тебе почета. Победитель — я.

Старшая в хоре

Ты молод, бог, а хочешь обмануть старух.
Но подожду. Услышу приговор суда,
Тогда решу, обрушить ли на город гнев.

(Судьи кончили голосованье и садятся на свои места.)

Афина

Пристало мне — голосованье заключить.
Свой — за Ореста положу я камешек.
Не матерь родила меня. Мужская стать
Ценнее и роднее. Только брак претит.
По правде всей — я своего отца дитя.
Жалеть не стану женщину, которая

Убила мужа. В доме — повелитель муж.
Хотя бы жребий поровну — Орест спасен.

(Бросает свой жребий.)

Скорей же, судьи! Вынимайте жребии
Из чаши смерти и из чаши милости.

(Судьи приступают к чашам.)

О р е с т

Феб Аполлон! Каким-то приговор падет?

С т а р ш а я в х о р е

О матерь Ночь! О черная! Ты видишь все!

О р е с т

Палач, петля, погибель или жизни свет!

С т а р ш а я в х о р е

А нам скитаться в сраме или в славе жить.

А п о л л о н

Друзья! На пальцах перечтите жребии
Заботливо! Раскиньте их, старательно!
Один изменит жребий — будет кровь и боль,
Старинный дом один спасает камешек.

(Судьи сосчитали жребии.)

А ф и н а

Орест! Оправдан ты в кровопролитии.
В обеих чашах пали вровень жребии.

О р е с т

(подымается с места)

Паллада! Дом мой спасшая! Владычица!
Ты возвращаешь в царский дом изгнанника.
И говорить отныне будут эллины:
«Аргосец снова достояньем прадедов

«Владеет. Избавление дала ему
«Паллада, с нею Локсий. С ними третий — Зевс,
«Свершитель и спаситель. Он отца почтил
«И сына спас. Истцов отверг он матери».
А я народу твоему, стране твоей
Святой обет даю на веки вечные.
И так, клянусь, в родимый возвращаясь дом:
Пусть никогда вожак и князь земли моей
С копьем враждебным в эту не войдет страну.
Не то я сам, лежащий во гробу, воздам
Моей священной клятвы расточителям
Напастью неминуемой, чудовищной.
Поход печальный, путь зловещий, знаменья
Пошлю неотвратимые. Раскаются.
А станут чтить Паллады город, свято чтить
Обет мой и воинственный союз хранить,
К аргосцам буду милосерд и благостен.
Прощай, богиня! Город дорогой, прощай!
Несокрушимо стой наперекор врагам.
Будь край твой славен и победоносен меч.

(Орест уходит. Аполлон покидает орхестру.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

Ой боги младшие, ой-ой!
Устав древних правд
Вы сокрушили. Рвете власть из рук моих!
Посрамлена! Посрамлена! Клокочет гнев!
О злой город, злой!
Нашлем порчу, яд!
Яд, яд прольем
Из сердца, черный яд!
Ползи, бесплодная плесень
(Ой, месть, месть!) по садам и пажитям!
Чумные струпья, лишаи, глодайте дол!

Рыдаю! Что делать?
Казнить люд? Наслать мор? Сгубить край?
Ой-ой, горькие мы!
Нам стыд, боль и срам!
Дочери черной Ночи!

Афина

Вам говорю. Не рвите сердце горечью.
Никто не осудил вас. Жребий поровну
Пал приговора. Нет на вас бесчестия.
Но Зевса воля проявилась светлая.
Кто дал приказ, сам выступил ходатаем,
И от возмездья был освобожден Орест.
А вы на эту землю злобы бешеной
Не рушьте! Не яритесь! И бесхлебицей
Не угрожайте. Яд слюны отравленной
Пускай не гложет зеленей и завязей.
А я даю вам клятву нерушимую:
Тайник священный, пустынь потаенную
Вам отведу. Престолы благолепные
Поставлю. Чтить умильно будет город вас.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Ой боги младшие, ой-ой!
Устав древних правд
Вы сокрушили. Рвете власть из рук моих!
Посрамлена! Посрамлена! Клокочет гнев!
О злой город, злой!
Нашлем порчу, яд!
Яд, яд прольем
Из сердца, черный яд!
Ползи, бесплодная плесень
(Ой, месть, месть!) по садам и пажитям!
Чумные струпья, лишаи, глодайте дол!
Рыдаю! Что делать?
Казнить люд? Наслать мор? Сгубить край?
Ой-ой! Горькие мы!

Нам стыд, боль и срам,
Дочери черной Ночи!

Афина

Но вас не посрамили! Не яритесь же
На смертных, вы, богини! Не казните край!
И я на Зевса полагаюсь. Знаю я
Одна ключи (сказать ли) от покоев тех,
Где под замком почиет Зевса молния.
Но враждовать не надо нам. Послушайтесь!
Над городом речей никчемных пригоршни
Не сыпьте, не грозите нам напастями.
Прибой смирите черный злобы бешеной.
Со мной соседя, станете в почете жить.
И будут вам начатки жатвы жертвовать,
Молясь о детях, о союзах свадебных.
И мой совет благословлять вы станете.

Хор

СТРОФА 2

Мне опозориться! Мне!
Седоволосой! Ой-ой!
Под землей гнездиться!
Мерзкая гниль! Падаль! Га!
Кипит в сердце желчь! Кипят злость и гнев!
Ой-ой! Ад! Га!
Сердце проходит нож,
Печень грызет тоска.
Услышь, Ночь! Праматерь!
Силу и славу мою и честь древнюю
Черный обман богов попрал, расточил.

Афина

Прощаю гнев. Годами ты старей меня
И всякого достойна уважения,
Но и меня не малоумной Зевс родил.
Когда в чужие земли откочуете,
Предсказываю, по стране стоскуетесь

Моей. Подымет вал гремучий времени
Народ мой к славе незакатной. Честь и песнь
И вас, соседок дома Эрехфеева,
Прославят. Граждан хоры, женщин шествия.
Такого не найти великолепия
В иных краях. Так не швыряйте ж в город мой
Кровавых распрей. Не пьяните юношей
Отвагой — хмелем без вина и бешенством.
Не распаляйте в гражданах, как в петухах
Зашедшихся, мятеж, раздор, усобицу,
Вражду друг к другу и войну гражданскую.
Грозит за рубежом война. Она близка.
Там — доблести и честолюбья поприще.
А сшибка средь домашних птиц — не честный бой.
Такой удел тебе избрать советую.
В почете добром, в добрых днях, добро творя
Живите здесь, в стране боголюбивейшей.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Мне опозориться! Мне!
Седоволосой! Ой-ой!
Под землей гнездиться!
Мерзкая гниль! Падаль! Га!
Кипит в сердце желчь! Кипят злость и гнев!
Ой-ой! Ад! Га!
Сердце проходит нож,
Печень грызет тоска.
Услышь, Ночь! Праматерь!
Силу и славу мою и честь древнюю
Черный обман богов попрал, расточил.

Афина

Не утомлюсь добро тебе советовать.
Не говори: тебя, богиню старшую,
Я, младшая, и люди в этом городе
Без чести негостеприимно выгнали.
Для всех священна сила Убеждения.

Сладки, успокоительны слова мои.
Останься с нами! Если ж не останешься,
Несправедливо все ж не угрожай стране
Разрухой, порчей, яростью и бешенством.
Ведь вас в краю счастливом приглашают жить
В великой славе, в вечном уважении.

Старшая в хоре

Владычица Афина! Где ж приют нам дашь?

Афина

Где тишь, от всех тревог вдали! Живите там!

Старшая в хоре

Приму. Какие ж обещаешь почести?

Афина

Без вас не быть в домах благословения.

Старшая в хоре

Такую власть и силу нам добудешь ты?

Афина

Кто вас почтит, удачей возвеличу тех.

Старшая в хоре

И в том на веки вечные поруку дашь?

Афина

Вольна я. Обещаю то, что пò сердцу.

Старшая в хоре

Утешила мне сердце. Гнев утишился.

Афина

Друзей найдешь и близких, поселившись здесь.

Старшая в хоре

Но как велишь благословить мне город свой?

Афина

Пусть вся страна о добром соревнуется.
И недра черноземные, и моря зыбь,
Шатер небес и ветра дуновение,
Смягчая зной, пусть сыплют изобилье в край.
Приплод скота и жатвы жирных пажитей.
Пускай достаток множат нескудеющий.
Благословите плодородье женское!
А нечестивых плевела отвейте прочь!
Заботливый садовник и взыскательный,
Я доблестных и добрых цвет и рост люблю.
Об этом вам забота. Я ж копье и меч
Не положу в походах и сраженьях,
Пока победой город не прославлю мой.

ЭКСОД

Хор

СТРОФА 1

Стану здесь
В городе Паллады жить.
Возвеличу этот край.
Зевс всевластный и Арес воитель
Город чтят — богов оплот,
Эллинских святилищ
Щит, сокровище, ковчег.
Этот край благословим,
Всяким счастьем наградим.
Преизобилье щедрое плодов земных
Из глуби черных недр
Пламень солнца воззовет.

Афина

Позаботилась я о народе своем.
Тяжко-мстительных демонов, сильных богинь
Поселила под небом родимой страны.
И людская беда и удача людей —

Все родится от них.
Кинут глаз ненавидящий — сник человек.
Сам не знает откуда, свалилась напасть.
Грех сокрытый, потайный, прадедовский грех
Гонит впропад. И как ни кичись, ни кричи —
Молчаливый конец
Погребет несчастливца в забвеньи.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Суховей!
Зелени садов не жги!
Заклинаю и велю:
Зной! Глаза цветов слепить не вздумай!
Завязь зерен не суши!
Пусть не гложет жатву
Ржавчина ползучая.
Овцы, вам жиреть велю.
Ягниться двойняшками.
Луга, питайте стадо! Недра гулких гор
Рудных жил жирный клад
Пусть рождают — божий дар.

Афина

О старейшины города! Слышали вы
Заклинанья, молитву! Могуч и велик
Сонм Эриний и в небе, среди горних богов,
И во мгле, под землей. Управляют они
Человеческой участью. Песню поют
Про удачу и счастье — одним. А другим —
Слеповатую песню недоли.

Хор

СТРОФА 2

Смерть скоропостижная,
Мор людской! — Кладу запрет.
Сладкую мужскую страсть
Девушкам — радость даруйте, великие Мойры!

Вам — власть! Вам — сила!
Сестры, дочери Ночи!
Все направляете вы!
В каждом доме вы — гости,
В каждом деле, в каждый час
  Зоркие сопутники,
Нет среди богов сильнее вас!

Афина

Возвеличена милостью наша страна.
  Веселится душа.
Убеждения ясные очи хвалю.
Убеждение дало мне силу речей,
Чтоб склонить своевольных и гневных.
Зевс, вожатый искусных витий, победил.
Побеждает всегда
В нашем городе к славе стремленье.

Хор

АНТИСТРОФА 2

Злой раздор, лихой мятеж,
Заклинаю, в мирный дом
Не входи! Кладу запрет.
Братскою кровью сограждан пускай не напьется
    Земля родная,
Братья пусть братьев не губят,
Требуя крови за кровь.
Радость в отплату за радость,
Дело общее любить,
Ненавидеть единым сердцем —
Нет милей лекарства для людей.

Афина

К сердцу мудрому мудрые речи всегда
    Путь-дорогу найдут.
Были страшными, мором грозили. Теперь
Вижу прибыль великую городу в них.
Благосклонных, с душой благосклонной вовек

Почитайте их. Будут цвести и расти
И страна и народ
Под недвижным покровом закона.

Хор

СТРОФА 3

Радуйтесь, радуйтесь все, в изобилии жирном.
Радуйся, афинский люд!
Зевса храм хранит народ.
Милой Деве мил народ.
Свят и мудр всегда народ.
Кто Палладою храним,
Тех Отец благословит.

Афина

Вы, могучие, радуйтесь. Я же пойду
Впереди, чтоб к обители путь указать.
Подымайтесь! В сверканьи огней смоляных
Проводите богинь! Пусть в сияньи огней
Все тяготы и порча под землю уйдут.
Пусть из недр преисподних на землю взойдет
Для народа — удача и прибыль.
Вы, Кранейские люди, вы, дети страны,
Поселенкам воздайте молитвы и честь.
Пусть всегда мой народ
Славит доброе в доблестном сердце.

Хор

АНТИСТРОФА 3

Радуйтесь, радуйтесь. Снова и вновь говорю вам.
Веселитесь все в стране,
Боги все и люди все!
Край Паллады, город весь,
Новопоселенок нас
Чтите. Жребий свой вовек
Не придется вам хулить.

(Зажигаются факелы. Шествие трогается.)

А ф и н а

Благодарю за величанья щедрые.
В смолистом свете факелов сверкающих
Проводим вас под землю, в царство спящих душ.
Служанки храма с нами. Мой кумир они
Оберегают. Глаз бесценный города,
Вы, избранные средь детей Фесеевых,
Нас провожайте, старики, и юноши,
И девочки, и женщины, и матери
Почтенные, в одеждах пышных, пурпурных.
Идите! Пусть светло блистают факелы,
Пусть в сердце мир. Пусть поселенки новые
Стране на счастье будут милосердными.
Их не Эриниями — Евменидами,
Не гневными, но благостными станем звать.

(Шествие движется.)

П р о в о ж а т ы е

В дом провожаем вас, чтимых, великих!
Ночи дряхлые дочери. Праздник и песни!
    Славословьте, славьте все!
В недра земли, в преисподнюю пропасть.
Жертвы, честь и молитвы вам. Праздник и песни!
Славословьте, славьте все!
Будьте щедры к нам, благостны будьте!
В дом свой ступайте, богини. Сверкайте,
Факелы! Свят нам и радостен путь.
Восклицайте, ликуйте, ликуйте!
Свят союз наш. Народу Паллады
Вы — Евмениды. Так Зевс всевеликий,
Вечные Мойры промыслили так.
Восклицайте, ликуйте, ликуйте!

Актеры и Хор покидают орхестру.

К о н е ц т р а г е д и и

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

(Фрагменты)

За первой частью трилогии о «Титане Прометее» следовала трагедия «Прометей Освобожденный». Указания старинных грамматиков и цитаты, сохранившиеся у писателей древности (в частности, у Цицерона, приводящего в переводе отрывок в 28 стихов), позволяют представить себе очертания этой трагедии отчетливее, чем это можно сделать в отношении большей части утраченного наследия Эсхила.

Действие развертывается не на берегах Океана, а в снежных горах Кавказа. Прошли века. Прометей снова на земле. Он, как и прежде, прикован к скале. Он — последний из божеств старшего поколения еще не примирившийся с властью Зевса. Его братья-титаны давно уже освобождены новым царем вселенной из сумрачных недр Тартара. Они ведут светлую беспечальную жизнь на островах Блаженных. Но сейчас титаны оставили райские острова. Они пришли навестить своего прикованного брата Прометея. Хор титанов входит на орхестру, начиная своей песней трагедию.

Как свидетельствует географ Арриан (в своем «Описании Евксинского Понта»), титаны говорили Прометею:

> ... Мы пришли
> На несчастья твои, на оковы твои,
> На беду и на раны взглянуть, Прометей.

Далее хор рассказывал, какой дальний путь прошли они. Эсхил развертывал здесь одно из тех пространных географических описаний, которыми так изобилуют его трагедии и которыми, в частности, так богата уже первая часть трилогии, «Прикованный Прометей»:

> Край Европы и Азии край — близнецы.
> Разделяют их Фасиса струи.

И далее:

> Где пурпурный песок и священная хлябь
> Эритрейских морей,
> Где блестит океан и сверкает, как медь,

Эфиопии плодоносящая зыбь,
Там всевидящий Гелиос каждую ночь
Утомленное тело и быстрых коней
В теплой, южной волне,
В мягко плещущих струях купает.

Титаны описывали, таким образом, свой путь от далеких восточных рубежей вселенной (от Эритрейского, ныне «Красного» моря) к горам Кавказа, где древние помещали златоструйную реку Фасис. Прометей в длинном монологе отвечал своим братьям, давая экспозицию трагедии. Отрывок из этого, знаменитого в древности, монолога сохранил Цицерон («Тускуланские беседы», II. 10):

Титанов племя! О мои сокровники!
Урана дети! Видите! К скале крутой
Прикован. Бурной полночи страшась, моряк
Среди зыбей причаливает утлый челн
В безлюдьи диком. Так же пригвоздил меня
В пустыне Зевс. А руку приложил Гефест.
Он костылями (ремесло свирепое!)
Пробил ступни. Эриний стан, угрюмый кряж
Здесь сторожу, к мучениям приученный,
И в каждый третий, трижды ненавистный день
На тяжких крыльях Зевса посланец летит
И рвет когтями тело — корм чудовищный! —
И гложет печень жирную. Насытится —
И кычет зычно и крылами бьет. И хвост
Ленивый в кровь мою макает черную.
И вновь обглоданная печень вырастет.
И к корму вновь голодный прилетает гость.
Питаю сам своих мучений сторожа.
А он меня поит бессмертной горечью.
Цепями Зевса скован, не могу врага
Крылатого от горькой отогнать груди,
Себе я сам стал тошен. Боль измаяла.
Хочу я смерти. Смерть освободит от мук.
Но гибель отгоняет от меня Кронид,
И к телу липнут сгустки крови мерзостной,
Старинной, за столетия свернувшейся.
И в зное солнца тает кровь, и каплями
На древний камень гор Кавказских капает.

Но зачем пришли титаны к страдающему Прометею? Вероятно, для того, чтобы рассказать ему о своем примирении с государством Зевса и увещевать непреклонного узника смириться перед властителем мироздания. Нет сомнения в том, что Прометей отвергал эти советы. Он оставался верен клятве ненависти, которую дал в первой части трилогии.

Что же происходило дальше? В античном перечне действующих лиц трагедии «Прикованный Прометей» (в рукописи Медичи) среди других значатся Гея и Геракл. Обоих в сохраненной нам трагедии нет. Почти несомненно поэтому, что они участвовали в следующей части трилогии, в «Освобожденном Прометее», тем более, что наличие в этой драме образа Геракла подтверждается и другими свидетельствами. Мы имеем поэтому право предположить, что вскоре после появления хора титанов на орхестру входила Гея-Фемида, божество Земли и Судьбы, мать Прометея и титанов, совершенно так же, как в первой части трилогии являлся Океан—отец нимф, образовавших хор этой первой части.

Мать Прометея примирилась с Зевсом. Теперь она—древняя, мудрая Земля и Судьба — умоляет сына склониться перед новым властителем. Несомненно, Прометей снова оставался непреклонным и отказывал матери в исполнении ее просьбы. На смену грандиозных образов Земли и титанов приходил человек, герой Это был Геракл, правнук Ио, рожденье которого еще в первой части трилогии было предсказано Прометеем.

Тут мы подходим к узловому и переломному моменту всей трагедии. Геракл — величайший среди людей, некогда спасенных и направленных на путь совершенствования титаном Прометеем, продолжал на земле подвиг и труды Прометея. Он очищал дебри от зверей и чудовищ и истреблял великанов, разрушавших плоды человеческой работы. Он выступал как носитель и провозвестник идеи цивилизации и поступательного движения человечества. Несомненно, именно в этом качестве действовал он и в нашей трагедии, развертывая основную ее тему борьбы за цивилизацию. Геракла привели к отдаленным рубежам, где казнился Прометей, поиски волшебного сада и золотых яблок Гесперид. Прометей указывал ему дальнейшую дорогу. Нам сохранилось несколько отрывков из этого, несомненно пространного рассказа.

Потом придешь в страну счастливых Габиев, —
Они гостеприимней и честнее всех.
Там ни соха и ни мотыга острая
Не вспахивает целину. Сама земля
Рождает людям все в преизобилии.

Любопытнейшие строки эти сохранил нам грамматик Стефан Византийский. В них идет речь об одном из тех сказочных блаженных народов, о которых охотно рассказывает также историк Геродот и в представлениях о которых сказывались переживания доклассового общества и доземледельческого хозяйства.

Отголоски подобных же представлений и дальше:

Пьют скифы молоко кобылье. Праведен
Закон их.

Этот отрывок приводит географ Страбон. Тот же Страбон, объясняя происхождение каменистой равнины в песчаных низовьях Роны, вспоминает следующие строки из рассказа Прометея:

Придешь в страну неустрашимых Лигиев.
Там не вступай в сраженье, хоть ты сердцем храбр.
Бой труден. И доспех свой суждено тебе
Там потерять. Поднять булыгу вздумаешь,
А не найдешь и камня: вся земля мягка.
Тебя в беде увидит Зевс и сжалится,
И грозовые облака пошлет, и град
Падет на землю каменный. И камни ты
С земли поднимешь и разгонишь Лигиев.

О других опасностях, ожидающих в пути Геракла, повествуют другие строки из того же монолога Прометея (сохраненные грамматиком Гигином):

Ступай оттуда напрямик. В опасный путь
Пойдешь, гонимый вихрями Борея. Тут
Остерегайся, чтобы смерчи бурные
Не закрутили и не унесли тебя...

И далее:

Будь осторожен, путник, чтоб в гортань твою
Удушие не вгрызлось. Горек яд его.

За монологом Прометея следовала, вероятно, основная драматическая перипетия трагедии: Геракл убивал орла, терзающего печень титана.

«Бог Феб, охотник! Лёт моей стрелы направь!» — восклицал не знающий промаха лучник и спускал стрелу с тетивы.

КОММЕНТАРИИ

Персы

16 сл. *Сузы* персидская столица, разрушенная впоследствии Александром Македонским. *Акбатаны* один из древнейших городов в Персии. *Киссия* горная местность в области Суз.

22 сл. *Артафрен*, *Артембар*, *Масистр*, *Ариомард* подлинные имена персидских полководцев, упоминаемые Геродотом, встречающиеся в надписях; другие вымышлены поэтом. С подобного же пространного перечня народов, шедших под знаменами Ксеркса, и с описания их многообразного вооружения начинает и Геродот свой рассказ о походе Ксеркса (VII, 61 сл.). Перечень народов полностью совпадает с геродотовским. Египет был подвластен Персии со времен царя Камбиса (Мемфис и Фивы — древние столицы Египта); *корабельный народ*, финикийцы, составлявшие ядро персидского флота, жители малоазиатских городов, в частности Сард, и малоазиатских стран Лидии и Мисии, были также подданными персидского царя. Ионийских греков, участвовавших в походе на стороне Ксеркса, Эсхил из патриотических соображений не называет.

66 сл. Лирический размер этих стихов — «ионики», состоящие из двух кратких и двух долгих слогов, живописуют взволнованность хора. Геродот дает подробное описание постройки Ксерксом мостов через Геллеспонт: (VII, 36): «Пятидесятивесельные суда и триеры поставлены были близко друг к другу в ряд, причем под один мост пошло 360 судов, а под другой 314... Установивши суда, опустили с них длинные якоря... Между пятидесятивесельными судами и триерами оставлено было для прохода отверстие, через которое можно было проплыть в Понт (Черное море) и обратно. После этого канаты были натянуты с суши, навороченные на деревянные вороты... Затем нарезали толстых досок, расположили их в ряд, сверху затянули канатами и потом связали перекладинами. На эти доски навалили деревьев, покрыли их землей, а землю утрамбовали. По обеим сторонам мостов возведены были ограды, чтобы вьючный скот и лошади не глядели сверху в море и не пугались».

70. *Понт;* т. е. Геллеспонт (пролив Геллы), звался так по имени дочери Афаманта, которая якобы утонула здесь, плывя на золотом баране.

76. Согласно преданию, созданному, вероятно, в Дельфах с целью сближения греков с персами, персы происходили от греческого героя Персея, сына Зевса и Данаи, на которую Зевс сошел в виде золотого дож-

дя. Персей освободил Андромеду, дочь восточного царя Кефея, женился на ней и родил сына Персеса, родоначальника персов.

82. *Копьеносцы* эллины; лук — оружие персов.

107. *Оа*—экзотическое восклицание. Через 75 лет после постановки «Персов» Аристофан в комедии «Лягушки» вспоминал:

«До упаду смеялся я, помню, тогда, про покойного Дария слыша.
Вышел хор, и в ладоши захлопал, завыл и протяжно заплакал: «Иайой!»

(«Лягушки», 1027 сл.)

138 сл. Снова символы: копье и лук.

178. *Варварами* Эсхил заставляет персов называть самих себя.

222 сл. Диалог Атоссы и хора об Афинах, несколько неправдоподобный с драматургической точки зрения, почти полностью повторяется у Геродота, в виде разговора царя Ксеркса и бежавшего спартанского царя Демарата (Геродот VII, 104). И там Ксеркс спрашивает, как могут сражаться эллины, раз над ними нет ничьей тиранической власти. «Над ними властвует закон», — отвечает Демарат.

231. *Серебряный клад* лаврийские серебряные рудники в Аттике.

235. Воспоминания о поражении персов у Марафона в 490 г.

238. Как и обычно у Эсхила, хор подготовляет появление нового действующего лица.

296. *Силенийские скалы* на острове Саламине.

300 сл. *Остров Аянта* Саламин. *Голубиный берег* то же. В рассказе вестника Саламин беспрерывно упоминается описательно и метафорически.

317. *Лирны* город в Троянской равнине.

334. Число эллинских кораблей Эсхил исчисляет в 300, Геродот в 380, из которых 200 афинских. Персидский флот и у Эсхила и (вероятно вслед за ним) у Геродота исчисляется в 1207 кораблей.

340 сл. *Так стены не разрушены афинские?* Перед сражением у Саламина персы взяли и сожгли Афины; поэтому Эсхил называет «оплотом Афин» не стены, а мужество афинских граждан.

345 сл. Рассказ Эсхила о Саламинском сражении в основном совпадает с повествованием Геродота. В частности, и Геродот передает легенду о том, что накануне сражения в персидский стан явился некий афинский посланец, который, призывая персов напасть на греческий флот, сказал: «Эллины в страхе замышляют бегство, и теперь вы имеете возможность совершить славнейший подвиг, если только не дадите им разбежаться» (VIII, 75). Но Геродот называет этого эллина Сикинном и говорит, что он был послан афинским полководцем Фемистоклом. Эсхил не упоминает имени Фемистокла.

358. Персидский флот в ночь накануне сражения окружил корабли эллинов у входа в Саламинскую бухту. О том же рассказывает и Геродот. Он сообщает, что греческие военачальники в ночь перед боем обсуждали возможности отступления. Но в это время вошел Аристид и заявил: «Говорю как очевидец; никто, как бы он ни желал, не может отплыть отсюда: мы со всех сторон окружены неприятелем» (Геродот VIII, 79). Следуя героическому стилю своего описания, Эсхил опускает рассказ о внутренних несогласиях среди греческих полководцев.

399. По словам Геродота, первым ринулся в бой афинский корабль под командой Аминия.

438. *Есть в море остров...* Имеется в виду островок Пситталея между Саламином и афинским побережьем. Геродот рассказывает эпизод у Пситталеи очень коротко (VIII, 95): «Сын Лисимаха, афинянин Аристид, поступил следующим образом во время битвы при Саламине: взял с собою много тяжеловооруженных воинов из числа расставленных вдоль сала-

минского берега, афинян по происхождению, и высадился с ними на остров Пситталею. Они перебили всех персов, находившихся на этом острове». Весьма вероятно, впрочем, что и самый эпизод боя на Пситталее Геродот заимствовал непосредственно из трагедии Эсхила. По крайней мере, описывая высадку персов (перед Саламинским сражением) на Пситталею, историк почти дословно повторяет слова поэта: «Многие персы высажены были на островок Пситталею, чтобы в случае морской битвы они могли спасать своих и истреблять чужих, когда люди и обломки кораблей будут приставать к этому месту» (Геродот VIII, 76).

456. Геродот рассказывает: «Ксеркс сидел у подошвы горы, которая возвышается против Саламина, и оттуда глядел на бой» (VIII, 90). Серебряный трон Ксеркса, брошенный им после отступления, хранился впоследствии в афинском Акрополе.

461. Эсхил здесь немного упрощает ход событий. На самом деле после Саламинского сражения греки ожидали нового нападения персов. Ксеркс действительно предполагал высадить десант на острове Саламине. Но впоследствии было решено, что царь с флотом вернется в Азию, а в Греции останется полководец Мардоний с трехсоттысячной армией.

471. Отступление Ксеркса Геродот описывает следующим образом: «Ксеркс оставил Мардония в Фессалии, а сам поспешно направился к Геллеспонту и прибыл к месту переправы через 45 дней, можно сказать, совсем без войска. Куда и к какому народу варвары ни приходили, везде они грабили плоды и питались ими. Если же плодов не находили, то собирали траву, сдирали кору с деревьев, обрывали листья и ели все без остатка — к этому вынуждал их голод. Кроме того, войско постигли и истребляли чума и понос» (Геродот VIII, 115).

561. *Кихрея* холм на острове Саламине.

634 сл. *Айдоней* торжественная форма от «Аида» — бога преисподней. *Дариэй* — то же от «Дария».

641. *Баал* верховное божество финикийцев; упомянут Эсхилом для усиления восточного колорита.

718. В чем заключались прорицания — остается неясным. Возможно, что подробнее мотив этот развивался в предшествующей части трилогии — трагедии «Финей».

724. Эсхил заставляет Дария осуждать как святотатство постройку Ксерксом моста через Геллеспонт, хотя в действительности сам Дарий перекинул мост через Босфор для своего скифского похода.

732. Вслед за Эсхилом Геродот подчеркивает, что Ксеркс решился на поход против греков под влиянием «дурных советников», в частности Писистратидов, изгнанных афинских тиранов.

747 сл. Исторический рассказ Эсхила совпадает с версией древнейшего греческого летописца Гекатея Милетского, но кое в чем противоречит рассказу Геродота, а также и исторической действительности. Эсхил опускает предшествовавшую основанию персидского государства Киром длительную борьбу персидской и мидийской знати за власть. Характерно также, что, рассказывая об убийстве «лже-Смердиса», или Мардия, как его называет Эсхил, поэт называет в качестве виновника убийства Артафрена. Он делает это, желая снять вину с действительного убийцы — царя Дария. В подлинной клинописной надписи царя Дария, составленной от его имени, читаем: «Бог помог мне, и я, с помощью преданных друзей, убил самозванца. В Мидии я убил его. Я отнял у него власть».

770 сл. Пересказ злободневных политических доводов, распространенных в пору греко-персидских войн. Совершенно те же доводы приводятся и у Геродота. Персидский вельможа Артабан говорит у него Ксерксу, желая, чтоб царь отказался от похода в Грецию: «Я утверждаю, что греческая земля тем вернее принесет тебе голод, чем дальше ты будешь идти и чем больше будет пройдено земли» (Геродот VII, 49).

838. *Галис* река на границе Лидийского царства в Малой Азии. Хор перечисляет завоевания царя Дария в Малой Азии, во Фракии, на островах Эгейского архипелага.

848 сл. *Хиос*, *Лесбос*, *Самос* и т. д. острова Эгейского моря. *Киприи*, *Солы* и *Саламин* города на острове Кипре. Кипрский город Саламин не надо смешивать с островом Саламином. По преданию, он основан Тевкром, внуком Эака, мифического царя острова Саламина.

891. *Мариандры* народ на северном берегу Малой Азии. Заплачки, распространенные среди малоазиатских племен (плач над Адонисом, Аттисом и т. п.), были знамениты в Греции. Эсхил стремится подчеркнуть восточный характер заключительного плача своих «Персов».

Молящие

3. Эсхил характеризует местоположение Нильской дельты с тщательностью, обычной для его географических описаний.

6. *Не пролитая кровь и не города суд* анахронизм. Эсхил приписывает героическим временам мифологии современные ему обычаи, по которым изгнание повинных в кровопролитии производилось по приговору городской общины.

18. Предком дочерей Даная был Эпаф, рожденный Ио, дочерью аргосского речного бога Инаха. Как Эсхил разъясняет в нашей трагедии и в «Прометее», Эпаф родился от «дыхания и прикосновения руки Зевса».

26. Зевсу-Спасителю полагалась третья чаша при возлиянии и третье место в молитвах.

41. Хор обращается к Эпафу, «теленку Зевса», сыну бога и коровы Ио.

58. Имеется в виду птицелов или птицегадатель.

63. Хор сравнивает свою жалобу с песней соловья. То же и в трагедии «Агамемнон» (1122). Здесь и там имеется в виду древний миф о том, как боги превратили в соловья афинскую царевну Прокну, жену фракийского царя Терея, после того как она, желая отомстить мужу за измену, в исступленьи убила сына своего Итиса. С тех пор соловей вечно оплакивает убитого и щебечет «Итис, Итис» (слово, очевидно, звукоподражательное). Миф о Прокне-соловье обработан Софоклом в не дошедшей до нас трагедии «Терей». Пьесу эту отчасти пародирует Аристофан в комедии «Птицы» (написана в 414 г.). И у Аристофана соловей поет песнь об Итисе. Эта старинная аттическая сказка приобрела популярность в изложении Овидия в «Метаморфозах» (VI, 412 сл.).

73. Ионийские и вообще малоазиатские причитания славились исступленной патетикой, они сопровождались битьем в грудь, заламыванием рук и т. п.

79. *Черной долины*. Имеется в виду долина Нила, отличавшаяся черной, жирной землей

97. *В цель разит...* Решение Зевса, подобно игральным костям, падает в кон счастливо, «жохом», а не «ничком», что означало проигрыш. Подобное же сравнение у Софокла (отрывок 809): «Всегда удачно кости Зевса падают».

107. *Бог не сходит в битву.* Характерная для Эсхила концепция безусловного всемогущества богов и скрытая полемика против более древних (в частности, гомеровских) представлений о богах как существах, вступающих на равных началах в битву и даже в рукопашный поединок со смертными (как об этом постоянно рассказывается, например, в «Илиаде»).

118. *Но страсть обманет...* Также типичная эсхиловская мысль о страсти как о темной силе, туманящей и обманывающей ясный человеческий разум.

125 сл. *Апия* старинное название Аргосской равнины. Ввиду древности этого забытого имени Эсхил считает необходимым далее (274) подробно разъяснить его. Исступленная речь девушек начинает изобиловать странно звучащими словами-синонимами (в переводе «холм-сопка-бугор»). Как особо подчеркивает Эсхил, речь хора становится «варварской».

129. Тонкость полотен, вытканных в финикийском городе Сидоне, прославлялась еще в «Илиаде»: «Были там пестрые ткани, сидонских труд рукодельниц».

140 сл. Хор вспоминает о своем опасном плавании из Египта в Аргос.

160 сл. *Если ж нет, черные, солнцем опаленные...* Маски дочерей Даная, вероятно, были смуглого цвета, чем подчеркивалось южное происхождение этих действующих лиц.

220. Данай расположился на верхних ступенях жертвенника, занимающего середину орхестры. Хор, исполнив прологовую песнь, также намерен занять места у жертвенника. Самый жертвенник этот, посвященный божествам Аргоса, украшен эмблемами богов. Птица Зевса — петух; трезубец — эмблема морского бога Посейдона.

227. Древний миф рассказывал, что Аполлон (Локсий) был изгнан с высот Олимпа и жил батраком у царя Адмета. Возможно, что первоначально это был космический миф о солнце, пребывающем пленником в стране «неодолимого» (по-гречески «Адмета») царя преисподней. Позднее, вероятно уже у Гесиода, миф этот получил социально-моральную окраску, рисуя утешительный для угнетенных образ бога-страдальца, бога-раба. Подробнее о батрачестве Аполлона рассказывает Еврипид в трагедии «Алкеста».

248 сл. Ценное для нас описание театрального костюма, в котором выступал хор нашей трагедии.

252. Анахронизм. Во времена Эсхила обязанность защиты чужеродних лежала на «гостеприимце», одном из знатных граждан общины, игравшем роль «консула». Этот обычай Эсхил переносит в мифологические времена. Другим посредником между гражданами различных общин был глашатай, пользовавшийся правом неприкосновенности.

265. *Пеласгами* греки классической эпохи именовали древнейших жителей страны. Границы старинного Аргосского царства очерчиваются в нашей трагедии очень широко. Они доходят до фессалийской реки Стримона, гористого Пинда (также в Фессалии) и Пеонии (в Северо-западной Греции), охватывая, таким образом, почти весь греческий полуостров. Этим Эсхил стремится подтвердить исконное право Аргоса на гегемонию в Греции. Так как эта концепция противопоставлялась подобным же претензиям Спарты, а историческим союзником и преемником Аргоса (как это постоянно подчеркивает Эсхил) было Афинское государство, монолог царя Пеласга в нашей трагедии имеет актуально-политический характер.

277. *Апий* вероятнее всего, как и сами нимфы Данаиды, первоначально демон воды. Следует обратить внимание, что Эсхил настойчиво выдвигает роль Апия как цивилизатора, очистителя страны, врача.

286. Аргосцы, как и жители Лаконской Спарты, славились сжатостью речи, так называемым «лаконизмом».

308. Пропуск стиха в подлиннике.

312 сл. Гера приставила к корове Ио стоглазого пастуха Аргуса. По приказанию Зевса Гермес убил Аргуса. Тогда Гера послала волшебного овода, чтобы тот жалил и гнал Ио.

324. *К Канобу телка побежала...* В эсхиловском «Прометее», где подробно описываются скитания Ио, говорится: «Есть город на краю земли Египетской — Каноб».

325. Снова пропуск в тексте.

327. Мифическая родословная Данаид такова: Эпаф, сын Зевса и Ио, родил Ливию. Та, сочетавшись с Посейдоном, произвела на свет Агенора (родоначальника фиванских царей, отца Кадма) и Бела. У Бела было двое сыновей: Данай и Египт.

380 сл. Анахронизм, очень существенный для мировоззрения Эсхила. Поэт полемизирует с представлением о государстве как о личной или семейной собственности, как о «домашнем очаге» правителя. Решение полномочен принять только «весь народ», городская община. Действительность эсхиловских Афин переносится поэтому в мифологические времена.

506. То, что Данай получает вооруженную охрану, предваряет захват в последующих (не дошедших до нас) частях трилогии власти над Аргосом. Это опять — подробность, почерпнутая Эсхилом из политической жизни современных ему Афин. Создание личных отрядов телохранителей было первым шагом на пути к захвату власти. Из-за отрядов телохранителей Кимона и других партийных вожаков в годы постановки нашей трагедии шли пререкания.

559 сл. Перечисляются области Малой Азии: *Фригия, Лидия и Мисия* — у Западного побережья (последняя — родина мифического царя *Тифранта*). Далее — *Памфилия*, в центре Малой Азии, и *Киликия* — у северо-восточного угла Средиземного моря. *Края Киприды*, вероятно, остров Кипр или Финикия, где почиталось женское божество Астарта, которую греки приравнивали к Афродите.

570. *Зевсовы пашни* — Египет. Плодородие Египта обусловливается разливами Нила. Вот почему он «питается снегами» Эфиопии, которые тают от «жаркого дыхания Тифона» — южного ветра. Эсхил очень точно описывает нильские разливы. Интересно, что в этой трагедии указывается более короткий путь скитаний Ио, чем в повидимому более поздней трагедии «Прометей». Там этот путь, вероятно в связи с расширившимся географическим кругозором Эсхила, шел через Скифию, Кавказ, Индию.

594. Этот «спаситель» — Эпаф. Приподнятость тона заставляет думать, что Эпаф, «сын Зевса», основатель городов, играл в религиозных концепциях Эсхила существенную роль, о которой мы можем только догадываться.

613. Анахронизм. Народное собрание в мифическом Аргосе описывается так, как если бы оно имело место в Афинах эпохи Эсхила.

635. Эпоха Эсхила была временем начинающегося расцвета афинского красноречия.

698. *Ликийский бог* Аполлон. Храм Аполлона Ликийского (т. е. «светлого») находился на главной площади Аргоса.

719 сл. *Отца и мать в страхе чтить — нам закон третий дан.* Первые два — о почитании богов и праве гостеприимства. Такова древняя «мудрость Хирона», заповедь старинной древнегреческой морали.

728. На носу корабля, воспринимаемого как живое существо, обычно рисовался большой круглый глаз.

734 сл. Точность в описании подхода флота к берегу доказывает прекрасное знакомство Эсхила с морским делом (ср. 777 сл.).

772 сл. *Волки посильней собак* поговорка. Греки, питающиеся хлебом, сильнее египтян, кормящихся папирусным тростником. Сведения эти Эсхил получил, вероятно, от современных ему ученых путешественников, в частности от Гекатея Милетского.

805. *Где влажные туманы остывают в снег.* Эсхил не упускает случая сообщить слушателям научные сведения (на этот раз из области метеорологии).

866 сл. Сведения о целебных свойствах нильской воды Эсхил, вероятно, получил от того же Гекатея.

877. *Сарпедонова отмель.* Имеется в виду мыс, названный так во славу мифического героя Троянской войны — ликийского царя Сарпедона; был расположен в северо-восточном углу Средиземного моря, в Киликии.

954 сл. В дощечках и папирусных листках пересылались тайные указы в современных Эсхилу Персии и Египте. Эсхил противопоставляет этим обычаям эллинскую «открытую», публичную речь.

961. Древние египтяне знали культуру винограда, но излюбленным напитком их было ячменное пиво. Об этом сообщал, между прочим, путешественник Гекатей Милетский.

1004 сл. Настойчивые призывы Даная к дочерям хранить девичество подготовляют конфликт последующих, не дошедших до нас частей трилогии.

1030. *Эрасин* одна из рек Аргосской низменности. Аргосские реки, разделенные на каналы искусственного орошения, растекаются по равнине.

Семь против Фив

1. *Народ кадмейский.* Крепость Фив звалась Кадмеей, по имени Кадма, мифического основателя города, прадеда Этеокла.

24. Слепой предсказатель — Тиресий, играющий видную роль в фиванских трагедиях Софокла и, вероятно, изображенный Эсхилом в предшествующих частях нашей трилогии.

45. *Бог битв* Арес; *Энио* богиня войны, почитавшаяся то матерью, то дочерью Ареса; *Ужас* демон из окружения Ареса, вызывающий смятение в бою.

50. *Адраст* аргосский царь, старший полководец в походе Семи против Фив, единственный оставшийся в живых. Боевым греческим обычаем было посылать перед сражением родным и близким на память повязки, амулеты, перстни или срезанные пряди волос. Этот современный ему обычай Эсхил относит к мифологическим временам.

89. *Белые щиты* боевая примета аргосского войска.

102. Арес почитался в Фивах как бог-родоначальник. Миф рассказывал, что древнейшими поселенцами города «Спарты» были герои, родившиеся из посеянных основателем города, Кадмом, зубов дракона. Дракон этот, убитый Кадмом, был сыном Ареса. Дочерью Ареса и Афродиты была Гармония, жена Кадма и праматерь царского рода Эдипа.

123 сл. Вслед за Афиной-Палладой хор обращается к богу морей Посейдону, а затем снова к Аресу.

132. *Ликийский* («сверкающий») культовое прозвище Аполлона. Эсхил производил его от слова «lykos» — волк. Вот почему хор призывает Аполлона стать «волком» для врагов города.

141. *Дочь Лето* Артемида.

152. *Онка* древнейшее женское божество, почитавшееся в Фивах. Ее приравнивали к Афине-Палладе. Храм Афины-Онки стоял в Фивах у городской стены, возле одних из семи ворот.

208 сл. *...бегут... из храмов боги в побежденном городе.* Таково было общераспространенное представление в древности. У Еврипида в трагедии «Троянки» бог Посейдон говорил: «Вот Илион и храм свой покидаю я».(25). Как свидетельствует комментатор, Софокл в трагедии «Кумироносцы» (несохраненной) вывел богов, уносящих на плечах свои собственные кумиры из Илиона, зная, что город обречен и будет взят. О том же говорила историческая легенда. Плутарх рассказывает, что накануне взятия Александрии Октавианом караульные солдаты слышали проносящуюся в воздухе вакхическую музыку и топот ног и решили, что это бог Дионис и его демоны покидают обреченного на гибель Марка-Антония

(Плутарх, «Жизнь Марка-Антония», 76). Тацит передает молву о том, что перед падением Иерусалима «раскрылись двери храма и раздался голос, громче чем человеческий: «Боги уходят» (Тацит, «Истории» VII, 33). Подобные же легенды ходили и в дни наступления персов на Афины. Рассказывали, что перед взятием Афин персами священная змея Паллады исчезла из Акрополя в знак того, что богиня покинула город (Геродот VIII, 41).

264. *Диркея* и *Исмен* речки в ближайших окрестностях Фив. Для всей греческой поэзии характерно внимание даже к самым незначительным источникам пресной воды ввиду их редкости в засушливой Греции.

297. Почва Беотии славилась плодородием. Но, прославляя мифические Фивы, Эсхил фактически прославлял поля и реки родной Аттики.

302. *Тефида* мифическая супруга Посейдона, мать рек и ручьев.

325. Сравнение девичьей невинности с плодом или виноградной ягодой обычно у Эсхила (ср. «Молящие»). Оно распространено и в греческой народной поэзии.

367 сл. Характерна точная симметрия в речах лазутчика и Этеокла: они обмениваются парными речами, содержащими всякий раз по одинаковому числу строк (по 20, 14, 14, 20, 22, 29 и, наконец, 22 строки).

371. *Тидей* сын бога Ареса и Перибеи, отец одного из героев «Илиады» — Диомеда. Миф приписывал Тидею, кроме участия в походе Семи против Фив, также и участие в плавании аргонавтов. Вместе с бежавшим в Аргос Полиником он сватался к дочерям царя Адраста. Адраст выдал за Тидея свою дочь Деипилу, а за Полиника — Аргею. Это послужило причиной похода Семи против Фив, имевшего целью возвратить престол царскому зятю Полинику. Вот почему Тидей именуется в дальнейшем «зачинщиком похода».

375. По убеждению греков, как, впрочем, и других народов древности, драконы в полдень были особенно яростны. Может быть, это основано на представлении о солнце-драконе.

376. *Гадатель* Амфиарай, сын Оикла.

383. Луна среди звезд — довольно распространенный в древности геральдический знак.

408. См. прим. к ст. 102. Выросшие из зубов дракона, «Спарты» немедленно вступили в бой между собой. Уцелевшие, как сказано в нашей трагедии, пощаженные Аресом, стали основателями Фив.

417. *Электрины ворота* на дороге из Фив в Платею. *Капаней* сын Гиппона и Астиномии, согласно мифу в гордости своей поклявшийся взять Фивы наперекор воле богов и за это испепеленный молнией Зевса.

426 сл. Подобные геральдические изображения, с сопутствующей надписью, были весьма распространены в древности.

452. Этот Этеокл — аргосец, сын Сфенела. Его не надо смешивать с фиванским Этеоклом, сыном Эдипа, героем нашей трагедии.

454. *Нейстейские ворота* старинное обозначение «нижних», «крайних» ворот Фиванской крепости.

487. *Тифон* титан, восставший на Зевса и погребенный под огнедышащей горой Этной, олицетворение вулканических сил земли. О нем см. в трагедии «Прометей».

488. *И копотью, сестрой летучей пламени* характерный эсхиловский образ. В «Агамемноне» пыль именуется «сестрой грязи».

492. *Фиада* вакханка, одержимая Дионисом.

505 сл. Зевс и гигант Тифон—противники. Их враждебные эмблемы изображены на щитах двух врагов — Гипербия и Гиппомедонта. Зевс победил Тифона. Следовательно, и Гипербий одолеет Гиппомедонта. Эта своеобразная логика носит на себе следы древнего тотемического сознания, пережиточно уцелевшего в мышлении Эсхила.

521. *Амфион* сын Зевса и Антиопы, муж Ниобеи, сказочный строитель фиванских стен. Могила его и брата его Зета находилась возле городской стены.

522. *Парфенопей* дословно «рожденный девушкой», сын аркадской охотницы Аталанты. Отцом его миф называл бога Арея.

536. Сфинкс по-гречески женского рода; в греческом искусстве он изображался в виде полуженщины-полульвицы. Как рассказывал миф, Сфинкс был в свое время послан богами в виде казни жителям Фив. Поэтому его изображение было оскорбительно для фиванцев.

562. *Амфиарай* сын Оикла, гадатель и мудрец, в ряду семи полководцев стоит особняком. Согласно мифу, Амфиарай как предсказатель знал, что поход против Фив окончится поражением, и поэтому всячески уклонялся от участия в нем. Но его выдала жена его Эрифила, которую подкупил Полиник, подарив ей золотое ожерелье, полученное в наследство от прабабки Гармонии. Амфиарай отправился в поход и участвовал в бою, заранее зная о предстоящей гибели. Однако боги спасли его от смерти. Земля поглотила его живым, и он продолжал жить в недрах, почитаемый как благодетельный демон. По происхождению своему Амфиарай—хтоническое божество, связанное с плодородием и урожаем. В позднейшем греческом искусстве образ его был славен как выражение трагического знания, бессильного отвратить неизбежное.

570. *Полиник.* Древние переводили это имя как «многогнев». Вот почему говорится об «обещающем кровь» имени Полиника. Несколько далее (646) сказано: «Ты Многогневом назван, Полиник, не зря».

682. *Кокит* река плача, один из потоков преисподней.

723. Железный нож именуется «скифянином», потому что Скифия славилась металлургическими разработками. Ср. «Прометей», 311.

822. Эсхил толкует имя «Этеокл» как «славный горем».

550 сл. Сравнение погребального отряда с кораблем, перевозящим душу мертвого по реке преисподнего царства, свойственно древнегреческому искусству.

935. *Понтийским гостем*, как ранее «скифянином», именуется железо, потому что Понт, страна на Черноморском побережьи, славилась в древности своей металлической промышленностью. Нож «прыгнувший из пламени», так как выкован из закаленного железа.

1006. *Народные старшины* совет старейшин, взявший на себя правление после гибели царя.

Прикованный Прометей

2. Скифами древние называли кочевые племена, обитавшие к северу и востоку от Черного моря. По Геродоту, пространства, населяемые скифами, простирались до самого Океана, опоясывающего землю. Именно к крайнему Северу, берегу Океана, Эсхил приурочивал, повидимому, место казни Прометея.

12. Образы демонов — Власти и Насилия почерпнуты Эсхилом из «Феогонии» Гесиода (385). Они — сыновья Ужаса и богини Стикс. В борьбе Зевса с титанами оба стали на сторону Зевса.

18. *Фемида* божество установленного миропорядка, справедливости, судьбы. Эсхил отожествил Фемиду с Геей — богиней земли, матерью титанов, и сделал ее матерью Прометея.

85. Имя «Прометей» толковалось древними как «прозорливец», «промыслитель».

109. Сухой полый тростник употреблялся для добычи или сохранения огня. По преданию, Прометей похитил с неба тлеющий ствол тростника, чтобы передать людям огонь.

172. *Племя Урана.* Уран — исконное божество неба. Его племя — древнее поколение богов, Титаны и Гиганты, свергнутые Зевсом.

217 сл. *Фемида-Гея, много есть имен у ней...* Эсхил стремится объяснить произведенное им толкование традиционной мифической генеалогии и отожествление богини правды Фемиды с богиней земли и матерью титанов — Геей.

259. *В сердцах надежды поселил незрячие.* Древняя легенда (переданная Гесиодом в поэме «Работы и дни») рассказывала, что некогда Пандора, первая женщина на земле, нарушила волю богов, открыв из любопытства (первородный грех) ларец с болезнями и прочими язвами человеческого рода; в утешение боги послали людям слепую Надежду.

293. *Океан* титан, брат Фемиды, матери Прометея; поэтому он «родич» его. По представлению греков, бесконечный поток-Океан обтекал плоскую землю по кругу.

311. *Железа мать* Скифия, где находились стариннейшие, знаменитые в древности железные, медные, а также золотые разработки. Большое количество железных изделий и сейчас еще находят в курганах древней Скифии—на Кавказе, на Украине, в Сибири.

357. *Атлант* титан; по древнейшему греческому представлению, поддерживал на своих исполинских плечах свод неба над плоской землей. Мифология помещала Атланта на крайнем Западе известного грекам мира, в пределах Гибралтарского пролива. Отсюда название близлежащих гор — Атласские. Атлант упоминается в нашей трагедии, между прочим, потому, что в следующей части трилогии, «Прометей Освобожденный», Прометей предсказывал освободившему его Гераклу дальнейший путь его за яблоками Гесперид и в частности встречу с несущим небо Атлантом. Геракл послал Атланта в сад Гесперид, а сам вместо него взвалил на время тяжесть неба на свои плечи.

362 сл. Великан *Тифон* олицетворение подпочвенных вулканических сил земли. Родиной Тифона считалась малоазиатская гористая Киликия, богатая пещерами, подземными источниками и вулканическими явлениями. Знаменитая в древности частыми извержениями Этна в Сицилии рассматривалась как огнедышащая могила ниспровергнутого Зевсом Тифона. Описание извержения Этны навеяно Эсхилу, вероятно, непосредственными впечатлениями: он неоднократно бывал в Сицилии. Знаменитое в древности извержение Этны произошло в 478 г. до н. э.

423. *Племя девушек-наездниц* амазонки. Древние греки помещали их в пределах нынешней Армении и Закавказья. Там — по берегам Риона — простиралась полусказочная страна Колхида.

427. *Меотийские мели* нынешнее Азовское море, в частности Сивашский залив.

428. *Арийцы* в узком смысле слова один из народов, населявших Персию. Они названы «цветом Арея», т. е. бога войны, так как были воинственным племенем.

502 сл. Прометей перечисляет основные способы гадания, известные древним: гадание по сновиденью, по случайно сказанным или подслушанным словам, по дорожным встречам, по полету и крику птиц, по внутренностям жертвенных животных, по виду и направлению жертвенного огня.

569. *Гесиона* дочь Океана, сказочная жена Прометея.

650. Нимфы-Океаниды сестры отца Ио Инаха, который как речное божество почитался сыном Океана. Поэтому Ио сродни Океанидам.

666. *Лернейский луг* у болотного озера Лерны в Арголиде.

673. *Дельфы* в средней Греции. *Додона* древний оракул Зевса в северной Греции, в Эпире. Жрецы давали здесь предсказанья по шелесту священных дубов.

683. *Локсий* «вещатель», одно из культовых прозвищ бога Аполлона.

691. *Водопой Керхнеи* в Арголиде, по дороге из Аргоса в Тегею. Оби-

татели страны, бедной пресной водой, древние греки чтили каждый пригодный для питья источник.

722 сл. География Эсхила вполне точна там, где она касается собственно Греции, как, например, в «Агамемноне». Она становится сбивчивой и противоречивой, когда поэт хочет дать сведения об областях отдаленных, мало исследованных. Такова она и в рассказе Прометея в нашей трагедии. Беглянке Ио предстоит придти в землю Халибов, обрабатывающих железную руду в пределах нынешнего Урала, оттуда вдоль реки Громотухи (в переводе по возможности передано ее имя, нарицательное для «гремящей» горной реки), на перевалы через Кавказский хребет. В Закавказьи, у реки Фермодонт живут амазонки. Далее география Эсхила становится более путаной. *Сальмидес* — гавань на Фракийском побережьи. *Киммерийский Истм* — Керченский полуостров между Черным и Азовским морями. *Пролив Меотида* — Керченский пролив. Последний назывался также Босфором Киммерийским, в отличие от Босфора Фракийского, отделявшего Черное море от Мраморного (Пропонтиды). Слово «Босфор» древнегреческая мифология толковала как «коровий путь», объясняя это сказочной переправой коровы Ио.

788. Предвещанный спаситель Прометея — Геракл. Мифология выводила его в двенадцатом колене из рода Ио. Прабабкой Геракла была Гипермнестра — одна из Данаид, судьбе которых Эсхил посвятил трагедию «Молящие».

804 сл. География Эсхила продолжает носить путаный характер. Путь Ио ведет через Босфор в Малую Азию, где в Вифинии предполагаются «Горгонины поля». Там обитают три чудовищных дочери Форка: Энио, Пефредо и Дино. *Грифы* сказочные существа Востока, полуптицы, полусобаки. Фантастические звери эти — порождения древнейших верований, сочетающих «твердь воздушную и твердь земную». Грифы часто изображались на скифских изделиях. Оттуда, вероятно, образ этот и стал известен грекам. *Аримаспы* одно из тех полуфантастических племен, которыми греческая наука населяла скифские степи. Дальше странствия приводят Ио в Африку, в Эфиопию, к истокам Нила, которые древние помещали за порогами (катарактами) у Библоса. *Эфиоп-река*, повидимому, верхний Нил. *Треугольная земля* дельта Нила. Вода Нила славилась в древности приятным вкусом и считалась целебной. В трагедии «Молящие» говорится: «Влага Нила горячит кровь в человеке». Древние историки рассказывали, что некий римский полководец однажды крикнул своим солдатам, требовавшим у него вина: «У вас — Нил, а вы хотите вина». Город, который суждено основать потомкам Ио, — Каноб. Поскольку Ио родом из греческого Аргоса, легенда об основании Каноба ее потомками оправдывала притязания греков на Нильскую дельту. Притязания эти в годы постановки нашей трагедии были очень настойчивы.

842 сл. Рассказывается о первоначальных скитаниях Ио. Из Арголиды она бежала в северную Грецию, в Додону и Феспротию и к побережью Ионийского моря, имя которого древнегреческая этимология также возводила к Ио.

864. *Эпаф* дословно «рожденный от прикосновения». Перенесение развязки скитаний Ио в Египет указывает на связь образа коровы Ио с египетскими божествами, в частности с Изидой, почитавшейся в облике коровы. Подробнее о рождении Эпафа Эсхил рассказывает в трагедии «Молящие».

868. Пятьдесят дочерей Даная бежали в Аргос, спасаясь от пятидесяти сыновей Египта. Кровавая свадебная ночь Данаид была содержанием третьей (не дошедшей до нас) части эсхиловской тетралогии, первую часть которой составляет трагедия «Молящие». Одна из Данаид, Гипермнестра, пожалела своего мужа Египтиада и стала родоначальницей дома аргосских царей.

973 сл. *Всего и многого недостает* поговорка.

1041 сл. Предваряется содержание следующей части тетралогии — «Прометей Освобожденный». Прометея заменил кентавр Хирон, добровольно согласившийся сойти в Аид.

Агамемнон

1 сл. Образ дозорного, который ожидает возвращения Агамемнона, Эсхил заимствовал из «Одиссеи» Гомера. Но там, в соответствии с общей гомеровской концепцией мифа об Агамемноне, сторожа этого ставил Эгисф, выступающий у Гомера как главный виновник убийства:

«Издалека с подзорной стоянки увидел Атрида
Сторож, Эгисфом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта, и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно)».

(«Одиссея» IV, пер. Жуковского)

У Эсхила, перенесшего основную вину преступления на Клитемнестру, дозорный представлен как слуга Клитемнестры.

9. Огненные знаки должны были (как дальше — 271 ст. — рассказывается подробно) передать через море весть о взятии Трои. Включение этого мотива в миф об Агамемноне — образчик того, в какой мере Эсхил был вдохновляем современными ему событиями. Практика такого «огненного телеграфа» получила большое распространение в годы греко-персидских войн. Геродот рассказывает (Геродот VII), как стоявший у Артемисия греческий флот получил при помощи костров весть о наступлении персов. Но особенно значительный отголосок получил приказ персидского полководца Мардония, предполагавшего переслать через Эгейское море и острова в Сарды весть о взятии Афин.

22. Световой эффект вспыхивающих вдали костров был в условиях эсхиловской сцены практически неосуществим. Сторож только рассказывает об этом.

32. *Трижды шесть* считалось счастливым очком при игре в кости.

36. *Наступил на горло бык* древнегреческая поговорка; смысл: «боюсь говорить».

59. По греческим представлениям, каждое живое существо имеет право на защиту и стоит под покровительством божества. Старинная поговорка гласила: «Есть и у собак Эринии».

62. *Женщина, много любившая* Елена, похищенная Парисом — Александром.

69 сл. Если огонь жертвенного костра затухал, это означало, что божество не принимает неугодной ему жертвы.

75 сл. Поговорка гласила: «Старик — вдвойне ребенок».

118. *Айлинон* возглас отчаяния.

119. *Славный гадатель* прорицатель в ахейском войске Калхант

129. Артемида, защитница всякой твари, гневается на «собак Зевса» — орлов, растерзавших беременную зайчиху. Поэтому Калхант толкует знаменье двусмысленно. Зайчиха, растерзанная орлами, — это Троя, которой предстоит пасть от руки Атридов. Но Атридам угрожает гнев Артемиды.

149 сл. Согласно древнейшим мифам, Зевс — третий по порядку правитель мира. Первым был Уран, свергнутый с престола своим сыном Кроном. Вторым — Крон, в свою очередь потерпевший поражение от своего сына Зевса. О том же см. в трагедии «Прометей»: «Я пережил, как два тирана пали в пыль». В строфе этой Эсхил комментирует свое учение

о целительной роли страдания. Любопытно, что комментарии эти имеют отчасти физиологический характер.

181. *Стримон* река в Македонии, севернее Авлиды. «Ветры от Стримона» — северные ветры, преграждавшие кораблям путь к Трое. Следовательно, Агамемнон мог повести корабли обратно в Аргос, но не захотел этого сделать из гордости. Гордость толкнула его на убийство Ифигении. Софокл изменяет эту мотивировку. У него в Авлиде царствует полное безветрие. Положение безысходное, и только эта безысходность заставляет Агамемнона согласиться на жертвоприношение Ифигении.

217 сл. Жертвоприношение Ифигении изображалось много раз греческой поэзией. Гомер о нем еще ничего не знает. Но в позднейшем эпосе рассказывалось, что Ифигению вызвали в Авлиду под предлогом предстоящей свадьбы ее с Ахиллом, положили на алтарь и готовились принести в жертву, но Артемида похитила ее, перенесла в священную страну Тавров, а вместо девушки положила на алтарь оленя. Эсхил посвятил авлидскому жертвоприношению целую трагедию (до нас не дошедшую), «Ифигению». В «Агамемноне» он ее, повидимому, как бы суммирует. Созданный Эсхилом мотив молча идущей на смерть Ифигении оказался живучим. Его воспроизводит Лукреций в своей поэме («О природе вещей»):

> «Видите, в страхе немом подогнувши колени, слабеет,
> Не помогла злополучной и память о том, что Атрида
> Первая именем нежным отца эту дочь одарила.
> Нет, его руки мужей трепетавшую подняли. Так-то
> Деву алтарь осенил...
> Стольких виновницей зол могла быть религия людям».

Иной образ Ифигении, умирающей в состоянии некоего религиозного исступления, создал Еврипид, в соответствии с общей мистической направленностью своей позднейшей поэзии.

Предполагал ли Эсхил чудесное спасение Ифигении — сказать трудно. Во всяком случае, в «Орестее» об этом упоминания нет. Убийство Агамемноном своей дочери — предпосылка всего дальнейшего действия. Чтобы избежать необходимости рассказывать об исходе жертвоприношения, поэт заставляет хор окончить рассказ недоговоренностью: «Что после — ой! Слеп мой глаз, нем язык!» (237).

245. *Апийская земля* древнекультовое название Аргосской равнины.

268. Согласно легенде, Троя была взята глубокой ночью: ахейцы проникли туда в брюхе деревянного коня.

271 сл. Подробный рассказ Клитемнестры относится к группе тех пространных географических описаний, которые так любил Эсхил (см. «Прометей», «Молящие» и т. д.). Описание пути огня от Троянского берега в Аргос географически весьма точно. Путь этот начинается у горы Иды, господствовавшей на Троянской равнине, и ведет на остров Лемнос; оттуда через Эгейское море — на Европейский материк, на южный мыс полуострова Халкидика в Македонии — Афон; далее, с северной оконечности острова Евбея, вытянувшегося вдоль восточного побережья северной и средней Греции, — где находилась гора Макист; оттуда вдоль Еврипского пролива, разделявшего Евбею и материк, — к границе Беотии, к равнине Асопа и к Киферонскому горному кряжу; далее, на юг к Коринфскому перешейку и Горгопийскому озеру. Здесь этот путь сворачивает на восток и ведет через Мегару и Саронский залив к входу в Аргосскую равнину у горы Арахны. Клитемнестра сравнивает эту огненную почту с факельными эстафетами, какими ознаменовывались в Афинах празднества Панафиней, и т. п.

334 сл. Клитемнестра сознательно омрачает торжество зловещим предсказанием. Победители Трои осквернили святыни побежденного го-

рода, и на обратном пути корабли их были разбиты бурей. Угроза Клитемнестры в последующих стихах («Проснется кровь зарезанных» и т. д.) подразумевает убийство Ифигении.

378. Порча и подделка монет была распространенным явлением. Отсюда частые в античной литературе, и в частности у Эсхила, метафоры на эту тему.

476. Ср. в «Семи против Фив» — образ копоти как «сестры летучей пламени».

484. В рукописи в перечислении действующих лиц глашатай назван «Талфибием», т. е. гомеровским глашатаем ахейского войска. Однако в тексте трагедии это имя нигде не повторяется.

490 сл. *Пифийский князь* Аполлон, божественный защитник троян. *Скамандр* река, протекающая через Троянскую долину.

565. *Добру учиться — старость молода всегда* одна из любимейших мыслей Эсхила. В отрывке из недошедшей трагедии читаем: «И старику добру учиться радостно».

579. Чтобы избежать «диссологии», т. е. повторения глашатаем своего рассказа перед Клитемнестрой, Эсхил заставляет ее оборвать рассказ презрительной репликой: «О чем же ты мне можешь рассказать еще?» Это попытка эмоционального оправдания технического приема.

634 сл. Рассказ глашатая о буре, раскидавшей ахейский флот, и об исчезновении Менелая довольно близко воспроизводит соответствующее описание в третьей песне «Одиссеи», где Нестор рассказывает о том, что

«...ветер
«Поднял могучие тяжкие гороподобные волны,
«Вмиг корабли разлучил»,

после чего буря прибила корабль Менелая к берегам Египта, где Менелай встретился с морским божеством Протеем, о чем также рассказывается в «Одиссее» (песня IV).

667. Строфа хора, посвященная Елене, строится на трагическом каламбуре, истолковывающем имя Елены. В переводе это, по возможности, передано. Очень част этот прием и у Гомера. Корень подобных каламбуров в первобытном восприятии имени человека как некой магической реальности.

676. *Симоэнт*, как Скамандр, река в Троянской долине.

696. Притча о львенке была, повидимому, распространена в древности. У Аристофана в комедии «Лягушки» находим: «Не надо львенка в городе воспитывать, а вырастет — себя заставит слушаться».

797. *Конь ретивый* ахейские воины, потому что появились в Трое из брюха деревянного коня.

813. Миф рассказывал, что Одиссей сперва пытался уклониться от участия в Троянском походе, но хитрость его была раскрыта мудрым Паламедом. За это Одиссей впоследствии погубил Паламеда, оклеветав его перед ахейцами. События эти были описаны в послегомеровском эпосе; им же была посвящена (несохраненная) трагедия Эсхила «Паламед».

856. *Узду порвавшей черни своечиние* злободневный политический выпад. Эсхил переносит свою оценку афинской демократии в мифологическую обстановку сказочного Аргоса.

891 сл. *Упавши в пыль с разверстым ртом меня не славь* очень ценное указание относительно сценической игры актеров. Мы должны себе представить актера, игравшего роль Клитемнестры, упавшим на землю перед колесницей Агамемнона.

919. Драгоценная пурпуровая краска добывалась из сока раковин, поэтому здесь — ткань, «морем крашенная».

939. *Псом* древние именовали звезду Сириус, восхождение которой совпадало с порою летнего зноя.

991. В качестве примера приводится миф о сыне Аполлона Асклепии. Знаменитый врачеватель, он пытался воскрешать мертвых, но был за это испепелен молнией Зевса.

1020. Незнакомую «варварскую» речь греки сравнивали со щебетом ласточки.

У Аристофана, в комедии «Лягушки», читаем: «В щебете темном и злом варварскую песнь тянет ласточка».

1026. Клитемнестра подразумевает Агамемнона, которого готовится убить.

1064 сл. В видениях перед безумной Кассандрой встают образы детей Фиеста, зарезанных отцом Агамемнона Атреем и поданных Фиесту в качестве угощения. Это пресловутый «пир Фиеста», взирая на который, как рассказывал миф, солнце в ужасе остановило свой бег. Это первоначальное преступление Атрея служит причиной мести сына Фиеста, Эгисфа, и является завязкой всей цепи убийств в доме Атрея.

1107 сл. Эсхил не раз выступал против деятельности прорицателей, очевидно имея в виду вредоносную практику современных ему представителей этой профессии. Насмешками над гадателями полны и комедии Аристофана.

1122. Итиса оплакивала его мать, афинская царевна Прокна, превращенная богами в соловья.

1183 сл. Эпос подробно рассказывал о судьбе Кассандры. Преследуемая любовью бога Аполлона, она согласилась отдаться ему при условии получения пророческого дара. Однако Кассандра обманула Аполлона и была им за это наказана: ее пророчествам никто не верил. Первоначально богиня, связанная с явлениями плодородия и бесплодия (отсюда ее «отказ от любви»), Кассандра вошла затем в круг мифов дельфийской религии Аполлона, где сказания о ней приобрели морализующую окраску, подчеркивающую могущество Аполлона.

1202. *Лев* обычный образ в оракулах. Но лев, упоминаемый Кассандрой, — «трусливый»: это — Эгисф, обольстивший Клитемнестру в то время, как Агамемнон сражался под Троей.

1366. Зевсу-Спасителю возлияли на пирах третью чашу. Посвящение Клитемнестрой третьего смертоносного удара спасителю Зевсу — кощунство.

1420. Клитемнестра говорит об измене Агамемнона с Хрисеидой, одной из его пленниц под Троей. «Илиада» рассказывает, что из-за Хрисеиды, дочери Хриса, жреца Аполлона, Аполлон разгневался на ахейское войско.

В «Илиаде» Агамемнон признает, что полюбил Хрисеиду:

«... в душе я желал черноокую деву
В дом мой ввести: предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже».
(«Илиада». Пер. Гнедича, I, 112 сл.)

1611 сл. Гребцы на кораблях, обычно рабы, сидели в несколько рядов и должны были повиноваться команде кормчего.

Жертва у гроба (Хоэфоры)

1 сл. В сохранившейся рукописи трагедии отсутствует первый лист. Поэтому все начало пролога, произносимого Орестом, до стиха «Что видят взоры», утрачено. Оно восстанавливается на основании отрывочных цитат, сохраненных у Аристофана и в древних комментариях к одам Пиндара. Недостающие стихи восполнены нами по смыслу и заключены в скобки.

Гермес подземный и т. д. В «Лягушках» Аристофана Эсхил читает эти стихи как образец своего искусства строить прологи. Его противник Еврипид пытается на основании этих стихов изобличить Эсхила в темнотах и в многословии. (Напр. «пришел и возвратился».)

5 сл. Этот стих и следующие до слов «я срезал прядь»... восстановлены нами, исходя из необходимости объяснить цель прибытия Ореста в Аргос.

Я срезал прядь... Цитата приводится в комментариях к одам Пиндара. *Инах*—река в Аргосе. При переходе от отрочества к юности речному божеству приносили в жертву прядь волос.

100. «*Верная супруга мужу шлет*...» ритуальная формула поминального обряда, так же как и далее, 91 сл.: «Душа, воздай приславшим жертву — вровень».

178. Сцена с прядью волос была знаменита уже в древности. Это хронологически едва ли не первая в греческой драматургии сцена «признания», открывающая длинный ряд подобных сцен. Ее известность была так велика, что в 423 году, т. е. 30 с лишним лет после постановки «Орестеи», Аристофан в парабазе к комедии «Облака» мог сослаться на эту сцену:

«Как Электра, мчится сейчас к вам моя комедия.
Ждет и ищет, зрителей тех, нет ли здесь понятливых.
Вмиг узнает — только б найти — брата кудри милые». (534—536)

Еврипид, борясь с монументальным героическим реализмом эсхиловского стиля в своей трагедии «Электра», полемизирует с нашей трагедией.

355. *Под Илионом пусть*... Это заклинание навеяно знаменитыми строками из 24-й песни «Одиссеи». Тень Ахилла обращается там к тени Агамемнона с такими словами:

«О, для чего окруженный величием, властью и силой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона?
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами. Сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил.

(Пер. Жуковского)

Оттуда же почерпнуто представление об Агамемноне как о царе среди мертвых.

447. *Рассекли труп*... Согласно древнейшему верованию, рассекая мертвое тело на куски, вырывая руки из предплечий, отрубая голову, пробивая колом труп, — можно было лишить мертвеца его загробной силы и уберечься от его мести. Еще во времена Эсхила этот варварский обычай далеко не был пережитком.

498. *И я в день свадьбы*... Клитемнестра и Эгисф не выдают Электру замуж, так как боятся, что будущая семья ее будет мстить за смерть Агамемнона. Трагический образ царевны, насильно оставляемой в девушках, был развит Софоклом в его трагедии «Электра». Еврипид, следуя своим натуралистическим тенденциям, показывает Электру выданной замуж за простолюдина. У Эсхила этот мотив только намечен.

515. *Пелоп* мифический предок Ореста и Электры. Сын Тантала, отец Атрея и дед Агамемнона, Пелоп, согласно мифу, при помощи хитрости убил первого жениха своей жены Ипподамии, Миртила. Это и есть первородный грех дома Пелопидов.

538 сл. Сон Клитемнестры встречается уже в лирической обработке мифа, в частности у поэта Стесихора. Последний рассказывает, что Клитемнестра во сне увидела змея с окровавленной головой. Змей этот принял потом образ царя Агамемнона

573. Дом Строфия, воспитавшего Ореста, и дом Агамемнона связаны узами «боевого товарищества», одной из форм старинной родовой связи.

574. *Парнас* знаменитая гора в северной Греции, в Фокиде. В расчлененной гористой Греции существовало множество диалектов и говоров, порой значительно отличавшихся один от другого.

589. *Горячей крови в третий раз глоток хлебнет.* Первый раз — когда зарезаны были дети Фиеста. Второй раз — когда был убит Агамемнон.

596 сл. Хор перечисляет силы земли, моря, небесного огня и воздуха, т. е. четырех стихий, которые насчитывала современная Эсхилу физика.

617. *Алфея* сказочная дочь Этолийского царя Фестия, была женой Энея, царя Калидонского. Миф рассказывал, что, когда Алфея родила сына Мелеагра, богини судьбы подарили ей головню, в которой была заключена жизнь ее сына. Когда Мелеагр на охоте убил братьев Алфеи, та в гневе бросила головню в огонь. Головня истлела, и Мелеагр погиб. Миф этот, в основе которого лежат древнейшие представления о «душе», заключенной в дереве, в животном или в вещи, не упоминается Гомером. Но позднейшая античная поэзия часто разрабатывала его. Сохранилась одна из позднейших обработок в «Метаморфозах» Овидия.

624. *И другую славят девушку...* Миф рассказывал: в голове у мегарского царя Ниса таился чудесный золотой волос, от которого зависела его жизнь; критский царь Минос осадил замок Ниса; посредством золотого ожерелья он подкупил дочь царя Скиллу; та, в то время когда Нис спал, вырвала у него роковой волос и тем лишила его жизни. Эсхил не упоминает имени Скиллы, но, называя ее «собакой», намекает на ее имя.

642. *Лемносское злодейство* вошло в поговорку: так называлось мифическое преступление лемносских женщин, убивших своих мужей.

682. *Давлида* горная страна около Парнаса.

731 сл. *...причалил к тебе мертвый царь...* метафора, основанная на представлении о загробном царстве как о некой реке, по которой плывет корабль мертвецов, ладья Харона.

752. В предшествовавшей Эсхилу лирической поэзии кормилицу Ореста звали Лаодомией (у Стесихора) или Арсиноей (у Пиндара). Роль ее в первоначальном мифе была более значительна. Пиндар рассказывает, что в час убийства Агамемнона кормилица спасла младенца Ореста и препроводила его в Фокиду.

853. *Персей*, согласно мифу, не испугался чудовищной Горгоны: отвернувшись, он отрубил ей голову.

1072. *Пойду туда, где пуп земли, где Феба храм...* В храме Аполлона в Дельфах находился древний камень, почитавшийся серединой или «пупом» земли. По преданию, Зевс велел двум орлам лететь навстречу друг другу с востока и с запада; птицы слетелись в Дельфах. На многих вазах изображен этот священный «пуп» — камень, украшенный повязками и венками. В Дельфийском храме на очаге поддерживался неугасимый огонь, почитавшийся святым. Оттуда брали огонь государства, входившие в Дельфийский союз.

1085 сл. Описывается театральный наряд Эриний, в котором они предстанут перед зрителями в следующей трагедии — «Евменидах».

Евмениды

3 сл. Согласно дельфийскому мифу, сохраненному, между прочим, и у Пиндара, Аполлон, бог младшего поколения, убивал дракона Пифона, изгонял древнюю богиню Фемиду и силою завладевал Дельфийским оракулом. Эсхил, верный своему учению о примирении богов старшего и младшего поколения, изменяет миф. Он подчеркивает, что Фемида «доброй волей» уступила престол Фебе, связанной кровным родством с младшим богом — Аполлоном.

9 сл. Круглый пруд на острове Делосе, где, по преданию, родился Аполлон. Эсхил не упускает случая связать бога со своим родным городом — Афинами, подчеркнув, что путь Аполлона в Дельфы вел через Аттику. Он придает священному шествию бога через Аттику характер некоего первоначального культурного освоения дикой природы: «сыны Гефеста», т. е. люди, вооруженные железом, прорубают первобытный лес, прокладывая дорогу богу. Эсхил следует за древним глубокомысленным обрядом: праздничное посольство афинян в Дельфы, по старинным обычаям, сопровождалось шествием с топорами. Это был символ древней культурной миссии Аполлона.

16. *Дельф* сказочный царь, давший имя Дельфам.

21. *За Стенами...* в Дельфах находился знаменитый храм Афины.

22 сл. *Пещера Корикийская* Корикийский грот на Парнасе над Дельфами. *Плист* ручей там же. *Бромий* «шумящий» — культовое имя Диониса. Как рассказывал миф, Дионис наказал своего противника, Фиванского царя Пенфея, отдав его на растерзание вакханкам. Вот почему Эсхил говорит о «заячьей гибели Пенфея».

50. *Гарпии* сказочные существа, полуптицы, полуженщины. По преданию, стая Гарпий казнила Фракийского царя Финея, вырывая у него пищу изо рта.

93. *Глашатай* лицо неприкосновенное. Так же неприкосновенен и Гермес, глашатай богов.

107. Эриниям приносили жертву отдельно от всех божеств, глубокой ночью; им возлияли чистую ключевую воду или же воду, смешанную с медом, но не с вином.

Между 116 и 117. *Хор (стонет).* Это так называемая «парэпиграфа», т. е. сценическая ремарка, помеченная в античной рукописи. Число таких ремарок, восходящих к работам древних грамматиков, очень ограниченно.

197. Аполлон велел Оресту хитростью отомстить за смерть отца.

208. Аполлон — бог младшего поколения; поэтому он, в противовес Эриниям, выдвигает значение семьи и брака — института, порожденного обществом, уже выходящим за пределы родовой дикости.

259 сл.. Три основные заповеди древнегреческой героической морали, так называемые «заповеди Хирона», гласили: «Почитай богов, чти закон гостеприимства, уважай родителей». Против нарушителей этих трех заповедей и направлены угрозы Эриний. Вместе с тем, здесь с большой ясностью высказывается эсхиловский догмат о загробном воздаянии грешникам.

287 сл. Слова Ореста продолжают быть злободневными. Орест прославляет битвы богини Афины в Ливии. Там у озера Тритониды почиталась мифическая родина Афины; но там же, в годы постановки нашей трагедии, афиняне вели колониальную войну под предлогом защиты своего союзника, Ливийского царя Инара (см. «Фукидид» I, 104).

317 сл. Шиллер в балладе «Ивиковы журавли» парафразирует это место в «Евменидах»:

«И тихо выступает хор...
Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечи, от коих темный свет.
И в их ланитах крови нет,
Их мертвы лица, очи впалы,
И свитые меж их власов
Эхидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов...
Гроза души, ума смутитель,

Эриний страшный хор гремит,
И, цепенея, внемлет зритель,
И лира, онемев, молчит...
«Не мните скрыться, мы с крылами,
Вы в лес, вы в бездну, — мы за вами...
Терзать вас будем до Коцита,
Но не покинем вас и там...»

(Пер. Жуковского)

Этот гимн Эриний исполнялся без музыкального сопровождения; поэтому он был назван «безлирным гимном».

360. *Ручной Арес* (Арей) демон домашней усобицы, убийства среди родичей, в отличие от Арея — бога войны.

401 сл. Афина начинает свой монолог с актуальной политической декларации. Она вернулась с берегов Скамандра, т. е. из Троянской равнины, где лежат земли, якобы подаренные ей еще со времен Троянской войны. Этим подтверждаются претензии современных Эсхилу Афин на колонии в районе Геллеспонта. Войны из-за этих колоний длились с конца VII столетия до н. э.

434. Эринии, ссылаясь на неоспоримый факт убийства, защищают формально-догматическую точку зрения на право; Афина стремится установить мотивы убийства и «желает *быть*, а не казаться праведной»; это эсхиловская, прогрессивная точка зрения на право. В дальнейшем полемика против формальной юриспруденции выливается в тезис: «Не станет прав неправый, хоть бы клялся он» (435).

445. Миф рассказывал, что царь Иксион убил своего тестя Дионея и обратился к Зевсу с мольбой об очищении. Тот очистил его от пролитой родной крови, дав этим священный пример, санкционирующий обряд очищения. Эсхил посвятил этому мифу не дошедшую до нас трагедию «Иксион».

453 сл. По старинному обычаю, убийцу очищали от крови, обрызгивая его кровью свежезаколотого поросенка. Любопытно, что Эсхил старается вывести спор о виновности Ореста за пределы ритуального осквернения. Формально Орест уже очищен от крови. Спор идет поэтому только о моральной стороне убийства Клитемнестры, т. е. о моральной, а не о ритуальной вине Ореста.

491. Первая мотивировка учреждения ареопага: в судьи избираются «знатнейшие среди граждан».

498 сл. Эринии приводят в защиту кровавой казни доводы, становящиеся с этих пор обычными в устах защитников суровой судебной санкции. Сам Эсхил стоит в этом отношении на компромиссной точке зрения, прославляя страх наряду с правосудием и государственной мудростью граждан.

655 сл. В качестве мифологического примера, подкрепляющего точку зрения отцовского права в противовес матриархату, приводится Афина, согласно легенде рожденная без матери, вышедшая из головы отца своего Зевса. Любопытно, как миф, возникший в цепи совсем иных представлений, используется здесь для подтверждения идеологии патриархата.

703. В ведение Ареопага входила также забота о ночной безопасности города.

717 сл. Миф рассказывал, что Аполлон, служа батраком у фессалийского царя Адмета, сына Ферета, спас царя от смерти, обманом выпытав у богинь судьбы Мойр тайну угрожавшей ему опасности.

739. Знаменитый «камешек Афины». — По обычаю, при равном числе голосов в суде Ареопага, обвиняемый считался оправданным. Это правило возводилось к божественному примеру самой Афины, которая, при основании Ареопага, при равном числе голосов, положила свой жребий в чашу оправдания Ореста.

767. Пророчество Ореста о несчастном походе Аргоса против Афин, вероятно, намекает на какие-то события, современные постановке трагедии.

853. *Дом Эрехфея* — Эрехфейон — храм в афинском Акрополе.

860—863. Эти стихи многими филологами (в частности, Веклейном) признаются подложными только потому, что «их открытая подчеркнутая политическая тенденция» не может якобы «принадлежать Эсхилу». Эта совершенно произвольная купюра свидетельствует только о «политической тенденции» самих филологов, стремящихся «аполитизировать» Эсхила. На деле в этих стихах характерные эсхиловские мысли, постоянно им повторяемые (ср., например, «Молящие»).

888. Святилище Эриний-Евменид находилось в потаенном месте, в глубокой впадине между склонами Акрополя и Ареопага.

946. Знаменитые серебряные рудники находились в Аттике у мыса Суния.

1008. *Кранейские люди* афиняне.

1033. В конце этой трагедии, как и в «Молящих», выступает дополнительный хор «провожатых». Введение этого хора, увеличивая торжественность финала, было вероятно ритуальным. Это же значение имеют и факелы, с которыми хор покидает орхестру.

Краткая библиография

Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (глава «Древнегреческий род»).
К. Маркс. К критике гегелевской философии права. М. и Энг., т. I, стр. 402 сл. (ссылка на греческую трагедию).
Фр. Энгельс. Письмо Минне Каутской (ссылки на греческую трагедию).
К. Маркс. «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». М. и Энг., т. I (ссылка на Эсхила).
К. Маркс и Фр. Энгельс. «Святое семейство». М. и Энг., т. III (ссылка на Эсхила).
К. Маркс. Введение «К критике политической экономии» (ссылка на греческую трагедию).
А. и М. Круазе. История греческой литературы. Перевод с французского В. С. Елисеевой, под ред. и с пред. С. А. Жебелева. Изд. 2-е. 1916 (стр. 218—260).
Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая литература эпохи независимости. 1914 (стр. 90—99).
И. Новосадский. История греческой драмы, I, 1912.
Греческая литература. Статья в «Литературной энциклопедии», т. II.
U. von-Wilamowitz-Moellendorf. Heracles. Einleitung in die attische Tragödie. 1889.
U. von-Wilamowitz-Moellendorf. Die griechische Literatur des Altertums. 1912.
Ф. Ф. Зелинский. Предисловие к переводам трагедии Софокла, тт. I и II («Софокл и героическая трагедия»). Изд. М. и С. Сабашниковых. 1914.
П. С. Коган. Очерки по истории древних литератур, т. I. Греческая литература. Гиз, 1923.
W. Christ. Geschichte der griechischen Literatur. 1911.
W. Aly. Geschichte der griechischen Literatur. 1925.
J. Geffcken. Griechische Literaturgeschichte. 1926.
Petersen. Die attische Tragödie als Bild- und Bühnenkunst.
Ф. Ф. Зелинский. Эсхил. Очерк. Изд. Тео Наркомпроса (1920 г.).
Ф. Ф. Зелинский Идея нравственного оправдания. «Из жизни идей», т. I.

И. Ф. Анненский. Художественная обработка мифа об Оресте, убийце матери, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. СПБ., 1901.
А. В. Луначарский. Предисловие к изданию перевода трагедии Эсхила «Прометей прикованный». Гиз, 1927.
I. Geffcken. Griechische Tragödie. 1918.
U. von-Wilamowitz-Moellendorf. Aeschylus. Interpretationen. 1914.
Адр. Пиотровский. Античный театр. Изд. «Academia», 1931.
Б. В. Варнеке. Античный театр. 1919.
С. О. Радлов. О технике греческого актера («Статьи о театре». 1923).
M. Bieber. Die Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum. 1920.
O. Navarre. Le théâtre grec. 1925.
Bulle. Untersuchungen an griechischen Theatern. 1927.
U. von-Wilamowitz-Moellendorf. Die Bühne des Aeschylus. Hermes. 1886.

Издания Эсхила

Трагедии Эсхила сохранились в девяти рукописях. Из них основная— так называемая «Медицейская рукопись», относящаяся к X и XI столетию, вывезенная из Греции в 1423 г. филологом Авриспой и принадлежавшая Козимо Медичи. Первоиздание принадлежит Альду Мануцию в 1518 г. Трагедии «Агамемнон» и «Жертва у гроба» («Хоэфоры») (с утраченным началом) в этом издании еще слиты. Трагедии Эсхила издавались затем неоднократно.

Новейшие издания:

H. Weil. Lipsiae. 1910.
N. Wecklein-Zomanides. Athenai. 1891—1897.
P. Mazon. t. I. Paris. 1925.
U. von-Wilamowitz-Moellendorf. Berlin. 1914.

По последнему изданию, в основном, и сделан перевод.

Трагедии Эсхила полностью и частично неоднократно переводились на западноевропейские языки. Отметим:

«Aeschylus», übersetzt von I.-G. Droysen. 1884.

U. von-Wilamowitz-Moellendorf. «Orestie» (Griechische Tragödien). 1901.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор С. Л. Рыков
Художественная редакция
М. П. Сокольникова
Литературно-техническое
наблюд. А. Ф. Кемпер
Техред Л. А. Фрязинова

Сдано в набор 9.II. 1936 г.
Подп. к печати 10.III. 1937 г.
Тираж 5.300. Уполн. Главл.
№ В-9970. Индекс А. 1. Зак.
«Ас» 206. Бумага 62×94/16.
П. л. 28+4 вкл. У. а. л. 22,37.
Зак. 542.

Фабрика книги «Красный
пролетарий». Москва, Крас-
нопролетарская, 16.

Цена Р. 14.00
Переплет Р. 2.00

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
X	11 св.	мощи»	мощи
XXII	12 сн.	орды	орды —
48	1 св.	по осший	поросший
62	10 »	египтяп	египтян
97	2 сн.	Зевса	Зевса,
155	14 св.	девичей	девичьей
195	16 »	наездни	наездниц
226	3 сн.	Боги ни	Богини
399	24 св.	646	650
399	26 сн.	550	850
400	20 »	Армении и Закавказья	Грузии
400	15 »	Арея	Ареса

ЭСХИЛ
ТРАГЕДИИ

ACADEMIA